

РЕГИОЛОГИЯ

RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES

ISSN 2413-1407
eISSN 2587-8549

2026

Tom 34 № 2
Vol. No.

ISSN 2413-1407 (Print),
2587-8549 (Online)

Регионология

Том 34, № 2. 2026 (апрель – июнь)

Сквозной номер выпуска – 135

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издаётся с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru

Официальный сайт: <http://regionsar.ru>

Электронная редакция: <https://journals.rcsi.science/2413-1407>

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 34, no. 2. 2026 (April – June)

Continuous issue 135

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru

Official website: <http://regionsar.ru>

Online editorial office: <https://journals.rcsi.science/2413-1407>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2026

Регионология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Science Citation Index*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салимова Татьяна Анатольевна – главный редактор, директор экономического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4050-2702>, Researcher ID: C-8933-2017, Scopus ID: 56303996800, SPIN-код: 1635-1147, t.a.salimova@econom.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь, кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Беленожко Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Варгас-Эрнандес, Хосе Гуадалупе – исследователь-профессор Школы бизнеса Университета Ла Салье-Бахио (Universidad La Salle-Bajío), доктор философии (экономика), доктор философии (публичное управление), доктор (экономические исследования), MBA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0938-4197>, Researcher ID: G-6347-2017, Scopus ID: 6603325396, jvargas2006@gmail.com (Леон, Мексика)

Великая Наталья Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, np9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, и.о. директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolovov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, экономической теории и международных процессов Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Стриелковски Вадим – профессор, старший научный сотрудник Кембриджского института перспективных исследований; профессор, заместитель директора Пражской школы бизнеса, доктор философии (теоретическая экономика), доктор философии (региональная экономика), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6113-3841>, Researcher ID: J-6112-2017, Scopus ID: 36620065300, strielkowski@cantab.net (Кембридж, Великобритания; Прага, Чехия)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Швайба Дмитрий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, заместитель генерального директора ЗАО «Белнефтехстрах», ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Минск, Республика Беларусь; Пермь, Российская Федерация)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Tatyana A. Salimova – Editor-in-Chief, Director of the Economics Institute, National Research Mordovia State University, Dr.Sci (Econ.), Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4050-2702>, Researcher ID: C-8933-2017, Scopus ID: 56303996800, SPIN-code: 1635-1147, t.a.salimova@econom.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya V. Shumkova – Executive Editor, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Chief Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor of the Chair of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolubova – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Chief Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of Department, Department of Sociology and Economic Theory and International Processes, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Dzmitry N. Shvaiba – Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University, Deputy General Director of ZASO Belneftstrakh, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvaiba@tut.by (Minsk, Republic of Belarus; Perm, Russian Federation)

Serghei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Wadim Strielkowski – Professor, Senior Researcher, Cambridge Institute for Advanced Studies; Professor, Deputy Director, Prague Business School, PhD (Theoretical Economics), PhD (Regional Economy), Dr. (Economic Sciences), Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6113-3841>, Researcher ID: J-6112-2017, Scopus ID: 36620065300, strielkowski@cantab.net (Cambridge, United Kingdom; Prague, Czech Republic)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

José G. Vargas-Hernández – Research Professor, Business School, La Salle University of Bajío, PhD (Economics), PhD (Public Administration), Dr. (Economic Studies), MBA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0938-4197>, Researcher ID: G-6347-2017, Scopus ID: 6603325396, jvargas2006@gmail.com (León, Mexico)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Acting Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Региональная и отраслевая экономика

Р. Ю. Скоков Индекс человеческого развития и спрос на аддитивные товары в европейских странах	242
И. Е. Шапиро, С. Н. Щемелев Региональные особенности влияния денежного агрегата М2 на развитие розничного кредитования в России (на примере Ростовской области)	265
Е. Г. Леонидова, А. Ю. Баландина Оценка потенциального спроса на туристические ресурсы региона	284
М. Л. Варганова Кластерный анализ продовольственной безопасности России с учетом демографических профилей регионов	305
О. С. Звягинцева Диагностика потенциала аграрно-территориальных систем как инструмент управления их развитием (на примере регионов Северо-Кавказского федерального округа)	328
В. Э. Гордин, А. В. Средин Социально-экономическое обоснование выбора форматов преобразования территорий производственной застройки	354

Социальная структура, социальные институты и процессы

И. А. Лавров, О. В. Крыштановская Элитогенез в России: сетевой анализ географической мобильности	374
И. С. Степутьев, В. А. Гуртов, Е. А. Питухин, И. В. Родион Динамика половозрастной структуры работников Арктической зоны России: региональные особенности	393

Экономическая социология

В. В. Бондаренко, Е. В. Кузнецова, М. А. Танина, В. А. Юдина Финансовая грамотность как фактор экономического развития российских регионов	415
Е. А. Колесник Противоречия рынка труда в условиях гиг-экономики: особенности российской модели	438
Информация для авторов и читателей	463

CONTENTS

Regional and Sectoral Economics

R. Yu. Skokov Human Development Index and Demand for Addictive Products in European Countries	242
--	-----

I. E. Shapiro, S. N. Shchemelev Regional Specificities of the Impact of the M2 Monetary Aggregate on the Development of Retail Lending in Russia (a Case Study of the Study of the Rostov Region)	265
--	-----

E. G. Leonidova, A. Yu. Balandina Assessment of the Potential Demand for the Region's Tourism Resources	284
--	-----

M. L. Vartanova Cluster Analysis of Russia's Food Security Taking into Account the Demographic Profiles of the Regions	305
---	-----

O. S. Zviagintseva Diagnostics of the Potential of Agrarian-Territorial Systems as a Tool for Managing their Development (Using the Example of Regions of the North Caucasus Federal District)	328
---	-----

V. E. Gordin, A. V. Sredina Socioeconomic Justification for the Choice of Formats for the Transformation of Industrial Development Areas	354
---	-----

Social Structure, Social Institutions and Processes

I. A. Lavrov, O. V. Kryshтанovskaya Elite Genesis in Russia: A Network Analysis of Geographical Mobility	374
---	-----

I. S. Stepus, V. A. Gurtov, E. A. Pitukhin, I. V. Rodion Dynamics of the Age and Gender Structure of Workers in the Russian Arctic Zone: Regional Characteristics	393
--	-----

Economic Sociology

V. V. Bondarenko, E. V. Kuznetsova, M. A. Tanina, V. A. Yudina Financial Literacy as a Factor in the Economic Development of Russian Regions	415
---	-----

E. A. Kolesnik Contradictions of the Labor Market in the Gig Economy: Features of the Russian Model	438
--	-----

Information for Authors and Readers of the Journal	463
---	-----

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.242-264>EDN: <https://elibrary.ru/ilxqpi>

УДК / UDC 339:005.331(4)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Индекс человеческого развития
и спрос на аддитивные товары
в европейских странах****Р. Ю. Скоков**

*Волжский институт экономики, педагогики и права
(г. Волжский, Российская Федерация)
rskokov@mail.ru*

Аннотация

Введение. Рыночное обращение аддитивных благ служит источником не только налогов и прибыли, но и многочисленных негативных эффектов. Рост их потребления связывается с макроэкономическими параметрами (падением доходов населения, безработицей, кризисными явлениями в экономике и обществе). Цель исследования – выявление закономерностей платежеспособного спроса на рынках аддитивных товаров во взаимосвязи с интегральным показателем человеческого развития.

Материалы и методы. Методами статистического и математического анализа исследована статистическая информация глобальной сети Организации Объединенных Наций, Статистического управления Европейского союза, Федеральной службы государственной статистики РФ за период 2010–2021 гг.

Результаты исследования. В России и 33 европейских государствах на фоне кризисных явлений в экономике (2011, 2016, 2020, 2021 гг.) в 2010–2021 гг. выявлена тенденция к росту индекса человеческого развития. Обнаружены тренды на снижение потребления алкогольной продукции, табачных изделий в 15 странах, наркотиков – в 16; рост потребления алкогольной продукции – в 19 странах, табачных изделий – в 15, наркотиков – в 7 странах. Лидерами по суммарным расходам на аддитивные товары выступают Люксембург, Эстония, Чехия, Латвия, Босния и Герцеговина, Сербия, Венгрия, Литва, Хорватия, Болгария, Румыния, Северная Македония. При этом по уровню индекса человеческого развития они занимают места в диапазоне 12–34-е. Во Франции, Хорватии, Германии, Нидерландах, Норвегии и на Мальте на фоне роста индекса человеческого развития увеличиваются расходы на покупку аддитивных товаров.

Заключение. Полученные аналитические индивидуальные и сравнительные данные по 34 странам открывают возможности для дальнейшего исследования эффективности методов, а также инструментов государственного и общественного регулирования в отдельных странах, сравнения их

© Скоков Р. Ю., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

между собой для корректировки регуляторной политики в целях повышения уровня человеческого развития и сокращения расходов на потребление аддитивных товаров. Выявленные закономерности также применимы на новых рынках цифровых аддитивных товаров, которыми считаются мобильная связь, интернет, социальные сети.

Ключевые слова: индекс человеческого развития, аддитивные товары, социальные сети, расходы на покупку, спрос, взаимосвязь, государственная политика, европейские страны

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Скоков Р.Ю. Индекс человеческого развития и спрос на аддитивные товары в европейских странах. *Регионоведение*. 2026;34(2):242–264. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.242-264>

Human Development Index and Demand for Addictive Products in European Countries

R. Yu. Skokov

*Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law
(Volzhsky, Russian Federation)
rskokov@mail.ru*

Abstract

Introduction. The market circulation of addictive goods is a source not only of taxes and profits, but also of numerous negative effects. Increased consumption is associated with macroeconomic parameters (falling household incomes, unemployment, and economic and social crises). The aim of this study is to identify patterns of effective demand in addictive goods markets in relation to the integrated human development indicator.

Materials and Methods. Statistical information from the United Nations global network, the European Union Statistical Service, and the Federal State Statistics Service of the Russian Federation for the period 2010–2021 was analyzed using statistical and mathematical analysis methods.

Results. In Russia and 33 European countries, against the backdrop of economic crises (2011, 2016, 2020, 2021), a trend towards an increase in the Human Development Index was identified from 2010 to 2021. Trends were found towards a decrease in the consumption of alcohol and tobacco products in 15 countries, and drugs in 16; an increase in the consumption of alcohol products in 19 countries, tobacco products in 15 countries, and drugs in 7 countries. The leaders in total expenditure on addictive goods are Luxembourg, Estonia, the Czech Republic, Latvia, Bosnia and Herzegovina, Serbia, Hungary, Lithuania, Croatia, Bulgaria, Romania, and North Macedonia. At the same time, in terms of the level of the Human Development Index, they occupy places in the range 12th to 34th. In France, Croatia, Germany, the Netherlands, Norway, and Malta, spending on addictive goods is increasing against the backdrop of rising human development indices.

Conclusion. The resulting analytical and comparative data for 34 countries opens up opportunities for further research into the effectiveness of methods and instruments of state and public regulation in individual countries, as well as for comparing them with each other to adjust regulatory policies to improve human development and reduce the costs of consuming addictive goods. The identified patterns are also applicable to emerging markets for digital addictive goods, such as mobile communications, the internet, and social media.

Keywords: Human Development Index, addictive goods, social media, purchasing expenditures, demand, interconnectedness, public policy, European countries

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Skokov R.Yu. Human Development Index and Demand for Addictive Products in European Countries. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(2):242–264. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.242-264>

ВВЕДЕНИЕ

Экономическая политика государства на рынках традиционных аддитивных товаров, к которым относятся алкогольная и спиртосодержащая продукция, табачные изделия, азартные игры, энергетические напитки, наркотики [1], противоположна классическим концепциям и направлена на сокращение спроса и предложения. Подобные товары рассматриваются как фактор рисков заболеваний, смертности, снижения продолжительности жизни, уровня образования и жизни населения; источник многочисленных отрицательных индивидуальных и экстернатальных эффектов. При этом технологическое развитие привело к созданию новых их видов (электронных сигарет, аромаингаляторов, социальных сетей, видеохостингов и др.).

Существует мнение, что люди с низким доходом употребляют больше алкоголя, никотинсодержащих изделий и запрещенных веществ, чем представители среднего класса или богатые¹. Если бы это действительно было так, повышение доходов, уровня жизни и других показателей качества жизни населения должно было решить проблемы аддитивного потребительского поведения.

В России для регулирования видовых рынков аддитивных товаров действует ряд системообразующих федеральных законов: «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»; «О наркотических средствах и психотропных веществах»; «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр»; «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»².

На практике же государственная власть и общественные институты перманентно находятся в поиске инструментов воздействия на механизмы спроса и предложения видовых аддитивных товаров и услуг, чтобы сбалансировать позитивные и негативные эффекты от функционирования рынков специфических товаров. Вносятся изменения в основные законы, издаются подзаконные акты. Для мониторинга эффективности их реализации необходима государственная система, на развитие которой оказывают влияние научные работы.

Теоретические и эмпирические исследования могут способствовать пониманию аддитивного потребительского поведения, оказывающего влияние на здоровье, продолжительность и качество жизни населения. С развитием в начале XXI века статистических наблюдений, цифровых инструментов мониторинга появились новые возможности для исследования закономерностей потребительских решений под воздействием тех или иных факторов, как единичных, так и их комплекса.

¹ Ерофеева П.А. Стигматизация алкогольной и наркотической зависимости: параметры и последствия. *Журнал исследований социальной политики*. 2016;14(3):377–392. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3262> (дата обращения: 17.04.2025).

² О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/ (дата обращения: 17.04.2025) ; О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ. Там же. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ ; О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр: Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ. Там же. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ ; Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции: Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ. Там же. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/

Цель настоящей работы – на основе последних отечественных и зарубежных систематических статистических данных оценить взаимосвязь расходов потребителей на аддитивные блага и уровня жизни.

Результаты исследования были представлены в октябре 2024 года на глобальной конференции с международным участием GAB 2024 “Addiction Medicine, Behavioral Health and Psychiatry” (Baltimore, Maryland, USA)³.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В классической экономической теории основными факторами спроса на аддитивные товары считаются прошлое и будущее потребление, цены и доходы. Эмпирическое исследование подтверждает уравнивание спроса теории рационального привыкания⁴; показано, что потребители сигарет в России экспоненциально дисконтируют будущую полезность [2].

На основе моделей горизонтальной дифференциации Г. Хоттелинга⁵, рационального привыкания Г. Беккера и К. Мерфи⁶, искушения и самоконтроля Ф. Гуля и В. Песендорфера⁷ предложена модель аддитивного потребления для изучения спроса на несовершенные заменители, такие как алкоголь, никотин и опиоиды, азартные игры [3].

Итальянская политика 2017 г. по сокращению на треть количества игровых автоматов и увеличению расходов, связанных с доступом к ним, привела к росту расходов игроков на 25 % (выраженному среди лиц более низкого социально-экономического положения) [4].

Указанные работы ориентированы на микроэкономические механизмы и ценовые стратегии, однако оставляют открытым вопрос о влиянии макроэкономических и социальных агрегаторов (качества жизни и человеческого капитала) на структуру расходов домохозяйств.

Коллектив авторов на основе обобщения данных систематических обзоров пришел к выводу, что повышение цен на алкоголь, табак, нездоровую пищу и напитки с сахаром неизменно приводит к снижению спроса [4]. Эмпирические исследования в различных странах подтверждают дифференциацию этого эффекта в зависимости от социально-экономического статуса. Так, получены оценки эластичности спроса на сигареты по цене и доходу в Боснии и Герцеговине среди различных социально-экономических групп, в частности повышение цен на 10 % сокращает потребление среди домохозяйств с высоким доходом лишь на 7 %, с низким доходом – на 14 % [5].

Аналогичные выводы о более высокой ценовой чувствительности бедных слоев населения получены для стран с низким и средним уровнями дохода [6]. Наличие таких разрывов ставит вопрос о корректности использования исключительно

³ Скоков Р.Ю. выступил на главной международной конференции по аддитивному поведению [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/SkokovR/251> (дата обращения: 17.04.2025).

⁴ Becker G.S., Murphy K.M. A Theory of Rational Addiction. *Journal of Political Economy*. 1988;96(4):675–700. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/261558> (accessed 17.04.2025).

⁵ Hotelling H. Stability in Competition. *The Economic Journal*. 1929;39(153):41–57. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2224214> (accessed 22.10.2025).

⁶ Becker G.S., Murphy K.M. A Theory of Rational Addiction...

⁷ Gul F., Pesendorfer W. Temptation and Self-Control. *Econometrica*. 2001;69(6):1403–1435. <https://doi.org/10.1111/1468-0262.00252>

ценовых инструментов и актуализирует поиск интегральных показателей, отражающих благосостояние населения в целом.

На основе оценки собственной и перекрестной ценовой эластичности спроса на нагреваемые табачные изделия и сигареты с помощью регрессионной модели было установлено, что спрос на нагреваемые табачные изделия эластичен по собственной цене и в четыре раза выше, чем эластичность по собственной цене сигарет [7].

Влияние социально-экономического статуса на связь цен, налогов и употребления табака в странах с низким и средним уровнями дохода изучалось исходя из предположения, что бедные реагируют на цену в два–пять раз быстрее, чем богатые. Однако есть теоретические основания полагать, что в таких странах бедные люди более чувствительны к денежным ценам, чем богатые [8].

При исследовании рынка нелегальных наркотиков, который является рынком с несовершенной конкуренцией, где цену определяет продавец, установлено, что при несклонности к риску увеличение затрат на наказание эффективнее, чем усиление контроля, а снижение спроса эффективнее, нежели запрет [9].

На основе изучения отзывов потребителей об ожиданиях, ценах на наркотики и их воздействии не обнаружена сильная корреляция между оценками потребителей, ценами и качеством наркотиков [10].

Предложена формула оптимального налога на аддитивные товары, когда потребители с гиперболическими временными предпочтениями (наивные потребители) ошибочно полагают, что будут следовать плану потребления, разработанному в настоящем⁸.

Роль пищи, инфляции в формировании спроса на алкоголь в Великобритании исследовалась в связи с ценовой политикой в отношении алкоголя [11]. Алкоголь и еда дополняют друг друга, и ценовая эластичность спроса на алкоголь снижается, если учитывать влияние цены на еду.

Анализ квадратичной системы спроса, состоящей из трех основных категорий алкоголя, показал, что потребление пива наиболее чувствительно к изменениям дохода и собственной цены, спиртных напитков – наименее чувствительно. На рынках вино и спиртные напитки дополняют друг друга, а вино и пиво взаимозаменяемы [12].

Относительно влияния результатов на финансовом рынке на совокупные расходы на азартные игры сделан вывод о том, что рост реализованной избыточной доходности и волатильности фондового рынка негативно влияет на ставки на ипподромах [13]. Рассматриваются инструменты вмешательства в азартные игры на основе платформ, применяемых на сайтах операторов [14].

В научной литературе распространена точка зрения, что лучший способ борьбы с курением – повышение цен на табачные изделия за счет налогов. Однако согласно результатам исследования снижение потребления табака при повышении цен обусловлено тем, что доходы потребителей не успевают за ростом цен [15]. Ряд авторов проводили исследования аддитивных товаров на материале стран вне Европы.

⁸ Tóbiás Á. Optimal Taxation of Addictive Goods Consumed by Naïve Hyperbolic Discounters [Online]. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4091744> (accessed 17.04.2025).

В частности, – Австралии [16–18], Вьетнама [19; 20], сельских районов Китая [21], Мозамбика [22], США⁹.

Исследования взаимосвязи индикаторов человеческого развития (ИЧР) и спроса на аддитивные товары малочисленны [1].

Таким образом, несмотря на глубокую проработку вопросов эластичности спроса по цене и доходу, в академическом дискурсе сохраняется дефицит работ, анализирующих взаимосвязь потребительских расходов на видовые аддитивные блага с комплексными показателями уровня человеческого развития. Существующие исследования, как правило, сосредоточены на единичных страновых кейсах или отдельных категориях товаров, не позволяя выявить системные закономерности для европейского макрорегиона. Восполнение данного пробела на основе актуальных панельных данных статистических служб Европейского союза и РФ за 2010–2021 гг. составляет научную новизну настоящей работы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источники и формирование данных исследования. Источниками данных выступили материалы по 33 европейским странам и России за 2010–2021 гг. об ИЧР Программы развития Организации Объединенных Наций¹⁰ (ПРООН), долях расходов на алкогольные напитки¹¹, табачные изделия¹², наркотические средства¹³, о расходах на конечное потребление домашних хозяйств Статистического управления Европейского союза¹⁴ и Федеральной службы государственной статистики РФ¹⁵.

Выбор стран обусловлен методологической обоснованностью (сходными географическими, культурными и историческими контекстами для сопоставимого анализа, общими социальными и экономическими механизмами, разнообразием уровней развития); практической значимостью для разработки дифференцированной регуляторной политики; доступностью, сопоставимостью данных и возможностью выявить как общие закономерности, так и страновые особенности взаимосвязи между ИЧР и расходами на аддитивные товары.

Информационные данные исследования зарегистрированы Федеральной службой по интеллектуальной собственности в «Базе данных по Европейским

⁹ Ornstein S.I., Levy D. Price and Income Elasticities of Demand for Alcoholic Beverages. In: Galanter M., Begleiter H., Cicero T., et al. Genetics Behavioral Treatment Social Mediators and Prevention Current Concepts in Diagnosis. *Recent Developments in Alcoholism*. Springer, Boston; 1983. Vol. 1. P. 303–345. https://doi.org/10.1007/978-1-4613-3617-4_18

¹⁰ United Nations Development Programme Human Development Reports : website [Online]. Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22.ru.pdf> (accessed 01.03.2024).

¹¹ Final consumption expenditure of households by consumption purpose (COICOP 3 digit) [Online]. Eurostat : website. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NAMA_10_CO3_P3_custom_9805967 (accessed 17.04.2025).

¹² *Ibid.* Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NAMA_10_CO3_P3_custom_21199231/default/table (accessed 17.04.2025).

¹³ *Ibid.* Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NAMA_10_CO3_P3_custom_9806113 (accessed 17.04.2025).

¹⁴ Eurostat : website [Online]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NAMA_10_CO3_P3_custom_9806066/default/table?lang=en (accessed 01.03.2024).

¹⁵ ЕМИСС. Государственная статистика : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59205> (дата обращения: 01.03.2024).

странам и России анализа динамики, взаимосвязи индексов человеческого развития и расходов на покупку алкогольных напитков и табачных изделий» (номер свидетельства: 2024621463, 03.04.2024)¹⁶.

Описательный анализ данных включал в себя шаги: сбор и построение информации в табличной форме для применения инструментальных средств расчета; анализ динамики изменений, а также взаимосвязи ИЧР и доли расходов на покупку алкогольных, табачных изделий, наркотиков в расходах на конечное потребление домашних хозяйств.

Методы анализа данных. Для анализа данных применялись корреляционный и регрессионный анализ с использованием пакета «Анализ данных» MS Excel v. 2016.

Исследовались:

- динамика и тенденции изменения индекса человеческого развития;
- динамика и тенденции изменения доли расходов на покупку алкогольных напитков, табачных изделий и наркотических средств в структуре расходов на конечное потребление домашних хозяйств;
- направленность (прямая/обратная) и сила связи между ИЧР и расходами на каждый из выбранных видов аддитивных товаров.

Корреляционный анализ включал расчет коэффициентов линейной корреляции Пирсона ($r \in [-1; 1]$)¹⁷. Предварительно проверялось соответствие исходных данных нормальному закону распределения с помощью критерия Колмогорова – это подтвердило правомерность подхода [1].

Регрессионный анализ использовался для построения моделей зависимости доли расходов на аддитивные товары от ИЧР. Качество моделей оценивалось по коэффициенту детерминации ($R^2 \in [0; 1]$)¹⁸.

Выбранные методы позволили комплексно оценить взаимосвязь между ИЧР и расходами на аддитивные товары: выявить направленность и силу связи, а также построить и оценить качество прогностических моделей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые наблюдаемые тренды (2010–2021 гг.) в динамике ИЧР. На основании данных ПРООН были сформированы и проанализированы необходимые переменные в разрезе выбранных стран (табл. 1).

В блоке рассматриваемых стран 31 классифицирована ПРООН как с очень высоким ИЧР, три (Болгария, Босния и Герцеговина, Северная Македония) – с высоким. В анализируемый период равномерное увеличение индекса в большинстве государств прерывалось кризисными явлениями 2011, 2016, 2020 и 2021 гг. Качество моделей для Болгарии плохое (слабое), для остальных территорий – приемлемое и хорошее, что подчеркивает устойчивый характер роста ИЧР.

¹⁶ База данных по Европейским странам и России анализа динамики, взаимосвязи индексов человеческого развития и расходов на покупку алкогольных напитков и табачных изделий [Электронный ресурс]. URL: <https://fips.ru/ofpstorage/BULLETIN/PrEVM/2024/04/20/INDEX.HTM> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁷ Силу связи между переменными по модулю коэффициента корреляции r интерпретировали так: $|r| > 0,9$ – очень тесная; $0,8 \leq |r| < 0,9$ – тесная; $0,7 \leq |r| < 0,8$ – приемлемая; $0,5 \leq |r| < 0,7$ – значительная; $0,3 \leq |r| < 0,5$ – умеренная; $|r| < 0,3$ – слабая.

¹⁸ Качество модели интерпретировали следующим образом: $0,8 \leq R^2 \leq 1$ – хорошее; $0,5 \leq R^2 < 0,8$ – приемлемое; $0 \leq R^2 < 0,5$ – плохое (слабое).

Таблица 1. Результаты анализа динамики индекса человеческого развития (ИЧР) по странам за период 2010–2021 гг.

Table 1. Results of the analysis of the dynamics of the Human Development Index (HDI) by country for the period 2010–2021

Страна / Country	Коэффициент детерминации R^2 / Coefficient of determination R^2	Качество модели / Model quality	Коэффициент корреляции r / Correlation coefficient R	Сила связи (по r) / Strength of relationship (by r)	Средний ИЧР за период / Average HDI for the period	Рейтинг (по среднему ИЧР) / Average HDI for the period Ranking (by average HDI)
1	2	3	4	5	6	7
Россия / Russia	0,729	A	0,854	T	0,816	29
Бельгия / Belgium	0,686	A	0,828	T	0,915	11
Болгария / Bulgaria	0,430	W	0,656	S	0,798	31
Чешская республика / Czech Republic	0,743	A	0,862	T	0,882	17
Дания / Denmark	0,915	G	0,957	VT	0,933	4
Германия / Germany	0,773	A	0,879	T	0,933	2
Эстония / Estonia	0,852	G	0,923	VT	0,875	19
Ирландия / Ireland	0,871	G	0,933	VT	0,926	7
Греция / Greece	0,743	A	0,862	T	0,874	20
Испания / Spain	0,909	G	0,953	VT	0,889	15
Франция / France	0,804	G	0,897	T	0,893	14
Хорватия / Croatia	0,808	G	0,899	T	0,836	28
Италия / Italy	0,682	A	0,826	T	0,884	16
Кипр / Cyprus	0,870	G	0,933	VT	0,871	21
Латвия / Latvia	0,863	G	0,929	VT	0,844	26
Литва / Lithuania	0,854	G	0,924	VT	0,859	23
Люксембург / Luxembourg	0,653	A	0,808	T	0,910	12
Венгрия / Hungary	0,850	G	0,922	VT	0,839	27
Нидерланды / Netherlands	0,908	G	0,953	VT	0,931	5
Австрия / Austria	0,623	A	0,789	A	0,918	8
Польша / Poland	0,873	G	0,935	VT	0,861	22
Португалия / Portugal	0,878	G	0,937	VT	0,849	24
Румыния / Romania	0,693	A	0,832	T	0,812	30
Словения / Slovenia	0,806	G	0,898	T	0,899	13
Словакия / Slovakia	0,674	A	0,821	T	0,848	25
Финляндия / Finland	0,710	A	0,843	T	0,917	10
Швеция / Sweden	0,824	G	0,908	VT	0,927	6
Великобритания / United Kingdom	0,714	A	0,845	T	0,917	9
Исландия / Iceland	0,912	G	0,955	VT	0,933	3

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7
Норвегия / Norway	0,920	G	0,959	VT	0,952	1
Сербия / Serbia	0,860	G	0,928	VT	0,788	32
Мальта / Malta	0,814	G	0,902	VT	0,879	18
Босния и Герцеговина / Bosnia and Herzegovina	0,933	G	0,966	VT	0,759	34
Северная Македония / North Macedonia	0,842	G	0,918	VT	0,759	33

Примечания: 1) во всех странах зафиксирована прямая связь между годом и ИЧР (все значения r положительные); 2) качество модели: А – приемлемое, G – хорошее, W – слабое; 3) сила связи: VT – очень тесная, T – тесная, А – приемлемая, S – значительная, M – умеренная, W – слабая.

Notes: 1) a direct relationship between year and HDI was found in all countries (all r values are positive); 2) model quality: A – acceptable, G – good, W – weak; 3) strength of relationship: VT – very tight, T – tight, A – acceptable, S – significant, M – moderate, W – weak.

Источник: здесь и далее материал таблиц подготовлен автором в ходе исследования.

Source: hereinafter in the article, all tables were compiled by the author during the research.

Ключевые наблюдаемые тренды (2010–2021 гг.) в расходах на алкогольные напитки. В таблице 2 приведены сводные аналитические данные о динамике доли расходов на алкогольные напитки в расходах на конечное потребление домашних хозяйств. Удельный вес подобных расходов сократился в 15 (44 %) из 34 стран: Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Чехии, Финляндии, Венгрии, Румынии, Сербии, Словакии, Болгарии, России, Боснии и Герцеговине, Бельгии, Великобритании¹⁹. В остальных случаях расходы растут.

Таблица 2. Сводный анализ динамики доли расходов на алкогольные напитки в расходах на конечное потребление домашних хозяйств (2010–2021 гг.)

Table 2. Summary analysis of the dynamics of the share of expenditure on alcoholic beverages in final consumption expenditure of households (2010–2021)

Страна / Country	Коэффициент детерминации R^2 / Coefficient of determination R^2	Качество модели / Model quality	Коэффициент корреляции r / Correlation coefficient r	Направление связи / Direction of relationship	Сила связи (по r) / Strength of relationship (by r)	Средние расходы за период / Average expenses for the period	Рейтинг по средним расходам / Ranking by average expenses
1	2	3	4	5	6	7	8
Россия / Russia	0,043	W	– 0,208	↓	W	1,674	22
Бельгия / Belgium	0,005	W	– 0,073	↓	W	1,592	25
Болгария / Bulgaria	0,601	A	– 0,775	↓	A	2,025	18
Чешская республика / Czech Republic	0,000	W	– 0,020	↓	W	3,483	5
Дания / Denmark	0,135	W	0,367	↑	M	1,742	20
Германия / Germany	0,213	W	0,461	↑	M	1,458	27
Эстония / Estonia	0,781	A	– 0,884	↓	T	5,400	1

¹⁹ Здесь и далее страны перечисляются в порядке убывания значения показателя.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Ирландия / Ireland	0,120	W	0,347	↑	M	2,425	12
Греция / Greece	0,181	W	0,426	↑	M	0,867	34
Испания / Spain	0,513	A	0,716	↑	A	1,175	32
Франция / France	0,216	W	0,465	↑	M	1,767	19
Хорватия / Croatia	0,173	W	0,416	↑	M	2,958	8
Италия / Italy	0,346	W	0,588	↑	S	0,925	33
Кипр / Cyprus	0,392	W	0,626	↑	S	1,675	21
Латвия / Latvia	0,012	W	– 0,108	↓	W	4,675	2
Литва / Lithuania	0,905	G	– 0,951	↓	VT	4,550	3
Люксембург / Luxembourg	0,768	A	0,876	↑	T	2,350	14
Венгрия / Hungary	0,218	W	– 0,466	↓	M	2,975	7
Нидерланды / Netherlands	0,423	W	0,650	↑	S	1,200	31
Австрия / Austria	0,182	W	0,427	↑	M	1,400	28
Польша / Poland	0,361	W	– 0,601	↓	S	3,558	4
Португалия / Portugal	0,805	G	0,897	↑	T	1,375	29
Румыния / Romania	0,327	W	– 0,572	↓	S	2,658	9
Словения / Slovenia	0,001	W	0,024	↑	W	1,642	23
Словакия / Slovakia	0,080	W	– 0,283	↓	W	2,408	13
Финляндия / Finland	0,372	W	– 0,610	↓	S	3,142	6
Швеция / Sweden	0,166	W	0,407	↑	M	2,042	16
Великобритания / United Kingdom	0,081	W	– 0,284	↓	W	1,540	26
Исландия / Iceland	0,023	W	0,153	↑	W	2,567	10
Норвегия / Norway	0,291	W	0,540	↑	S	2,317	15
Сербия / Serbia	0,096	W	– 0,310	↓	M	2,558	11
Мальта / Malta	0,675	A	0,822	↑	T	1,250	30
Босния и Герцеговина / Bosnia and Herzegovina	0,836	G	– 0,914	↓	VT	1,633	24
Северная Македония / North Macedonia	0,661	A	0,813	↑	T	2,033	17

Примечания: 1) качество модели: А – приемлемое, G – хорошее, W – слабое; 2) ↑ – прямая связь, ↓ – обратная связь; 3) сила связи: VT – очень тесная, T – тесная, A – приемлемая, S – значительная, M – умеренная, W – слабая.

Notes: 1) model quality: A – acceptable, G – good, W – weak; 2) ↑ – direct relationship, ↓ – reverse relationship; 3) strength of relationship: VT – very tight, T – tight, A – acceptable, S – significant, M – moderate, W – weak.

Наибольшая доля расходов на алкогольные изделия (2,558–5,400 %) зафиксирована в 11 странах: Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Чехии, Финляндии, Венгрии, Хорватии, Румынии, Исландии, Сербии. В государствах Балтии, Восточной Европы и северных традиционно высокое потребление алкоголя сформировалось под воздействием комплекса культурных и социальных факторов.

Наименьшая доля расходов на алкогольные изделия (0,867–1,633 %) обнаружена в Боснии и Герцеговине, Бельгии, Великобритании, Германии, Австрии, Португалии, Мальте, Нидерландах, Испании, Италии, Греции. В Средиземноморских странах, где по адекватным ценам доступна продукция местного производства, исторически расходы ниже, чем в северных европейских государствах; более 50 % населения Боснии и Герцеговины составляют мусульмане, имеющие негативное отношение к потреблению алкоголя. В остальных регионах этой группы сложилась культура потребления пива, которое стоит относительно недорого.

В таблице 3 аккумулированы данные о связи между долей расходов на алкогольные напитки в расходах на конечное потребление домашних хозяйств и ИЧР.

Т а б л и ц а 3. Корреляционная связь между долей расходов на алкогольные напитки и индексом человеческого развития по странам (2010–2021 гг.)

Table 3. Correlation between the share of expenditure on alcoholic beverages and the Human Development Index by country (2010–2021)

Страна / Country	Рейтинг связи R_s / Communication rating R_s	Коэффициент корреляции r / Correlation coefficient r	Направление связи / Direction of relationship	Сила связи (по r) / Strength of relationship (by r)
1	2	3	4	5
Россия / Russia	32	– 0,069	↓	W
Бельгия / Belgium	27	– 0,238	↓	W
Болгария / Bulgaria	4	– 0,845	↓	W
Чешская республика / Czech Republic	23	– 0,356	↓	M
Дания / Denmark	31	0,073	↑	W
Германия / Germany	20	0,376	↑	M
Эстония / Estonia	2	– 0,860	↓	T
Ирландия / Ireland	29	0,182	↑	W
Греция / Greece	24	0,294	↑	W
Испания / Spain	12	0,500	↑	M
Франция / France	25	0,253	↑	W
Хорватия / Croatia	21	0,375	↑	M
Италия / Italy	18	0,387	↑	M
Кипр / Cyprus	17	0,389	↑	M
Латвия / Latvia	33	0,069	↑	W
Литва / Lithuania	1	– 0,957	↓	VT
Люксембург / Luxembourg	9	0,640	↑	S
Венгрия / Hungary	28	– 0,208	↓	W
Нидерланды / The Netherlands	14	0,464	↑	M
Австрия / Austria	16	0,394	↑	M
Польша / Poland	8	– 0,751	↓	A
Португалия / Portugal	5	0,821	↑	T

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
Румыния / Romania	13	– 0,470	↓	M
Словения / Slovenia	30	– 0,142	↓	W
Словакия / Slovakia	19	– 0,383	↓	M
Финляндия / Finland	10	– 0,589	↓	S
Швеция / Sweden	26	0,242	↑	W
Великобритания / United Kingdom	11	– 0,515	↓	S
Исландия / Iceland	34	– 0,007	↓	W
Норвегия / Norway	22	0,373	↑	M
Сербия / Serbia	15	– 0,418	↓	M
Мальта / Malta	7	0,792	↑	T
Босния и Герцеговина / Bosnia and Herzegovina	3	– 0,854	↓	T
Северная Македония / North Macedonia	6	0,813	↑	T

Примечания: 1) ↑ – прямая связь, ↓ – обратная связь; 2) сила связи: VT – очень тесная, T – тесная, A – приемлемая, S – значительная, M – умеренная, W – слабая; 3) рейтинги приведены по модулю коэффициента корреляции $|r|$.

Notes: 1) ↑ – direct relationship, ↓ – reverse relationship; 2) strength of relationship: VT – very tight, T – tight, A – acceptable, S – significant, M – moderate, W – weak; 3) rankings are based on the absolute value of the correlation coefficient $|r|$.

В 16 (47 %) странах из 34, включая Россию, отмечена отрицательная связь между расходами на алкогольные изделия и ИЧР.

Для Бельгии и Великобритании является позитивной тенденция, при которой с ростом ИЧР сокращается доля расходов на алкогольные напитки на фоне относительно высокого индекса (в 1-й половине списка) и доля подобных расходов относительно низка (во 2-й половине списка). Обе страны характеризуются обратной связью.

В случае Хорватии негативной выступает тенденция, когда в стране растут ИЧР (при его относительно низком уровне) и расходы на алкогольные изделия (при их относительно высокой доле). Негативная ситуация с расходами на алкогольные напитки также в Исландии и Ирландии.

В группу стран с низким ИЧР и невысокими расходами, обратной связью между ними входят Россия (29-е место), Босния и Герцеговина (34-е место). По доле расходов на покупку алкогольных изделий Россия на 22-м месте, Босния и Герцеговина – на 24-м. Однако после корректировки расходов на нелегальный сектор Россию можно охарактеризовать скорее как государство с высокими расходами на алкогольную продукцию и низким ИЧР.

В 18 странах (53 %) с ростом ИЧР растет доля расходов на алкогольную продукцию. Из них 15 стран входят в группу с относительно низкой долей расходов на алкогольные напитки, в том числе 11 имеют относительно высокий ИЧР.

Основные наблюдаемые тренды (2010–2021 гг.) в расходах на табачные изделия. В таблице 4 представлены результаты анализа изменения доли расходов

на табачные изделия в расходах на конечное потребление домашних хозяйств в выбранных странах.

Таблица 4. Сводный анализ динамики доли расходов на табачную продукцию в расходах на конечное потребление домашних хозяйств (2010–2021 гг.)

Table 4. Summary analysis of the dynamics of the share of expenditure on tobacco products in final consumption expenditure of households (2010–2021)

Страна / Country	Коэффициент детерминации R^2 / Coefficient of determination R^2	Качество модели / Model quality	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient r	Направление связи / Direction of relationship	Сила связи (по r) / Strength of relationship (by r)	Средние расходы за период / Average expenses for the period	Рейтинг по средним расходам / Ranking by average expenses
1	2	3	4	5	6	7	8
Россия / Russia	0,918	G	0,958	↑	VT	1,156	30
Бельгия / Belgium	0,572	A	0,756	↑	A	2,117	18
Болгария / Bulgaria	0,463	W	–0,681	↓	S	3,583	6
Чешская республика / Czech Republic	0,516	A	0,718	↑	A	4,183	4
Дания / Denmark	0,094	W	–0,307	↓	M	1,600	26
Эстония / Estonia	0,100	W	–0,316	↓	M	2,600	14
Ирландия / Ireland	0,621	A	–0,788	↓	A	2,125	17
Греция / Greece	0,188	W	–0,434	↓	M	3,083	9
Испания / Spain	0,771	A	–0,878	↓	T	2,033	19
Франция / France	0,269	W	0,518	↑	S	1,808	23
Хорватия / Croatia	0,278	W	0,528	↑	S	3,492	7
Италия / Italy	0,002	W	–0,048	↓	W	1,842	21
Кипр / Cyprus	0,412	W	–0,642	↓	S	2,925	11
Латвия / Latvia	0,453	W	0,673	↑	S	2,633	13
Литва / Lithuania	0,005	W	0,072	↑	W	2,000	20
Люксембург / Luxembourg	0,060	W	–0,244	↓	W	5,933	1
Венгрия / Hungary	0,337	W	0,581	↑	S	3,608	5
Австрия / Austria	0,033	W	0,182	↑	W	1,842	22
Португалия / Portugal	0,437	W	–0,661	↓	S	1,758	24
Румыния / Romania	0,252	W	0,502	↑	S	2,775	12
Словения / Slovenia	0,720	A	–0,849	↓	T	2,992	10

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6	7	8
Словакия / Slovakia	0,147	W	0,384	↑	M	2,192	16
Швеция / Sweden	0,641	A	– 0,801	↓	T	1,375	28
Великобритания / United Kingdom	0,941	G	– 0,970	↓	VT	1,630	25
Исландия / Iceland	0,888	G	– 0,942	↓	VT	1,292	29
Сербия / Serbia	0,929	G	0,964	↑	VT	4,542	3
Мальта / Malta	0,051	W	0,226	↑	W	2,283	15
Босния и Герцеговина / Bosnia and Herzegovina	0,961	G	0,980	↑	VT	5,675	2
Северная Македония / North Macedonia	0,931	G	– 0,965	↓	VT	3,192	8

Примечания: 1) качество модели: А – приемлемое, G – хорошее, W – слабое; 2) ↑ – прямая связь, ↓ – обратная связь; 3) сила связи: VT – очень тесная, T – тесная, A – приемлемая, S – значительная, M – умеренная, W – слабая.

Notes: 1) model quality: A – acceptable, G – good, W – weak; 2) ↑ – direct relationship, ↓ – reverse relationship; 3) strength of relationship: VT – very tight, T – tight, A – acceptable, S – significant, M – moderate, W – weak.

В 15 (50 %) из 30 стран удельный вес расходов на табачные изделия в динамике снижается. В Болгарии, Эстонии и Великобритании тоже уменьшается доля расходов на алкогольные напитки.

Также в 15 из 30 стран, включая Россию, удельный вес подобных расходов растет. Франция, Австрия и Мальта, кроме того, характеризуются ростом доли расходов на алкогольные напитки.

Десятку стран с наибольшей долей расходов на табачные изделия (2,992–5,933 %) составили Люксембург, Босния и Герцеговина, Сербия, Чехия, Венгрия, Болгария, Хорватия, Северная Македония, Греция, Словения; с наименьшей (1,156–1,842 %) – Италия, Австрия, Франция, Португалия, Великобритания, Дания, Финляндия, Швеция, Исландия, Россия.

Примечательно, что в России и Исландии при относительно низком уровне расходов на табачные изделия тенденции их изменения различаются. В РФ государство систематически значительно увеличивает акцизы на данные изделия, что приводит к росту цен и расходов потребителей. Исландия же одной из первых в мире реализует жесткие ограничения на продажу табачных изделий с одновременной поддержкой программ отказа от курения. При этом осуществляется мониторинг ситуации с использованием больших данных, что в комплексе в анализируемом периоде привело к сокращению потребительских расходов.

В Италии, Австрии, Португалии, Великобритании также наименьшая доля расходов на покупку алкогольных напитков.

В таблице 5 приведены данные о связи между долей расходов на табачные изделия в расходах на конечное потребление домашних хозяйств и ИЧР.

Таблица 5. Корреляционная связь между долей расходов на табачную продукцию и индексом человеческого развития (ИЧР) по странам (2010–2021 гг.)

Table 5. Correlation between the share of expenditure on tobacco products and the Human Development Index (HDI) by country (2010–2021)

Страна / Country	Рейтинг связи R_s / Communication rating R_s	Коэффициент корреляции r / Correlation coefficient r	Направление связи / Direction of relationship	Сила связи (по r) / Strength of relationship (by r)
Россия / Russia	6	0,899	↑	T
Бельгия / Belgium	15	0,748	↑	A
Болгария / Bulgaria	11	– 0,783	↓	A
Чешская республика / Czech Republic	16	– 0,705	↓	A
Дания / Denmark	26	– 0,310	↓	M
Эстония / Estonia	19	– 0,540	↓	S
Ирландия / Ireland	10	– 0,848	↓	T
Греция / Greece	20	– 0,489	↓	M
Испания / Spain	3	– 0,935	↓	VT
Франция / France	23	0,399	↑	M
Хорватия / Croatia	21	0,466	↑	M
Италия / Italy	29	– 0,109	↓	W
Кипр / Cyprus	13	– 0,764	↓	A
Латвия / Latvia	17	0,704	↑	A
Литва / Lithuania	30	0,018	↑	W
Люксембург / Luxembourg	25	– 0,370	↓	M
Венгрия / Hungary	22	0,405	↑	M
Австрия / Austria	27	0,288	↑	W
Португалия / Portugal	12	– 0,782	↓	A
Румыния / Romania	24	0,381	↑	M
Словения / Slovenia	4	– 0,917	↓	VT
Словакия / Slovakia	18	0,639	↑	S
Финляндия / Finland	9	0,873	↑	T
Швеция / Sweden	14	– 0,760	↓	A
Великобритания / United Kingdom	5	– 0,906	↓	VT
Исландия / Iceland	2	– 0,943	↓	VT
Сербия / Serbia	8	0,882	↑	T
Мальта / Malta	28	0,222	↑	W
Босния и Герцеговина / Bosnia and Herzegovina	1	0,972	↑	VT
Северная Македония / North Macedonia	7	– 0,889	↓	T

Примечания: 1) ↑ – прямая связь, ↓ – обратная связь; 2) сила связи: VT – очень тесная, T – тесная, A – приемлемая, S – значительная, M – умеренная, W – слабая; 3) рейтинги приведены по модулю коэффициента корреляции $|r|$.

Notes: 1) ↑ – direct relationship, ↓ – reverse relationship; 2) strength of relationship: VT – very tight, T – tight, A – acceptable, S – significant, M – moderate, W – weak; 3) rankings are based on the absolute value of the correlation coefficient $|r|$.

В 16 (53 %) из 30 стран отмечена отрицательная связь между расходами на табачные изделия и ИЧР. В том числе в восьми странах самая высокая доля расходов на покупку табачных изделий (в 1-й половине списка): Люксембурге (1-е место), Чехии (4-е), Болгарии (6-е), Северной Македонии (8-е), Греции (9-е), Словении (10-е), Кипре (11-е), Эстонии (14-е место); из них шесть имеют относительно низкий ИЧР (во 2-й половине списка).

Восемь стран составили группу с относительно низкой долей расходов на табачные изделия (во 2-й половине списка), из них шесть – с высоким ИЧР. На выбранном временном отрезке подобная динамика свидетельствует о том, что повышение индекса может сопровождаться снижением расходов на табачные изделия.

По 14 (47 %) странам обнаружена положительная связь между расходами на табачные изделия и ИЧР. Семь из них входят в группу с относительно низкой долей расходов на табачные изделия (во 2-й половине списка); в том числе четыре имеют относительно высокий ИЧР (в 1-й половине списка). Для оставшихся семи государств характерны высокие расходы на покупку табачных изделий (в 1-й половине списка) при относительно низком ИЧР (во 2-й половине списка).

Значимые наблюдаемые тренды (2010–2021 гг.) в расходах на наркотические средства. В таблице 6 представлены результаты анализа изменения доли расходов на наркотические средства в расходах на конечное потребление домашних хозяйств в выбранных странах.

Таблица 6. Анализ динамики доли расходов на наркотические вещества в расходах на конечное потребление домашних хозяйств (2010–2021 гг.)

Table 6. Analysis of the dynamics of the share of expenditure on narcotic substances in final consumption expenditure of households (2010–2021)

Страна / Country	Коэффициент детерминации R^2 / Coefficient of determination R^2	Качество модели / Model quality	Коэффициент корреляции r / Correlation coefficient r	Направление связи / Direction of relationship	Сила связи (по r) / Strength of relationship (by r)	Средние расходы за период / Average expenses for the period	Рейтинг по средним расходам / Ranking by average expenses
1	2	3	4	5	6	7	8
Бельгия / Belgium	0,000	–	0,000	–	–	0,300	17
Болгария / Bulgaria	0,375	W	–0,612	↓	S	0,258	20
Чешская республика / Czech Republic	0,755	A	–0,869	↓	T	0,450	11
Эстония / Estonia	0,614	A	–0,783	↓	A	0,383	15
Ирландия / Ireland	0,856	G	–0,925	↓	VT	1,058	2
Греция / Greece	0,188	W	0,434	↑	M	0,842	5
Испания / Spain	0,103	W	0,321	↑	M	0,992	3
Франция / France	0,834	G	0,913	↑	VT	0,283	18

Окончание табл. 6 / End of table 6

1	2	3	4	5	6	7	8
Хорватия / Croatia	0,269	W	0,519	↑	S	0,408	14
Италия / Italy	0,588	A	0,767	↑	A	1,433	1
Кипр / Cyprus	0,085	W	– 0,292	↓	W	0,517	9
Латвия / Latvia	0,504	A	– 0,710	↓	A	0,308	16
Литва / Lithuania	0,231	W	– 0,480	↓	M	0,108	24
Люксембург / Luxembourg	0,038	W	– 0,194	↓	W	0,183	22
Венгрия / Hungary	0,165	W	– 0,406	↓	M	0,842	6
Австрия / Austria	0,094	W	– 0,307	↓	M	0,175	23
Португалия / Portugal	0,000	–	0,000	–	–	0,100	25
Румыния / Romania	0,233	W	– 0,483	↓	M	0,250	21
Словения / Slovenia	0,709	A	– 0,842	↓	T	0,567	7
Словакия / Slovakia	0,659	A	– 0,812	↓	T	0,892	4
Финляндия / Finland	0,486	W	0,697	↑	S	0,267	19
Швеция / Sweden	0,000	–	0,000	–	–	0,100	26
Великобритания / United Kingdom	0,667	A	– 0,817	↓	T	0,410	13
Исландия / Iceland	0,566	A	– 0,753	↓	A	0,425	12
Сербия / Serbia	0,003	W	– 0,051	↓	W	0,567	8
Северная Македония / North Macedonia	0,296	W	0,544	↑	S	0,458	10

Примечания: 1) качество модели: А – приемлемое, G – хорошее, W – слабое; 2) ↑ – прямая связь, ↓ – обратная связь; 3) сила связи: VT – очень тесная, T – тесная, A – приемлемая, S – значительная, M – умеренная, W – слабая.

Notes: 1) model quality: A – acceptable, G – good, W – weak; 2) ↑ – direct relationship, ↓ – reverse relationship; 3) strength of relationship: VT – very tight, T – tight, A – acceptable, S – significant, M – moderate, W – weak.

В 16 (62 %) из 26 стран удельный вес расходов на наркотические средства в динамике снижается. В Болгарии, Эстонии и Великобритании также уменьшается доля расходов на алкогольные напитки и табачные изделия.

В семи (27 %) государствах удельный вес расходов на наркотические средства растет. Во Франции также увеличивается доля расходов на табачные изделия и алкогольные напитки.

В Бельгии, Португалии, Швеции расходы в динамике не изменились.

Наибольшая доля расходов на наркотические средства (0,517–1,433 %) зафиксирована в Италии, Ирландии, Испании, Словакии, Греции, Венгрии, Словении, Сербии, Кипре; наименьшая (0,100–0,267 %) – в Финляндии, Болгарии, Румынии,

Люксембурге, Австрии, Литве, Португалии, Швеции. В Австрии и Португалии, кроме того, самая низкая доля расходов на покупку алкоголя и табачных изделий.

В таблице 7 приведены сводные данные о связи между долей расходов на наркотические средства в расходах на конечное потребление домашних хозяйств и ИЧР.

Таблица 7. Корреляционная связь между долей расходов на наркотические средства и индексом человеческого развития по странам (2010–2021 гг.)

Table 7. Correlation between the share of expenditure on narcotic drugs and the Human Development Index (HDI) by country (2010–2021)

Страна / Country	Рейтинг связи R_s / Communication rating R_s	Коэффициент корреляции r / Correlation coefficient r	Направление связи / Direction of relationship	Сила связи (по r) / Strength of relationship (by r)
Бельгия / Belgium	24	0,000	–	–
Болгария / Bulgaria	20	– 0,100	↓	W
Чешская республика / Czech Republic	4	– 0,812	↓	T
Эстония / Estonia	6	– 0,764	↓	A
Ирландия / Ireland	1	– 0,919	↓	VT
Греция / Greece	21	0,086	↑	W
Испания / Spain	18	0,131	↑	W
Франция / France	7	0,735	↑	A
Хорватия / Croatia	13	0,455	↑	M
Италия / Italy	12	0,512	↑	S
Кипр / Cyprus	23	– 0,005	↓	W
Латвия / Latvia	10	– 0,615	↓	S
Литва / Lithuania	17	– 0,272	↓	W
Люксембург / Luxembourg	15	– 0,360	↓	M
Венгрия / Hungary	14	– 0,421	↓	M
Австрия / Austria	19	– 0,115	↓	W
Португалия / Portugal	24	0,000	–	–
Румыния / Romania	16	– 0,334	↓	M
Словения / Slovenia	3	– 0,834	↓	T
Словакия / Slovakia	8	– 0,721	↓	A
Финляндия / Finland	11	0,605	↑	S
Швеция / Sweden	24	0,000	–	–
Великобритания / United Kingdom	2	– 0,840	↓	T
Исландия / Iceland	5	– 0,767	↓	A
Сербия / Serbia	22	– 0,028	↓	W
Северная Македония / North Macedonia	9	0,617	↑	S

Примечания: 1) ↑ – прямая связь, ↓ – обратная связь; 2) сила связи: VT – очень тесная, T – тесная, A – приемлемая, S – значительная, M – умеренная, W – слабая; 3) рейтинги приведены по модулю коэффициента корреляции $|r|$.

Notes: 1) ↑ – direct relationship, ↓ – reverse relationship; 2) strength of relationship: VT – very tight, T – tight, A – acceptable, S – significant, M – moderate, W – weak; 3) rankings are based on the absolute value of the correlation coefficient $|r|$.

Отрицательная связь между расходами на наркотические средства и ИЧР обнаружена в 16 (62 %) из 26 стран. Из них в 11 самая низкая доля расходов на подобную покупку: на Кипре (9-е место), в Чехии (11-е), Исландии (12-е), Великобритании (13-е), Эстонии (15-е), Латвии (16-е), Болгарии (20-е), Румынии (21-е), Люксембурге (22-е), Австрии (23-е), Литве (24-е место). При этом у семи государств ИЧР относительно низкий: Чехии (17-е место), Болгарии (31-е), Эстонии (19-е), Кипра (21-е), Латвии (26-е), Литвы (23-е), Румынии (30-е место).

Таким образом, из 16 стран, в которых с ростом ИЧР сокращается доля расходов на наркотические средства, 11 входят в группу с относительно низкой долей расходов на наркотические средства (во 2-й половине списка из 26 стран). При этом 7 из 11 государств входят в группу с относительно низким ИЧР.

В 7 из 26 стран выявлена положительная связь между расходами на наркотические средства и ИЧР. В четырех из них самая высокая доля расходов на подобную покупку (в 1-й половине списка из 26 стран): в Италии (1-е место), Испании (3-е), Греции (5-е), Северной Македонии (10-е место). Для этих же территорий характерен относительно низкий ИЧР (во 2-й половине списка): Греции (20-е место), Испании (15-е), Италии (16-е), Северной Македонии (33-е место).

Среди 7 (из 26) стран, в которых с ростом ИЧР увеличивается доля расходов на наркотические средства, четыре, во-первых, входят в группу с относительно высокой долей таких расходов (в 1-й половине списка), во-вторых, относятся к категории с относительно низким ИЧР (во 2-й половине списка).

Три страны (из 26), в которых отсутствует связь между расходами на наркотические средства и ИЧР, образуют группу с относительно низкой долей расходов на наркотические средства (во 2-й половине списка), и из них две – имеют относительно высокий ИЧР (в 1-й половине списка).

ОБСУЖДЕНИЕ

Обзор современных исследований показал, что в XXI веке объектная база анализа зависимостей расширилась: помимо алкогольной продукции активно изучаются табачные и никотинсодержащие изделия, наркотические средства, азартные игры, а также цифровые аддикции – зависимость от телефона, интернета и социальных сетей²⁰. При этом уровень потребления аддитивных благ, как правило, измеряется в натуральных единицах, а работы, оперирующие денежными расходами домохозяйств на подобные товары, относительно редки.

В фокусе большинства публикаций находятся оценка ценовой эластичности спроса, влияние акцизов, доходов, образования и социального статуса на потребление, а конечной целью выступает обоснование мер государственной и общественной политики. Появляются исследования потребления аддитивных товаров в новых институциональных условиях, например на легальных рынках наркотиков в отдельных странах (Люксембурге, Нидерландах и др.). Однако взаимосвязь потребительских расходов с комплексными показателями человеческого развития до сих пор изучена фрагментарно, что и определило направленность настоящей работы.

²⁰ Allcott H., Gentzkow M., Song L. Digital Addiction [Online]. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3870938> (accessed 01.03.2025).

Проведенный анализ позволил выявить существенные межстрановые различия в моделях потребления, а также подтвердил неоднородность связи между ИЧР и расходами на видовые аддитивные товары. Повышение цен на подобные товары приводит к снижению их потребления и расходов на их покупку, причем потребители с низким и средним доходом более чувствительны к изменению цен, чем состоятельные.

Полученные данные о структуре расходов в странах с разным уровнем ИЧР косвенно согласуются с приведенным тезисом: в группе с обратной зависимостью между тратами на алкоголь, табак или наркотики и человеческим развитием часто фигурируют государства с пока невысоким ИЧР.

В то же время рынкам цифровых аддитивных товаров свойственны гораздо более сложные механизмы ценообразования, учитывающие степень наивности потребителей. В соответствии с этим меры регулирования должны быть более технологичными, включая, например, информирование наивных пользователей об ошибочных убеждениях.

Новые видовые аддитивные товары, на которые государство еще не установило регулирующие меры, требуют превентивного подхода. Так, налоговая политика, синхронно повышающая цены на нагреваемые табачные изделия и традиционные сигареты, способна снизить потребление первых без роста востребованности вторых.

На рынке азартных игр, помимо финансовых факторов, важны цены ставок, доходы и наличие конкурирующих продуктов, а вмешательство на уровне платежных инструментов может повышать финансовую грамотность игроков, служить профилактической мерой.

На теневых рынках запрещенных аддитивных товаров ограничение спроса эффективнее прямых запретов.

Перспективны исследования лечения наркозависимости по принципу «равный равному»²¹ с использованием социальных сетей.

Методологическое ограничение исследования связано с недостаточными достоверностью и надежностью статистических наблюдений. В ряде случаев отсутствуют сведения по расходам домашних хозяйств на наркотические средства (по России, Дании, Германии, Нидерландам, Польше, Норвегии, Мальте, Боснии и Герцеговине) и табачные изделия (по Германии, Нидерландам, Польше, Норвегии). Расходы домашних хозяйств на алкогольную продукцию, например в России, приводятся без учета теневого сектора и домашнего производства.

Тем не менее работа базируется на новейших регулярных данных и предложенная методология может использоваться для ежегодного мониторинга, что повысит обоснованность регуляторных решений в рассматриваемой сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На фоне кризисных явлений в 2011, 2016, 2020 и 2021 гг. в экономиках всех европейских государств растет ИЧР. Зафиксированы тенденции к снижению потребления алкогольной продукции и табачных изделий в 15 странах, наркотических

²¹ Gunton A. Title: Social Media as the Fastest Growing Peer-To-Peer Addiction Recovery Program [Online]. Available at: <https://clck.ru/3TtX2T> (accessed 06.06.2025).

средств – в 16. Тренд на рост потребления алкогольной продукции обнаружен в 19 странах, табачных изделий – в 15, наркотических средств – в 7 странах.

В анализируемый период выявлены следующие закономерности:

- наиболее высокие траты на алкогольные изделия демонстрируют страны Балтии (Эстония, Латвия, Литва), Восточной (Польша, Чехия, Венгрия, Хорватия, Румыния, Сербия), а также Северной Европы (Исландия и Финляндия);

- сочетание высоких расходов на алкоголь и низкого ИЧР наблюдается в ряде стран с обратной зависимостью между тратами на алкоголь и ИЧР (в Эстонии, Литве, Польше, Венгрии, Румынии, Сербии, Словакии, Болгарии, Чехии);

- в странах с прямой зависимостью между тратами на алкоголь и ИЧР (Франции, Дании, Германии, Австрии, Нидерландах, Испании, Италии, Швеции, Норвегии, Люксембурге, Мальте) отмечены низкие расходы на алкоголь и высокий уровень индекса;

- среди стран с обратной связью между расходами на табачные изделия и ИЧР выделены две группы: шесть с относительно высокими тратами и низким ИЧР (Чехия, Болгария, Северная Македония, Греция, Кипр, Эстония) и восемь с низкими тратами и высоким ИЧР (Дания, Ирландия, Испания, Италия, Португалия, Швеция, Великобритания, Исландия);

- в странах с прямой зависимостью между расходами на табачные изделия и ИЧР преобладают государства с высокими тратами и относительно низким индексом (Босния и Герцеговина, Сербия, Венгрия, Хорватия, Румыния, Латвия, Мальта);

- страны с обратной связью между расходами на наркотические средства и ИЧР в основном представлены государствами с низкими тратами и низким ИЧР (Чехия, Болгария, Эстония, Кипр, Латвия и др.);

- в странах с прямой зависимостью между расходами на наркотики и ИЧР преобладают государства со сравнительно высокими тратами и низким индексом (Италия, Испания, Греция, Северная Македония);

- благоприятная ситуация наблюдается в Болгарии, Эстонии и Великобритании, где на фоне улучшения показателей человеческого развития сокращаются расходы на все виды аддитивных товаров, что свидетельствует об обратной взаимосвязи;

- неблагоприятная тенденция отмечена во Франции и Хорватии, где рост индекса сопровождается увеличением расходов на все виды аддитивных товаров, что указывает на прямую взаимосвязь.

Выявленные паттерны потребительского поведения в 34 странах подчеркивают необходимость учета подобной специфики при появлении новых заменителей и формировании межстрановых сопоставлений.

Результаты исследования применимы для методологического, аналитического, прогнозного построения и сопровождения регуляторной политики в европейских государствах.

На современном этапе развитие системного подхода к статистическим наблюдениям на рынке аддитивных товаров позволит повысить полноту и оперативность информации, что впоследствии даст возможность работать над улучшением качества управленческих решений на таком специфическом рынке.

REFERENCES

1. Skokov R.Yu., Rogachev A.F. Human Development and Alcohol Consumption: State and Relationship in Russian Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):342–358. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.342-358>
2. Piccoli L., Tiezzi S. Rational Addiction and Time-Consistency: An Empirical Test. *Journal of Health Economics*. 2021;(80):102546. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2021.102546>
3. Deiana C., Dragone D., Giua L. Addictive Consumption, Imperfect Substitutes and Self Control: A Model and an Application to Slot Machines. *Quaderni-Working Paper DSE*. 2024;1197:4. <https://doi.org/10.6092/unibo/amsacta/8037>
4. Burton R., Sharpe C., Bhuptani S., et al. The Relationship between the Price and Demand of Alcohol, Tobacco, Unhealthy Food, Sugar-Sweetened Beverages, and Gambling: An Umbrella Review of Systematic Reviews. *BMC Public Health*. 2024;(24):1286. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-18599-3>
5. Gligoric D., Kulovac D.P., Micic L., Pepic A. Price and Income Elasticity of Cigarette Demand in Bosnia and Herzegovina by Different Socioeconomic Groups. *Tobacco Control*. 2022;31(Suppl2):s101–s109. Available at: https://tobaccocontrol.bmj.com/content/31/suppl_2/s101.abstract (accessed 01.03.2025).
6. Guindon G.E., Zhao K., Fatima T., et al. Prices, Taxes and Alcohol Use: A Systematic Umbrella Review. *Addiction*. 2022;117(12):3004–3023. <http://dx.doi.org/10.1111/add.15966>
7. Dauchy E., Shang C. The Price Elasticity of Heated Tobacco and Cigarette Demand: Empirical Evaluation Across Countries. *Health Economics*. 2024;33(12):2708–2722. <https://doi.org/10.1002/hec.4888>
8. Guindon G.E., Abbas U., Trivedi R., Garasia S., Johnson S., John R.M. Socioeconomic Differences in the Impact of Prices and Taxes on Tobacco Use in Low- and Middle-Income Countries – A Systematic Review. *PLOS Global Public Health*. 2023;3(9):e0002342. <https://doi.org/10.1371/journal.pgph.0002342>
9. Dalal A., Raju S. Decision-Making under Risk in the Market for Illegal Drugs: A Supply-Side Analysis. *Bulletin of Economic Research*. 2025;77:135–147. <https://doi.org/10.1111/boer.12475>
10. Dahm G., Roschel K., Marson C., et al. Consumer Expectations, Drug Effects, Price and Purity of Heroin and Cocaine Purchased at Drug Consumption Rooms. *Harm Reduction Journal*. 2023;20(1):106. <https://doi.org/10.1186/s12954-023-00837-3>
11. Moore S.C., Orpen B., Smith J., et al. Alcohol Affordability: Implications for Alcohol Price Policies. A Cross-Sectional Analysis in Middle and Older Adults from UK Biobank. *Journal of Public Health*. 2022;44(2):e192–e202. <http://dx.doi.org/10.1093/pubmed/fdab095>
12. Čiderová T., Ščasný M. Estimation of Alcohol Demand Elasticity: Consumption of Wine, Beer, and Spirits at Home and away from Home. *Journal of Wine Economics*. 2022;17(4):329–337. <http://dx.doi.org/10.1017/jwe.2022.42>
13. Ramezani C.A., Ahern J.J. How do Financial Market Outcomes Affect Gambling? *Journal of Risk and Financial Management*. 2023;16(6):294. <https://doi.org/10.3390/jrfm16060294>
14. Lakew N. Show Me the Money: Preliminary Lessons from an Implementation of Intervention Tools at the Payment Gateway Level. *Journal of Gambling Studies*. 2022;(38):297–317. <https://doi.org/10.1007/s10899-021-10023-4>
15. Cadahia P., Golpe A.A., Martín-Álvarez J.M., Asensio E. The Importance of Price, Income, and Affordability in the Demand for Cigarettes in Spain. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*. 2022;9(3):241–251. <https://doi.org/10.5152/ADDICTA.2022.22054>
16. Anderson K. Nudging Alcohol Moderation via Excise Tax Reform: The Case of Beer in Australia. *The Australian Economic Review*. 2025;58(3):211–221. <https://doi.org/10.1111/1467-8462.70006>
17. Clements K.W., Mariano M.J.M., Verikios G., Wong B. How Elastic is Alcohol Consumption? *Economic Analysis and Policy*. 2022;(76):568–581. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2022.09.003>
18. Selvanathan E.A., Jayasinghe M., Selvanathan S. Modelling the Alcohol Consumption Patterns of Australian Households. *Economic Analysis and Policy*. 2025;(85):754–767. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2024.12.038>

19. Nguyen C.V., Le T.T., Nguyen N.H. The Impact of Cigarette Prices on Smoking Participation and Tobacco Expenditure in Vietnam. *PLOS One*. 2021;16(12):e0260415. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0260415>
20. Nguyen A., Nguyen H.T. Income and Cigarette Price Responsiveness: Evidence from Vietnam. *Tobacco Control*. 2022;31(Suppl2):s152–s157. Available at: https://tobaccocontrol.bmj.com/content/31/Suppl_2/s152.short (accessed 01.03.2025).
21. Wang X., Chen Q., Zhao Q., Zhu C. Alcohol Consumption and Income: Evidence from One-Sample and Two-Sample Mendelian Randomizations. *Economics Letters*. 2022;219:110788. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2022.110788>
22. Nguyen A., Nguyen H.T. Income and Cigarette Price Responsiveness: Evidence from Vietnam. *Tobacco Control*. 2022;31(Suppl2):s152–s157. Available at: https://tobaccocontrol.bmj.com/content/31/Suppl_2/s152.short (accessed 01.03.2025).

Об авторе:

Скоков Роман Юрьевич, доктор экономических наук, доцент, ректор Волжского института экономики, педагогики и права (404111, Российская Федерация, г. Волжский, ул. Советская, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1026-0538>, Scopus ID: 57216922992, SPIN-код: 3039-7957, rskokov@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 10.05.2025; одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 15.10.2025.

About the author:

Roman Yu. Skokov, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Rector of the Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law (6 Sovetskaya St., Volzhsky 404111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1026-0538>, Scopus ID: 57216922992, SPIN-code: 3039-7957, rskokov@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 10.05.2025; revised 02.10.2025; accepted 15.10.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.265-283>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/ajkntv>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 336.74:334.732.2(470+571)(470.61)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Региональные особенности влияния денежного агрегата М2 на развитие розничного кредитования в России (на примере Ростовской области)

И. Е. Шапиро ✉

С. Н. Щемелев

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
✉ 19iesha77@gmail.com*

Аннотация

Введение. Влияние денежной массы на розничное кредитование может существенно различаться по регионам России из-за неоднородности банковской инфраструктуры и доходов населения. Однако эмпирические оценки этого пространственного эффекта в литературе ограничены. Цель исследования заключается в количественной оценке выявленного влияния денежного агрегата М2 на динамику розничного кредитования в России с учетом региональной специфики механизмы монетарной трансмиссии (на примере Ростовской области).

Материалы и методы. Эмпирическим материалом послужили данные Центрального банка РФ и Федеральной службы государственной статистики за 2012–2024 гг. Реализованы методы корреляционно-регрессионного анализа, определения финансового ускорителя и распределенные лаговые модели. Региональный анализ выполнен на примере Ростовской области как одного из экономически значимых субъектов Южного федерального округа, характеризующихся развитой банковской инфраструктурой и активной динамикой розничного кредитования.

Результаты исследования. Установлена зависимость объемов розничного кредитования от динамики денежной массы: коэффициент корреляции между денежным агрегатом М2 и кредитным портфелем банков составил 0,85. Регрессионная оценка показала, что увеличение М2 на 1 % приводит к росту объемов кредитования в среднем на 0,73 %. Временной лаг реакции кредитного рынка составляет от двух до трех кварталов, что отражает инерционность монетарной трансмиссии. Влияние инфляции и процентных ставок на кредитную активность менее выражено. Динамика розничного кредитования в Ростовской области (рост около 30 % в 2022 г.) согласуется с общероссийскими тенденциями, что позволяет говорить о воспроизводимости механизмов монетарной трансмиссии

© Шапиро И. Е., Щемелев С. Н., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

на региональном уровне и эффективности передачи денежно-кредитных импульсов через банковский сектор региона.

Заключение. Денежный агрегат M2 является доминирующим макроэкономическим фактором розничного кредитования в России. Результаты могут быть полезны при калибровке инструментов денежно-кредитной политики с учетом временных лагов, а также для региональных органов власти, оценивающих эффективность монетарной трансмиссии на подведомственных территориях.

Ключевые слова: денежная масса, кредит, региональное розничное кредитование, макроэкономическая стабильность, денежно-кредитная политика, финансовые фрикции, экономическое моделирование

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шапиро И.Е., Щемелев С.Н. Региональные особенности влияния денежного агрегата M2 на развитие розничного кредитования в России (на примере Ростовской области). *Регионоведение*. 2026;34(2):265–283. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.265-283>

Regional Specificities of the Impact of the M2 Monetary Aggregate on the Development of Retail Lending in Russia (a Case Study of the Rostov Region)

I. E. Shapiro ✉, S. N. Shchemelev

Rostov State University of Economics (RSUE)

(Rostov-on-Don, Russian Federation)

✉ 19iesha77@gmail.com

Abstract

Introduction. The impact of the money supply on retail lending can vary significantly across Russian regions due to heterogeneity in banking infrastructure and household incomes. However, empirical assessments of this spatial effect in the literature are limited. The aim of this study is to quantify the identified impact of the M2 monetary aggregate on retail lending dynamics in Russia, taking into account the regional specifics of the monetary transmission mechanism (using the Rostov Region as an example).

Materials and Methods. The empirical data was based on data from the Central Bank of the Russian Federation and the Federal State Statistics Service for 2012–2024. Correlation and regression analysis, financial accelerator determination, and distributed lag models were used. The regional analysis was conducted using the Rostov Region as an example, as one of the economically significant regions of the Southern Federal District, characterized by a developed banking infrastructure and active retail lending.

Results. A correlation between retail lending volumes and money supply dynamics was established: the correlation coefficient between the M2 monetary aggregate and banks' loan portfolios was 0.85. A regression estimate showed that a 1 % increase in M2 leads to an average increase in lending volumes of 0.73 %. The time lag for the credit market response is two to three quarters, reflecting the inertia of monetary transmission. The impact of inflation and interest rates on lending activity is less pronounced. Retail lending dynamics in the Rostov Region (growth of approximately 30 % in 2022) are consistent with national trends, suggesting the reproducibility of monetary transmission mechanisms at the regional level and the effectiveness of the transmission of monetary impulses through the regional banking sector.

Conclusion. The M2 monetary aggregate is the dominant macroeconomic factor in retail lending in Russia. The results may be useful for calibrating monetary policy instruments taking into account time lags, as well as for regional authorities assessing the effectiveness of monetary transmission in their jurisdictions.

Keywords: money supply, credit, regional retail lending, macroeconomic stability, monetary policy, financial frictions, economic modeling

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Shapiro I.E., Shchemelev S.N. Regional Specificities of the Impact of the M2 Monetary Aggregate on the Development of Retail Lending in Russia (a Case Study of the Rostov Region). *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(2):265–283. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.265-283>

ВВЕДЕНИЕ

Розничное кредитование в современных условиях выступает одним из ключевых элементов функционирования финансовой системы, обеспечивая доступ населения к заемным ресурсам и оказывая существенное влияние на темпы экономического развития, в том числе на региональном уровне. При этом динамика кредитного рынка определяется совокупностью макроэкономических факторов, среди которых особое значение имеют объем денежной массы, уровень процентных ставок и устойчивость банковского сектора.

Неравномерное экономическое развитие территорий России и растущая долговая нагрузка на население актуализируют изучение влияния макроэкономических факторов на розничное кредитование в стране и регионах. Необходимость подобного анализа возрастает на фоне усиления макроэкономических рисков и задачи повышения эффективности денежно-кредитной политики в аспекте поддержки сбалансированного развития субъектов Федерации.

Сложность в изучении розничного кредитования в региональном контексте определяется необходимостью учитывать значительные межрегиональные различия в структуре кредитного портфеля, уровнях просроченной задолженности и развития финансовой инфраструктуры, характере спроса на заемные ресурсы и ряде других показателей. При этом региональные особенности экономической активности, численности и платежеспособности населения, а также специфика регулирования оказывают существенное влияние на функционирование кредитных рынков. Поиск баланса между стимулированием кредитной активности и снижением системных рисков на уровне отдельных регионов требует системного анализа, включающего сопоставление макроэкономических факторов и их влияния на региональную устойчивость банковского сектора.

Текущие глобальные экономические трансформации (высокая волатильность мировых рынков, ускоренная цифровизация финансовых услуг и др.) по-разному проявили себя в регионах страны, усилив асимметрию в результатах розничного кредитования.

Цель исследования состоит в выявлении и интерпретации механизмов влияния макроэкономических факторов, прежде всего динамики денежного агрегата М2, на развитие розничного кредитования с учетом пространственной дифференциации и особенностей функционирования регионального финансового рынка (на примере Ростовской области).

В рамках исследования выдвигается гипотеза о том, что динамика денежного агрегата М2 оказывает значимое влияние на объемы розничного кредитования; при этом передача монетарных импульсов носит инерционный характер и реализуется с временным лагом порядка 2–3 кварталов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Вопросы взаимосвязи денежной массы и кредитной активности традиционно занимают центральное место в исследованиях денежно-кредитной политики и функционирования банковского сектора. Существенный вклад в развитие теоретических подходов к данной проблематике внесла концепция финансового ускорителя Б. Бернанке, М. Гертлера, С. Гилкрита, М. Дмитриева [1], в рамках которой обосновывается усиление воздействия макроэкономических шоков через финансовую систему, прежде всего посредством изменения доступности кредитных

ресурсов. При этом эффективность передачи монетарных импульсов в значительной степени определяется состоянием финансовых институтов и наличием финансовых фрикций, что важно для экономик с выраженной структурной неоднородностью.

Можно выделить несколько основных направлений исследований. Во-первых, это работы, посвященные макроэкономическому моделированию денежно-кредитной политики, где анализируется влияние денежной массы на главные макроэкономические параметры. Денежная масса здесь рассматривается как один из базовых факторов трансмиссии монетарных импульсов, однако анализ, как правило, проводится на агрегированном уровне без учета пространственной дифференциации экономических процессов¹ [2–5].

Во-вторых, значительный массив исследований сосредоточен на анализе банковского кредитования, включая вопросы его динамики, структуры и устойчивости. В этих работах рассматриваются факторы, определяющие доступность кредитных ресурсов, долговую нагрузку заемщиков и устойчивость банковской системы [6–8]. В большинстве случаев экспертиза ограничивается общенациональным уровнем, тогда как региональные особенности кредитной активности не получают системной количественной оценки.

Отдельное направление связано с анализом механизмов трансмиссии денежно-кредитной политики. Показано, что эффективность передачи монетарных импульсов зависит от состояния банковской системы, структуры финансового рынка и уровня финансовых фрикций. Отмечается, что наличие ограничений в банковской системе способно влиять на эффективность передачи монетарных импульсов на кредитную активность [9–12]. Эта группа исследований также ориентирована на макроэкономический уровень анализа, в то время как пространственные различия в реакции региональных кредитных рынков остаются недостаточно изученными.

Развивают теоретические представления о механизмах денежно-кредитной политики неокейнсианские модели и DSGE-подход² (*Dynamic Stochastic General Equilibrium*), где внимание уделяется роли процентных ставок, инфляционных ожиданий и номинальных жесткостей в передаче монетарных импульсов³ [13–16]. Данные модели формируют методологическую основу анализа, однако их эмпирическое применение в региональном разрезе ограничено вследствие высокой степени агрегирования используемых показателей.

В последние годы возрастает интерес к влиянию цифровизации финансовых услуг на функционирование банковского сектора и механизмы денежно-кредитной политики. Отмечается, что развитие цифровых технологий способствует трансформации каналов передачи ликвидности, в том числе на региональном уровне, и повышает роль банков в перераспределении финансовых ресурсов [17–19]. При этом региональные аспекты данных процессов остаются недостаточно исследованными.

¹ Дробышевский С., Полбин А. Декомпозиция динамики макроэкономических показателей РФ на основе DSGE-модели. *Экономическая политика*. 2015;10(2):20–42. URL: https://www.iep.ru/files/text/policy/2015-2/drobyshevsky_2_2015.pdf (дата обращения: 28.01.2025).

² Smets F., Wouters R. An Estimated Dynamic Stochastic General Equilibrium Model of the Euro Area. *Journal of the European Economic Association*. 2003;1(5):1123–1175. <https://doi.org/10.1162/154247603770383415>

³ Christiano L.J., Eichenbaum M., Evans C.L. Nominal Rigidities and the Dynamic Effects of a Shock to Monetary Policy. *Journal of Political Economy*. 2005;113(1):1–45. <https://doi.org/10.1086/426038>

Таким образом, большинство имеющихся исследований сосредоточено на общенациональном уровне и не учитывает пространственную неоднородность кредитного рынка. Работы, посвященные трансмиссионным механизмам, как правило, не содержат количественной оценки влияния денежной массы на розничное кредитование с учетом временных лагов. Практически отсутствует опыт совмещения макроэкономического и регионального уровней анализа в рамках единого эконометрического подхода.

Настоящее исследование интегрирует количественный анализ влияния денежной массы с последующей региональной интерпретацией полученных результатов, что позволяет уточнить механизмы трансформации монетарных импульсов в условиях пространственной неоднородности российской экономики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретическую основу исследования формирует концепция финансового ускорителя⁴, в соответствии с которой изменение доступности кредитных ресурсов усиливает передачу макроэкономических шоков через финансовую систему. Благодаря этому выявленные эмпирические зависимости интерпретировались с учетом фаз экономического цикла.

Период исследования охватывает 2012–2024 гг., включая этапы устойчивого экономического роста, кризисов (2014–2015, 2020 гг.), а также структурных изменений в финансовом секторе. Выбор данного временного интервала обусловлен необходимостью учесть различные макроэкономические режимы и их влияние на динамику кредитного рынка, обеспечить сопоставимость используемых статистических показателей.

Локализация верхней границы периода 2024 г. связана с изменением режима раскрытия официальной статистической и банковской информации. В частности, начиная с 2023 года скорректирован состав публикуемых Банком России показателей; данные за более поздние периоды в ряде случаев представлены в агрегированном или частично ограниченном виде. Кроме того, по совокупности используемых макроэкономических и региональных индикаторов сведения за 2023–2024 гг. на момент подготовки исследования не формируют завершеного и методологически однородного массива, сопоставимого с информацией по предыдущим годам.

Использование периода 2012–2024 гг. обеспечивает репрезентативность выборки, корректность временных сопоставлений и устойчивость полученных эконометрических оценок.

Источники и формирование данных. Эмпирическую базу исследования составили официальные статистические данные Центрального банка Российской Федерации⁵ (денежный агрегат М2, объемы розничного кредитования, ключевая ставка) и Федеральной службы государственной статистики⁶ (показатели инфляции,

⁴ Bernanke B.S., Gertler M., Gilchrist S. The Financial Accelerator in a Quantitative Business Cycle Framework. In: Handbook of Macroeconomics. 1999;1(C):1341–1393. [https://doi.org/10.1016/S1574-0048\(99\)10034-X](https://doi.org/10.1016/S1574-0048(99)10034-X)

⁵ Денежная масса (национальное определение) [Электронный ресурс]. Банк России : сайт. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ms/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 28.01.2025).

дефлятор валового внутреннего продукта (ВВП), номинальный и реальный ВВП)⁷. Использовались годовые и квартальные сведения, что позволило обеспечить сопоставимость показателей и корректность эконометрических оценок. Для регионального анализа привлечены материалы Банка России – региональное приложение⁸.

Переменные исследования. В качестве зависимой переменной использовался темп роста объемов розничного кредитования. В состав объясняющих переменных включены: темп роста денежной массы (агрегат М2), уровень инфляции (индекс потребительских цен), ключевая процентная ставка Банка России, а также темпы роста номинального и реального ВВП. Выбор переменных обусловлен их определяющей ролью в механизме денежно-кредитной трансмиссии и формировании кредитной активности.

Методы анализа. Для оценки взаимосвязи между макроэкономическими факторами и развитием кредитного рынка применен комплекс количественных методов. На первом этапе использовался корреляционный анализ, позволивший выявить силу и направление взаимосвязей между динамикой денежной массы и объемами кредитования. На втором – реализована множественная регрессионная модель, в рамках которой оценивалось количественное влияние агрегата М2 и сопутствующих макроэкономических показателей на динамику кредитного портфеля.

Оценка параметров регрессионной модели осуществлялась методом наименьших квадратов. Качество модели оценивалось с использованием коэффициента детерминации ($R^2 = 0,84$), а также анализа статистической значимости коэффициентов. Полученные результаты свидетельствуют о достаточной объясняющей способности модели и статистической значимости ключевых факторов, что позволило интерпретировать выявленные зависимости.

Для выявления временных лагов в передаче монетарных импульсов применялся кросс-корреляционный анализ. Расчеты проводились для диапазона лагов от –4 до +4 кварталов, что дало возможность оценить временные характеристики влияния денежной массы на кредитную активность. Для учета инерционного характера трансмиссионного механизма использовались распределенные лаговые модели.

Проверка корректности модели. В рамках исследования акцент сделан на выявлении устойчивых эмпирических зависимостей между показателями. Основное внимание уделялось сопоставлению результатов, полученных различными методами (в ходе корреляционного, регрессионного и кросс-корреляционного анализа), что позволило обеспечить внутреннюю согласованность оценок без расширенной процедуры формализованного тестирования.

Интерпретация результатов опиралась на экономическую логику изучаемых процессов и учитывала особенности анализируемого периода, в том числе кризисные фазы. Это дало возможность согласовать количественные оценки с реальными экономическими условиями.

⁷ Используемые данные являются открытыми и доступны на официальных ресурсах Банка России и Росстата, что обеспечивает возможность воспроизведения результатов исследования.

⁸ Бюллетень банковской статистики. Региональное приложение [Электронный ресурс]. Банк России : сайт. URL: <https://www.cbr.ru/search/?Text=статистика+по+Ростовской+области&Time=Any&DateFrom=&DateTo=> (дата обращения: 01.02.2026).

Региональный аспект анализа. В связи с отсутствием официальной статистики по денежному агрегату М2 в разрезе субъектов Российской Федерации количественный анализ выполнен на общенациональном уровне. Полученные зависимости интерпретировались с учетом межрегиональной дифференциации социально-экономических условий.

В качестве объекта регионального анализа выбрана Ростовская область как экономически значимый субъект Южного федерального округа⁹, характеризующийся развитой банковской инфраструктурой, высокой плотностью кредитных организаций и активной динамикой розничного кредитования¹⁰. Указанные характеристики позволяют рассматривать регион как репрезентативный для анализа механизмов трансмиссии монетарных импульсов на региональном уровне.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общая динамика макроэкономических показателей. Анализ макроэкономических детерминант розничного кредитования на федеральном уровне за 2012–2024 гг. (табл. 1) выявил устойчивую положительную взаимосвязь между динамикой денежной массы и объемами розничного кредитования, а также наличие временного лага в передаче монетарных импульсов. Трансформация агрегата М2 предшествовала изменению кредитной активности с задержкой в 2–3 квартала, что отражает инерционный характер монетарной трансмиссии. Основным фактором, оказывающим существенное влияние на динамику розничного кредитного портфеля в России, остается объем денежной массы в обращении (агрегат М2).

Таблица 1. Динамика макроэкономических показателей в России (2012–2024 гг.), %

Table 1. Dynamics of macroeconomic indicators in Russia (2012–2024), %

Год / Year	Денежная масса (М2), млрд руб. / Money supply (M2), billion rubles	Рост денежной массы (М2) / Money supply growth (M2)	Рост кредитного портфеля / Loan Portfolio growth	Инфляция (индекс потребительских цен) / Inflation (consumer price index)	Дефлятор ВВП / GDP Deflator	ВВП, трлн руб. / GDP, trillion rubles	Рост номинального ВВП / Nominal GDP growth	Рост реального ВВП / Real GDP growth
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2012	24 204,8	20,9	19,0	6,6	8,2	68,2	9,5	1,3
2013	27 164,4	12,2	12,7	6,5	6,8	71,0	4,1	– 2,7
2014	31 155,6	14,7	11,9	11,4	8,9	79,2	11,6	2,7
2015	31 615,7	1,5	7,6	12,9	5,9	83,1	4,9	– 1,0
2016	35 179,7	11,3	6,4	5,4	5,5	86,0	3,5	– 2,0
2017	38 418,0	9,2	7,0	2,5	4,7	92,1	7,1	2,4

⁹ Согласно Указу Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе», г. Ростов-на-Дону официально определен центром Южного федерального округа [Электронный ресурс]. URL: <http://sfo.gov.ru/polpred/polpred/doc5/> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁰ Ростовская область вошла в топ-10 по выдаче потребительских кредитов в октябре 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Txfzx> (дата обращения: 01.02.2026).

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2018	42 442,2	10,5	9,4	4,3	3,7	103,6	12,5	8,8
2019	47 109,3	11,0	7,1	3,0	4,5	110,0	6,2	1,7
2020	51 660,3	9,6	12,0	4,9	3,2	106,9	– 3,1	– 6,3
2021	58 652,1	13,5	15,0	8,4	3,8	135,8	15,7	11,9
2022	66 252,9	13,0	19,0	11,9	5,0	155,4	5,4	– 0,4
2023	82 388,0	24,4	18,0	7,42	6,3	171,0	3,6	– 2,7
2024	98 385,4	19,4	17,0	9,52	8,9	200,0	4,1	– 4,8

Источник: составлено авторами на основе данных Банка России (денежная масса, кредитование) и Росстата (ВВП, инфляция, дефлятор): Денежная масса (национальное определение). Банк России...; Регионы России. Социально-экономические показатели...; Росстат представляет первую оценку ВВП за 2024 год [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/254129> (дата обращения: 07.04.2025).

Source: Compiled by the authors based on data from the Bank of Russia (money supply, lending) and Rosstat (GDP, inflation, deflator): Money supply (national definition). Bank of Russia...; Regions of Russia. Socio-economic indicators...; Rosstat presents its first GDP estimate for 2024 [Online]. Federal State Statistics Service: website. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/254129> (accessed 07.04.2025).

Данные таблицы 1 отражают неоднородную динамику макроэкономических показателей, сочетающую фазы ускоренного роста с периодами спада и восстановления. Прослеживается устойчивая тенденция к увеличению денежной массы, сопровождаемая изменениями в темпах кредитования, что свидетельствует о наличии взаимосвязи между параметрами денежного предложения и кредитной активностью банковского сектора.

Кризисные периоды 2014–2015 и 2020 гг. характеризовались снижением темпов кредитного роста и ухудшением показателей реального ВВП, тогда как в последующие годы наблюдались восстановление и усиление кредитной активности на фоне расширения денежной массы. При этом динамика номинального и реального ВВП демонстрировала чувствительность к инфляционным процессам, что проявлялось в различии темпов их роста.

В целом представленные данные подтверждают наличие устойчивой связи между изменениями денежного агрегата M2 и динамикой кредитного рынка, что обосновывает дальнейшее применение эконометрических методов для количественной оценки выявленных зависимостей.

Динамика денежной массы (M2) и кредитного портфеля. В течение исследуемого периода прослеживается устойчивая тенденция к увеличению денежной массы (M2), что отражает активную монетарную политику и рост уровня ликвидности в экономике. С 2012 по 2022 год объем M2 увеличился с 24,2 до 66,3 трлн руб., среднегодовой темп роста составил около 10,5 %¹¹.

Наибольшие темпы прироста денежного предложения зафиксированы в 2012 (20,9 %) и 2023 гг. (24,4 %) (рис. 1). Они могут быть обусловлены реакцией мегарегулятора на макроэкономические шоки и необходимостью поддержания устойчивости финансовой системы.

¹¹ Сезонно скорректированные ряды денежных агрегатов [Электронный ресурс]. Банк России: сайт. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/ (дата обращения: 01.02.2026).

Р и с. 1. Динамика изменения денежной массы (M2) и кредитного портфеля (2012–2024 гг.), %

Fig. 1. Dynamics of Money Supply (M2) and Credit Portfolio Changes (2012–2024), %

Источник: здесь и далее рисунки подготовлены авторами по материалам исследования.

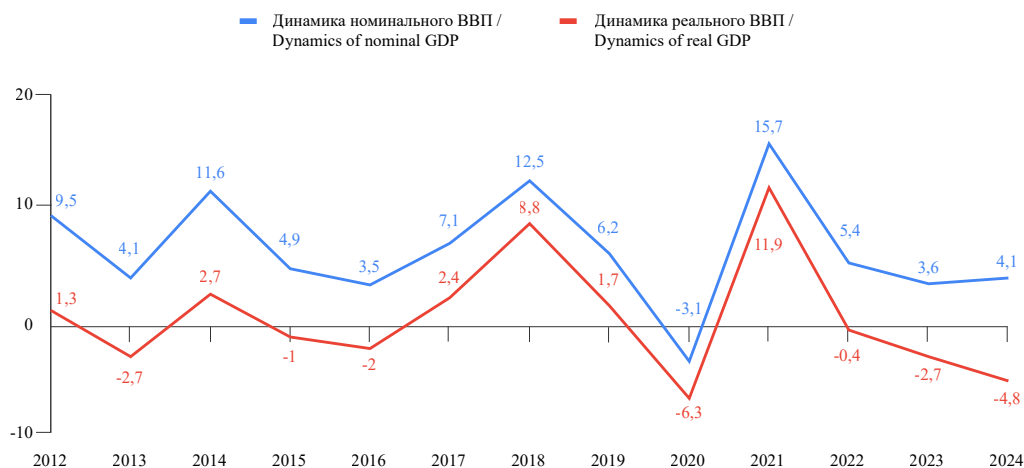
Source: hereinafter in the article the drawings were prepared by the authors based on the research materials.

Как видно из рисунка 1, динамика кредитного портфеля в исследуемый период в сравнении с денежной массой демонстрирует согласованное движение, что свидетельствует о наличии устойчивой взаимосвязи между параметрами денежного предложения и кредитной активностью. В 2012 году прирост кредитного портфеля составлял 19 %, и к 2022 г. параметр не изменился.

Отдельные временные промежутки, в частности в 2015, 2016 гг., темпы роста замедлились (до 7,6 и 6,4 % соответственно), что связано с экономическим спадом и ужесточением условий кредитования. Однако с 2020 года отмечается значительное ускорение роста кредитного портфеля, что отражает меры по стимулированию развития экономики в условиях возрастающей неопределенности. В 2020 году прирост составил 12,0 %, в 2021 – 15,0, в 2022 году достиг 19,0 % вследствие политики стимулирования кредитования и активного вмешательства регулятора.

Инфляционные процессы в 2012–2024 гг. характеризовались значительной волатильностью. В 2012 году уровень инфляции составлял 6,6 %, в 2015 – увеличился до 12,9 %, что обуславливалось макроэкономическими шоками и девальвацией национальной валюты. Позднее ситуация выровнялась, и в 2017 г. благодаря стабилизационным мерам и жесткой денежно-кредитной политике инфляция достигла минимального значения (2,5 %). Начиная с 2021 года инфляция вновь усилилась, достигнув 11,9 % в 2022 г., что связано с внешними экономическими шоками и структурными дисбалансами в финансовой системе. В последующие годы динамика инфляции оставалась напряженной: в 2023 г. ее уровень составил 7,42 %, в 2024 – 9,52 %. Сохранение относительно высокого инфляционного фона требовало адаптации денежно-кредитной политики к новым экономическим реалиям.

Динамика номинального и реального ВВП в исследуемый период в целом характеризовалась согласованной направленностью, различаясь по степени волатильности и глубине колебаний (рис. 2).

Р и с. 2. Динамика номинального и реального валового внутреннего продукта (ВВП) в 2012–2024 гг., %

F i g. 2. Dynamics of Nominal and Real Gross Domestic Product (GDP) in 2012–2024, %

Как видно из рисунка 2, номинальный ВВП демонстрировал преимущественно устойчивый рост, за исключением 2020 г. В 2020 году номинальный ВВП сократился на 3,1 % на фоне глобального кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Реальный ВВП демонстрировал отрицательную динамику в 2015 (–1,0 %), 2016 (–2,0) и 2020 гг. (–6,3 %) – это подтверждает влияние внешних и внутренних факторов на экономическую активность.

Снижение экономической активности в рассматриваемый период проявлялось в несколько этапов. Первый эпизод отрицательной динамики зафиксирован в 2015 г., когда темпы роста реального ВВП перешли в отрицательную зону (–1,0 %), что отражало начало рецессионных процессов. Более глубокий спад наблюдался в 2020 г. (–6,3 %) на фоне глобального кризиса, вызванного пандемией COVID-19. В ответ на кризисные явления правительство и Центральный банк РФ реализовали комплекс стабилизационных мер, в том числе постепенное снижение ключевой процентной ставки в 2016 г. Эти действия способствовали выходу экономики из рецессии в 2017 г., что отразилось в положительной динамике роста ВВП (+0,4 %).

Экономический кризис 2020 года стал одним из самых глубоких с 2009 г. Введение карантинных мер и локдаунов на фоне пандемии COVID-19 привело к существенному снижению экономической активности как внутри страны, так и на глобальных рынках. Значимым фактором спада послужило резкое падение цен на нефть, вызванное сокращением мирового спроса и ценовой войной между Саудовской Аравией и Россией в рамках соглашения ОПЕК+ (OPEC Plus)¹². В марте–апреле 2020 года стоимость нефти марки Brent опускалась ниже 20 долл. за баррель, что привело к значительному понижению доходов в бюджет РФ на фоне его высокой зависимости от экспорта энергоносителей. В результате произошло уменьшение налоговых поступлений и ослабление национальной валюты.

¹² Oil Market Report. April 2020. International Energy Agency [Online]. Available at: https://iea.blob.core.windows.net/assets/2f9a259f-1066-4f43-b0d8-6425430a0fa1/ILMarketReportSlides-April2020.pdf?utm_content=bufferae93e&utm_medium=social&utm_source=twitter-ieabirol&utm_campaign=buffer (accessed 01.02.2026).

Несмотря на восстановительный рост реального ВВП в 2021 г. (+11,9 %), уже в 2022 г. темпы экономического развития замедлились до – 0,4 %. В последующие годы динамика реального ВВП оставалась нестабильной: в 2023 г. зафиксировано снижение на уровне – 2,7 %, в 2024 г. – до – 4,8 %. Данная тенденция свидетельствует о сохраняющихся рисках замедления экономической активности и повышенной чувствительности экономики к внешним и внутренним шокам.

Эконометрический анализ взаимосвязи денежного агрегата М2 и кредитования. Для подтверждения или опровержения гипотезы о влиянии макроэкономических факторов на динамику розничного кредитования в России применен кросс-корреляционный анализ с учетом временных лагов. Такой подход позволил определить степень и задержку воздействия значимых макроэкономических переменных на кредитную активность, что важно для формирования обоснованных рекомендаций по денежно-кредитной политике:

$$R_{xy}(k) = \frac{1}{N} \sum_{t=1}^{N-k} (X_t - \bar{X})(Y_{t+k} - \bar{Y}),$$

где $R_{xy}(k)$ – значение кросс-корреляционной функции для временного лага; k – временной лаг, показывающий, через сколько периодов изменения X оказывают наибольшее влияние на Y ; N – количество наблюдений в выборке; t – момент времени; X_t – значение независимой переменной (темпы роста М2) в момент времени; \bar{X} и \bar{Y} – средние значения соответствующих временных рядов; Y_{t+k} – значение зависимой переменной (темпы роста кредитного портфеля) в момент времени $t + k$.

Вычислялись значения для различных временных лагов (k от – 4 до +4 кварталов), что дало возможность определить оптимальный лаг, при котором влияние М2 на кредитование является наибольшим. Максимальная корреляция зафиксирована при лаге в 2–3 квартала.

Результаты кросс-корреляционного анализа и регрессионного моделирования подтвердили наличие значимой взаимосвязи между динамикой денежной массы (М2) и объемами кредитования в России. Высокий коэффициент корреляции свидетельствует о тесной положительной связи между этими показателями, что верифицирует гипотезу о высокой чувствительности банковского сектора к изменениям монетарной политики.

Коэффициент связи между объемом денежной массы и объемом кредитования составил 0,85, что говорит о наличии сильной положительной зависимости. Регрессионное моделирование подтвердило, что рост агрегата М2 на 1 % сопровождается увеличением объемов розничного кредитования в среднем на 0,73 % при наличии временного лага в 2–3 квартала. Такой сдвиг отражает инерционную природу трансмиссионного механизма, связанную с операционными циклами банковской системы и адаптацией домохозяйств к изменению доступности ликвидности.

Особенности трансмиссии монетарных импульсов в кризисные периоды (2014–2015, 2020 гг.). В условиях кризисных шоков выявлено снижение чувствительности кредитной активности к процентной ставке и инфляционным ожиданиям при сохранении доминирующего влияния денежного агрегата М2. Дополнительно исследовались инфляционные ожидания и уровень ключевой

процентной ставки как возможные тормозящие переменные. Несмотря на ожидаемое с точки зрения теории негативное влияние, значимость данных факторов в эмпирических моделях оказалась существенно ниже, чем влияние денежного предложения. Это указывает на ограниченность антиинфляционных механизмов при переориентации денежно-кредитной политики в сторону таргетирования инвестиционного спроса и потребительской активности.

В кризисные периоды наблюдалось временное нарушение закономерности: денежная масса росла, но объемы кредитования не демонстрировали пропорционального прироста. Чувствительность спроса на заемные средства к монетарным стимулам снижалась в связи с усилением финансовых фрикций, ухудшением платежеспособности населения и ростом уровня закредитованности. Кросс-корреляционный анализ подтвердил наличие асимметрии: положительный эффект от роста денежной массы становится статистически значимым только после преодоления макроэкономической нестабильности.

Сопоставление методов показало приемлемые значения, т. е. модель не подвержена существенным искажениям. Однако уже на этом этапе были выявлены предпосылки к региональной дифференциации воздействия монетарных факторов, что обусловлено неравномерностью развития банковской инфраструктуры, доходов населения и инвестиционной активности в субъектах Российской Федерации.

Как один из экономически значимых субъектов Южного федерального округа Ростовская область позволяет рассмотреть механизмы трансмиссии монетарных импульсов в условиях достаточно высокой финансовой активности и сформированного спроса на кредитные ресурсы, а также выявить особенности влияния макроэкономических факторов на региональном уровне. По данным Банка России, объем розничного кредитного портфеля в Ростовской области в 2022 г. составил 852 млрд руб. (табл. 2), что отражает высокий уровень вовлеченности населения в кредитные отношения и дает возможность использовать регион в качестве эмпирического примера для анализа региональной специфики кредитного рынка¹³.

Таблица 2. Динамика объема розничного кредитования в Ростовской области в 2022–2024 гг., млрд руб.

Table 2. Retail lending volume dynamics in Rostov Region in 2022–2024, billion rubles

Год / Year	Объем розничных кредитов / Retail loans volume
2022	852
2023	670
2024	894

Источник: составлено авторами на основании данных: Банк России : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector (дата обращения: 01.02.2026).

Source: Compiled by the authors based on data from: Bank of Russia : website [Online]. Available at: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector (accessed 01.02.2026).

¹³ Банковский сектор [Электронный ресурс]. Банк России : сайт. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector (дата обращения: 28.01.2025).

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что объем розничных кредитов в Ростовской области за период 2022–2024 гг. претерпел значительные изменения: после прироста в 2022 г. (+ 30 %) ¹⁴ последовали спад в 2023 г. (в связи с ужесточением денежно-кредитной политики) и восстановление в 2024 г. Это указывает на существование четких циклических зависимостей, обеспечивавших чувствительность розничного кредитного рынка региона к изменениям агрегата M2 и ключевой ставки.

Анализ динамики кредитного рынка Ростовской области выявил высокую чувствительность региональной кредитной активности к изменениям в денежном предложении на федеральном уровне. На фоне высокой плотности банковских учреждений (по состоянию на 2023 г. в регионе функционировали 397 структурных подразделений кредитных организаций) рост M2 быстрее трансформировался в повышение доступности и объема кредитных ресурсов. Развитая инфраструктура онлайн-кредитования и высокая цифровизация финансовых услуг усилили этот эффект.

Регион характеризуется диверсифицированной банковской структурой: наряду с крупными универсальными банками (ПАО «Сбербанк», «Банк ВТБ (ПАО)», АО «АЛЬФА-БАНК» и др.) активно работают локальные и региональные банки, нацеленные на субъекты малого и среднего предпринимательства, а также на розничный сегмент. Эта особенность усиливает кредитную инклюзивность населения и обеспечивает гибкую настройку в контексте регионального спроса.

Однако наблюдаются и определенные риски. Например, в структуре кредитного портфеля высока доля необеспеченных потребительских займов, что требует усиления надзора и пруденциальной политики в части оценки платежеспособности. Кроме того, повышение ключевой ставки в 2022–2023 гг. оказало заметное тормозящее воздействие на темпы роста ипотечного кредитования, особенно в районах с более низкой доходной базой.

Передача монетарных импульсов на уровень субъекта Российской Федерации, как показал региональный анализ, происходит с определенной задержкой и отличается устойчивым характером, что отражается в согласованной динамике денежной массы и объемов розничного кредитования в Ростовской области. При этом специфика реакции кредитного рынка определяется совокупностью социально-экономических условий, среди которых наибольшее значение имеют уровень доходов населения, развитость банковской инфраструктуры и степень распространения цифровых финансовых сервисов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования подтверждают наличие устойчивой взаимосвязи между динамикой денежного предложения и объемами розничного кредитования в России в 2012–2024 гг. Полученные выводы эмпирически обосновывают гипотезу о высокой чувствительности кредитного рынка к изменениям агрегата M2, что продемонстрировано как на уровне общероссийских макроэкономических показателей, так и в региональном разрезе.

¹⁴ Банковский сектор...

Долгосрочный рост денежной массы в экономике сопровождался усилением кредитной активности, особенно после 2020 г. При этом были выявлены наличие временного лага при трансформации монетарных импульсов в фактический рост кредитования; наиболее выраженное воздействие наблюдалось с отставанием в 2–3 квартала. Этот эффект объясняется особенностями операционного цикла банковской системы, а также инерционностью спроса со стороны домохозяйств.

Применение кросс-корреляционного анализа дало возможность установить статистически значимую зависимость между динамикой агрегата М2 и объемами кредитования. При этом коэффициент корреляции составил 0,85, что свидетельствует о высокой степени сопряженности показателей.

Анализ регионального компонента, проведенный на примере Ростовской области, дополнительно подтвердил чувствительность кредитной активности к изменению федеральных параметров денежного предложения. Рост объема розничных кредитов в 2022 г. и его коррекция в 2023 г. с восстановлением в 2024 г. совпадают с изменениями в ключевой процентной ставке и монетарной политике в целом. Полученные данные позволяют предположить, что при наличии развитой банковской инфраструктуры и цифровых каналов кредитования такие регионы могут демонстрировать более высокую трансмиссионную эффективность, чем территории с ограниченным доступом к финансовым услугам.

Изучение кризисных периодов 2014–2015 и 2020 гг. показало, что в условиях ухудшения макроэкономической конъюнктуры происходит ослабление взаимосвязи между динамикой денежной массы и объемами розничного кредитования. Это проявляется в снижении темпов роста кредитного портфеля, повышении неопределенности, изменении поведенческих стратегий заемщиков и кредиторов. Усиление финансовых фрикций и кредитных рисков в указанные периоды привело к снижению эффективности передачи монетарных импульсов, что в целом соответствует положениям концепции финансового ускорителя. В последующем наблюдалось восстановление чувствительности кредитного рынка к изменениям денежного предложения, что подтверждает инерционный характер механизма монетарной трансмиссии.

В результате дополнительного анализа региональных статистических материалов Банка России установлено, что в субъектах Российской Федерации с более развитой банковской инфраструктурой и высоким уровнем вовлеченности населения в финансовые отношения реакция кредитной активности на изменение макроэкономических условий более выражена. В этом смысле Ростовская область продемонстрировала динамику, которая согласуется с общенациональными тенденциями, что позволяет рассматривать регион в качестве эмпирического кейса для изучения особенностей реализации денежно-кредитной политики на региональном уровне.

Полученные выводы в целом соответствуют результатам зарубежных исследований в области монетарной трансмиссии, отражающих неоднородность воздействия денежно-кредитной политики в пространственно дифференцированных экономиках. Даже при единых параметрах монетарного регулирования эффект его реализации может различаться в зависимости от институциональных и структурных характеристик регионов.

К числу ограничений исследования относится отсутствие официальной статистики по денежному агрегату М2 в разрезе субъектов РФ, что затрудняет полноценное

межрегиональное эконометрическое сопоставление. Кроме того, использование агрегированных макроэкономических показателей ограничивает возможность учета внутригодовой динамики и локальных структурных особенностей региональных экономик. Количественный анализ выполнен на примере одного региона, поэтому его результаты не предполагают прямого межрегионального сопоставления. Однако они указывают на вероятную дифференциацию условий трансмиссии монетарных импульсов, формирующейся под воздействием региональных факторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Установлена статистически значимая взаимосвязь между динамикой денежного агрегата М2 и объемами розничного кредитования в России, что подтверждается высокими значениями коэффициента корреляции, а также результатами регрессионного анализа. Выявлено, что передача монетарных импульсов носит запаздывающий характер и реализуется с временным лагом порядка 2–3 кварталов. Показано, что на региональном уровне описанная зависимость сохраняется, однако ее проявление определяется особенностями социально-экономической среды конкретного субъекта.

Анализ, выполненный на примере Ростовской области, показал, что динамика розничного кредитования в регионе в целом согласуется с общероссийскими тенденциями, включая рост в посткризисный период и коррекцию при ужесточении денежно-кредитной политики. Количественные параметры кредитной активности и скорость реакции на изменение макроэкономических условий обусловлены такими факторами, как уровень доходов населения, степень развития банковской инфраструктуры и распространенность цифровых финансовых сервисов.

Полученные результаты не предполагают прямого межрегионального сопоставления ввиду отсутствия статистики денежного агрегата М2 в разрезе субъектов РФ. Вместе с тем они свидетельствуют о значимости региональной специфики (плотности банковской инфраструктуры и цифровизации) для скорости и полноты реализации общенациональных монетарных импульсов, что уточняет исходную гипотезу об инерционном характере кредитной трансмиссии.

Научная новизна исследования заключается в эмпирическом подтверждении инерционного характера монетарной трансмиссии в сегменте розничного кредитования, количественной оценке временного лага, а также в уточнении роли институциональных и инфраструктурных факторов, определяющих воспроизводимость указанных макроэкономических зависимостей на региональном уровне (на примере Ростовской области).

Практическая значимость исследования связана с возможностью использовать полученные результаты при формировании параметров денежно-кредитной и макропруденциальной политики. Выявленные зависимости могут быть учтены Банком России при оценке чувствительности кредитного рынка к изменениям денежного предложения. Для органов регионального управления результаты представляют интерес в контексте разработки мер по развитию финансовой инфраструктуры и повышению доступности кредитных ресурсов для населения. Кроме того, они могут быть использованы кредитными организациями при формировании региональных стратегий розничного кредитования с учетом особенностей спроса и уровня риска.

Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием подходов к анализу региональных аспектов монетарной трансмиссии в условиях ограниченности официальной статистической информации. В связи с отсутствием данных по

денежному агрегату М2 в разрезе субъектов Российской Федерации углубление анализа представляется целесообразным на основе использования косвенных макроэкономических индикаторов, характеризующих кредитную активность, уровень экономического развития и доходы населения.

Одним из направлений является применение методов пространственного анализа для выявления эффектов распространения монетарных импульсов между регионами на основе доступных показателей кредитования и экономической динамики. Дополнительный потенциал связан с использованием данных более высокой частоты (квартальных и месячных), что позволит уточнить параметры временных лагов и выявить краткосрочные особенности реакции кредитного рынка на изменения макроэкономической среды.

Перспективным представляется также включение в анализ показателей развития цифровых финансовых услуг для оценки влияния цифровизации на скорость и полноту передачи монетарных импульсов. Это актуально в условиях трансформации каналов банковского обслуживания и расширения дистанционных форм кредитного взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Candian G., Dmitriev M. Default Recovery Rates and Aggregate Fluctuations. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2020;(121):104011. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2020.104011>
2. Ващелюк Н.В., Полбин А.В., Трунин П.В. Оценка макроэкономических эффектов шока ДКП для российской экономики. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2015;19(2):169–198. URL: <https://elck.ru/3TwxC5> (дата обращения: 28.01.2025).
3. Ломоносов Д. Шоки деловой активности и специфические шоки рынка нефти в DSGE-модели экономики России и их влияние при разных режимах ДКП. *Деньги и кредит*. 2023;82(4):44–79. <https://www.elibrary.ru/spagiw>
4. Гудакова Л.В., Гребенникова Е.Д., Фощан Г.И. Эвентуальная эконометрическая модель денежно-кредитной политики Российской Федерации. *Финансы и кредит*. 2022;28(4):878–899. <https://doi.org/10.24891/fc.28.4.878>
5. Stewart K.G. The Simple Macroeconometrics of the Quantity Theory and the Welfare Cost of Inflation. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2024;(162):104842. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2024.104842>
6. Чарочкина Е.Ю., Согачева О.В., Тимофеева Ю.А. Динамика и структура банковского кредитования в аспекте макроэкономической нестабильности и кризиса. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2023;(4/2):275–279. <https://doi.org/10.17513/vaael.2797>
7. Фатхуллин А.Р., Валитов Г.Ш. Потребительское кредитование в РФ: актуальная динамика, проблемы и угрозы для экономики. *Экономические науки*. 2020;(193):441–453. <https://doi.org/10.14451/1.193.441>
8. Горлов С.М., Бредихина В.А. Методология многомерного подхода к анализу проблем и перспектив денежно-кредитной политики России. *Финансовые исследования*. 2024;25(1):52–64. <https://www.elibrary.ru/yplabt>
9. Лапаев Д.Н., Рамазанов С.С. Процентный канал и инновационные механизмы Банка России. *Экономическая безопасность*. 2024;7(2):247–264. <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.2.120586>
10. Choi M., Rocheteau G. A Model of Retail Banking and the Deposits Channel of Monetary Policy. *Journal of Monetary Economics*. 2023;(139):127–147. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2023.06.010>
11. Пелипась И., Точицкая И. Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики в контексте макроэконометрической модели МЭМФИС. *Банковский вестник*. 2023;(8):12–33. <https://www.elibrary.ru/teusxr>
12. Fernandez J.A.F. Banking Systems in the Euro Zone and Transmission of Monetary Policy. *Central Bank Review*. 2024;24(1):100148. <https://doi.org/10.1016/j.cbrev.2024.100148>

13. Шарафутдинов А. Прогнозирование российских ВВП, инфляции, ставки процента и обменного курса с помощью модели DSGE-VAR. *Деньги и кредит*. 2023;82(3):62–86. <https://elibrary.ru/pcb0nx>
14. Moyo C., Phiri A. Monetary Policy Spillovers between the US and African Central Banks: A Time- and Frequency-Varying Connectedness Study. *Central Bank Review*. 2024;24(2):100159. <https://doi.org/10.1016/j.cbrev.2024.100159>
15. Bašić L. From Russia with Love: The Resilience of Monetary Policy Transmission Channels During Western Sanctions and the Monetary Regime Shift. *Russian Journal of Economics*. 2025;11(4):465–484. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.11.145962>
16. Galí J. The State of New Keynesian Economics: A Partial Assessment. *Journal of Economic Perspectives*. 2018;32(3):87–112. <https://doi.org/10.1257/jep.32.3.87>
17. Чубарова Г.П., Шапиро И.Е. Интеграция цифровых валют в современные денежно-кредитные системы с целью регулирования инфляционных рисков. *Финансовые исследования*. 2023;24(2):22–32. <https://elibrary.ru/gglwtr>
18. Шапиро И.Е. Денежно-кредитная политика Банка России и перспективы ценовой стабильности. *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2021;(4):181–187. <https://www.elibrary.ru/gayruu>
19. Щемелев С.Н., Цой Р.А., Коликова Е.М. Проблемы и перспективы развития розничного кредитования. *Финансовые исследования*. 2023;24(3):35–43. <https://elibrary.ru/qxsbmty>

REFERENCES

1. Candian G., Dmitriev M. Default Recovery Rates and Aggregate Fluctuations. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2020;(121):104011. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2020.104011>
2. Vashchelyuk N.V., Polbin A.V., Trunin P.V. Estimation of the Monetary Policy Shock's Influence on the Russian Economy. *Higher School of Economics Economic Journal*. 2015;19(2):168–189. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://elck.ru/3TwxC5> (accessed 28.01.2025).
3. Lomonosov D. Shocks of Business Activity and Specific Shocks to Oil Market in DSGE Model of Russian Economy and their Influence under Different Monetary Policy Regimes. *Russian Journal of Money and Finance*. 2023;82(4):44–79. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/spagiw>
4. Gudakova L.V., Grebennikova E.D., Foshchan G.I. The Eventual Econometric Model of the Monetary Policy of the Russian Federation. *Finance and Credit*. 2022;28(4):878–899. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24891/fc.28.4.878>
5. Stewart K.G. The Simple Macroeconometrics of the Quantity Theory and the Welfare Cost of Inflation. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2024;(162):104842. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2024.104842>
6. Charochkina E.Yu., Sogacheva O.V., Timofeeva Yu.A. Dynamics and Structure of Bank Lending in the Aspect of Macroeconomic Instability and Crisis. *Journal of Altai Academy of Economics and Law*. 2023;(4/2):275–279. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17513/vael.2797>
7. Fatkhullin A.R., Valitov G.Sh. Consumer Lending in the Russian Federation: Current Dynamics, Problems, and Threats to the Economy. *Economic Sciences*. 2020;(193):441–453. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14451/1.193.441>
8. Gorlov S.M., Bredikhina V.A. The Methodology of a Multidimensional Approach to Analyzing Issues and Potential of Russia's Monetary Policy. *Financial Research*. 2024;25(1):52–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/yplabt>
9. Lapaev D.N., Ramazanov S.S. Interest Channel and Innovative Mechanisms of the Bank of Russia. *Economic Security*. 2024;7(2):247–264. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.2.120586>
10. Choi M., Rocheteau G. A Model of Retail Banking and the Deposits Channel of Monetary Policy. *Journal of Monetary Economics*. 2023;(139):127–147. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2023.06.010>

11. Pelipas I., Tochitskaya I. Transmission Mechanism of Monetary Policy in the MEMFIS Macroeconometric Model. *Bank Bulletin Journal*. 2023;(8):12–33. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/teusxr>
12. Fernandez J.A.F. Banking Systems in the Euro Zone and Transmission of Monetary Policy. *Central Bank Review*. 2024;24(1):100148. <https://doi.org/10.1016/j.cbrev.2024.100148>
13. Sharafutdinov A. Forecasting Russian GDP, Inflation, Interest Rate, and Exchange Rate Using DSGE-VAR Model. *Russian Journal of Money and Finance*. 2023;82(3):62–86. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/pcbonx>
14. Moyo C., Phiri A. Monetary Policy Spillovers between the US and African Central Banks: A Time- and Frequency-Varying Connectedness Study. *Central Bank Review*. 2024;24(2):100159. <https://doi.org/10.1016/j.cbrev.2024.100159>
15. Bašić L. From Russia with Love: The Resilience of Monetary Policy Transmission Channels During Western Sanctions and the Monetary Regime Shift. *Russian Journal of Economics*. 2025;11(4):465–484. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.11.145962>
16. Galí J. The State of New Keynesian Economics: A Partial Assessment. *Journal of Economic Perspectives*. 2018;32(3):87–112. <https://doi.org/10.1257/jep.32.3.87>
17. Chubarova G.P., Shapiro I.E. Integration of Digital Currencies into Contemporary Monetary and Credit Systems for the Purpose of Inflation Risk Regulation. *Financial Research*. 2023;24(2):22–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/gglwtr>
18. Shapiro I.E. Bank of Russia's Monetary Policy and Prospects for Price Stability. *Vestnik of Rostov State Economic Universit.* 2021;(4):181–187. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/gayruu>
19. Shchemelev S.N., Coei R.A., Kolikova E.M. Challenges and Prospects of Retail Lending Development. *Financial Research*. 2023;24(3):35–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/qxsbmby>

Об авторах:

Шапиро Ирина Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры банковского дела Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3501-2728>, Scopus ID: 57206737765, SPIN-код: 2637-2707, 19iesha77@gmail.com

Щемелев Сергей Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики региона, отраслей и предприятий Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1494-4101>, Scopus ID: 57217108771, SPIN-код: 5618-1683, sshchemelev@gmail.com

Вклад авторов:

И. Е. Шапиро – формальный анализ; проведение исследования; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

С. Н. Щемелев – разработка концепции; разработка методологии; научное руководство.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 11.03.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принята к публикации 30.10.2025.

About the authors:

Irina E. Shapiro, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Banking, Rostov State University of Economics (RSUE) (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3501-2728>, Scopus ID: 57206737765, SPIN-code: 2637-2707, 19iesha77@gmail.com

Sergei N. Shchemelev, Dr.Sci. (Econ.), Professor of the Chair of Regional, Sectoral Economics and Enterprises, Rostov State University of Economics (RSUE) (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1494-4101>, Scopus ID: 57217108771, SPIN-code: 5618-1683, sshchemelev@gmail.com

Contribution of the authors:

I. E. Shapiro – formal analysis; investigation; writing – review and editing.

S. N. Shchemelev – conceptualization; methodology; supervision.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 11.03.2025; revised 17.10.2025; accepted 30.10.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.284-304>EDN: <https://elibrary.ru/iywsno>

УДК / UDC 338.48:339.1:332.1

<http://regionsar.ru>

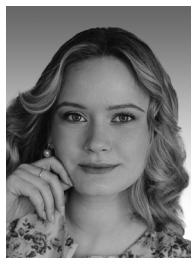
ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Оценка потенциального спроса
на туристические ресурсы региона

Е. Г. Леонидова ✉

А. Ю. Баландина

*Вологодский научный центр Российской академии наук
(г. Вологда, Российская Федерация)*✉ eg_leonidova@mail.ru

Аннотация

Введение. В условиях неблагоприятного влияния внешней среды, затрудняющего выезд населения за границу, основным драйвером развития туристической отрасли в России стал внутренний туризм. Регионы конкурируют друг с другом за рост турпотока, и прежде всего территории, предлагающие иной тип отдыха. К таковым относится Вологодская область. Цель статьи – оценка потенциального спроса на туристические ресурсы региона на основе анализа данных поисковых запросов в условиях неполноты официальной статистической информации для решения научной проблемы измерения ненаблюдаемых сегментов спроса, в частности внутрирегионального туризма, и верификации цифровых следов как маркеров его формирования.

Материалы и методы. Информационную базу исследования составили результаты, полученные на основе данных поисковых запросов платформы «Яндекс.Вордстат» с применением контент-анализа. Используемые данные позволили оценить потенциальный спрос на туристические услуги региона со стороны местных жителей и гостей из других российских регионов. Временной интервал поиска запросов составил 6 лет (2019–2024 гг. в разрезе месяцев).

Результаты исследования. Выявлено, что наибольший интерес к путешествиям в Вологодской области проявляют местные жители. При этом темпы роста потенциального спроса на коллективные средства размещения превышают темпы развития гостиничной инфраструктуры, что указывает на ее дефицит. Определена значимость оценки потенциального спроса на туристические ресурсы региона для развития внутреннего туризма.

Заключение. Сделан вывод о том, что использование данных о поисковых запросах является эффективным инструментом оценки потенциального спроса на туристические ресурсы региона. Результаты исследования имеют практическое значение для специалистов, занимающихся технологиями позиционирования и продвижения бренда региона.

© Леонидова Е. Г., Баландина А. Ю., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: контент-анализ, Вологодская область, регион, потенциальный спрос, туристические ресурсы, туризм

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01067 (<https://rscf.ru/project/24-18-01067/>).

Для цитирования: Леонидова Е.Г., Баландина А.Ю. Оценка потенциального спроса на туристические ресурсы региона. *Регионоведение*. 2026;34(2):284–304. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.284-304>

Assessment of the Potential Demand for the Region's Tourism Resources

E. G. Leonidova ✉, A. Yu. Balandina

*Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Vologda, Russian Federation)*

✉ eg_leonidova@mail.ru

Abstract

Introduction. In the face of unfavorable external influences, which hinder Russians' travel abroad, domestic tourism has become the main driver of tourism development in Russia. Russian regions are competing with each other for increased tourist flow, particularly for areas offering a different type of vacation. The Vologda Region is one of such region. The purpose of this article is to assess potential demand for the region's tourism resources based on an analysis of search query data, given the incompleteness of official statistical information. This is to address the scientific problem of measuring unobserved segments of demand, particularly intraregional tourism, and verifying digital traces as markers of its formation.

Materials and Methods. The information basis of the study was based on the results obtained from the Yandex.Wordstat using content analysis. The data used made it possible to assess the potential demand for tourist services in the region from local residents and visitors from other Russian regions. The time interval for the search was 6 years (2019–2024 in terms of months).

Results. It was found that local residents are the most interested in traveling in the Vologda Region. Potential demand for shared accommodations is growing faster than the development of hotel infrastructure, indicating a shortage. The importance of assessing the potential demand for the region's tourism resources for the development of domestic tourism was determined.

Conclusion. The study concluded that using search query data is an effective tool for assessing potential demand for a region's tourism resources. The study's findings have practical implications for specialists working on regional brand positioning and promotion technologies.

Keywords: content analysis, Vologda Region, region, potential demand, tourism resources, tourism

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation, Grant No. 24-18-01067 (<https://rscf.ru/project/24-18-01067/>).

For citation: Leonidova E.G., Balandina A.Yu. Assessment of the Potential Demand for the Region's Tourism Resources. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(2):284–304. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.284-304>

ВВЕДЕНИЕ

Туристический бизнес в России динамично развивается, несмотря на экономические вызовы, а внутренний туризм остается главным драйвером роста отрасли [1]. Правительством РФ предпринимаются значительные усилия

по развитию туристической инфраструктуры, главным образом путем привлечения государственных и частных инвестиций, объем которых за девять месяцев 2024 года увеличился на 44 % и достиг 652 млрд руб. (почти в 1,5 раза больше, чем за аналогичный период 2023 г.¹).

Развитию туризма в российских регионах уделяется много внимания, что связано как с нестабильной геополитической ситуацией, так и с реализацией национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства»². По состоянию на 2024 год число россиян, остановившихся в коллективных средствах размещения (КСР), увеличилось относительно прошлого года на 10 % и составило 81,3 млн.

Реализация названного проекта предполагает обеспечение к 2030 г. роста доли туризма в валовом внутреннем продукте страны до 5 % (по итогам 2025 года она составила 3,1 %³). Наиболее востребованными у россиян с точки зрения туризма являются несколько внутренних регионов [2]. В этих условиях важным становится наращивание туристического потока и развитие туристического предложения для территорий, потенциал которых не использован в полной мере [3; 4].

Интенсивный рост туристической отрасли в России начала XX века актуализирует вопросы, связанные с оценкой увеличения туристической привлекательности и спроса на туристические ресурсы в регионах, где туристическая активность невысока [5; 6]. Это критически важно именно для территорий с низким турпоток, поскольку в условиях конкуренции за клиента и ограниченности бюджетных средств формирование стратегии развития без знаний о динамике и структуре спроса в точках притяжения сопровождается рисками.

Официальная статистика фиксирует значение показателя, но по ней нельзя выявить скрытый, нереализованный интерес потребителей и понять, является он следствием отсутствия спроса или результатом неразвитости, несоответствия предложения. Объем туристического интереса может косвенно свидетельствовать об уровне неудовлетворенности инфраструктурой, территориях, перспективных для развития туризма. Кроме того, выход некоторых данных официальной статистики по туризму в разрезе муниципальных образований в России публикуется с запозданием в год, а проведение социологических опросов сопряжено с рисками получения нерепрезентативной выборки ответов.

Учитывая сказанное, традиционные методы исследования не позволяют оперативно и детально оценить не только реализованный, но и потенциальный спрос; выявить масштабы и структуру внутрирегионального туризма, который практически невидим для официальной статистики; диагностировать точечные структурные дисбалансы между спросом и предложением на уровне отдельных муниципалитетов и видов услуг.

Оценка потенциального спроса в туризме на основе анализа цифровых данных по туристическому интересу, выраженному через поисковые запросы в интернете, позволяет выявить скрытые тенденции, предпочтения потребителей и динамику

¹ Дмитрий Чернышенко: Почти в 1,5 раза выросли инвестиции в туризм в России в 2024 году [Электронный ресурс]. Правительство России : сайт. URL: <http://government.ru/news/53949/> (дата обращения: 13.02.2025).

² Туризм и гостеприимство. Национальные проекты России : сайт. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/turizm-i-gostepriimstvo/> (дата обращения: 13.02.2025).

³ Туризм: Валовая добавленная стоимость туристской индустрии [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 17.02.2025).

спроса до того, как они проявятся в фактических бронированиях или посещениях. В XX веке актуальность исследований туристических намерений посредством больших данных поисковых систем лишь возрастает [7].

Цель статьи – оценка потенциального спроса на туристические ресурсы региона на основе анализа данных поисковых запросов в условиях неполноты официальной статистической информации для решения научной проблемы измерения ненаблюдаемых сегментов спроса, в частности внутрирегионального туризма, и верификации цифровых следов как маркеров его формирования.

В рамках исследования проверялись следующие гипотезы:

H1: в структуре и динамике потенциального спроса на туристические ресурсы Вологодской области, характерных для местных (внутрирегиональный туризм) и жителей других субъектов РФ (въездной туризм), существуют статистически значимые различия, что свидетельствует о разных моделях потребительского поведения;

H2: анализ поисковых запросов позволяет идентифицировать конкретные структурные дисбалансы на туристическом рынке региона, а именно критические разрывы между высоким потенциальным спросом и недостаточным предложением для отдельных видов услуг в разрезе муниципалитетов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Определение туристического спроса включает стадии намерения и реализации [8]. Если второе возможно провести по официальным статистическим данным, то единых подходов к измерению стадии намерения в настоящее время не существует.

В фокусе дискуссии находится проблема информационной базы, поскольку важно, чтобы данные являлись репрезентативными, а также доступными с точки зрения возможности их применения для каждого региона страны. В качестве подобной базы для оценки намерений, т. е. потенциального спроса, могут выступить большие информационные массивы поисковых систем [9]. Это обосновано рядом обстоятельств: поисковые запросы отражают потребительский интерес [10–12]; представлены большими данными, что позволяет собрать репрезентативную выборку; обновляются на регулярной основе; работа поисковых систем осуществляется в каждом регионе страны; анализ запросов в дальнейшем даст возможность прогнозировать туристический спрос на конкретные объекты, локальные территории, регионы [13].

Платформ для анализа цифровых следов пользователей несколько. Крупнейшей в мире является поисковая система Google, и самым популярным сервисом в большинстве стран выступает Google Trends. Он показывает динамику популярности запроса, распространенные и наиболее близкие, а также набирающие популярность формулировки в заданном местоположении и временном периоде. Информация предоставляется в виде агрегированного параметра, отражающего уровень интереса от 0 до 100. Используя данные сервиса, исследователи прогнозируют объем спроса на гостиничные номера [14] и туристические ресурсы территорий [15], а также моделируют поведенческие аспекты туристов, влияющие на выбор направления путешествий [16].

В России Google конкурирует с «Яндексом», чья доля на рынке достигла 70 % пользователей⁴. Платформа «Яндекс.Вордстат» (аналог Google Trends) предо-

⁴ Поисковые системы в России [Электронный ресурс]. Яндекс.Радар : сайт. URL: <https://radar.yandex.ru/search> (дата обращения: 13.02.2025).

ставляет количественные данные с 2018 г. (в разрезе месяцев) и географию запросов (РФ и другие страны). Сервис доказал эффективность для научных исследований в сфере туризма: выявляются сезонность и динамика запросов на достопримечательности, определяются наиболее популярные онлайн-объекты [17].

Данные поисковых запросов также позволяют проводить мониторинговые наблюдения в контексте изменения потенциального спроса на туристические услуги [18]. Подобные задачи были решены в отношении г. Белгорода [19], что дало возможность выявить стабильность туристического интереса и его выраженную сезонность. Кроме того, имеется опыт использования сервиса для определения устойчивости спроса туристов относительно событийных мероприятий в Республике Мордовия [20], гастрономического туризма Республики Татарстан [21]. Благодаря широкой географии запросов, отслеживаемых платформой «Яндекс.Вордстат», можно выявить специфику восприятия жителями приграничных территорий и целей поездок в соседние регионы [22].

Интерес вызывает возможность платформы отслеживать динамику запросов в территориальном и временном разрезе, в особенности применительно к внутрирегиональному туризму. Данные Росстата позволяют выявить спрос на путешествия в регион со стороны всех россиян, но исключают возможность определить потребление туруслуг местными жителями. Можно констатировать, что при проведении исследований ученые и эксперты испытывают потребность в адекватных способах измерения внутрирегионального туристического спроса в условиях недостатка официальной статистики. С этой точки зрения технологии «Яндекс.Вордстата» способствуют развитию такой тематики, как потенциальный внутрирегиональный спрос на туристические ресурсы территорий.

В условиях растущего интереса к использованию больших данных (в частности, поисковых запросов) для анализа туристического спроса большинство исследований опирается на сведения зарубежных сервисов, в первую очередь Google Trends. Однако для отечественной практики использование «Яндекс.Вордстат» более релевантно, хотя методически менее проработано. Существующие работы, как правило, фокусируются на анализе спроса со стороны внешних туристов (межрегиональном или международном въездном туризме). При этом внутрирегиональный туризм, потенциал и динамика которого изучены слабо, остается в значительной степени слепым пятном из-за отсутствия адекватного отражения в официальной статистике.

Имеющиеся исследования в основном ограничиваются изучением спроса на отдельные достопримечательности или виды туризма. Комплексный методический подход, позволяющий оценить совокупный потенциальный спрос на всю туристско-рекреационную систему региона (включая размещение, питание, наследие, события и т. д.) с привязкой к географическому принципу (муниципалитеты), разработан недостаточно. Кроме того, данные поисковых запросов редко используются для выявления структурных дисбалансов и дефицитов в туристическом предложении территории (например, нехватки конкретных видов размещения).

Таким образом, необходимо апробировать и доработать методику использования российского сервиса «Яндекс.Вордстат»; сместить акцент с исключительно въезд-

ного туризма на внутрирегиональный, чтобы оценить его масштабы и динамику; разработать комплексный подход для оценки спроса на всю многокомпонентную структуру туристических ресурсов региона.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн исследования. Исследование носит количественный характер и основано на методологии кейс-стади. На основе анализа больших данных поисковых запросов «Яндекс.Вордстат» в отношении Вологодской области с применением контент-анализа оценивался потенциальный спрос на туристические ресурсы региона в разрезе внутрирегионального и въездного туристических потоков⁵.

Объект и предмет исследования. В качестве объекта исследования выступила Вологодская область – регион Северо-Запада России, обладающий уникальным культурно-историческим и природным потенциалом, который не используется в полной мере; в качестве предмета – потенциальный спрос на туристические ресурсы региона.

Теоретическая база исследования. Работа развивает положения поведенческой экономики и экономики туризма, предлагая методический подход к проактивному моделированию спроса на основе цифровых маркеров потребительского поведения. Это позволяет пересмотреть классические модели формирования туристического спроса и дополнить их компонентом, который отражает процесс принятия решений потребителями в условиях цифровой среды.

Исследование опирается на федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»⁶, согласно которому к туристическим ресурсам относятся природные, исторические, социально-культурные объекты, включая объекты туристского показа, а также другие объекты, способные удовлетворить духовные и иные потребности туристов, содействовать поддержанию их жизнедеятельности, восстановлению и развитию их физических сил.

Методология исследования и процедура анализа. Методологическая схема включает в себя пять этапов, обеспечивших системность исследовательского процесса. Первый посвящен выборке территорий для изучения. Она основывается на показателях туристического потока, предоставляемых Росстатом⁷, а также данных региональных туристско-информационных центров [23]. В рамках кейса Вологодской области были выбраны г. Вологда, Череповец, Великий Устюг, Вытегра, Кириллов, Белозерск, Тотма, а также Устюженский, Грязовецкий, Сокольский и Нюксенский муниципалитеты, т. е. 11 туристических центров региона.

Второй этап предполагал отбор формулировок соответствующих поисковых запросов. По состоянию на 2025 год в реестре культурного наследия в Вологодской области числилось 912 памятников истории и культуры⁸. На данной территории расположены природные объекты, характеризующиеся туристско-рекреационным

⁵ Под туристическим потоком понимается численность лиц, размещенных в КСР.

⁶ Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 23.07.2025) [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462 (дата обращения: 14.02.2025).

⁷ Туризм: Основные показатели деятельности средств размещения по РФ и субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 17.02.2025).

⁸ Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс]. Портал открытых данных Министерства культуры РФ : сайт. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrnk#a:eyJ0YWliOiJldWlsZF90YWJsZSJ9> (дата обращения: 05.04.2026).

потенциалом (Шекснинское водохранилище, Белое озеро, Онежское озеро, река Сухона и др.); активно развивается событийный туризм: согласно данным туристско-информационных центров, в год проводится 15–20 фестивалей⁹.

Объем поисковых запросов трактуется как показатель потенциального туристического спроса, отражающий интерес пользователей к туристическим ресурсам региона.

На третьем этапе составлялась карта ключевых слов, а также осуществлялась их классификация. Работа сосредоточивалась на объектах, которые составляют основу туристического предложения региона, поскольку попытка проверить на популярность все имеющиеся объекты является чрезмерно трудоемкой, а излишнее количество ключевых слов создаст шум в данных [23]. В рамках исследования составлены 829 поисковых фраз, в том числе с применением вспомогательных формулировок, предлагаемых сервисом «Яндекс.Вордстат».

Формирование карты ключевых слов (табл. 1) осуществлялось ручным способом, что обусловлено следующими причинами. Во-первых, поскольку состав значимых туристических объектов существенно различается по регионам и муниципалитетам, для полноты охвата и репрезентативности данных список ключевых слов составлялся на основе сведений региональных туристско-информационных центров. Во-вторых, «Яндекс.Вордстат» учитывает каждую синтаксическую вариацию (включая предлоги и падежи) как отдельную поисковую единицу, требующую индивидуальной загрузки. Таким образом, ручной сбор точных локализованных запросов – основной способ обеспечить репрезентативность данных с учетом уникальности туристических ресурсов каждого муниципалитета.

Таблица 1. Карта ключевых слов поиска

Table 1. Search keyword map

Тематика / Subject matter	Категория / Category	Пример запроса / Request example
1	2	3
КСР / CAF	Отели, гостиницы, хостелы, гостевые дома, базы отдыха, глэмпинги / Hotels, hostels, guest houses, recreation centers, glamping	«гостиницы + в Череповце», «базы отдыха + в Тотме» / “hotels + in Cherepovets”, “recreation centers + in Totma”
Общественное питание / Public catering	Рестораны, кафе, бары / Restaurants, cafe, bars	«рестораны Вологда», «кафе + в Устюжне» / “Vologda restaurants”, “cafe + in Ustyuzhna”
Культурное и историческое наследие / Cultural and historical heritage	Музеи, религиозные объекты, памятники истории и культуры, парки и скверы / Museums, religious sites, historical and cultural monuments, parks and squares	«музеи Нюксеница», «музей «Мир забытых вещей» + в Вологде», «Кирилло-белозерский музей-заповедник», «Спасо-Прилуцкий мужской монастырь» / “Nyuksenitsa museums”, “The World of Forgotten Things + Museum in Vologda”, “Kirillo-Belozersky Museum-Reserve”, “Spaso-Prilutsky Monastery”
Объекты природного наследия / Natural heritage sites	Национальные парки, водные объекты, озера и реки, памятники природы / National parks, water bodies, lakes and rivers, natural monuments	«Национальный парк Русский Север», «парк Русский Север Кириллов», «Дарвинский заповедник», «Опоки», «гейзер + на Сухоне» / “Russian North National Park”, “Kirillov Russian North Park”, “Darwin Nature Reserve”, “Opoki”, “geyser + on Sukhona”

⁹ Афиша событий [Электронный ресурс]. Туристский информационный центр Вологодской области : сайт. URL: <https://travel-vologda.ru/events/> (дата обращения: 04.05.2026).

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3
Событийные мероприятия / Event activities	Гастрономические фестивали, музыкальные фестивали, исторические фестивали / Gastronomic festivals, music festivals, historical festivals	«фестиваль Сугорье», «Сенофест + в Соколе», «фестиваль православной кухни», «голос ремесел» / “Sugorye Festival”, “Senofest + in Sokol”, “Orthodox cuisine Festival”, “voice of crafts”
Туристическое предложение / Tourist offer	Туры, экскурсии, туристические маршруты, активный отдых (сплав по реке, велотуры, походы и пр.) / Tours, guided tours, tourist routes, active recreation (rafting on the river, cycling, hiking, etc.)	«туры + в Белозерск», «экскурсии + по Череповцу», «турмаршруты Тотме», «сплав + по Сухоне» / “tours + to Belozersk”, “excursions + to Cherepovets”, “tour routes to Totma”, “rafting + according to Sukhona”

Примечание: КСР – коллективные средства размещения.

Note: CAF – collective accommodation facilities.

Источник: материал таблицы подготовлен авторами в ходе исследования.

Source: the table material was prepared by the authors during the research.

Выбор ключевых слов для анализа поисковых запросов основывался на принципах:

– системности охвата (включены все значимые категории туристических ресурсов в соответствии с федеральным законодательством);

– географической спецификации (использовались локализованные поисковые фразы с привязкой к конкретным муниципальным образованиям и туристическим объектам);

– поведенческой адекватности (отобраны термины, отражающие реальные паттерны поискового поведения потенциальных туристов на стадии планирования путешествия);

– иерархической организации (ключевые слова структурированы по тематическим группам и категориям для последующего многоуровневого анализа).

Такой подход позволил минимизировать ошибки отбора и обеспечил сопоставимость результатов анализа.

Четвертый и пятый этапы заключались в выгрузке и обработке данных. Для получения статистики поисковых запросов данные извлекались по каждому ключу отдельно, затем агрегировались по тематическим категориям. В результате были сформированы два информационных массива: 1) запросы жителей Вологодской области об отдыхе внутри региона; 2) запросы населения других регионов РФ об отдыхе в Вологодской области.

На последнем этапе проводился анализ потенциального спроса на гостиничную инфраструктуру.

Таким образом, полученные данные представляют потенциальный спрос, выраженный в пользовательском интересе, который служит индикатором туристических намерений и позволяет выявлять тренды, а также структурные дисбалансы. Временная рамка охватила 2019–2024 гг. (помесячно).

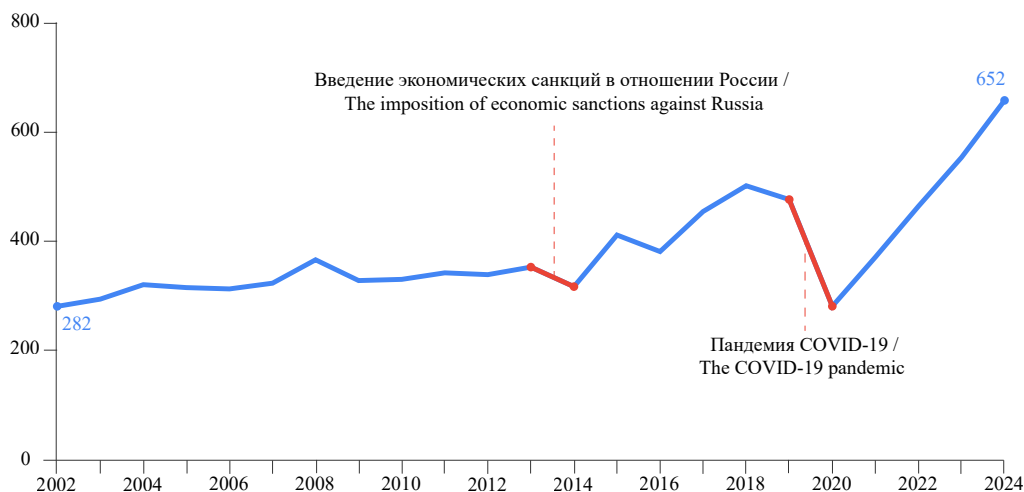
Выбор показателей, отражающих востребованность объектов гостиничной инфраструктуры региона, осуществлялся с учетом принципов их доступности (присутствуют в основных изданиях Федеральной службы государственной

статистики¹⁰), соответствия направлению исследования, комплексности (показывают территориальную дифференциацию объектов размещения и тенденции спроса на них со стороны туристов).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ развития туризма в регионе. Туристическая отрасль Вологодской области начала активное развитие в 1998 г. с запуском проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза»¹¹. С тех пор регион позиционирует туризм как приоритетный сектор экономики, развивая кластерные инициативы и национальные маршруты. Однако позиции области в туристическом рейтинге РФ ослабевают: в 2025 г. она заняла 44-е место, в 2024 – 43-е, в 2023 г. – 38-е место¹².

В 2002–2024 годах турпоток, оцениваемый по числу лиц, которые остановились в средствах размещения региона, демонстрировал устойчивый тренд на рост: показатель увеличился в 2 раза, достигнув в 2024 г. 0,6 млн чел. (рис. 1).

Р и с. 1. Динамика туристского потока Вологодской области в 2002–2024 гг., тыс. чел.

F i g. 1. The dynamics of the Vologda Region tourist flow in 2002–2024, thousand people

Источник: материал рисунков 1, 2 подготовлен авторами на основе данных: Туризм: Коллективные средства размещения [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL : <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 17.02.2025).

Source: the material for the figure was prepared by the authors based on the data: Tourism: collective accommodation facilities [Online]. Federal State Statistics Service : website. Available at: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (accessed 17.02.2025).

Спад интереса к Вологодской области отмечен еще в 2014 г., что связано с ростом цен на товары и услуги на фоне введения европейскими странами экономических санкций в отношении России. В 2020 году в сравнении с 2019 число туристов

¹⁰ Туризм в Вологодской области в 2018–2023 годах : стат. сб. / Росстат ; Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда; 2024. 100 с.

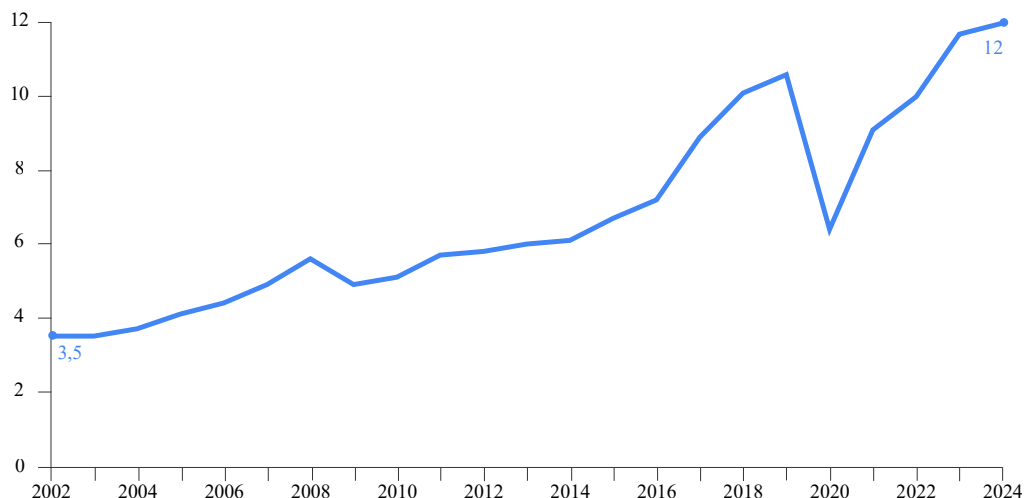
¹¹ Всероссийский Дед Мороз [Электронный ресурс]. URL: <https://dom-dm.ru/> (дата обращения: 13.04.2026).

¹² XI Национальный туристический рейтинг (Итоги 2025 года) [Электронный ресурс]. URL: <https://rustur.ru/xi-nacionalnyj-turisticheskij-rejting-itogi-2025-goda> (дата обращения: 17.02.2025).

сократилось на 60 % по причине карантинных мер в период пандемии COVID-19. Превзойти допандемийные значения региону удалось в 2023 г.: рост составил 10 %.

За анализируемый период наблюдений турпоток в регионы Северо-Западного федерального округа (СЗФО) увеличился в 3,4 раза (рис. 2). При этом доля Вологодской области в структуре турпотока округа сократилась с 8,2 до 5,5 %¹³.

Р и с. 2. Динамика численности лиц, размещенных в коллективных средствах размещения Северо-Западного федерального округа, млн чел.

F i g. 2. Dynamics of the number of people accommodated in collective accommodation facilities in the Northwestern Federal District, million people

Другими словами, при значительном повышении привлекательности регионов округа для туристов зафиксировано относительное снижение конкурентоспособности Вологодской области. Для того чтобы определить, какие территории теряют привлекательность на фоне снижения ее доли в турпотоке округа, необходимо выполнить анализ показателя на основе данных муниципальной статистики.

Анализ развития туризма в муниципальных образованиях. Динамика числа внутренних туристов, остановившихся в КСР в 2019–2023 гг.¹⁴, в разрезе муниципалитетов Вологодской области представлена в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Численность лиц, размещенных в коллективных средствах размещения в муниципальных образованиях Вологодской области в 2019–2023 гг., чел.

T a b l e 2. Number of people accommodated in collective accommodation facilities in the Vologda Region municipalities in 2019–2023, people

Территория / Territory	Год / Year					2023 / 2019, %
	2019	2020	2021	2022	2023	
1	2	3	4	5	6	7
г. Вологда / Vologda	139 432	86 089	114 442	127 730	166 831	119,7
г. Череповец / Cherepovets	68 430	40 360	52 621	69 691	88 399	129,2

¹³ Туризм в Вологодской области в 2018–2023 годах...

¹⁴ На момент проведения исследования муниципальные статистические данные ограничивались 2023 г.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7
<i>Муниципальные округа / Municipal districts</i>						
Кадуйский / Kaduysky	18 884	7 300	15 781	31 773	38 059	в 2 раза
Бабаевский / Babaevsky	3 189	1 594	5 171	4 762	5 674	177,9
Верховажский / Verkhovazhsky /	648	69	402	745	1083	167,1
Вытегорский / Vytegorsky	28 783	17 185	17 145	39 035	45 172	156,9
Кирилловский / Kirillovsky	8 700	4 991	7 228	10 340	11 526	132,5
Череповецкий / Cherepovets	27 316	17 006	27 151	31 940	34 231	125,3
Вологодский / Vologda	27 076	20 483	28 917	31 991	33 852	125,0
Белозерский / Belozersky	3 581	2 409	2 526	3 256	4 304	120,2
Вашкинский / Vashkinsky	3 536	2 447	3 416	3 993	3 834	108,4
Чагодощенский / Chagodoshchensky	5 943	6 492	6 270	4 312	6 068	102,1
Тотемский / Totemsky	17 123	9 402	14 970	17 049	16 565	96,7
Сокольский / Sokolsky	2 136	587	1 566	1 842	2 004	93,8
Грязовецкий / Gryazovetsky	7 343	6173	6 698	6 193	6 807	92,7
Никольский / Nikolsky	5 590	3 205	4 137	4 566	5 111	91,4
Великоустюгский / Velikoustyugsky	75 703	35 772	43 287	56 801	66 094	87,3
Устюженский / Ustyuzhensky	3 824	2 104	5 225	2 337	3 079	80,5
Бабушкинский / Babushkinsky	3 193	2 363	2 399	2 479	2 566	80,4
Сямженский / Syamzhensky	2 463	433	1 014	1 550	1 193	48,4
Нюксенский / Nyuksensky	6 967	3 861	4 031	2 917	3 105	44,6
Усть-Кубинский / Ust-Kubinsky	953	474	229	452	357	37,5
Шекснинский / Sheksninsky	9 797	8 309	1 325	2 457	2 664	27,2
Кичменгско-Городецкий / Kichmengsko-Gorodetsky	–	2 031	3 012	2 826	–	–
Харовский / Kharovsky	–	–	2 200	2 060	–	–
Вожегодский / Vozhegodsky	–	990	660	1 654	–	–
Тарногский / Tamogsky	–	30	50	50	–	–

Примечание: данные по Междуреченскому муниципальному образованию отсутствуют в статистическом сборнике.

Note: data on the Mezhdurechensk municipal formation is not available in the statistical collection.

Источник: составлено на основе данных: Туризм в Вологодской области в 2018–2023 годах...

Source: compiled based on data from: Tourism in the Vologda Region in 2018–2023...

Как видно из таблицы 2, в 2023 году Вологде удалось превысить допандемийный уровень турпотока (+ 20 %). Наиболее заметный прирост показателя отмечен в Череповце (+ 29 %).

Увеличился турпоток и в муниципалитетах. Так, в положительную динамику областного показателя внесли вклад следующие округа: Кадуйский (рост

в два раза), Бабаевский (+ 78 %), Верховажский (+ 67), Вытегорский (+ 57 %). Хотя Кадуйский и Бабаевский муниципальные образования отличились высокими значениями турпотока¹⁵, они не были включены в выборку турцентров.

Так как Кадуйский округ связан с крупной Череповецкой агломерацией, то между ними образуются потоки маятниковых трудовых мигрантов: работодатель снимает в кадуйской гостинице жилье сотрудникам, а затем транспортирует их на работу в Череповец. Рост числа постояльцев в гостиницах Бабаевского округа тоже связан с агломерационными эффектами и развитием на территории лесопромышленного комплекса при сотрудничестве с череповецким холдингом, что увеличило число рабочих межмуниципальных поездок¹⁶.

Расширение турпотока в Верховажском округе обусловлено его пограничным положением с Архангельской областью. Часть туристов, направляющихся в г. Архангельск, останавливается на ночь в Верховажье. Вытегорскому району удалось увеличить турпоток благодаря популяризации природных объектов, в особенности Онежского озера, и мероприятиям Русского географического общества. В число аутсайдеров вошли 15 муниципальных образований. За 2019–2024 гг. основные центры притяжения туристов в области – Великоустюгский (– 13 %) и Тотемский округа (– 3 %) не смогли восстановить объемы турпотока допандемийного уровня.

Согласно прогнозным оценкам в рамках реалистичного сценария, к 2035 г. прирост количества внутренних поездок в Вологодскую область составит не менее 359 тыс., въездных – не менее 2,8 тыс.¹⁷ Для выявления возможных ограничений и определения перспективных направлений развития туризма в регионе важно оценить динамику потенциального спроса населения на внутрирегиональные туристические ресурсы.

Результаты анализа потенциального спроса. Кривая запросов российских пользователей на КСР в Вологодской области в целом повторяет тенденции кривой турпотока, демонстрируя рост интереса населения к объекту исследования, что указывает на представительность полученных данных (табл. 3).

Таблица 3. Сопоставление турпотока и потенциального спроса на гостиничные услуги Вологодской области со стороны россиян и местных жителей за 2019–2024 гг.

Table 3. Comparison of tourist flow and potential demand for hotel services in the Vologda Region from Russians and local residents in 2019–2024

Показатель / Indicator	Год / Year					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	2	3	4	5	6	7
Численность лиц, размещенных в КСР Вологодской области, тыс. чел. / The number of people accommodated in CAF in the Vologda Region, thousand people	477	282	372	465	554	658
Потенциальный спрос на КСР со стороны регионов РФ, тыс. запросов / Potential demand for CAF from Russian regions, thousands of requests	258	222	375	381	381	373

¹⁵ Туризм в Вологодской области в 2018–2023 годах... С. 49.

¹⁶ Строительство крупного завода по выпуску пиломатериалов экспортного качества стартовало на Вологодчине [Электронный ресурс]. Официальный портал Правительства Вологодской области : сайт. URL: <https://clck.ru/3TyuqM/> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁷ Федеральная туристическая межрегиональная схема территориально-пространственного планирования Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://arch.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2023/08/24/Этап_2_f7qgTvd.pdf (дата обращения: 18.02.2025). С. 267.

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7
Потенциальный спрос на КСР со стороны жителей области, тыс. запросов / Potential demand for CAF from residents of the region, thousands of requests	305	276	404	523	541	577

Примечание: КСР – коллективные средства размещения.

Note: CAF – collective accommodation facilities.

Источник: здесь и далее материал подготовлен на основе данных Яндекс.Вордстат [Электронный ресурс]. Яндекс : сайт. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 10.02.2025).

Source: hereinafter in the article material is based on Yandex.Wordstat data [Online]. Yandex : website. Available at: <https://wordstat.yandex.ru/> (accessed 10.02.2025).

Потенциальный спрос со стороны регионов РФ на отдых в области за исследуемый период характеризовался в основном нисходящим трендом. Хотя в 2022–2023 годах интерес пользователей превысил уровень 2021 года (+ 2 %), отличившегося резким ростом показателя в ситуации смягчения ограничительных мер, в 2024 г. он опустился ниже значений 2021 года. Это сигнализирует о необходимости развития инфраструктуры, расширения турпредложения и интернет-продвижения региона.

В отличие от общероссийской динамики потенциальный спрос со стороны населения Вологодской области на отдых в регионе показывает устойчивый рост. По итогам 2024 года он в 1,5 раза превысил значение запросов из других субъектов РФ. После пандемии COVID-19 зафиксирован резкий рост спроса в 2021 (в 1,3 раза) и в 2024 г. (почти на 90 % относительно допандемийного 2019 г.). Регион теряет привлекательность для иногородних туристов, оставаясь востребованным у местного населения, что указывает на скрытый потенциал внутрирегионального туризма.

При сравнении темпов роста КСР, номерного фонда и спроса на них видно, что развитие инфраструктуры не поспевает за растущим спросом (табл. 4).

Таблица 4. Сопоставление динамики роста коллективных средств размещения (КСР) Вологодской области и потенциального спроса туристов на объекты гостиничной инфраструктуры
Table 4. Comparison of the dynamics of collective accommodation facilities (CAF) in the Vologda Region and the potential demand of tourists for hotel infrastructure facilities

Показатель / Indicator	Год / Year					2023 / 2019, %
	2019	2020	2021	2022	2023	
Численность лиц, размещенных в КСР, чел. / The number of people located in the CAF, people.	502 319	477 128	282 159	371 873	464 801	92,5
Число номеров, ед. / Number of rooms, units	5 821	5 543	5 793	6 098	6 363	109,3
Число КСР, ед. / Number of CAF, units	274	260	265	268	281	102,6
Потенциальный спрос населения регионов РФ на КСР, число запросов / Potential demand for CAF in Russian regions, number of requests	257 942	221 648	374 835	380 534	380 597	147,6
Потенциальный спрос жителей Вологодской области на КСР, число запросов / Potential demand of residents of the Vologda region for CAF, number of requests	305 453	276 239	404 367	523 094	541 110	177,2

За пять лет при увеличении номерного фонда лишь на 5,3 % совокупный потенциальный спрос на КСР жителей области вырос на 77,2 %. Если предположить, что потенциальный спрос на коллективные средства размещения трансформируется в реальный, то предложения гостиничного бизнеса может оказаться недостаточно. Самый высокий темп роста потенциального спроса на объекты размещения отмечен среди вологжан (+77 % в 2023 г. по отношению к 2019 г.).

Для выявления наиболее востребованного средства размещения было проанализировано число запросов по каждой категории объектов (табл. 5). Спрос со стороны жителей области на стандартные виды КСР стабильно растет, за исключением гостевых домов.

Т а б л и ц а 5. Динамика числа запросов жителей Вологодской области на коллективные средства (КСР) размещения в регионе

Table 5. Dynamics of the number of requests from Vologda Region residents for accommodation facilities (CAF) in the region

Вид КСР / Type of CAF	Год / Year						2024 / 2019, %
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Глэмпинг / Glamping	–	12	116	931	3 388	5 484	в 6 раз
Гостиница / Hotel	94 156	89 298	131 162	165 671	177 765	197 171	в 2 раза
Отель / Hotel	75 145	65 196	90 938	115 821	122 771	145 643	193,8
База отдыха / Recreation center	70 329	67 854	99 812	131 005	121 553	125 846	178,9
Хостел / Hostel	18 490	16 851	22 748	27 040	27 709	29 981	162,1
Гостевой дом / Guest house	8 427	8 545	11 700	15 093	12 656	11 674	138,5

Примечание: подкрашенная ячейка содержит значение по отношению к показателю 2022 года.

Note: the colored cell contains the value relative to the 2022 indicator.

Как видно из таблицы 5, наибольшее число запросов вологжан связано с информацией об инфраструктуре отдыха на природе – глэмпингах. В 2024 году потенциальный спрос на них, в отличие от традиционных баз отдыха, превысил предложение в шесть раз по отношению к 2022 г. Внимание к классическому варианту коллективных средств размещения (базам отдыха) начало постепенно снижаться (– 4 % в 2024 г. по отношению к 2022), что обусловлено растущей конкуренцией со стороны глэмпингов. В Вологодской области в 2024 г. насчитывалось всего пять подобных объектов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сопоставление полученных эмпирических данных с выводами предшествующих исследований обнаруживает как совпадения, так и определенные расхождения. Зафиксированная тенденция к опережающему росту спроса на рекреационные объекты, расположенные вне крупных городов, коррелирует с наблюдениями о постпандемийной переориентации туристических потоков в пользу природных территорий [3]. При этом вывод о доминировании внутрирегионального спроса над въездным вступает в противоречие с устоявшимся представлением о приоритетной роли межрегиональных потоков для экономики туризма [2].

Данное расхождение, вероятно, объясняется тем, что для субъектов с невысокой плотностью внешнего турпотока именно внутрирегиональная аудитория

генерирует основной объем информационного спроса, связанного с планированием досуга и краткосрочных поездок выходного дня. При этом вклад местных жителей в загрузку КСР может быть существенно ниже вклада внешних туристов в силу распространенности альтернативных вариантов ночевки (родственники, личные домовладения). Указанное обстоятельство выводит данный сегмент потребителей из поля зрения официальной статистики, но делает его заметным при анализе цифровых следов, что, в свою очередь, обозначает перспективное направление дальнейших изысканий.

Интерпретация полученных результатов позволяет утверждать, что анализ цифровых следов пользователей, агрегированных сервисом «Яндекс.Вордстат», представляет собой валидный инструмент для экспресс-диагностики туристических намерений в условиях неполноты и фрагментарности официальной статистики. Выдвинутая гипотеза о существовании статистически значимых различий в структуре спроса между резидентами и нерезидентами региона нашла эмпирическое подтверждение, что вносит вклад в развитие положений поведенческой экономики туризма, изложенных в трудах зарубежных исследователей. В отличие от работ, базирующихся на данных Google Trends и ориентированных преимущественно на макроэкономическое прогнозирование турпотоков [14; 15], настоящая методика адаптирована к российскому сегменту поисковых систем и позволяет достичь более высокой степени географической детализации.

Прикладным следствием проведенного анализа является идентификация узких мест в системе регионального предложения. Полученные данные подтверждают вторую гипотезу исследования, поскольку анализ поисковых запросов позволил не только зафиксировать наличие дисбаланса, но и количественно определить его масштаб. Расхождение между динамикой поисковых запросов о новых форматах размещения и фактическим наличием соответствующих объектов указывает на недостаточную гибкость гостиничного сектора в реагировании на изменение потребительских предпочтений. Дефицит объектов размещения подтверждают не только статистические данные¹⁸, но и выводы региональных исследователей¹⁹.

Вместе с тем необходимо обозначить методологические ограничения, присущие данному методическому подходу. Во-первых, формирование семантического ядра вручную, обусловленное уникальностью туристических ресурсов и невозможностью автоматической дезагрегации обобщенных запросов платформой, вносит элемент субъективности в отбор ключевых фраз. Во-вторых, полученные данные фиксируют лишь стадию формирования туристического намерения в цифровой среде; их проецирование на объемы реализованного спроса сопряжено с рядом методических допущений.

С одной стороны, репрезентативность поисковых запросов ограничена уровнем распространения сети интернет и долей населения, использующего поисковые системы для планирования путешествий. С другой, – в настоящее время отсутствуют эмпирически обоснованные коэффициенты конвертации запроса в фактическую поездку, что не позволяет однозначно судить о том, какая часть зафиксированного

¹⁸ Туризм: Коллективные средства размещения...

¹⁹ Леонидова Е.Г., Лукин Е.В., Румянцев Н.М. и др. Туризм как фактор социально-экономического развития территорий. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук; 2023. 149 с. <https://www.elibrary.ru/deayos>

интереса трансформируется в реальный турпоток. В-третьих, отток части поисковой активности на агрегаторы бронирования потенциально занижает абсолютные показатели интереса, фиксируемые сервисом «Яндекс.Вордстат».

Несмотря на обозначенные ограничения, полученные результаты формируют достаточную эмпирическую основу для формулирования итоговых выводов и практических рекомендаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главные аналитические выводы работы следующие.

1. Потенциальный спрос на отдых в Вологодской области растет как в среде жителей субъектов РФ, так и в среде местного населения. Это понимание уточнило сведения официальной статистики в отношении внутрирегионального туризма.

2. Различия в моделях туристического поведения жителей Вологодской области и туристов из других регионов РФ существенны. Для последних характерен интерес к классическим гостиницам и отелям в основных туристических центрах (г. Вологда, Череповец, Великий Устюг), что соотносится с данными о фактическом турпотоке. Снижение их поисковой активности после пика 2021 года свидетельствует о растущей конкуренции и необходимости для региона усиливать продвижение туристических услуг.

Установлено, что внутрирегиональным туристам свойствен спрос на гостиницы и базы отдыха для коротких поездок. Их запросы не только в 1,3 раза превышают объем запросов извне, но и демонстрируют устойчивую положительную динамику (+ 90 % к 2019 г.). Это доказывает, что внутрирегиональный туризм представляет собой самостоятельный и значимый сегмент рынка, на развитие которого должны быть направлены усилия региональных органов власти.

3. Выявлен и количественно оценен структурный дисбаланс между потенциальным спросом и предложением в сфере средств размещения. Обнаружен дефицит гостиничной инфраструктуры, неравномерный в разрезе категорий объектов. Критический разрыв наблюдается в сегменте глэмпингов: при шестикратном росте поискового спроса со стороны жителей области за 2022–2024 гг. в регионе функционировали лишь пять подобных объектов. Это указывает не только на общий дефицит, но и на несоответствие структуры предложения меняющейся структуре спроса, которая смещается в сторону комфортного отдыха на природе.

4. Обнаружен сдвиг в географии туристического интереса внутри Вологодской области в постпандемийный период. Сопоставление данных официальной статистики турпотока и динамики поисковых запросов пользователей выявило разнонаправленные тенденции. В то время как на известные культурно-исторические центры региона (г. Великий Устюг, Тотьма) спрос падает, фиксируется устойчивый рост интереса, помимо г. Вологда и Череповец, к территориям с высоким природным потенциалом. Это свидетельствует об активном перераспределении туристических потоков.

Описанная тенденция указывает на устойчивое изменение потребительских предпочтений в сторону отдыха на природе, сформировавшихся под влиянием постпандемийных факторов, а также поездок в крупные города. Следовательно, требуется разработка туристических продуктов, ориентированных на перспектив-

ные, набирающие популярность направления, которые отвечают современным запросам потребителей.

5. Установлена неразвитость регионального туристического предложения, выраженная в низкой диверсификации средств размещения. Несмотря на высокий спрос, сегмент гостевых домов демонстрирует наименьшие темпы роста (+ 38,5 % к 2019 г.) и стагнацию в 2023–2024 гг. Однако именно этот тип размещения является главным для малых исторических городов, где строительство крупных отелей нерентабельно.

6. Потенциальный спрос на туристические услуги региона опережает реальное развитие инфраструктуры; этот разрыв носит накопительный характер. Темпы роста потенциального спроса со стороны жителей области и других россиян многократно превосходят темпы роста числа номерного фонда за период 2019–2023 гг. Это может указывать на то, что проблема дефицита инфраструктуры не решается, а усугубляется с каждым годом.

Накопленный неудовлетворенный спрос создает значительные риски для развития туризма в регионе, так как приводит к росту цен, снижению качества обслуживания и, в конечном счете, разочарованию потенциальных туристов.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтвердили все поставленные гипотезы.

Развитие внутреннего туризма в Вологодской области возможно посредством увеличения количества КСР и расширения номерного фонда, что повысит привлекательность региона и объемы туристического потребления [24]. В рамках реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» на поддержку строительства подобных объектов в 2023–2024 гг. было выделено 23 млрд руб.²⁰

Кроме того, решить проблему дефицита средств размещения в регионе возможно в рамках инвестиционных проектов. Согласно данным платформы «Инвестиционные проекты РФ», на территории Вологодской области планируется реализовать 10 инвестпроектов по строительству туристических комплексов и гостиниц, общей стоимостью в 24 млрд руб.²¹

В качестве одного из направлений по увеличению заполняемости средств размещения можно рассмотреть организацию комплексных туристических продуктов «трансфер + размещение + питание + экскурсия/фестиваль», согласованных с событийным календарем. Это позволит нарастить турпоток как в сезон, так и в межсезонье. Развитие рекламы и маркетинга выступает важным аспектом расширения сферы туризма в регионе.

Результаты исследования могут быть использованы региональными органами власти при оценке потенциального туристического спроса (внешнего и внутрирегионального) для продвижения регионального турпродукта. В продолжение работы планируется проведение анализа сезонности, структуры потенциального спроса, возможностей и особенностей его трансформации в реальный.

²⁰ 13 регионов впервые получают федеральные средства на строительство глэмпингов [Электронный ресурс]. Министерство экономического развития РФ: сайт. URL: https://economy.gov.ru/material/news/13_regionov_vpervye_poluchat_federalnye_sredstva_na_stroitelstvo_glempingov.html (дата обращения: 20.02.2025).

²¹ Инвестиционные проекты РФ [Электронный ресурс]. Инвестиционные проекты: цифровая платформа : сайт. URL: <https://investprojects.info/> (дата обращения: 20.02.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019;12(6):166–181. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.9>
2. Семеркова Л.Н., Зинченко С.В., Бижанова Е.М. Актуальные проблемы неравномерного распределения туристских потоков. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2019;(1):168–178. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-1-17>
3. Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. Сценарное моделирование потребления туристских услуг в России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2023;16(2):35–51. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.2>
4. Баландина А.Ю. Анализ сезонности потенциального туристического спроса в регионе на основе поисковых запросов. *Проблемы развития территории*. 2025;29(4):85–105. <https://doi.org/10.15838/ptd.2025.4.138.6>
5. Пшеничных Ю.А. Актуальные проблемы неравномерного распределения туристских потоков и пространственного развития туризма в Ростовской области. *Сервис в России и за рубежом*. 2021;15(3):119–130. <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2021-3-119-130>
6. Донскова Л.И., Крюкова Е.М., Зеленев В.В. Трансформация поведения потребителей и их предпочтений в сфере туризма под влиянием социальных изменений. *Социальная политика и социология*. 2022;21(4):5–13. <https://www.elibrary.ru/vidawt>
7. Nicolau J., Kim H., Liu X. The Search Value Model: Detecting Abnormal Searching Behavior. *Annals of Tourism Research*. 2021;(87):103007. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.103007>
8. Лебедев К.А. Закономерности формирования туристического спроса в современных условиях. *Вестник УрФУ. Серия Экономика и управление*. 2015;(1):50–66. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2015.14.1.004>
9. Yang C., Wu J. Forecasting Tourism Demand with Search Query: Comparison of Social Media and Search Engine. *Tourism Review*. 2026;81(1):147–166. <https://doi.org/10.1108/TR-12-2024-1161>
10. Wu Y., Liu Q. A Novel Deep Learning-Based Visual Search Engine in Digital Marketing for Tourism E-Commerce Platforms. *Journal of Organizational and End User Computing*. 2024;36(1):1–27. <https://doi.org/10.4018/JOEUC.340386>
11. Xiang Z., Wang D., O'Leary J., Fesenmaier D. Adapting to the Internet: Trends in Travelers' Use of the Web for Trip Planning. *Journal of Travel Research*. 2015;54(4):511–527. <https://doi.org/10.1177/0047287514522883>
12. Du J.T., Mohammad Arif A.S., Hansen P. Collaborative Query Reformulation in Tourism Information Search. *Online Information Review*. 2019;43(7):1115–1135. <https://doi.org/10.1108/OIR-12-2018-0371>
13. Vyas C. Evaluating State Tourism Websites Using Search Engine Optimization Tools. *Tourism Management*. 2019;(73):64–70. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.01.019>
14. Liu J., Li X., Guo Y. Periodicity Analysis and a Model Structure for Consumer Behavior on Hotel Online Search Interest in the US. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2017;29(5):1486–1500. <https://doi.org/10.1108/IJCHM-06-2015-0280>
15. Yang Y., Guo J., Sun S. Tourism Demand Forecasting and Tourists' Search Behavior: Evidence from Segmented Baidu Search Volume. *Data Science and Management*. 2021;(4):1–9. <https://doi.org/10.1016/j.dsm.2021.10.002>
16. Kang S., Kim W., Park D. Understanding Tourist Information Search Behaviour: The Power and Insight of Social Network Analysis. *Current Issues in Tourism*. 2021;24(3):403–423. <https://doi.org/10.1080/13683500.2020.1771290>
17. Kim Y.R., Liu A., Stienmetz J., Chen Y. Visitor Flow Spillover Effects on Attraction Demand: A Spatial Econometric Model with Multisource Data. *Tourism Management*. 2022;(88):104432. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104432>
18. Барашко А.В., Демьянов С.А. Мониторинг Белорусского туристического рынка на основе анализа поисковых запросов. *Туризм и гостеприимство*. 2018;(2):23–29. <https://ojs.polestu.by/TG/article/view/1128>
19. Вишневская Е.В. Анализ спроса на достопримечательности города Белгорода на основе поисковых запросов. *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*. 2020;5(2):20–31. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2020-6-2-0-2>

20. Пакшина И.А. Этнособытийная привлекательность региона: анализ и оценка. *Регионоведение*. 2023;31(3):527–547. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.527-547>
21. Липатова А.В. Влияние имиджевых характеристик медиаобраза региона на его туристическую привлекательность (на примере Республики Татарстан). *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2022;16(4):65–74. URL: <https://elck.ru/3TzYKP> (дата обращения: 17.04.2025).
22. Михайлова А.А., Хвалей Д.В. География «цифровых следов» калининградцев в приграничье Польши и Литвы: результаты контент-анализа. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*. 2022;(2):30–45. URL: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/nature/9979/62599/> (дата обращения: 17.04.2025).
23. Li X., Pan B., Law R., Huang X. Forecasting Tourism Demand with Composite Search Index. *Tourism Management*. 2017;(59):57–66. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2016.07.005>
24. Леонидова Е.Г. Оценка экономических эффектов от развития туристической инфраструктуры России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024;17(4):144–160. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.8>

REFERENCES

1. Leonidova E.G., Sidorov M.A. Structural Changes in the Economy: Searching for Sectoral Drivers of Growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(6):166–181. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.9>
2. Semerkova L.N., Zinchenko S.V., Bizhanova E.M. Actual Problems of Uneven Distribution of Tourist Streams. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2019;(1):168–178. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-1-17>
3. Leonidova E.G., Rumyantsev N.M. Scenario Modeling of Tourism Services Consumption in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecas*. 2023;16(2):35–51. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.2>
4. Balandina A.Yu. Seasonality Analysis of Potential Tourist Demand in the Region Based on Search Queries. *Problems of Territory's Development*. 2025;29(4):85–105. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/ptd.2025.4.138.6>
5. Pshenichnykh J.A. Topical Problems of Uneven Distribution of Tourist Flows and Spatial Tourism Development in Rostov Region. *Services in Russia and Abroad*. 2021;15(95):119–130. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2021-3-119-130>
6. Donskova L.I., Kryukova E.M., Zelenov V.V. Transformation of Consumer Behavior and Their Preferences in the Field of Tourism under the Influence of Social Changes. *Social Policy and Sociology*. 2022;21(4):5–13. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/vidawt>
7. Nicolau J., Kim H., Liu X. The Search Value Model: Detecting Abnormal Searching Behavior. *Annals of Tourism Research*. 2021;(87):103007. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.103007>
8. Lebedev K.A. Laws of Formation of Tourism Demand in Modern Conditions. *Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*. 2015;(1):50–66. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15826/vestnik.2015.14.1.004>
9. Yang C., Wu J. Forecasting Tourism Demand with Search Query: Comparison of Social Media and Search Engine. *Tourism Review*. 2026;81(1):147–166. <https://doi.org/10.1108/TR-12-2024-1161>
10. Wu Y., Liu Q. A Novel Deep Learning-Based Visual Search Engine in Digital Marketing for Tourism E-Commerce Platforms. *Journal of Organizational and End User Computing*. 2024;36(1):1–27. <https://doi.org/10.4018/JOEUC.340386>
11. Xiang Z., Wang D., O'Leary J., Fesenmaier D. Adapting to the Internet: Trends in Travelers' Use of the Web for Trip Planning. *Journal of Travel Research*. 2015;54(4):511–527. <https://doi.org/10.1177/0047287514522883>
12. Du J.T., Mohammad Arif A.S., Hansen P. Collaborative Query Reformulation in Tourism Information Search. *Online Information Review*. 2019;43(7):1115–1135. <https://doi.org/10.1108/OIR-12-2018-0371>
13. Vyas C. Evaluating State Tourism Websites Using Search Engine Optimization Tools. *Tourism Management*. 2019;(73):64–70. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.01.019>
14. Liu J., Li X., Guo Y. Periodicity Analysis and a Model Structure for Consumer Behavior on Hotel Online Search Interest in the US. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2017;29(5):1486–1500. <https://doi.org/10.1108/IJCHM-06-2015-0280>

15. Yang Y., Guo J., Sun S. Tourism Demand Forecasting and Tourists' Search Behavior: Evidence from Segmented Baidu Search Volume. *Data Science and Management*. 2021;(4):1–9. <https://doi.org/10.1016/j.dsm.2021.10.002>
16. Kang S., Kim W., Park D. Understanding Tourist Information Search Behaviour: The Power and Insight of Social Network Analysis. *Current Issues in Tourism*. 2021;24(3):403–423. <https://doi.org/10.1080/13683500.2020.1771290>
17. Kim Y.R., Liu A., Stienmetz J., Chen Y. Visitor Flow Spillover Effects on Attraction Demand: A Spatial Econometric Model with Multisource Data. *Tourism Management*. 2022;(88):104432. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104432>
18. Barashko A.V., Demyanov S.A. Monitoring of the Belarusian Tourist Market Based on the Analysis of Search Queries. *Tourism and Hospitality*. 2018;(2):23–29. (In Russ., abstract in Eng.) <https://ojs.polessu.by/TG/article/view/1128>
19. Vishnevskaya E.V. Analysis of Demand for Sights of the City of Belgorod Based on Search Queries. *Research Result. Business and Service Technologies*. 2020;5(2):20–31. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2020-6-2-0-2>
20. Pakshina I.A. Ethno-Event Attractiveness of the Region: Analysis and Assessment. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):527–547. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.527-547>
21. Lipatova A.V. Influence of the Image Characteristics of the Media Image of the Region on its Tourist Attractiveness (On the Example of the Republic of Tatarstan). *Service and Tourism: Current Challenges*. 2022;16(4):65–74. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3TzYKP> (accessed 17.04.2025).
22. Mikhaylova A.A., Hvalev D.V. Geography of “Digital Footprints” of Kaliningrad Citizens in the Border Regions of Poland and Lithuania: Results of Content Analysis. *IKBFU's Vestnik. Series: Natural Sciences*. 2022;(2):30–45. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/nature/9979/62599/> (accessed 17.04.2025).
23. Li X., Pan B., Law R., Huang X. Forecasting Tourism Demand with Composite Search Index. *Tourism Management*. 2017;(59):57–66. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2016.07.005>
24. Leonidova E.G. Assessing the Economic Effects of Tourism Infrastructure Development in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(4):144–160. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.8>

Об авторах:

Леонидова Екатерина Георгиевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией отраслевых исследований Центра структурных исследований и прогнозирования территориального развития Вологодского научного центра Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-6810>, Researcher ID: I-8400-2016, Scopus ID: 57743001500, SPIN-код: 1368-5595, eg_leonidova@mail.ru

Баландина Арина Юрьевна, младший научный сотрудник Центра структурных исследований и прогнозирования территориального развития Вологодского научного центра Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-8249>, Researcher ID: GNW-2404-2022, SPIN-код: 9840-7685, arina.kudrevich@yandex.ru

Вклад авторов:

Е. Г. Леонидова – разработка концепции; научное руководство; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

А. Ю. Баландина – разработка методологии; проведение исследования; написание рукописи – рецензирование и редактирование; валидация результатов; визуализация.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.03.2025; одобрена после рецензирования 05.11.2025; принята к публикации 18.11.2025.

About the authors:

Ekaterina G. Leonidova, Cand.Sci. (Econ.), Senior Researcher, Head of the Laboratory of Sectoral Studies of the Center for Structural Research and Forecasting of Territorial Development, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorky St., Vologda 160014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-6810>, Researcher ID: **I-8400-2016**, Scopus ID: **57743001500**, SPIN-code: **1368-5595**, eg_leonidova@mail.ru

Arina Yu. Balandina, Researcher, Center for Structural Research and Forecasting of Territorial Development, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky St., Vologda 160014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-8249>, Researcher ID: **GNW-2404-2022**, SPIN-code: **9840-7685**, arina.kudrevich@yandex.ru

Contribution of the authors:

E. G. Leonidova – conceptualization; supervision; writing – review and editing.

A. Yu. Balandina – methodology; investigation; writing – review and editing; validation; visualization.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 05.03.2025; revised 05.11.2025; accepted 18.11.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.305-327>EDN: <https://elibrary.ru/lbyrvp>

УДК / UDC 33-025.27-027.45(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Кластерный анализ
продовольственной безопасности России
с учетом демографических профилей регионов****М. Л. Вартанова**

*Институт социальной демографии
Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
11marina11@mail.ru*

Аннотация

Введение. Продовольственная безопасность выступает основным индикатором социально-экономического развития регионов России. В условиях межрегиональной дифференциации возрастает роль определения устойчивых типологических групп территорий с учетом не только аграрно-экономических, но и демографических характеристик. Цель исследования – выявить системные связи между демографическими, экономическими параметрами и уровнем продовольственного обеспечения с последующей разработкой эмпирической типологии субъектов РФ.

Материалы и методы. На основе данных Росстата и Минсельхоза (2014–2022 гг.) методами *k*-средних и иерархической кластеризации (метод Уорда) реализована группировка регионов. Применен интегральный показатель, рассчитанный на базе частных индикаторов достаточности питательных веществ, стабильности продовольственной экосистемы, доступности продуктов питания и безопасности пищевых продуктов. Для выделения однородных групп регионов использован кластерный анализ с учетом демографических профилей территорий.

Результаты исследования. Обнаружена устойчивая типология регионов, формирующая иерархию от поставщиков с высоким аграрным потенциалом до потребителей, зависящих от внешних поставок. Определены четыре кластера. Только один регион (Республика Башкортостан) имеет высокий уровень продовольственной безопасности (интегральный показатель 0,83), пять (Белгородская область, Краснодарский край, Республика Татарстан, Воронежская и Ростовская области) – средний; семь регионов (Республика Дагестан, Ставропольский и Алтайский края, Курская, Саратовская, Новосибирская и Омская области) – низкий уровень. Регионов с критическим уровнем не выявлено. За 2014–2022 годы интегральный показатель вырос, например у Краснодарского края с 0,64 до 0,74. Предложена содержательная эмпирическая типология субъектов РФ и обоснован дифференцированный подход к управлению.

© Вартанова М. Л., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Установлены ведущие факторы, определяющие место субъектов в иерархии продовольственной безопасности. Разработан комплекс целевых управленческих рекомендаций для каждой группы территорий (лидирующих субъектов, сбалансированных регионов, зон с низкой устойчивостью, городских агломераций), направленных на обеспечение самодостаточности, замещение импорта и развитие агропромышленного комплекса с учетом демографических особенностей. Полученные результаты подтверждают, что демографические профили регионов являются значимым фактором эмпирической типологии продовольственной безопасности. Применение кластерного подхода позволяет более точно выявлять пространственную дифференциацию и может быть использовано при разработке региональной политики в сфере продовольственной безопасности.

Ключевые слова: демографическая политика, продовольственное обеспечение, кластерный анализ регионов, типологизация субъектов РФ, продовольственная безопасность, национальная безопасность, регионы Российской Федерации, устойчивое развитие регионов

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Вартанова М.Л. Кластерный анализ продовольственной безопасности России с учетом демографических профилей регионов. *Регионоведение*. 2026;34(2):305–327. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.305-327>

Cluster Analysis of Russia's Food Security Taking into Account the Demographic Profiles of the Regions

M. L. Vartanova

*Institute of Social Demography of the Federal Research
Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
l1marina11@mail.ru*

Abstract

Introduction. Food security is a key indicator of the socioeconomic development of Russia's regions. Given interregional differentiation, the importance of identifying stable typological groups of territories, taking into account not only agrarian and economic but also demographic characteristics, is increasing. The aim of this study is to identify systemic relationships between demographic and economic parameters and the level of food security, with the subsequent development of an empirical typology of Russian regions.

Materials and Methods. Using data from Rosstat and the Ministry of Agriculture (2014–2022), *k*-means and hierarchical clustering (Ward's method) were used to group regions. An integrated indicator was calculated based on specific indicators of nutrient adequacy, food ecosystem stability, food availability, and food safety. Cluster analysis, taking into account the demographic profiles of the territories, was used to identify homogeneous groups of regions.

Results. A stable typology of regions was discovered, forming a hierarchy from suppliers with high agricultural potential to consumers dependent on external supplies. Four clusters were identified. Only one region (Republic of Bashkortostan) has a high level of food security (an integrated indicator of 0.83), five (Belgorod Region, Krasnodar Territory, Republic of Tatarstan, Voronezh and Rostov Regions) have an average level; seven regions (Republic of Dagestan, Stavropol and Altai Territories, Kursk, Saratov, Novosibirsk and Omsk Regions) have a low level. No regions with a critical level were identified. Between 2014 and 2022, the integrated indicator increased, for example, in Krasnodar Territory from 0.64 to 0.74. A more meaningful empirical typology of the constituent entities of the Russian Federation is proposed and a differentiated approach to management is substantiated.

Conclusion. Key factors determining the place of regions in the food security hierarchy were identified. A set of targeted management recommendations was developed for each group of territories (leading regions, balanced regions, zones with low stability, and urban agglomerations) aimed at ensuring self-sufficiency, import substitution, and the development of the agro-industrial complex, taking into account demographic characteristics. The obtained results confirm that the demographic profiles of regions are a significant factor in the empirical typology of food security. The use of a cluster approach allows for a more accurate identification of spatial differentiation and can be used in the development of regional food security policies.

Keywords: demographic policy, food supply, cluster analysis of regions, classification of constituent entities of the Russian Federation, food security, national security, regions of the Russian Federation, sustainable development of regions

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Vartanova M.L. Cluster Analysis of Russia's Food Security Taking into Account the Demographic Profiles of the Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(2):305–327. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.305-327>

ВВЕДЕНИЕ

Устойчивое развитие сельского хозяйства в регионах Российской Федерации в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности представляет собой одну из основополагающих предпосылок демографического развития [1]. В современных условиях данный вопрос выходит за рамки аграрной политики и приобретает междисциплинарный характер, поскольку его решение связано не только с объемами производства и доступностью продовольствия, но и с демографической динамикой, территориальной дифференциацией, качеством жизни населения, миграционными процессами и устойчивостью региональных социально-экономических систем¹.

Для России эта проблематика востребована в силу значительной пространственной протяженности страны, высокой неоднородности природно-климатических условий, различий в уровне урбанизации, плотности населения, демографической структуре и обеспеченности ресурсами. Актуализируются моделирование сценарных прогнозов развития продовольственной безопасности в условиях меняющейся демографической структуры и экологических рисков [2] для отдельных кластеров, а также разработка инструментов мониторинга устойчивости региональных продовольственных систем на уровне субъектов Российской Федерации.

Необходима комплексная оценка региональных различий в уровне продовольственной безопасности с учетом демографических факторов [3]. Это позволит не только выявить территориальные различия в обеспеченности продовольствием, но и эмпирически определить, какие демографические характеристики усиливают уязвимость регионов, а какие, напротив, формируют дополнительные резервы устойчивости.

Важным представляется переход от описательного анализа к типологизации регионов на основе кластерного подхода [4], который дает возможность сгруппировать субъекты Российской Федерации по сходству признаков и выделить устойчивые модели регионального развития.

Кластерный анализ в данном контексте обладает значительным аналитическим потенциалом, позволяя зафиксировать неоднородность регионов по уровню продовольственной безопасности; установить, какие сочетания демографических и социально-экономических параметров лежат в основе формирования различных типов территорий [5]; а также преодолеть описательный подход к региональным различиям и перейти к эмпирической типологии, где каждый тип региона ассоциируется с определенным уровнем уязвимости и потенциалом ресурсамообеспечения.

¹ Лай Ю. Продовольственная безопасность региона: актуальные тенденции и угрозы. *Экономика Профессия Бизнес*. 2023;(4):70–75. <https://doi.org/10.14258/epb202356>

Понимание различий (какие регионы к какому типу относятся и почему) дает возможность выстраивать точечное, адресное управление. Универсальные меры поддержки в условиях высокой пространственной дифференциации часто неэффективны. Для одних регионов приоритетом становится стимулирование производства и развитие логистики, для других – удержание и воспроизводство населения, снижение миграционного оттока, поддержка сельских поселений и укрепление человеческого потенциала [6].

Цель исследования – на основе кластерного анализа эмпирически выделить типы регионов Российской Федерации по уровню продовольственной безопасности, определив управленческие последствия полученной типологии.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В отечественной практике активно развивается методология кластеризации регионов на основе уровня продовольственной безопасности и производственного потенциала аграрного сектора.

Современные исследования подчеркивают значимость демографических параметров и человеческого капитала для продовольственной безопасности, позиционируя первые не как периферийный фон, а как одну из центральных осей, которые определяют устойчивость продовольственных систем в условиях глобальных вызовов. Например, Н. В. Шарапова и О. С. Горбунова отмечают, что влияние человеческого капитала на уровень продовольственной безопасности неоспоримо, однако необходимый уровень производства продуктов питания требует и создания новых рабочих мест, и отвечающего определенным параметрам человеческого капитала [7].

В контексте возрастающей нестабильности мировых продовольственных рынков, климатических изменений, миграционных потрясений и санкционных ограничений именно демографические факторы [8] и доходный уровень определяют объем и структуру продовольственного спроса, степень самообеспеченности территорий, а также их уязвимость перед внешними кризисами [9].

Взаимосвязи демографических и продовольственных аспектов в рамках поддержания национальной и региональной экономической стабильности уделяют внимание такие авторитетные российские ученые, как А. Г. Аганбегян², А. И. Алтухов³ и др. Подчеркивается, что без надлежащего учета демографических траекторий любые инициативы в сфере импортозамещения, развития сельского хозяйства или региональной продовольственной политики будут декларативными и демонстрировать неравномерную эффективность в регионах, поскольку игнорируется вариативность возрастной структуры, миграционной активности и потребительских предпочтений населения.

Современная экономическая литература по продовольственной безопасности регионов Российской Федерации отражает рост внимания к методам количественной и типологической оценки устойчивости региональных продовольственных систем. Тем не менее исследовательское поле можно охарактеризовать

² Аганбегян А.Г. Заметки о продовольственной безопасности России. *Мир агробизнеса*. 2010;(2):16–21. <https://elibrary.ru/ndxxex>

³ Алтухов А.И. Парадигма продовольственной безопасности России: монография. М.: Фонд развития и поддержки молодежи «Кадровый резерв»; 2019. 685 с. <https://elibrary.ru/jyyylh>

как фрагментарное и недостаточно интегрированное по ряду ведущих направлений: кластерному анализу регионов (применяются отдельные методы (например, балансового показателя) без комплексной реализации кластерных алгоритмов); использованию интегральных индикаторов продовольственной безопасности (недостаточно разработаны универсальные метрики, объединяющие производственные, экономические и социальные параметры); учету демографических факторов (рассматриваются как второстепенные, хотя они прямо влияют на спрос, самообеспеченность и устойчивость продовольственных систем).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Обоснование методологии исследования. Выбор методологии исследования продиктован спецификой национальной продовольственной системы Российской Федерации: высокой динамичностью процессов и компонентов потребления (включая региональные колебания самообеспеченности, обусловленные демографическими характеристиками, такими как плотность населения, миграционные потоки и урбанизация); постоянной трансформацией плотности, качества и характера связей между субъектами и объектами (между региональными производственными кластерами, логистикой и потребителями в условиях демографического дисбаланса); наличием существенных внешних угроз (санкций, глобальных цепочек поставок) и внутренних факторов (демографического спада в депопулирующих регионах, снижающего локальный спрос).

В связи с этим в качестве основополагающего методологического подхода был выбран системный подход, поскольку он позволяет определить принципы (адаптация к демографическим профилям), структуру (региональные кластеры как подсистемы), иерархию (от локального до национального уровня) и взаимодействие с внешней средой (включая евразийские интеграционные процессы), закладывает основу для эмпирического кластерного анализа и разработки типологии продовольственной безопасности.

Методология исследования базируется на авторском научно-методическом подходе, который включает следующие этапы:

- обоснование функциональных составляющих продовольственной безопасности (социальной, экономической, экологической, внешнеэкономической, научно-технологической), связанных с уровнем качества жизни;
- расчет интегрального индикатора продовольственной безопасности с учетом выделенных составляющих;
- выявление доминантных тенденций динамики интегрального индикатора на основе временных рядов данных;
- установление взаимосвязей между интегральным индикатором и экономической, экологической и социальной составляющими системы.

Такой подход позволяет за счет учета структурных (иерархия кластеров), функциональных (взаимодействия в цепочках поставок) и демографических параметров (профили населения, миграционные потоки) комплексно оценить устойчивость продовольственной безопасности, а также разработать адресные меры поддержки на основе эмпирической типологии регионов.

Материалом исследования послужили данные статистической отчетности за 2014–2022 гг.⁴, а также специализированные разработки по продовольственной безопасности и демографическим характеристикам по 13 регионам РФ⁵.

Дополнительно привлекались результаты расчета собственно интегрального индикатора продовольственной безопасности регионов РФ. Особое внимание уделено анализу сельскохозяйственного производства в макрорегионах по федеральным округам [10–13].

Группы анализируемых показателей:

- социально-экономического развития регионов (валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения, доходы и расходы домохозяйств, уровень безработицы, инвестиционная активность);

- аграрного и продовольственного секторов (объем производства основных видов сельскохозяйственной продукции, уровень самообеспеченности, параметры продовольственной безопасности регионов);

- внешнеэкономической деятельности (импорт/экспорт продовольственных товаров, зависимость потребления от внешних поставок);

- экологического состояния и научно-технологического уровня (удельный вес высокотехнологичных отраслей, индексы экологической нагрузки, инфраструктурные показатели).

Данные были агрегированы и систематизированы в единую расчетную базу для кластерного анализа и последующего выявления эмпирической типологии регионов по уровню обеспеченности продовольственной безопасностью.

Методы обработки и анализа данных. Для оценки продовольственной безопасности регионов применялся комплекс методов. Кластерный анализ методом k средних использовался для группировки регионов по сходным характеристикам и выделения наиболее уязвимых и устойчивых территорий. Итоговое число кластеров (четыре) обосновано методом локтя (резкий перегиб при $k = 4$) и максимальным значением силуэтного коэффициента ($s = 0,67$), что указывает на высокую внутрикластерную однородность и междукластерную разделимость; начальные центры заданы на основе иерархической кластеризации для повышения воспроизводимости результатов.

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи между факторами продовольственной безопасности. Для объединения разнородных показателей в комплексные (интегральные) индикаторы продовольственной безопасности применялся метод агрегирования.

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. Выпуски прошлых лет [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/> (дата обращения: 12.05.2026) ; Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах. Там же. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13292> ; 588 показателей [Электронный ресурс]. ЕМИСС государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicators/search?searchText=продуктов+питания> (дата обращения: 12.05.2026) ; Состав пищевых веществ в потребленных продуктах питания, в среднем на члена домохозяйства в сутки. Там же. URL: <https://www.fedstat.ru/indicators/search?searchText=продуктов+питания>

⁵ А именно по Воронежской, Белгородской и Курской областям (Центральный федеральный округ); Краснодарскому краю, Ростовской области (Южный); Ставропольскому краю, Республике Дагестан (Северо-Кавказский); Саратовской области, Республикам Татарстан и Башкортостан (Приволжский); Алтайскому краю, Омской и Новосибирской областям (Сибирский федеральный округ). Остальные субъекты исключены из-за неполноты статистических рядов. Полная матрица данных доступна по запросу у автора.

Отдельно осуществлялось сопоставление разработанного методологического подхода и существующих методик обеспечения продовольственной безопасности. Выявление внешних рисков и угроз, влияющих на социально-экономическое развитие регионов [14], определение приоритетных направлений разработки, а также имплементация системных мер обеспечения продовольственной безопасности реализовывались в рамках системного анализа и моделирования. Этот подход включал идентификацию акторов, формализацию элементов и институциональных норм системы продовольственной безопасности.

Расчет интегрального показателя производился путем нормирования частных статистических данных по блокам, что позволило привести показатели к сопоставимому виду для проведения кластерного анализа. Для уточнения динамики и корректировки трендов применялся метод экспоненциального сглаживания. Конкретный перечень статистических переменных (индексы производства сельхозпродукции, объемы экспорта/импорта, среднедушевые доходы) является производным от данных Росстата, которые систематизированы в рамках указанной методологии.

Для устранения влияния разной шкалы измерения индикаторов (например, коэффициентов объемов производства) проводилась стандартизация данных методом z -нормализации.

Расчеты и визуализация результатов выполнены в среде R с использованием пакетов `cluster` (версия 2.1.4) и `factoextra` (версия 1.5.0).

Система показателей оценки устойчивого развития продовольственной безопасности включает следующие блоки.

1. Достаточность питательных веществ в продуктах питания: калорийность неосновных продуктов питания; плотность питательных веществ; индекс разнообразия Шеннона; доля населения, получающая необходимое количество питательных веществ.

2. Стабильность продовольственной экосистемы: валовый объем производства продукции сельского хозяйства в расчете на одного жителя региона; объем реализации продуктов питания на одного человека; индекс эколого-экономической эффективности [15]; объем выбросов парниковых газов продовольственной системой на душу населения; чистый забор пресной воды на душу населения; использование невозобновляемых источников энергии на душу населения; эффективность эксплуатации земель сельскохозяйственного назначения на душу населения.

Блок предполагает оценку производства продуктов питания в рамках ограниченного количества пахотных земель и пастбищ, которыми важно управлять таким образом, чтобы удовлетворить растущий спрос без необходимости вводить в эксплуатацию новые территории [16].

3. Доступность продуктов питания: уровень доступности продовольствия; индекс бедности; доля расходов на покупку продуктов питания в потребительских расходах свыше 40 % [10]; темп роста цен на продукты питания⁶. Эти индикаторы

⁶ Водясов П.В. Обеспечение продовольственной безопасности региона (на материалах Алтайского края): дисс. ... канд. экон. наук. Новосибирск; 2017. 179 с. <https://www.elibrary.ru/zqdcje>

отражают возможности национальной экономики по генерированию достаточного уровня дохода. Предложены различные меры неравенства дохода, в том числе соотношения уровней дохода (или располагаемого дохода) для самого низкого и самого высокого квантилей (10 или 20 %) населения страны.

4. Безопасность пищевых продуктов: уровень загрязнения продовольственного сырья и пищевых продуктов загрязнителями химической природы, влияющими на социально-экономическое развитие регионов [15]; продовольственные потери на различных этапах производственно-сбытовой цепочки.

5. Сокращение отходов и потерь: доля произведенного продовольствия, которая теряется (до потребления) или выбрасывается (после потребления).

Методика расчета интегрального показателя. Оценка сокращения отходов и потерь заключается в простом выражении в процентах доли произведенного продовольствия, которая теряется (до момента потребления) или выбрасывается (после потребления). При группировке показателей по блокам, оценивающим региональную продовольственную безопасность, необходимо учитывать факторную направленность, т. е. выделять факторы с положительным и отрицательным влиянием на результирующий показатель.

Факторы с положительным влиянием при определении итогового значения преобразуются по формуле:

$$x_{ij}^{(S,P)}(I) = \frac{x_{ij} \overline{N_i}}{\max \{x_{ij} \overline{N_i}\}}, \quad (1)$$

где $x_{ij}^{(S,P)}$ – преобразованное значение j -го позитивного показателя, оценивающего продовольственную безопасность в i -м субъекте Федерации; S – номер частной оценки внутри блока; P – позитивный фактор (параметр, обозначающий показатели с прямым положительным влиянием на продовольственную безопасность, такие как самообеспеченность продуктами, объем производства на душу населения или доступность логистики; в отличие от негативных факторов N , требующих инверсии); i – индекс i -го субъекта РФ ($i = 1, \dots, 85$), по которому происходит оценка региональной продовольственной безопасности; j – индекс j -го показателя внутри соответствующего оценочного блока ($j = 1, 2, \dots, n_j(I)$; $n_j(I)$ – число показателей, характеризующих оценочный блок I , соответствующий отдельному частному интегральному свойству продовольственной безопасности (например, социально-экономическому, экологическому и т. п.); $\overline{N_i}$ – среднегодовая численность населения i -го субъекта Федерации, выступающая базовым демографическим показателем, нормирующим или масштабирующим значения отдельных частных индикаторов в рамках единого интегрального подхода.

Формула (1) последовательно учитывает индекс региона (i), индекс показателя внутри блока (j), номер оценочного блока (I) и номер частной оценки внутри блока (S), а также использует среднегодовую численность населения в качестве главного демографического фактора нормировки при расчете преобразованных значений позитивных показателей продовольственной безопасности.

Интегральная оценка факторов с отрицательным влиянием осуществляется по формуле:

$$x_{ij}^{(S,H)}(I) = \left(\frac{\frac{x_{ij}}{N_i}}{\max \left\{ \frac{x_{ij}}{N_i} \right\}} \right)^{-1}, \quad (2)$$

где H – сводный индекс, отражающий совокупное негативное воздействие соответствующих показателей (например, потерь и отходов продовольствия, низкого уровня самообеспеченности, дефицита продовольственных ресурсов, повышенных рисков экологической и социально-экономической нестабильности и т. п.); нормировка на максимум H обеспечивает масштабирование от 0 (максимальный риск) до 1 (отсутствие негативного влияния).

Таким образом, показателю с отрицательным влиянием присваивается наименьший удельный вес, показателю с минимальным значением – наибольший [11].

Для показателей с условно позитивным/негативным факторным влиянием преобразования имеют вид:

$$x_{ij}^{(S,P)}(I) = \frac{x_{ij}}{\max \{x_{ij}\}}, \quad (3)$$

$$x_{ij}^{(S,H)}(I) = \left(\frac{x_{ij}}{\max \{x_{ij}\}} \right)^{-1}. \quad (4)$$

Данные преобразования позволяют сопоставлять результаты так же, как и по позитивным показателям (при минимальном значении будет максимальная доля, а при максимальном – минимальная). Интегрирование сводного параметра осуществлялось с использованием нормированных значений, определяющих продовольственную безопасность региона.

Интегральный показатель продовольственной безопасности рассчитывается простым суммированием составных аналитических блоков. Для нормализации данных применялся метод наименьших квадратов с использованием прикладного программного комплекса «Статистика».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С применением **методологии кластерного анализа** регионы распределены по четырем группам в соответствии с интегральным показателем продовольственной безопасности субъекта Российской Федерации (табл. 1).

Регион с высоким уровнем продовольственной безопасности выявлен один – Республика Башкортостан. Группу регионов со средним уровнем продовольственной безопасности составили пять субъектов: Белгородская область, Краснодарский край, Республика Татарстан, Ростовская и Воронежская области; с низким уровнем – семь: Республика Дагестан, Ставропольский и Алтайский края, Курская, Саратовская, Новосибирская и Омская области. Регионы с критическим уровнем безопасности не обнаружены.

Таблица 1. Типы регионов России по уровню региональной продовольственной безопасности (РПБ) на основе кластерного подхода

Table 1. Types of Russian regions according to the level of Regional Food Security (RFS) based on the cluster approach

Тип продовольственной безопасности / Type of food security	Оценочный интервал / Estimated interval	Характеристика регионального типа / Characteristics of the regional type
Высокий / High	$0,8 \leq \text{РПБ} \leq 1$ / $0,8 \leq \text{RFS} \leq 1$	Географическое положение и климатические условия обеспечивают существенную долю сельскохозяйственного производства в валовом региональном продукте. Широкая номенклатура продуктов питания и высокое качество продовольствия; предложение продуктов собственного производства выше спроса на них, поэтому экспорт существенно превышает импорт продукции. Доля потребительских расходов на питание минимальна / The region's geographic location and climate ensure a significant share of agricultural production in the gross regional product. A wide range of food products and high quality are available; the supply of domestically produced products exceeds demand, so exports significantly exceed imports. The share of consumer spending on food is minimal
Средний / Average	$0,6 \leq \text{РПБ} < 0,8$ / $0,6 \leq \text{RFS} < 0,8$	Хорошие условия для развития сельского хозяйства, что позволяет производить продукцию широкой номенклатуры с высоким качеством. Объем производства соответствует уровню потребления; экспорт превышает импорт продукции. Достаточно эффективное управление земельными ресурсами и экобезопасностью. Доля расходов на продукты питания минимальна / Favorable conditions for agricultural development allow for the production of a wide range of high-quality products. Production volumes correspond to consumption levels; exports exceed imports. Land management and environmental safety are quite effective. The share of expenditure on food products is minimal
Низкий / Low	$0,4 \leq \text{РПБ} < 0,6$ / $0,4 \leq \text{RFS} < 0,6$	Имеются все экономико-географические возможности для развития сельскохозяйственного производства. Товарная номенклатура ограничена, поэтому объем импорта превышает экспорт сельскохозяйственной продукции и вся дефицитная номенклатура продуктов питания – ввозимая. Узкая специализация сельскохозяйственного производства. Доля расходов на продукты питания средняя по стране / There are all the economic and geographical opportunities for the development of agricultural production. The product range is limited, so import volumes exceed agricultural exports, and all scarce food products are imported. Agricultural production is highly specialized. The share of expenditure on food is average for the country
Критический / Critical	$0,0 < \text{РПБ} < 0,4$ / $0,0 < \text{RFS} < 0,4$	Географическое положение и климат региона не позволяют специализироваться на сельскохозяйственном производстве, доля которого в валовом региональном продукте минимальна. Потребности населения в продовольствии обеспечиваются за счет импорта, расходы на питание составляют значительную долю общих затрат / The region's geographic location and climate do not allow specialization in agricultural production, which accounts for a minimal share of the gross regional product. Food needs are met through imports, and food expenditures represent a high share of total spending

Источник: разработано автором.

Source: developed by the author.

В целом ситуация в сфере продовольственной безопасности оценивается как относительно благополучная, поскольку базовые потребности населения в продовольствии удовлетворяются на всей территории государства. Это свидетельствует о стабильности системы продовольственного обеспечения на макроуровне и позволяет говорить о реализации минимально необходимых стандартов жизнеобеспечения граждан.

Однако при детальном рассмотрении обнаруживается существенный разрыв между лидирующим и остальными субъектами Федерации. Подобная диспропорция может свидетельствовать, с одной стороны, о наличии уникальных факторов успеха в Республике Башкортостан, например о благоприятных климатических условиях, развитой агропромышленной инфраструктуре или успешных инвестиционных проектах. С другой, – о недостаточно эффективном использовании потенциала в других регионах: проблемах с привлечением инвестиций, устаревших технологий производства, логистических сложностях или недостаточной господдержке.

Таким образом, кластерный анализ подтвердил устойчивую межрегиональную дифференциацию: из 13 исследуемых субъектов только один достиг высокого уровня продовольственной безопасности, тогда как большинство регионов (7 из 13) остаются в группе с низкой устойчивостью. Типологизация исследуемых регионов позволила выделить проблемы в их экономическом развитии в контексте решения задач балансирования производства и потребления продуктов питания, политики самообеспечения продовольствием.

Описание групп показателей. При рассмотрении вопросов продовольственного обеспечения важно анализировать достижение целевых нормативов национальной и экономической безопасности, оперативно выявлять потенциальные угрозы в зонах физической и экономической доступности продовольствия, осуществлять мониторинг качества продуктов питания и структуры питания населения, оценивать результативность стратегии регионального управления.

На основе метода экспоненциального сглаживания с корректировкой тренда уточнялись значения интегрального показателя продовольственной безопасности за 2021 и 2022 гг.

В таблице 2 представлены результаты расчетов интегрального показателя продовольственной безопасности регионов России по четырем функциональным блокам за 2014–2022 гг. Нормирование показателей обеспечило сопоставимость регионов и позволило выявить динамику их изменения во времени. Согласно предложенной методике отбирались регионы-лидеры, ранжированные по составным блокам (доступности продуктов питания, безопасности пищевых продуктов, достаточности питательных веществ в продуктах питания, состоянию экосистемы) от максимального к минимальному значениям.

За анализируемый период по большинству субъектов РФ интегральный показатель вырос к 2022 г., что отразило положительную динамику в сфере продовольственной безопасности. Наибольший вклад в формирование интегральной оценки внесли блоки, характеризующие достаточность питательных веществ в продуктах питания и их доступность, тогда как показатели стабильности продовольственной экосистемы и безопасности пищевых продуктов выступали в качестве дополнительных, но значимых компонентов.

Т а б л и ц а 2. Интегральная оценка показателя продовольственной безопасности регионов России в 2014–2022 гг.
Table 2. Integrated assessment of food security in Russian regions in 2014–2022

Регион / Region	Аналитический период, г. / Analytical period, year							Расчетные значения ⁷ / Calculated values		
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	10
<i>Достаточность питательных веществ в продуктах питания / The sufficiency of nutrients in food</i>										
Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,161	0,182	0,221	0,190	0,190	0,210	0,210	0,208	0,205	0,205
Ставропольский край / Stavropol Territory	0,122	0,139	0,149	0,139	0,139	0,170	0,170	0,168	0,166	0,166
Алтайский край / Altai Territory	0,095	0,138	0,169	0,139	0,139	0,149	0,159	0,157	0,155	0,155
Ростовская область / Rostov Region	0,095	0,133	0,133	0,136	0,136	0,178	0,179	0,177	0,174	0,174
Воронежская область / Voronezh Region	0,071	0,084	0,105	0,084	0,084	0,105	0,126	0,125	0,123	0,123
Белгородская область / Belgorod Region	0,159	0,172	0,221	0,178	0,178	0,210	0,253	0,249	0,246	0,246
Курская область / Kursk Region	0,095	0,095	0,105	0,105	0,105	0,126	0,116	0,114	0,113	0,113
Саратовская область / Saratov Region	0,091	0,078	0,118	0,105	0,105	0,210	0,202	0,199	0,197	0,197
Омская область / Omsk Region	0,079	0,091	0,105	0,095	0,095	0,105	0,105	0,104	0,103	0,103
Новосибирская область / Novosibirsk Region	0,059	0,069	0,095	0,074	0,074	0,105	0,105	0,104	0,103	0,103
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,059	0,064	0,085	0,080	0,080	0,095	0,126	0,125	0,123	0,123
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	0,069	0,076	0,096	0,078	0,078	0,078	0,105	0,104	0,103	0,103
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	0,069	0,076	0,100	0,094	0,094	0,111	0,149	0,147	0,145	0,145
<i>Стабильность продовольственной экосистемы / Stability of the food ecosystem</i>										
Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,127	0,135	0,146	0,135	0,135	0,145	0,145	0,158	0,173	0,173
Ставропольский край / Stavropol Territory	0,095	0,105	0,127	0,108	0,108	0,140	0,140	0,153	0,166	0,166
Алтайский край / Altai Territory	0,084	0,105	0,127	0,105	0,105	0,105	0,105	0,115	0,125	0,125
Ростовская область / Rostov Region	0,118	0,118	0,118	0,124	0,124	0,168	0,168	0,184	0,200	0,200
Воронежская область / Voronezh Region	0,021	0,021	0,021	0,021	0,021	0,042	0,042	0,046	0,050	0,050
Белгородская область / Belgorod Region	0,126	0,138	0,136	0,138	0,138	0,160	0,160	0,174	0,190	0,190
Курская область / Kursk Region	0,021	0,021	0,021	0,021	0,021	0,021	0,021	0,023	0,025	0,025
Саратовская область / Saratov Region	0,021	0,021	0,021	0,021	0,021	0,021	0,021	0,023	0,025	0,025

⁷ Рассчитано на основе экспоненциального сглаживания.

Продолжение табл. 2 / Continuation of the table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Стабильность продовольственной экосистемы / Stability of the food ecosystem</i>									
Омская область / Omsk Region	0,028	0,028	0,028	0,028	0,028	0,028	0,028	0,031	0,034
Новосибирская область / Novosibirsk Region	0,011	0,011	0,011	0,011	0,011	0,011	0,011	0,012	0,013
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,052	0,094	0,094	0,094	0,094	0,094	0,094	0,102	0,111
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	0,113	0,113	0,113	0,113	0,113	0,113	0,113	0,123	0,134
Республика Дагестан / Republic of Daghestan	0,019	0,019	0,019	0,019	0,019	0,019	0,019	0,021	0,023
<i>Доступность продуктов питания / Food availability</i>									
Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,204	0,224	0,235	0,234	0,234	0,259	0,204	0,204	0,203
Ставропольский край / Stavropol Territory	0,120	0,142	0,170	0,149	0,149	0,170	0,120	0,120	0,120
Алтайский край / Altai Territory	0,185	0,185	0,192	0,196	0,196	0,218	0,185	0,185	0,184
Ростовская область / Rostov Region	0,143	0,158	0,158	0,168	0,168	0,210	0,143	0,143	0,143
Воронежская область / Voronezh Region	0,338	0,379	0,463	0,379	0,379	0,458	0,338	0,337	0,336
Белгородская область / Belgorod Region	0,233	0,254	0,213	0,264	0,264	0,306	0,233	0,232	0,232
Курская область / Kursk Region	0,253	0,284	0,350	0,284	0,284	0,309	0,253	0,253	0,252
Саратовская область / Saratov Region	0,098	0,098	0,098	0,098	0,098	0,116	0,098	0,098	0,098
Омская область / Omsk Region	0,081	0,085	0,106	0,095	0,095	0,105	0,081	0,081	0,081
Новосибирская область / Novosibirsk Region	0,200	0,213	0,250	0,250	0,250	0,344	0,200	0,120	0,199
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,230	0,244	0,262	0,244	0,244	0,345	0,230	0,230	0,229
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	0,267	0,338	0,379	0,338	0,338	0,379	0,267	0,266	0,266
Республика Дагестан / Republic of Daghestan	0,237	0,252	0,270	0,252	0,252	0,356	0,237	0,237	0,236
<i>Безопасность пищевых продуктов / Food safety</i>									
Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,149	0,160	0,169	0,160	0,160	0,160	0,160	0,162	0,163
Ставропольский край / Stavropol Territory	0,105	0,116	0,105	0,116	0,116	0,116	0,116	0,117	0,118
Алтайский край / Altai Territory	0,101	0,101	0,105	0,101	0,101	0,101	0,101	0,102	0,103
Ростовская область / Rostov Region	0,101	0,101	0,101	0,101	0,101	0,101	0,101	0,102	0,103
Воронежская область / Voronezh Region	0,095	0,095	0,095	0,095	0,095	0,095	0,095	0,096	0,097
Белгородская область / Belgorod Region	0,101	0,101	0,170	0,101	0,101	0,101	0,105	0,106	0,107
Курская область / Kursk Region	0,095	0,096	0,096	0,096	0,096	0,096	0,096	0,097	0,098
Саратовская область / Saratov Region	0,091	0,091	0,091	0,091	0,091	0,091	0,095	0,096	0,097

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Безопасность пищевых продуктов / Food safety									
Омская область / Omsk Region	0,049	0,049	0,049	0,049	0,049	0,050	0,050	0,050	0,051
Новосибирская область / Novosibirsk Region	0,091	0,091	0,091	0,091	0,091	0,091	0,091	0,091	0,092
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,172	0,172	0,172	0,172	0,172	0,172	0,172	0,174	0,176
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	0,325	0,325	0,325	0,325	0,325	0,325	0,325	0,328	0,332
Республика Дагестан / Republic of Daghestan	0,181	0,181	0,181	0,181	0,181	0,181	0,181	0,183	0,184
Интегральный показатель продовольственной безопасности региона / An integral indicator of the region's food security									
Краснодарский край / Краснодар Territory	0,642	0,701	0,771	0,719	0,719	0,774	0,720	0,731	0,744
Ставропольский край / Stavropol Territory	0,442	0,502	0,552	0,513	0,513	0,597	0,546	0,557	0,570
Алтайский край / Altai Territory	0,465	0,529	0,593	0,541	0,542	0,574	0,551	0,559	0,567
Ростовская область / Rostov Region	0,457	0,509	0,509	0,529	0,529	0,658	0,592	0,605	0,620
Воронежская область / Voronezh Region	0,525	0,579	0,683	0,579	0,579	0,700	0,601	0,603	0,606
Белгородская область / Belgorod Region	0,620	0,664	0,739	0,681	0,681	0,778	0,750	0,762	0,775
Курская область / Kursk Region	0,464	0,496	0,572	0,507	0,507	0,552	0,486	0,487	0,488
Саратовская область / Saratov Region	0,300	0,287	0,327	0,315	0,315	0,438	0,416	0,416	0,416
Омская область / Omsk Region	0,238	0,253	0,289	0,267	0,267	0,289	0,265	0,266	0,268
Новосибирская область / Novosibirsk Region	0,360	0,383	0,446	0,425	0,425	0,550	0,406	0,406	0,407
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,513	0,574	0,613	0,590	0,590	0,705	0,622	0,630	0,639
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	0,773	0,851	0,912	0,853	0,853	0,895	0,809	0,821	0,833
Республика Дагестан / Republic of Daghestan	0,506	0,527	0,571	0,546	0,546	0,667	0,586	0,587	0,588

Примечания: 1) значения нормированы методом z-стандартизации; 2) представленные значения являются результатом аналитической обработки исходных региональных данных.

Notes: 1) the values are normalized using the z-standardization method; 2) the presented values are the result of analytical processing of the original regional data.

Источник: таблицы 2 и 3 составлены автором на основе данных по регионам России. Социально-экономические показатели. Выпуски прошлых лет...; Потребление продуктов питания в домохозяйствах...; 588 показателей...; Состав питательных веществ в потребляемых продуктах питания, в среднем на одного члена домохозяйства в день...

Source: tables 2 and 3 are calculated by the author based on data from regions of Russia. Socioeconomic indicators. Previous years' releases...; Food consumption in households...; 588 indicators...; Composition of nutrients in consumed food products, on average per household member per day...

Проведена сводная интегральная оценка продовольственной безопасности с ранжированием регионов от максимального к минимальному значениям за 2014 и 2022 гг. по достаточности питательных веществ в продуктах питания, стабильности продовольственной экосистемы, доступности продуктов питания и безопасности пищевых продуктов (табл. 3). Нормирование показателей обеспечивает сопоставимость регионов и позволяет выявить динамику их изменения во времени.

Как видно из таблицы 3, наилучшие позиции у Республики Башкортостан, Белгородской области и Краснодарского края, средние – у Республики Татарстан и Воронежской области (0,6–0,7), замыкают перечень Новосибирская, Саратовская и Омская области (0,2–0,4). При этом субъекты из числа традиционно имеющих высокую интегральную оценку региональной продовольственной безопасности, где под сельское хозяйство освоено 60–80 % равнин (в частности, Республика Башкортостан) отличаются высокими показателями по безопасности пищевых продуктов; когда как для Краснодарского края, Республики Татарстан, Белгородской, Воронежской и Ростовской областей (субъектов средней категории) характерна бо́льшая доступность питания.

Последнее снижает производительность, качество и соответственно конкурентоспособность продукции растениеводства, имеющей приоритетное значение не только для агропромышленного комплекса, но и для экономики региона в целом. Продовольственная экосистема неустойчива и требует пересмотра агропродовольственной политики: специализации отраслей, разработки планов по их стимулированию и развитию инвестиционных проектов, поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств, применения (и возможности обслуживания) современных технологий, подготовки кадров.

Итоговая типология: межкластерные различия. Сформированная типология регионов РФ демонстрирует бо́льшую дифференциацию: вместо традиционной классификации, основанной на трех группах (доноры, реципиенты, сбалансированные регионы), выявлены четыре кластера. Четвертый кластер объединил субъекты с сочетанием низкой продовольственной самодостаточности, высокой зависимости от внешних поставок и деструктивных демографических тенденций.

Распределение регионов на лидеров и отстающих характеризуется выраженной асимметрией. Только один субъект может быть признан регионом с высоким уровнем продовольственной безопасности, который обладает устойчивым аграрным потенциалом, стабильной демографической динамикой и высокой адаптивностью к кризисным условиям. Семь регионов формируют кластер с наименее благоприятным положением по совокупности продовольственных, экономических и демографических параметров. Их признаками являются слабая производственная база и повышенная импортная зависимость, вследствие чего региональная структура продовольственной безопасности приобретает ярко выраженный поляризационный характер.

Анализ динамики за период 2014–2022 гг. свидетельствует об усилении расхождений между группами регионов. Если ранние изыскания выявляли постепенное выравнивание региональных различий, то в условиях геополитической нестабильности и перестройки логистических и торговых потоков расхождения между кластерами не только сохраняются, но и акцентируются. Это очевидно по показателю экологической стабильности: ведущие регионы демонстрируют устойчивое улучшение условий для агропроизводства, тогда как регионы с низким продовольственным потенциалом сталкиваются с ростом климатических рисков, эрозией земельных ресурсов и снижением экологической устойчивости.

Т а б л и ц а 3. Интегральный показатель продовольственной безопасности регионов России в 2014 и 2022 гг.
Table 3. Integral indicator of food security in Russian regions in 2014 and 2022

Регион / Region	Интегральный показатель продо- вольственной без- опасности / An integral indicator of the food security		Составляющие интегрального показателя продовольственной безопасности региона / Components of the integrated indicator of regional food security							
			достаточность / sufficiency		стабильность / stability		доступность / availability		безопасность / safety	
	2014	2022	2014	2022	2014	2022	2014	2022	2014	2022
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	0,773	0,833	0,069	0,103	0,113	0,134	0,267	0,266	0,325	0,332
Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,642	0,744	0,161	0,205	0,127	0,173	0,204	0,204	0,149	0,163
Белгородская область / Belgorod Region	0,619	0,775	0,159	0,246	0,126	0,190	0,233	0,232	0,101	0,107
Воронежская область / Voronezh Region	0,525	0,606	0,072	0,123	0,021	0,050	0,334	0,337	0,095	0,097
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,513	0,639	0,059	0,123	0,052	0,111	0,230	0,229	0,172	0,176
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	0,506	0,588	0,069	0,145	0,019	0,023	0,237	0,236	0,181	0,184
Алтайский край / Altai Territory	0,465	0,567	0,095	0,155	0,084	0,125	0,185	0,184	0,101	0,103
Курская область / Kursk Region	0,464	0,488	0,095	0,113	0,021	0,025	0,253	0,252	0,095	0,098
Ростовская область / Rostov Region	0,457	0,620	0,095	0,174	0,118	0,200	0,143	0,143	0,101	0,103
Ставропольский край / Stavropol Territory	0,442	0,570	0,122	0,166	0,095	0,166	0,120	0,120	0,105	0,118
Новосибирская область / Novosibirsk Region	0,360	0,407	0,059	0,103	0,011	0,013	0,200	0,199	0,091	0,092
Саратовская область / Saratov Region	0,300	0,416	0,091	0,197	0,021	0,025	0,098	0,098	0,091	0,097
Омская область / Omsk Region	0,238	0,268	0,079	0,103	0,028	0,034	0,081	0,081	0,049	0,051

Примечания: 1) блоки: достаточность питательных веществ, стабильность экосистемы, доступность продуктов, безопасность пищевых продуктов; 2) все значения нормированы относительно среднероссийских показателей.

Notes: 1) blocks: nutrient sufficiency, food safety, food availability, food safety; 2) all values normalized against Russian median.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты свидетельствуют о том, что интегральный уровень продовольственной безопасности регионов России в 2014–2022 гг. характеризовался устойчивой, но неравномерной положительной динамикой. Межрегиональные различия обусловлены прежде всего вариациями по блокам достаточности питательных веществ и доступности продовольствия, что подтверждает ведущую роль социально-экономических и территориальных факторов в формировании продовольственной безопасности. Это обосновывает необходимость применения дифференцированных управленческих решений и адресных мер региональной агропродовольственной политики.

Результаты кластеризации регионов РФ по уровню продовольственной обеспеченности выявили существенную дифференциацию субъектов в 2014–2022 гг.:

- 1) высокий уровень удовлетворения продовольственной обеспеченности (Республика Башкортостан);
- 2) средний уровень (Белгородская область, Краснодарский край, Республика Татарстан, Воронежская и Ростовская области);
- 3) пороговый уровень (Республика Дагестан, Ставропольский и Алтайский края, Курская, Саратовская, Новосибирская и Омская области);
- 4) низкий уровень, дефицит собственного производства (не обнаружен).

Это позволяет по-новому осмыслить региональную специфику продовольственных систем [17], что соответствует цели исследования – выработке эмпирической типологии субъектов РФ и обоснованию адресных управленческих рекомендаций.

Важным результатом стало обнаружение дополнительного кластера, объединившего территории с сочетанием низкого аграрного потенциала и неблагоприятными демографическими тенденциями. Для подобных регионов стандартные меры импортозамещения и модернизации агропромышленного комплекса [18] недостаточны, требуется учет специфики возрастной структуры населения, миграционных процессов и экологических ограничений. Это подчеркивает действенность дифференцированного подхода к формированию региональной политики [19].

Подчеркнем, что полученная кластеризация и оценка компонентов безопасности не являются усредненными характеристиками для всей группы. Напротив, она эмпирически выявляет внутригрупповую неоднородность: например, для регионов со средним уровнем доступность питания может быть обеспечена ценой снижения экологической устойчивости. Именно это обстоятельство делает неэффективными универсальные меры регулирования и требует перехода к адресным стратегиям, учитывающим специализацию, ресурсы и демографические ограничения каждого субъекта.

Проведенная оценка уровня устойчивого развития продовольственной безопасности регионов позволила обосновать авторскую типологию субъектов Российской Федерации.

Использование кластерной типологии позволяет прогнозировать потенциальные угрозы (климатические, логистические), оперативно адаптировать политические стратегии, что повышает эффективность реализации федеральных ресурсов. Типология не только выполняет функцию фиксации текущего состояния,

но и служит основой стратегического планирования в условиях глобальных вызовов [20]. Выводы подтверждают существование нескольких региональных лидеров и значительного числа периферийных территорий, что демонстрирует масштаб межрегионального неравенства.

Методологические ограничения исследования обусловлены прежде всего характером выборки и доступностью данных. Оценка продовольственной безопасности базируется на официальной статистической отчетности за 2014–2022 гг. Применение кластерного анализа предполагает определенные допущения об однородности региональных систем и стационарности взаимосвязей между переменными. Подобные допущения затрудняют отражение уникальных особенностей отдельных субъектов Федерации (мегаполисов, депрессивных зон). Сказанное акцентирует необходимость проведения дальнейших изысканий с использованием более детализированных и пространственно ориентированных данных для уточнения региональной типологии продовольственной безопасности в России.

С помощью статистических расчетов и экономического анализа раскрыты значимые направления развития сельскохозяйственного производства (эффективность, финансовая ресурсообеспеченность, продуктивное использование имеющихся ресурсов, производительность, баланс производство/потребление) в различных типах [21] российских регионов.

Разработанные общетеоретические положения методики оценки продовольственной безопасности регионов РФ учитывают разнообразие природно-климатических условий.

На основе кластерной типологии сформирован следующий комплекс дифференцированных управленческих рекомендаций для регионов РФ.

1. Для регионов-лидеров (например, Башкортостана), характеризующихся высокой продовольственной самодостаточностью, стабильной или растущей демографической структурой, развитым аграрно-перерабатывающим комплексом и минимальной импортной зависимостью, приоритетом должно стать развитие устойчивого интенсивного сельского хозяйства. Акцент следует сделать на ресурсосберегающие и экологичные технологии, формирование экспортно ориентированных направлений (органики, высокотехнологичной переработки) при сохранении внутренней стабильности. Одновременно важно поддерживать демографическую привлекательность через улучшение жилищных условий, инфраструктуры и качества жизни – это обеспечит стабильность трудовых ресурсов.

2. Стабильно сбалансированные регионы (такие как Краснодарский край и Татарстан), отличающиеся пропорциональным производством и потреблением, умеренной импортной зависимостью и устойчивой демографической ситуацией, нуждаются в диверсификации цепочек поставок через поддержку малого и среднего предпринимательства, кооперативов и локальных торговых площадок, развитие электронных платформ. Целесообразно внедрить демографические аграрные программы: поддержку молодых фермеров, развитие сельских образовательных и медицинских учреждений, улучшение транспортной доступности. Дополнительно рекомендуется создать систему мониторинга рисков, охватывающую ценообразование, логистику, климатические изменения и демографические процессы.

3. Для регионов с низким уровнем продовольственной безопасности стандартные программы замещения внешних поставок внутренним сырьем оказываются недостаточными, поскольку игнорируют специфику климатических условий, демографический потенциал и слабую конкурентоспособность местных рынков [22]. Целесообразно внедрить программы поддержки молодых фермеров, развитие сельских образовательных и медицинских учреждений, улучшение транспортной доступности. Дополнительно рекомендуется создать систему мониторинга рисков, охватывающую ценообразование, логистику, климатические изменения и демографические процессы.

Необходимо реализовать территориально специализированные модели, ориентированные на культуры с низким уровнем технологий и нишевые продукты; перейти от общих мер импортозамещения к адресным стратегиям, стратифицированным по регионам и отраслям.

Таким образом, кластерный анализ продовольственной безопасности регионов Российской Федерации не только подтверждает наличие значительного межрегионального неравенства, но и обосновывает необходимость принципиально нового подхода к региональной политике в данной сфере. В рамках этого подхода демографическая специфика и климатическая устойчивость должны стать центральными критериями для формирования типологий и определения инструментов государственного и местного регулирования. Предложенная типология и связанные с ней рекомендации создают основу для целенаправленного и более эффективного использования федеральных и региональных ресурсов в сфере продовольственной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании показана применимость метода k средних и других алгоритмов кластерного анализа для группировки субъектов РФ по набору показателей отрасли сельского хозяйства (посевных площадей, объема продукции растениеводства и животноводства, занятости в отрасли, уровня государственной поддержки), что позволяет выделить регионы-доноры и менее обеспеченные территории, а также формировать адресные меры поддержки агропромышленного комплекса.

Предлагаются различные наборы индикаторов для кластеризации, в частности по качественным индикаторам предложения, спроса и уровня международного взаимодействия с целью типологии регионов (доноров, реципиентов, сбалансированных), используется балансовый показатель (производство минус потребление), что фактически формирует эмпирическую типологию, однако не предполагает явного применения кластерного анализа в качестве статистического инструмента.

Установлено, что региональная картина продовольственной безопасности носит выражено дифференцированный характер, и традиционная трехступенчатая классификация уступает место более сложной четырехкластерной структуре, в которую входит отдельный кластер регионов с низким уровнем продовольственной безопасности.

Выявлены факторы, определяющие структуру потребительского спроса, уровень доступности продовольствия и общую устойчивость региональных продовольственных систем, особенно в условиях внешних потрясений и санкционных ограничений.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее результатов при разработке региональных стратегий, программ социально-экономического развития, мер поддержки сельских территорий и мероприятий в рамках демографической и продовольственной политики. Учет демографических характеристик (возрастной структуры, миграционной динамики, плотности населения) дает возможность адаптировать предложенные меры: для регионов с депопуляцией – акцентировать механизацию и поддержку фермерских кооперативов; для растущих агломераций – развивать логистику и короткие цепочки поставок.

Основные рекомендации по улучшению ситуации в регионах с низким уровнем продовольственной безопасности предполагают отход от общих макроуровневых мер в пользу адресных стратегий, имеющих территориальную и отраслевую специализацию, которые включают:

- развитие направлений сельскохозяйственного производства, адаптированных к климатическим условиям с учетом демографической специфики региона;
- укрепление социальной защищенности групп населения, подверженных высокому риску продовольственной уязвимости (пожилых людей, малоимущих домохозяйств, жителей сельских поселений);
- формирование узкоспециализированных производственных ниш, соответствующих природно-климатическим и трудовым ресурсам конкретного кластера, а также поддержка региональных логистических и дистрибьюторских цепочек.

Представленные результаты служат не только инструментом эмпирической типологии продовольственной безопасности регионов РФ, но и методологической основой для выработки точечной и более эффективной региональной политики, направленной на синхронизацию продовольственных, демографических и экологических целей развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рязанцев С.В., Варганова М.Л. Тренды устойчивого развития сельского хозяйства российских регионов в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности страны. *Крестьяноведение*. 2025;10(1):202–225. <https://www.elibrary.ru/sqcvnb>
2. Порфирьев Б.Н. Оценка результативности и эффективности мер по адаптации населения и экономики к изменениям климата: алгоритм и процедуры расчетов. *Проблемы прогнозирования*. 2024;(4):21–35. <https://www.elibrary.ru/gsnibp>
3. Гуляева Т.И., Такмакова Е.В., Самыгин Д.Ю., Сидоренко О.В. Развитие сельских территорий как фактор уровня жизни сельского населения и смягчения дефицита рабочей силы. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2025;(10/2):174–183. <https://www.elibrary.ru/tfxcbl>
4. Зайцев А.Г., Полторыхина С.В. Агропромышленные кластеры как источник инновационного развития: стратегия и институты. *Вестник аграрной науки*. 2021;(2):113–118. <https://www.elibrary.ru/ebaaom>
5. Молчанов И.Н. Регулирование развития и пространственного освоения территорий Российской Федерации. *Экономика. Налоги. Право*. 2021;14(6):29–40. <https://www.elibrary.ru/bxcnt>
6. Ускова Т.В., Бабич Л.В. Использование человеческого капитала в контексте устойчивого развития региона. *Регионоведение*. 2021;29(4):820–839. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.820-839>
7. Шарипова Н.В., Горбунова О.С. Продовольственная безопасность региона в условиях зарубежных санкций и человеческого капитал аграрной сферы. *Московский экономический журнал*. 2022;7(9):20. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_9_509
8. Рязанцев С.В., Варганова М.Л. Влияние демографических и социально-экономических факторов на производственный потенциал и продовольственную самообеспеченность регионов

- Российской Федерации. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2025;(9):66–82. <https://www.elibrary.ru/rfrwpq>
9. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Кузнецов Я.А. Финтех-решения как механизм привлечения исламских финансов в агропромышленный сектор экономики региона в условиях санкционного давления. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2025;(10):136–143. <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2025-0-10-136-143>
 10. Тер-Григорьянц А.А., Шелухина Е.А. Современные тенденции обеспечения продовольственной независимости и экономической доступности продовольствия в регионе. *Труды Кубанского государственного аграрного университета*. 2023;(103):79–85. <https://www.elibrary.ru/seuklc>
 11. Ворошилов Н.В., Ускова Т.В. К вопросу о реализации государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». *СЕВЕР И РЫНОК: формирование экономического порядка*. 2019;(4):4–17. <https://www.elibrary.ru/yierlk>
 12. Алексеев С.Л., Якушкин Н.М., Шарипов С.А., Сергеева Ю.С. Организационно-экономические основы развития органического сельского хозяйства в условиях современности. *Экономика сельского хозяйства России*. 2024;(2):73–82. <https://doi.org/10.32651/242-73>
 13. Еловский И.А., Зенченко С.В. Проблемы оценки финансовой безопасности региона. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2024;(6):154–161. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2024.6.15>
 14. Панасюк М.В., Камашева А.В., Кузнецова А.М., Костычев М.Ю. Классификационный метод анализа устойчивости состояния социально-экономической системы региона. *Экономические науки*. 2023;(229):228–233. <https://doi.org/10.14451/1.229.228>
 15. Дудин М.Н. Потенциал применения новых агропрепаратов в российском АПК. *Продовольственная политика и безопасность*. 2022;9(4):445–456. <https://doi.org/10.18334/ppib.9.4.116361>
 16. Иванова А.А., Юрова П.Н., Смыслова О.Ю. Влияние ресурсного потенциала аграрного сектора АПК на устойчивое развитие сельских территорий. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. 2023;21(1):91–100. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(1\).91-100](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(1).91-100)
 17. Герасимов Б.Н. Методология структурирования содержания объектов управления экономических систем. *Основы экономики, управления и права*. 2024;(1):63–71. https://doi.org/10.51608/23058641_2024_1_63
 18. Вартанова М.Л. Применение современных технологий в сельском хозяйстве как средство увеличения производительности и минимизации потерь в условиях импортозамещения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2018;26(4):585–597. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-585-597>
 19. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Дифференциация демографических процессов на российском Севере по типам поселений. *Экономика региона*. 2025;(21)4:1122–1138. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-14>
 20. Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. Глобальная продовольственная проблема: новые вызовы для мира и России. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(4):54–65. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-4-54-65>
 21. Смыслова О.Ю., Киселев К.В. Экономическая безопасность сельских территорий: вызовы и перспективы. *Вопросы отраслевой экономики*. 2025;(1):23–32. <https://doi.org/10.24888/2949-2793-2025-9-23-32>
 22. Велибекова Л.А., Кутаев Ш.К. Основные направления обеспечения продовольственной безопасности Республики Дагестан в современных условиях. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2026;(2):100–110. <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2026-0-2-100-110>

REFERENCES

1. Ryazantsev S.V., Vartanova M.L. Dynamics and Key Directions of Sustainable Development of Regional Agriculture in the Context of Ensuring National and Food Security of the Russian Federation. *Russian Peasant Studies*. 2025;10(1):202–225. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/sqcvnb>
2. Porfiriev B.N. Assessing the Effectiveness and Efficiency of the Population and Economy's Adaptation to Climate Change: Algorithm and Calculation Procedures. *Problemy prognozirovaniya*. 2024;(4):21–35. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/gsnibp>

3. Gulyaeva T.I., Takmakova E.V., Samygin D.Yu., Sidorenko O.V. Rural Development as a Factor of Living Standards Rural Population and Mitigation of Labor Shortage. *Economics, Labor, Management in Agriculture*. 2025;(10/2):174–183. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/txcbl>
4. Zaitsev A.G., Poltorikhina S.V. Agro-Industrial Clusters as a Source of Innovative Development: Strategy and Institutions. *Bulletin of Agrarian Science*. 2021;(2):113–118. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ebaaom>
5. Molchanov I.N. Regulation of the Development and Spatial Development of the Territories of the Russian Federation. *Economics, Taxes and Law*. 2021;14(6):29–40. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/bxcnct>
6. Uskova T.V., Babich L.V. Effective Use of Human Capital in the Context of Sustainable Development of the Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(4):820–839. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.820-839>
7. Sharapova N.V., Gorbunova O.S. Food Security of the Region in the Conditions of Foreign Sanctions and the Human Capital of the Agricultural Sector. *Moscow Economic Journal*. 2022;7(9):20. (In Russ.) https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_9_509
8. Ryazantsev S.V., Vartanova M.L. Influence of Demographic and Socio-Economic Factors Affecting Productive Capacity and Food Security Self-Sufficiency of the Regions of the Russian Federation. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2025;(9):66–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/rfrwpq>
9. Safiullin M.R., Elshin L.A., Kuznetsov Ya.A. Financial and Technical Solutions as a Mechanism for Attracting Islamic Finance to the Agro-Industrial Sector of the Region's Economy under Sanctions Pressure. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises*. 2025;(10):136–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2025-0-10-136-143>
10. Ter-Grigoryants A.A., Sheluhina E.A. Current Trends in Food Independence and Food Affordability in the Region. *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2023;(103):79–85. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/seuklc>
11. Voroshilov N.V., Uskova T.V. On the Implementation of the State Program of the Russian Federation “Comprehensive Development of Rural Territories”. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2019;(4):4–17. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/yierlk>
12. Alekseev S.L., Iakushkin N.M., Sharipov S.A., Sergeeva Iu.S. Organizational and Economic Foundations of Development Organic Agriculture in Modern Conditions. *Economics of Agriculture of Russia*. 2024;(2):73–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32651/242-73>
13. Elovsky I.A., Zenchenko S.V. Problems of Assessing the Financial Security of a Region. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2024;(6):154–161. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2024.6.15>
14. Panasyuk M.V., Kamasheva A.V., Kuznetsova A.M., Kostychev M.Yu. Classification Method for Analyzing a Stability of Socio-Economic System of a Region. *Economic Sciences*. 2023;(229):228–233. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14451/1.229.228>
15. Dudin M.N. Potential for New Agricultural Preparations in the Russian Agro-Industrial Complex. *Food Policy and Security*. 2022;9(4):445–456. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/ppib.9.4.116361>
16. Ivanova A.A., Yurova P.N., Smyslova O.Yu. The Resource Potential Impact of the Agro-Industrial Complex's Agricultural Sector on the Sustainable Development of Rural Areas. *Herald of Omsk University. Series “Economics”*. 2023;21(1):91–100. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(1\).91-100](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(1).91-100)
17. Gerasimov B.N. Methodology of Structuring the Content of Management Objects of Economic Systems. *Economy, Governance and Law Basis*. 2024;(1):63–71. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.51608/23058641_2024_1_63
18. Vartanova M.L. The Use of Modern Technologies in Agriculture as a Means of Increasing Productivity and Minimizing Losses in Terms of Import Substitution. *RUDN Journal of Economics*. 2018;26(4):585–597. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-585-597>
19. Fauser V.V., Smirnov A.V. Demographic Patterns Across Settlement Types in the Russian North. *Economy of Regions*. 2025;(21)4:1122–1138. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-14>

20. Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko N.S. Global Food Problem: New Challenges for the World and Russia. *Economics, Taxes and Law*. 2022;15(4):54–65. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-4-54-65>
21. Smyslova O.Y., Kiselyov K.V. Economic Security of Rural Areas: Challenges and Prospects. *Voprosy otraslevoy ekonomiki*. 2025;(1):23–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24888/2949-2793-2025-9-23-32>
22. Velibekova L.A., Kutaev Sh.K. The Main Directions of Food Security of the Republic of Dagestan in Modern Conditions. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises*. 2026;(2):100–110. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2026-0-2-100-110>

Об авторе:

Вартанова Марина Львовна, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра сравнительных (международных) демографических исследований Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-5817>, Researcher ID: J-7641-2018, Scopus ID: 57224545877, SPIN-код: 5056-8858, 11marina11@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 20.02.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 03.10.2025.

About the author:

Marina L. Vartanova, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Chief Researcher at the Center for Comparative (International) Demographic Research, Institute of Social Demography of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (6 Fotieva St., Block 1, Moscow 119333, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-5817>, Researcher ID: J-7641-2018, Scopus ID: 57224545877, SPIN-code: 5056-8858, 11marina11@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 20.02.2025; revised 18.09.2025; accepted 03.10.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.328-353>EDN: <https://elibrary.ru/oajkjin>

УДК / UDC 332.1:63

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Диагностика потенциала аграрно-территориальных
систем как инструмент управления их развитием
(на примере регионов Северо-Кавказского
федерального округа)****О. С. Звягинцева**

*Ставропольский государственный аграрный университет
(г. Ставрополь, Российская Федерация)
o-zvyagintseva@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Важным направлением стратегического развития России является обеспечение устойчивого взаимосвязанного развития агропромышленного комплекса и сельских территорий. Их эффективное взаимодействие требует глубокого анализа регионального потенциала – природного, социального, экономического, аграрного. Существующие методики его оценки, основанные на интегральных индексах и экспертных баллах, не разделяют процессы использования ресурсов и формирования возможностей для будущего развития, что снижает обоснованность стратегических решений. Цель исследования – формирование и апробация методики диагностики потенциала аграрно-территориальной системы, дифференцированной по двум направлениям взаимосвязанных процессов функционирования и развития, с разделением потенциала на текущий и перспективный.

Материалы и методы. Исследование проводилось в рамках системной парадигмы. Потенциал аграрно-территориальной системы структурирован по четырем подсистемам (экономической, сельскохозяйственной, социальной, природной) и трем видам (доступному, трансформационному, активному). Инструментарно диагностика базировалась на многомерном факторном анализе 12 нормированных показателей за 2016–2022 гг. Выделены пять общих факторов, объясняющих более 72 % дисперсии. Факторы интерпретированы как компоненты текущего (доступные ресурсы и благосостояние сельских домохозяйств) и перспективного потенциала (инвестиционная активность и воспроизводственные возможности). На основе факторов построены диагностические карты и ретроспективные фазовые траектории для семи регионов Северо-Кавказского федерального округа.

© Звягинцева О. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты исследования. Диагностические карты характеризуют потенциал аграрно-территориальных систем с точки зрения его положения относительно среднероссийской медианы и медианы федерального округа. Впервые количественно зафиксирован дисбаланс между текущим и перспективным потенциалом: ряд регионов, демонстрируя рост благосостояния сельского населения и объемов производства, одновременно теряют позиции по перспективному потенциалу вследствие сокращения доли молодежи в структуре населения и снижения инвестиционной активности. Соотношение трансформационной динамики двух компонентов позволило выделить четыре типа региональных траекторий – от опережающего расходования ресурсов до целенаправленного накопления потенциала развития.

Заключение. Предложенная методика диагностики текущего и перспективного компонентов потенциала аграрно-территориальных систем выступает основным фактором целенаправленного взаимосвязанного развития сельских территорий и агропромышленного комплекса. Ее научная новизна состоит в объективном разделении процессов функционирования и развития на основе факторного анализа без субъективного взвешивания показателей. Методика может служить инструментом информационно-аналитического обеспечения процессов разработки, принятия и реализации управленческих решений в сфере региональной аграрной политики, а открытая архитектура показателей допускает ее адаптацию к муниципальному уровню и задачам пространственного планирования.

Ключевые слова: аграрно-территориальная система, сельские территории, агропромышленный комплекс, диагностика потенциала, системный подход, факторный анализ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» и совместного проекта «Качество жизни на сельских территориях: эволюция, оценка, перспективы» Ставропольского государственного аграрного университета и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (часть программы «Зеркальные лаборатории»).

Для цитирования: Звягинцева О.С. Диагностика потенциала аграрно-территориальных систем как инструмент управления их развитием (на примере регионов Северо-Кавказского федерального округа). *Регионоведение*. 2026;34(2):328–353. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.328-353>

Diagnosics of the Potential of Agrarian-Territorial Systems as a Tool for Managing their Development (Using the Example of Regions of the North Caucasus Federal District)

O. S. Zviagintseva
Stavropol State Agrarian University
(Stavropol, Russian Federation)
o-zvyagintseva@yandex.ru

Abstract

Introduction. An important area of Russia's strategic development is ensuring the sustainable, interconnected development of the agro-industrial complex and rural areas. Their effective interaction requires a thorough analysis of regional potential – natural, social, economic, and agricultural. Existing assessment methods, based on integrated indices and expert scores, fail to distinguish between resource utilization and the creation of opportunities for future development, thereby undermining the validity of strategic decisions. The objective of this study is to develop and test a methodology for assessing the potential of the agrarian-territorial system, differentiated along two interrelated dimensions: functioning and development, dividing potential into current and future.

Materials and Methods. The study was conducted within the framework of a systems paradigm. The potential of the agrarian-territorial system is structured across four subsystems (economic, agricultural, social, and natural) and three types (available, transformational, and active). The diagnostic toolkit was based on a multivariate factor analysis of 12 standardized indicators for 2016–2022. Five common factors were identified, explaining over 72 % of the variance. These factors were interpreted

as components of current (available resources and rural household well-being) and future potential (investment activity and reproductive capacity). These factors were used to construct diagnostic maps and retrospective phase trajectories for seven regions of the North Caucasus Federal District.

Results. The diagnostic maps characterize the agrarian-territorial systems potential in terms of its position relative to the Russian average median and the federal district median. For the first time, an imbalance between current and future potential has been quantitatively documented: a number of regions, while demonstrating rising rural well-being and production volumes, are simultaneously losing ground in terms of future potential due to a declining youth population share and declining investment activity. The correlation between the transformation dynamics of these two components allowed us to identify four types of regional trajectories – from accelerated resource expenditure to targeted accumulation of development potential.

Conclusion. The proposed methodology for assessing the current and future potential of agrarian-territorial systems serves as a key factor in the targeted, interconnected development of rural areas and the agro-industrial complex. Its scientific novelty lies in its objective separation of operational and development processes based on factor analysis, without subjective weighting of indicators. The methodology can serve as a tool for providing information and analytical support for the development, adoption, and implementation of management decisions in regional agricultural policy, and its open architecture of indicators allows for its adaptation to the municipal level and spatial planning objectives.

Keywords: agrarian-territorial system, rural areas, agro-industrial complex, potential diagnostics, systematic approach, factor analysis

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The research was carried out within the framework of the strategic academic leadership program “Priority 2030” and the joint project “Quality of Life in Rural Areas: Evolution, Assessment, Prospects” of Stavropol State Agrarian University and the Higher School of Economics (part of the program “Mirror Laboratories”).

For citation: Zviagintseva O.S. Diagnostics of the Potential of Agrarian-Territorial Systems as a Tool for Managing their Development (Using the Example of Regions of the North Caucasus Federal District). *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(2):328–353. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.328-353>

ВВЕДЕНИЕ

Стратегическая значимость агропромышленного комплекса (АПК) и сельских территорий в социально-экономическом развитии России определяется обеспечением продовольственной независимости, формированием сбалансированного пространственного размещения населения, сохранением биоразнообразия и местной культуры [1]. Сельские локации выступают территориальной основой размещения сельскохозяйственного производства, источником кадрового потенциала для АПК. При этом уровень развития отрасли во многом определяет привлекательность и качество жизни на селе. Ряд проблем их развития имеет системный характер и требует комплексного подхода к решению [2].

Проблемы качества жизни на сельских территориях приводят к невозвратной миграции населения, прежде всего молодого возраста, что отрицательно влияет на развитие АПК. Формируется новое понимание предмета исследования: взаимосвязанное развитие АПК и сельских территорий [3], что порождает поиск качественно новых подходов к управлению их взаимосвязанным развитием.

Обеспечение стратегического устойчивого развития АПК и сельских территорий – одна из главных задач, стоящих перед государством, учеными и экспертным сообществом [4]. В настоящее время реализуется ряд государственных программ по развитию сельских территорий, направленных на поддержку

занятости, создание качественной инфраструктуры¹. Формирование благоприятного имиджа для проживания в сельской местности стимулирует и развитие аграрной сферы, от производства до переработки. Это определяет важность исследования указанных объектов во взаимосвязи и выработки системных мер поддержки АПК и сельских территорий.

Формирование программ развития должно сопровождаться соответствующим информационно-аналитическим обеспечением, которое на практике часто недостаточно [5; 6]. Однако для повышения эффективности государственной аграрной политики важно не только наличие достоверной информации и валидных методов работы с ней, но и анализ успешности реализованных мер [7; 8].

Ряд проблем связан с обеспечением системности мер с учетом взаимосвязи аграрного сектора и сельских территорий. Предлагается отталкиваться от интегрированной категории «аграрно-территориальная система» (АТС), представляющей собой природно-социально-экономическую систему, ограниченную пространством сельской территории и обладающую потенциалом сельскохозяйственного производства. Отсюда выделение основных подсистем АТС: природной, социальной экономической, сельскохозяйственной [9].

Современные геополитические вызовы выдвигают АПК в число ведущих стратегических отраслей народного хозяйства [10]. Взаимосвязь АПК и сельских территорий определяет целенаправленное сбалансированное развитие обоих объектов, которое во многом зависит от имеющегося и перспективного потенциала. Потенциалы функционирования и развития АПК и сельских территорий неразделимы и воплощены в потенциале АТС. Исследование потенциала последних должно строиться на принципах системного подхода с учетом территориального и сельскохозяйственного аспектов – АПК по своей сущности не мыслим экстерриториально.

Цель исследования – оценить текущий и перспективный потенциал АТС регионов Северо-Кавказского федерального округа с помощью разработанной методики диагностики с использованием методов многомерного статистического анализа.

Гипотеза исследования допускает наличие объективных предпосылок для формирования и практического использования методики диагностики потенциала АТС, выступающего важным фактором взаимосвязанного развития АПК и сельских территорий.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Отсутствие системности в выстраивании аграрно-территориальных систем часто является следствием недостаточной разработанности адаптированных методологических и методических подходов к формированию целей, инструментов и мероприятий программ развития АПК и сельских территорий. Центральным при этом выступает потенциал АТС (на муниципальном или региональном уровне): оценка его текущего состояния, эффективности использования

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 № 696 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72260516/> (дата обращения: 15.03.2026) ; Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 № 151-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/16757/> (дата обращения: 15.03.2026).

и перспектив наращивания [11]. Именно он определяет ориентиры развития АТС, объемы и структуру инвестирования, следовательно, выступает главной подсистемой АТС. Результаты его оценки становятся основой для разработки адресных программ развития АПК и сельских территорий [12].

Потенциал АТС, с одной стороны, определяет ее природно-социально-экономический облик, с другой – создает предпосылки для достижения системой целей, текущих и стратегических. Развитие потенциала каузально взаимосвязано с развитием системы и направлено на обеспечение ее устойчивости [13; 14]. Исследование АТС через призму взаимосвязи с потенциалом – важное условие обеспечения их устойчивого сбалансированного развития.

Довольно много исследований посвящено потенциалу АПК и сельских территорий, в целом или отдельным составляющим. Предлагаются механизм повышения эффективности использования потенциала², модель интегральной оценки потенциала цифровой трансформации АПК и сельских территорий [15]. По мнению коллектива авторов, управление ресурсным потенциалом может выступать основой эффективного развития АПК Республики Дагестан [16]. Анализ ресурсного потенциала АПК и сельских территорий Северного Казахстана показал, что важным направлением развития может стать перерабатывающая промышленность³. Однако рассматривать потенциал только с точки зрения ресурсного обеспечения функционирования АТС представляется ограниченным.

Комплексный подход к исследованию потенциала АПК и сельских территорий развивают ряд авторов. Так, проведена комплексная оценка потенциала экономических ресурсов сельских территорий Астраханской области на основе разработанных показателей и критериев устойчивого развития [17]; разработан комплексный индекс устойчивости аграрной промышленности, который послужит эффективным инструментом при принятии решений [18]. Данный подход востребован при разработке дифференцированной региональной политики, нацеленной на укрепление продовольственной безопасности [19; 20].

Важным аспектом успешного управления потенциалом АТС служит объединение усилий всех заинтересованных сторон – государства, бизнеса, общества⁴ [21]. В любом случае основой принятия управленческих решений выступает качественное информационно-аналитическое обеспечение соответствующих процессов, т. е. оценка потенциала АТС.

В современных исследованиях представлены различные методы оценки потенциала АПК и сельских территорий, которые могут быть адаптированы для экспертизы потенциала АТС. Наиболее распространенный из них основан на анализе компонентов потенциала территории или отрасли (например, кадрового, экономического, производственного)⁵ [13; 16].

² Кундиус В.А., Пецух Н.И. Организационно-экономический потенциал устойчивого развития регионального АПК и сельских территорий. В кн.: Аграрная наука – сельскому хозяйству: сб. ст. Барнаул: Алтайский государственный аграрный университет; 2016. Т. 1. С. 140–145. <https://elibrary.ru/vqqekr>

³ Туралин А.З., Туралина Ж.А. Потенциал развития регионального АПК и сельских территорий в Северном Казахстане. *Там же*. С. 301–302. <https://elibrary.ru/vqqf1p>

⁴ Alene A.D., Manyong V.M., Tollens E.F., Abele S. Targeting Agricultural Research Based on Potential Impacts on Poverty Reduction: Strategic Program Priorities by Agro-Ecological Zone in Nigeria. *Food Policy*. 2007;32(3):394–412. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2006.07.004>

⁵ Кундиус В.А., Пецух Н.И. Организационно-экономический потенциал устойчивого развития регионального АПК и сельских территорий...

Для оценки потенциала в целом или отдельных его компонентов используются экспертные методы, когда проводится многоступенчатый опрос экспертов и по итогу формируется общее суждение об уровне потенциала, измеряемого в баллах. При этом необходимо учитывать степень согласованности экспертных оценок во избежание искажения обобщенных результатов. Системное понимание об уровне развития потенциала дает интегральная оценка потенциала территории. Однако она редко учитывает особенности АТС [2; 22], поэтому обращение к интегральному показателю для экспертизы интегративного потенциала АПК и сельских территорий представляется ограниченным.

Широко распространен индексный метод. Используется расчет совокупного индекса, формируемого на основе экономических, социальных и экологических показателей развития региональной АТС [23]. Конкретизируется состав показателей индекса: демографические, экономические, экологические, социального благополучия – для оценки потенциала сельских территорий [24; 25]. Расширяется перечень показателей, например, включением параметров природно-ресурсного, производственного, трудового, финансового, социально-демографического и инфраструктурного характера [2]. Несмотря на возможность сравнения потенциалов АТС по итогам расчета индексов, остается субъективизм в выборе показателей и определении эталонного значения индекса.

Группировка АТС также является актуальным подходом к оценке их потенциала. Типология осуществляется разными способами: по результатам расчета интегрального показателя по сумме средневзвешенных значений параметров [26]; с помощью оценки многомерных переменных, формирующихся из большого числа данных (экономики, демографии, структуры занятости, производства и т. д.) [5]; кластеризацией территорий на основе аграрно-экономических показателей [12] или по уровню концентрации экономической деятельности [27]. Однако в последнем случае основанием для группировки выступают определенные характеристики потенциала территории (в зависимости от цели исследования), которые не позволяют комплексно оценить потенциал АТС, текущий и перспективный.

Ряд исследований посвящен разным аспектам потенциала сельских территорий или АПК: проведена оценка благосостояния села с помощью теории способностей А. Сена [28], которая не является популярной у отечественных ученых; оценка потенциала развития предпринимательства на сельских территориях – не охватывает многие стороны аграрного производства и не подходит для оценки потенциала АТС в целом [29].

Современные цифровые технологии позволяют не только количественно оценить потенциал территории или отрасли, но и визуализировать результаты. В частности, геоинформационные системы наглядно демонстрируют сходства и различия в пространственно-географическом, экономическом, демографическом и других аспектах развития АТС [7].

Таким образом, существующие методики имеют ограничения в использовании для оценки интегративного потенциала АТС, поскольку концентрируются на определенных аспектах развития или сельских территорий, или аграрного сектора экономики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретико-методологическая основа исследования – использование системного подхода (с акцентом на территориальном и сельскохозяйственном аспектах) к раскрытию сущности и структуры потенциала развития АТС, его роли в целенаправленном формировании требуемого облика объекта в определенном будущем⁶.

В развитие данного подхода в оборот введено понятие «потенциал развития аграрно-территориальной системы», учитывающее социальные, экономические, сельскохозяйственные и природные особенности территории.

Потенциал АТС рассматривается как многофункциональный системный объект (рис. 1), который, с одной стороны, предназначен для формирования и предоставления подсистемам АТС или через их посредство внешним пользователям имеющихся ресурсов, резервов, возможностей; с другой, – выступает инструментом и движущей силой (предпосылкой) функционирования и развития основных подсистем АТС.

Функции потенциала различаются по предназначению:

- а) ресурсная – обеспечивает функционирование и развитие АТС;
- б) гомеостатическая – поддерживает устойчивость функционирования и развития АТС в условиях определенных возмущающих воздействий на нее, внешних и внутренних;
- в) каталитическая – служит повышению эффективности процессов функционирования и развития АТС, но не сопряжена с расходом ресурсного содержания потенциала.

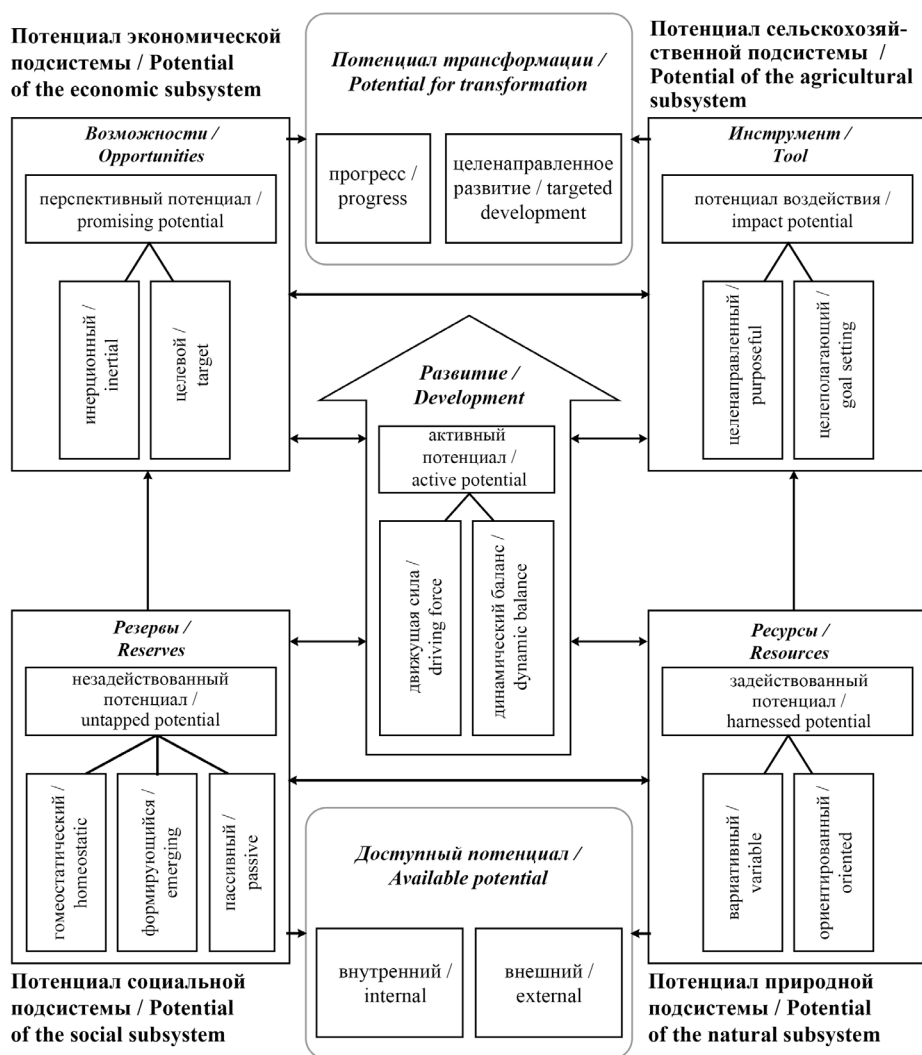
Основное функциональное содержание потенциала АТС заключается в обеспечении структурного динамического равновесия процессов функционирования и развития АТС на протяжении ее жизненного цикла и череды циклов развития.

Задействованный потенциал призван обеспечивать стабильное функционирование подсистем АТС в определенный период времени. Он включает компоненты: вариативный, допускающий перепрофилирование использования, и ориентированный, который востребован в определенных ситуациях и видах деятельности.

Незадействованный (спящий) потенциал играет важную роль при недостатке задействованного потенциала. Его образуют в совокупности гомеостатический потенциал, который должен использоваться для стабилизации существования АТС в случае негативных воздействий; формирующийся, эволюционно или целенаправленно, который может быть востребован через определенный временной лаг; пассивный – ингибиторная часть не задействованного и не планируемого к реализации потенциала, отягощающего функционирование и развитие АТС из-за необходимости выделения ресурсов на его содержание.

Совокупно задействованный и незадействованный потенциалы формируют доступный потенциал подсистем АТС, который создает основу для устойчивого существования данной системы и постановки исходных целей ее развития, т. е. составляют текущий потенциал. Источником доступного потенциала может выступать как сама АТС (внутренний потенциал), так и окружающая ее среда (внешний потенциал).

⁶ Байдаков А. Н. Оценка будущего: монография. М.: РУСАЙНС; 2022. 258 с. <https://elibrary.ru/vejidio>

Р и с. 1. Структура потенциала аграрно-территориальной системы (АТС)

F i g. 1. Structure of the potential of the Agrarian-Territorial System (ATS)

Источник: подготовлен автором по материалам исследования.*Source:* prepared by the author based on research materials.

Перспективный потенциал играет важную роль в достижении стратегических целей развития АТС, хотя в текущем периоде он либо не активизирован, либо находится в стадии целенаправленного формирования. Может развиваться согласно общим тенденциям без какого-либо влияния извне (инерционный потенциал) или наращиваться в рамках определенных заданных целевых параметров (целевой потенциал). Наращивание, точнее трансформация, осуществляется как структурно, так и содержательно.

Потенциал воздействия – это инструмент постановки и достижения целей развития АТС. Он, во-первых, обеспечивает устойчивое развитие (целенаправленный потенциал) АТС; во-вторых, используется в качестве предпосылки для содержательного целеполагания АТС (целеполагающий потенциал).

В совокупности перспективный и потенциал воздействия представляют потенциал трансформации, который, в отличие от доступного, является действенной частью потенциала подсистем АТС. Потенциал трансформации может быть прогрессивным, если направлен на достижение целей развития АТС, и развивающим, если речь идет о преобразовании.

Связующим звеном перечисленных элементов потенциала АТС выступает активный потенциал, предназначение которого состоит в активно-реактивном влиянии на существование АТС при условии обеспечения динамического баланса ее подсистем. Активный потенциал определяет общий потенциал как способный к саморазвитию, а также влиянию на возможности и ход развития аграрно-территориальной системы.

Стратификация образа потенциала АТС позволяет рассматривать его как сложную динамичную систему, реализующую функциональное предназначение через призму подсистем АТС. Потенциал каждой подсистемы АТС, выступая компонентом общего потенциала, формируется и реализуется за счет своих элементов, выполняющих функции ресурсов, резервов, возможностей, инструмента и развития.

Эмерджентный эффект общего потенциала АТС как системного объекта состоит в обеспечении динамического гомеостазиса системы, ее функционирования и развития. Это выдвигает, помимо прочего, требование целенаправленного хронотопически определенного сопряжения процессов развития АТС и ее потенциала. Особо следует указать на опережающее, предваряющее, развитие потенциала, на осмысленное осуществление регулярной актуализации соответствующей дорожной карты, которая определяется вариативностью процессов развития АТС и ее подсистем, а также изменением внешних условий.

Предложенная стратификация потенциала (текущий – перспективный) задает логику формирования системы показателей и интерпретации результатов факторного анализа.

Объект, предмет и дизайн исследования. Оценка потенциала развития АТС проводилась на примере Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), который находится на юге европейской части РФ. В состав округа входят семь регионов, в силу географического положения обладающих богатыми природными ресурсами для ведения сельского хозяйства. В 2022 году их вклад в производство продукции отрасли России составил почти 8,5 %, а доля сельского населения варьировалась от 37 до 62 %⁷. Аграрная специфика субъектов СКФО обусловила его выбор в качестве объекта исследования.

Предметом исследования выступил потенциал развития АТС, который исследовался в период 2016–2022 гг. с трехлетним шагом (2016, 2019, 2022 г.). Трехлетний

⁷ Население [Электронный ресурс]. Ставропольский край. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу : сайт. URL: https://26.rosstat.gov.ru/ofstatistics_stav (дата обращения: 15.03.2026).

шаг позволяет наглядно оценивать происходящие количественные и качественные изменения данных систем.

Логика исследования выстраивается поэтапно: сначала проводилась теоретическая стратификация потенциала, после чего разрабатывалась система показателей для его оценки. Далее выполнялся факторный анализ данных, позволивший позиционировать регионы по уровню потенциала. На этой основе создавались диагностические карты, а затем строились фазовые траектории развития. В результате формировались карты текущего и перспективного потенциала, что сопровождалось их содержательной интерпретацией.

Система показателей и источники данных. Использовались статистические данные Федеральной службы государственной статистики за 2016–2022 гг. по регионам СКФО⁸.

Сопоставимость различных АТС обеспечивалась применением относительных показателей, сгруппированных по значимым подсистемам АТС (экономической, сельскохозяйственной, социальной и природной) и видам потенциала, а именно доступному, трансформационному и активному (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Матрица показателей оценки потенциала развития аграрно-территориальной системы (АТС) региона, %

Table 1. Matrix of indicators for assessing the development potential of the Agrarian-Territorial System (ATS) of the region, %

Показатель / Indicator	Потенциал / Potential		
	доступный / available	трансформационный / transformational	активный / active
1	2	3	4
<i>Экономическая подсистема / Economic subsystem</i>			
Располагаемые ресурсы на одно сельское домашнее хозяйство, руб. / Available resources per 1 rural household, rubles	X_1	–	–
Доля изношенных основных производственных фондов в сельском хозяйстве / Share of unworn fixed assets in agriculture	–	X_2	–
Доля инвестиций в агропромышленный комплекс в общем объеме инвестиций / Share of investments in agriculture in total investments	–	–	X_3
<i>Сельскохозяйственная подсистема / Agricultural subsystem</i>			
Отношение заработной платы в сельском хозяйстве к средней по региону / Ratio of agricultural wage to regional average	X_4	–	–
Доля занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых в экономике / Share of employed in agriculture in total employment	–	X_5	–
Инвестиции в агропромышленный комплекс на 1 га сельскохозяйственных угодий, тыс. руб./га / Investments in agriculture per 1 ha of farmland, thousand rub/ha	–	–	X_6

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.03.2026).

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4
<i>Социальная подсистема / Social subsystem</i>			
Доля сельских жителей в регионе / Share of rural residents in the region	X_7	–	–
Соотношение располагаемых ресурсов сельских и городских домохозяйств / Ratio of disposable resources of rural and urban households	–	X_8	–
Доля молодежи (15–34 лет) в сельском населении / Share of youth (15–34) in rural population	–	–	X_9
<i>Природная подсистема / Natural subsystem</i>			
Доля сельскохозяйственных угодий в общей площади региона / Share of agricultural land in the total area of the region	X_{10}	–	–
Индекс обеспеченности сельскохозяйственными угодьями, га/чел. / Agricultural land availability index, ha/person	–	X_{11}	–
Расходы на охрану окружающей среды на 1 тыс. га сельскохозяйственных угодий, млн руб. / Environmental protection costs per 1,000 ha of farmland, million rub	–	–	X_{12}

Примечания: 1) показатели по видам деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» (ОКВЭД 01–03); 2) прочерк «–» означает, что показатель не относится к данному типу потенциала; 3) показатели природной подсистемы включены в расширенную модель, в базовой модели использованы X_1 – X_9 .

Notes: 1) indicators for the types of activity “Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming” (ARCTEA 01–03); 2) a dash “–” means that the indicator does not relate to this type of potential; 3) indicators of the natural subsystem are included in the extended model, while X_1 – X_9 are used in the basic model.

Источник: подготовлено на основе данных Федеральной службы государственной статистики.
Source: prepared on the basis of data from the Federal State Statistics Service.

Все используемые показатели имеют непосредственное отношение к аграрной составляющей развития потенциала региональной АТС. Представленный перечень не является исчерпывающим и может варьироваться в зависимости от целей анализа и доступных информационно-аналитических ресурсов.

Процедура диагностики и методы исследования. Для оценки динамических характеристик потенциала развития АТС использовался метод многомерного факторного анализа⁹. Позиционирование и построение диагностических карт потенциала АТС регионов СКФО осуществлялось с помощью расчетно-графических методов.

Для оценки пригодности данных к факторному анализу рассчитывался индекс Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) и проводился тест сферичности Бартлетта. Значение КМО составило 0,89, что указывает на удовлетворительную пригодность данных. Тест Бартлетта оказался статистически значимым ($p < 0,05$), что подтверждает наличие существенных корреляций между переменными.

Также применялись методы сравнения, группировки и расчетно-экспертных оценок.

⁹ Сошникова Л.А., Тамашевич В.Н., Уебе Г. и др. Многомерный статистический анализ в экономике. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 1999. 598 с.

Схема диагностики общего потенциала развития АТС такова:

1) формирование матрицы исходных показателей, характеризующих состояние и динамику потенциала в разрезе управленческой направленности его основных компонентов (доступного, трансформационного, активного) и каждой из подсистем АТС (экономической, сельскохозяйственной, социальной, природной);

2) собственно проведение факторного анализа¹⁰;

3) интерпретация. От качества экспертизы содержания и интерпретации общих факторов зависит адекватность позиционирования региональных АТС и их потенциала;

4) позиционирование региональных АТС по состоянию их потенциала (1-я фаза использования результатов факторного анализа);

5) создание диагностических карт (диаграмм для позиционирования компонентов потенциала АТС на соответствующих шкалах общих факторов) потенциала АТС двух типов: текущего (доступного и используемого) и перспективного (аккумулировавшего возможности развития) в трех точках ретроспективы: 2016, 2019, 2022 гг. (2-я фаза);

6) построение ретроспективных фазовых траекторий развития потенциалов региональных АТС, сформированных на основе диагностических карт для каждого года рассматриваемого периода отдельно для текущего и перспективного потенциалов (3-я фаза). Выбор регионов осуществлялся в контексте демонстрации различий региональных АТС: Ставропольский край, Республики Чеченская и Ингушетия;

7) обобщение результатов диагностики для формирования выводов и рекомендаций о направлениях развития потенциала АТС.

Многомерный факторный анализ (с использованием пакета STATISTICA) позволил достаточно полно отразить структурные и каузальные изменения в сложной системе. Реализация 1–3-го этапов методики проводилась в следующем порядке.

1. Формирование системы из 12 факторных переменных (X), отражающих состояние потенциала (доступного, трансформационного, активного) в разрезе его функциональной направленности и в контексте каждой из подсистем АТС (см. табл. 1). Для каждого показателя сформированы временные ряды для периода 2016–2022 гг.

2. Для обеспечения сопоставимости значений показателей различных регионов вычислены нормированные значения исходных уровней указанных временных рядов по формуле:

$$X_i = \frac{x_i - \bar{x}_i}{\sigma_{x_i}}, \quad i = 1, 2, \dots, 12,$$

где X_i – нормированное значение соответствующего показателя в конкретном году (i); x_i – значение показателя в конкретном году; \bar{x}_i – среднее арифметическое значение; σ_{x_i} – среднее квадратическое отклонение соответствующей переменной x_i для периода 2016–2022 гг.

3. Проверка взаимовлияния переменных с целью предотвращения каузальных противоречий в анализе общих факторов. Коэффициенты парных корреляций относительно невелики, только в двух случаях их значения превышают по абсолютной величине 0,5 и в одном – 0,7. Это можно воспринимать как подтверждение правильности выбора исходных переменных $x_1 - x_{12}$.

¹⁰ Сошникова Л.А., Тамашевич В.Н., Уебе Г. и др. Многомерный статистический анализ в экономике...

4. Проведение факторного анализа на основе нормированных переменных.

На основании критерия каменистой осыпи признано целесообразным использование пяти общих факторов, собственные значения которых превысили единицу (для $F_1 - 2,96$; $F_2 - 1,94$; $F_3 - 1,51$; $F_4 - 1,25$; $F_5 - 1,01$). Они образуют интегрированную систему показателей потенциала АТС, позволяющую осуществлять не только его сопоставимое позиционирование для разнородных по природным и социальным условиям регионов, но и обоснованно определять векторы их целенаправленного развития.

Доля объясненной дисперсии для этих факторов составила 72,2 % (для $F_1 - 24,64$ %; $F_2 - 16,18$; $F_3 - 12,58$; $F_4 - 10,38$; $F_5 - 8,39$ %). Это свидетельствует о возможности ограничиться в анализе выбранными факторами, с помощью которых объясняется большая часть процессов, отраженных показателями потенциала АТС.

Для периода 2016–2022 гг. общие факторы исходя из определенных значений коэффициентов можно представить в виде:

$$F_1 = -0,850X_5 - 0,809X_7 - 0,713X_{10},$$

$$F_2 = -0,621X_3 - 0,727X_4 - 0,604X_6,$$

$$F_3 = 0,827X_9 + 0,330X_{12},$$

$$F_4 = 0,514X_1 + 0,692X_8,$$

$$F_5 = 0,688X_2 + 0,235X_{11}.$$

Результаты проведенного факторного анализа для периодов 2017–2022 гг. и 2018–2022 гг. демонстрируют ту же структурно-логическую направленность общих факторов – верификационная процедура.

Валидность методики, промежуточных и заключительных результатов ее применения, базируется как на контроле корректности использования методов многомерной статистики и интерпретации его результатов, так и на верификационных экспертных оценках.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Позиционирование АТС Северо-Кавказского федерального округа по компонентам потенциала представлено в трех ключевых точках анализируемого периода: 2016, 2019 и 2022 гг. (табл. 2).

Проверка соотношения факторов с переменными, их формирующими, показала, что F_1 и F_2 имеют обратную связь с исходными данными; F_3 , F_4 и F_5 демонстрируют прямую зависимость.

Интерпретация полученных общих факторов осуществлялась в соответствии с исходными переменными, которые имеют наибольшие коэффициенты по результатам анализа.

Представленные пять общих факторов соответственно характеризуют:

F_1 – доступный для развития АПК ресурсный потенциал;

F_2 – инвестиционный компонент активного потенциала АТС;

F_3 – перспективный компонент для воспроизводства потенциала АТС (молодежь, природа);

F_4 – экономический компонент потенциала благосостояния сельских домохозяйств;

F_5 – трансформационный потенциал аграрного производства.

Т а б л и ц а 2. Позиционирование субъектов Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) по основным компонентам общего потенциала АТС, 2016, 2019 и 2022 гг.
 Table 2. Positioning of the subjects of the North Caucasus Federal District (NCFD) by the main components of the overall potential of the ATS, 2016, 2019 and 2022

СКФО / North Caucasus Federal District	F_1			F_2			F_3			F_4			F_5		
	2016	2019	2022	2016	2019	2022	2016	2019	2022	2016	2019	2022	2016	2019	2022
Чеченская Республика / Chechen Republic	4,870	4,800	4,847	0,150	-0,650	-0,860	2,084	2,107	2,149	-0,211	0,821	0,316	0,263	1,079	0,682
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	4,964	4,562	4,091	-1,531	-0,333	-0,835	1,840	1,566	1,172	-0,151	-0,109	0,303	0,344	0,770	1,151
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	3,717	3,493	3,459	-0,264	-0,911	-0,677	1,646	1,240	1,069	-0,627	-0,277	0,372	-0,149	-0,661	-0,722
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	3,668	2,769	3,353	-1,447	-1,078	-0,781	2,429	2,229	2,538	0,561	0,751	0,347	-0,212	-1,587	-0,592
Карачаево-Черкесская Республика / Karachayevo-Cherkassian Republic	2,868	3,019	3,068	0,947	-0,482	-0,424	1,196	0,860	0,679	-0,704	-0,493	-0,277	-0,005	-0,233	-0,607
Ставропольский край / Stavropol Territory	3,417	2,929	2,698	2,305	1,546	0,976	0,745	0,465	0,122	-1,118	-0,501	0,578	0,110	-0,139	-0,205
Республика Северная Осетия – Алания / Republic of North Ossetia – Alania	1,080	0,805	0,703	-1,470	-0,677	0,068	1,154	0,921	0,666	-0,548	0,399	0,233	-3,221	1,887	2,086

Примечание: цветовым градиентом красный – синий обозначено увеличение показателя от минимального до максимального значения.
 Note: the red–blue color gradient indicates the increase in the indicator from the minimum to the maximum value.

Источник: здесь и далее подготовлено автором по результатам исследования.
 Source: hereinafter in the article prepared by the author based on the results of the research.

Полученные общие факторы сочетают различные компоненты потенциала АТС (см. рис. 1), в комплексе отражая текущий и перспективный потенциалы.

За анализируемый период ресурсный потенциал у всех субъектов СКФО сохранил уровень. Величина инвестиционного компонента активного потенциала (фактор F_2) и в начале, и в конце периода низкая, в основном отрицательная. Положительное значение фактора у Ставропольского края, хотя и здесь оно снижалось несколько раз к концу периода. Несмотря на инвестиции в АПК, в регионе существенно понижается уровень перспективного компонента для воспроизводства потенциала АТС, что говорит о негативных тенденциях в структуре сельского населения (оттоке молодежи, старении).

В целом по СКФО можно говорить о высоком уровне величины перспективного компонента потенциала (F_3). По республикам нормированное значение фактора варьируется от 1 до 2,5; отмечена тенденция к падению его величины.

Экономическая составляющая и уровень благосостояния сельских домохозяйств (F_4) растут, хотя и небольшими темпами. Если в 2016 году положительное нормированное значение фактора отмечено только у Ингушетии, то в 2022 году оно осталось отрицательным лишь у Карачаево-Черкесской Республики.

Серьезные изменения произошли в позиционировании региональных АТС СКФО по трансформационному потенциалу (F_5). Начало исследуемого периода характеризуется примерно одинаковым положением регионов по данному фактору (около нулевого диаметра). Исключение составила Республика Северная Осетия–Алания, где обновление основных производственных фондов практически отсутствовало. К 2022 году регион стал лидером по значению данного фактора. В Республике Дагестан наблюдалось интенсивное обновление основных производственных фондов в аграрном секторе.

Потенциал регионов СКФО демонстрирует существенную динамику, особенно по основным компонентам. При практически неизменном уровне ресурсного потенциала наблюдается снижение инвестиционной активности в аграрном секторе в 2019–2022 гг. Перспективный компонент, имея достаточно высокие значения фактора на старте, понемногу снижается. Потенциал сельских домохозяйств и аграрного производства (доступный потенциал), наоборот, имеет тенденцию к росту.

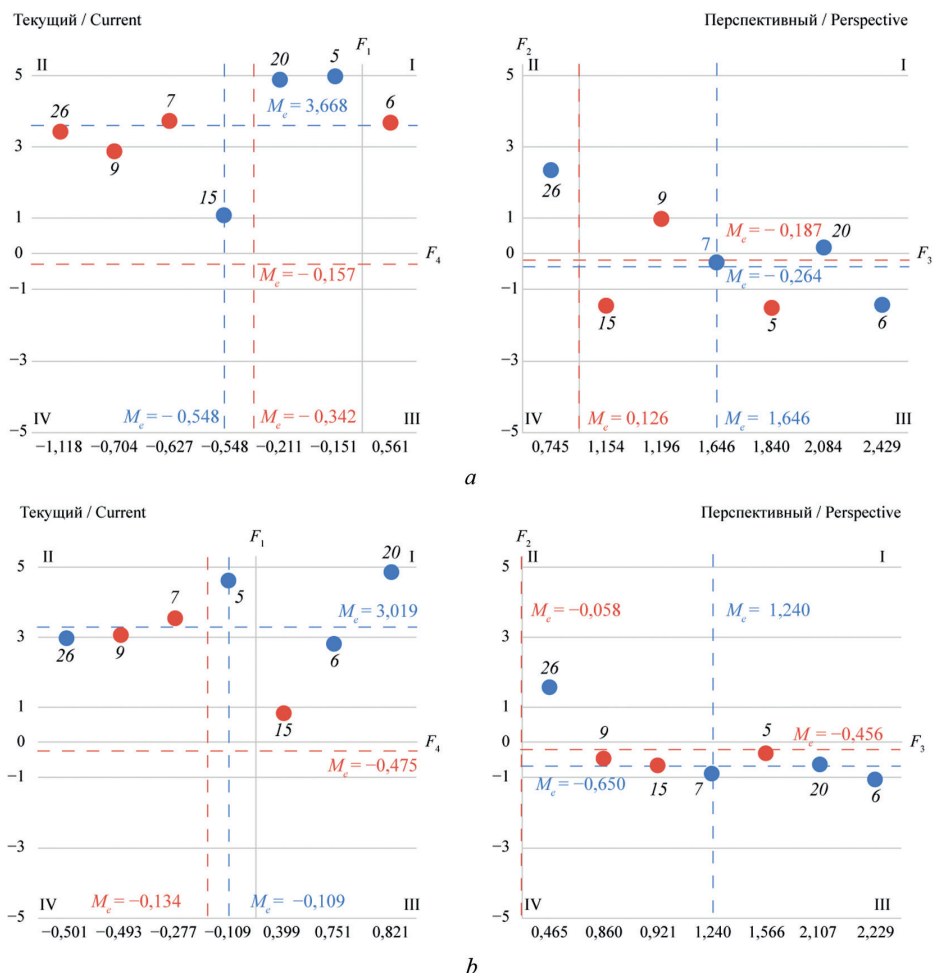
Диагностика потенциала АТС регионов СКФО. Положение субъектов СКФО на диагностических картах текущего и перспективного потенциалов в 2016, 2019 и 2022 гг. демонстрирует рисунок 2.

Медианные значения F_1 и F_3 регионов округа значительно превышают аналогичные по России. Медианы компонентов благосостояния сельских домохозяйств и инвестиций в АПК на протяжении всего периода близки по СКФО и по стране. Понятно, что регионы Юга России обладают большим ресурсным потенциалом для развития АПК и сельских территорий.

Отмечается преимущество регионов СКФО по текущему потенциалу в сравнении с перспективным на протяжении периода. По текущему потенциалу регионы демонстрируют позитивные значения в аспекте ресурсной составляющей и частично отрицательные по качеству жизни сельского населения: все субъекты располагаются в I и II квадрантах. Перспективный потенциал в большей степени

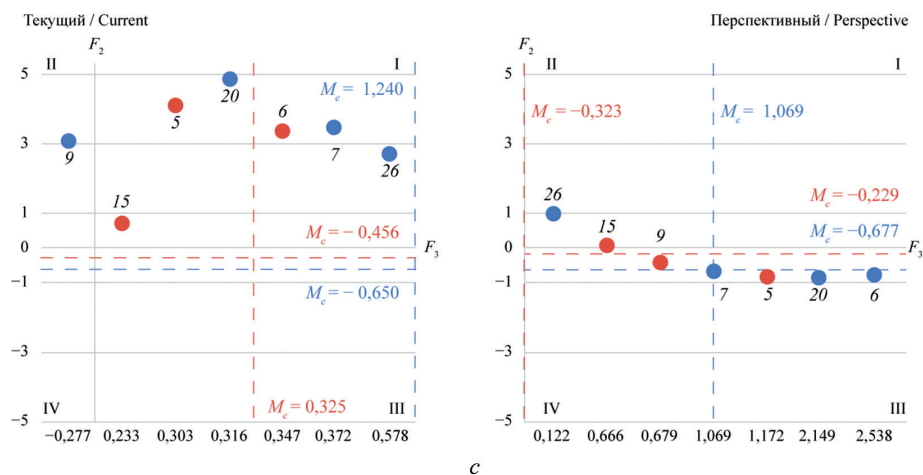
формируется за счет воспроизводственного компонента, инвестиционный фактор у многих субъектов отрицательный – регионы разделились между I и III квадрантами.

Р и с. 2. Текущий и перспективный потенциал регионов Северо-Кавказского федерального округа в 2016 (а) и 2019 (б) гг.: 5 – Республика Дагестан; 6 – Республика Ингушетия; 7 – Кабардино-Балкарская Республика; 9 – Карачаево-Черкесская Республика; 15 – Республика Северная Осетия–Алания; 20 – Чеченская Республика; 26 – Ставропольский край
 Fig. 2. Current and perspective potential of the regions of the North Caucasus Federal District in 2016 (a) and 2019 (b): 5 – Republic of Daghestan; 6 – Republic of Ingushetia; 7 – Kabardino-Balkarian Republic; 9 – Karachayevo-Circassian Republic; 15 – Republic of North Ossetia–Alania; 20 – Chechen Republic; 26 – Stavropol Territory

Примечания: 1) здесь и далее красные линии – медианные значения соответствующих факторов (F_n) в данном периоде по России в целом, синие – по федеральному округу; 2) точками обозначена позиция региона относительно окружной медианы потенциала аграрного производства (F_5): выше – синяя точка, ниже – красная.

Notes: 1) hereinafter in the article on red lines are the median values of the corresponding factors (F_n) in a given period for Russia in general, blue lines are for the federal district; 2) the point indicates the region's position relative to the district median of agricultural production potential (F_5): higher is blue point, lower is red.

Р и с. 2. Текущий и перспективный потенциал регионов Северо-Кавказского федерального округа в 2022 г. (с)

F i g. 2. Current and perspective potential of the regions of the North Caucasus Federal District in 2022 (с)

Большой разброс позиций регионов относительно медиан на обеих картах в начале периода по сравнению с 2022 г. говорит о высоком уровне дифференциации в развитии подсистем АТС. В 2022 году значения общих факторов всех субъектов СКФО приближались к медианным по фактору F_4 в текущем потенциале и по F_2 в перспективном, что указывает на выравнивание развития региональных АТС. Потенциал основных производственных фондов аграрного производства не изменялся.

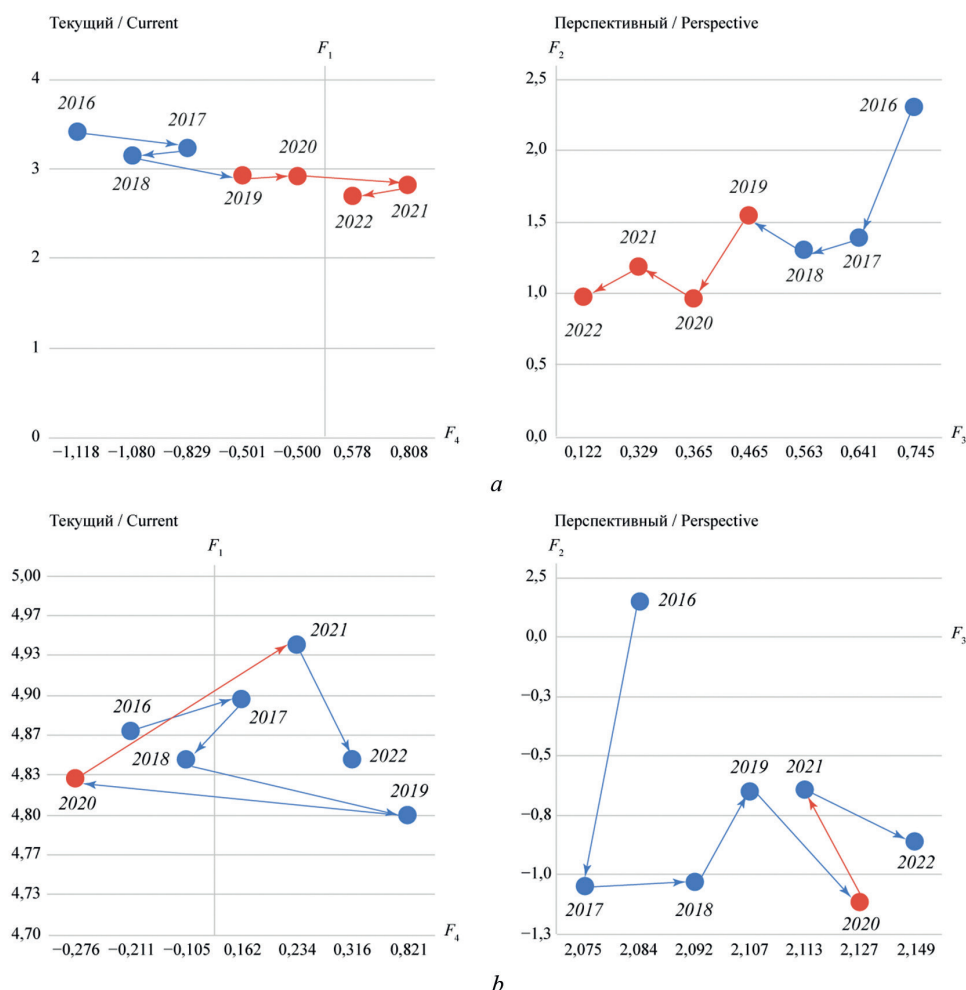
Наибольшие значения текущего потенциала наблюдаются у Чеченской Республики и Дагестана, которые, помимо позиции в I квадранте, демонстрируют высокие значения фактора F_5 (обновление основных производственных фондов для аграрного производства). Остальные регионы показали положительную динамику, переходя из отрицательных позиций по F_4 в положительные. Можно отметить отставание в обновлении основных фондов для АПК у Республик Кабардино-Балкария и Ингушетия.

Позиции по перспективному потенциалу у Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края более высокие и устойчивые, чем по текущему. Обратная ситуация у Республик Дагестан и Чеченской: в основном их позиции близки к III квадранту, что говорит о негативных тенденциях развития АТС (например, низком уровне инвестирования в аграрный сектор, старении сельского населения и пр.) при наличии богатых ресурсов для аграрного сектора и большой численности сельского населения.

Республики Ингушетия и Кабардино-Балкария стабильно находятся в III квадранте по обоим медианам. Республика Северная Осетия к 2022 г. активно подняла позиции по перспективному потенциалу, переместившись из IV во II квадрант по федеральному округу, из III в I квадрант – по России. При этом уровень текущего потенциала у данной АТС самый низкий по фактору F_1 .

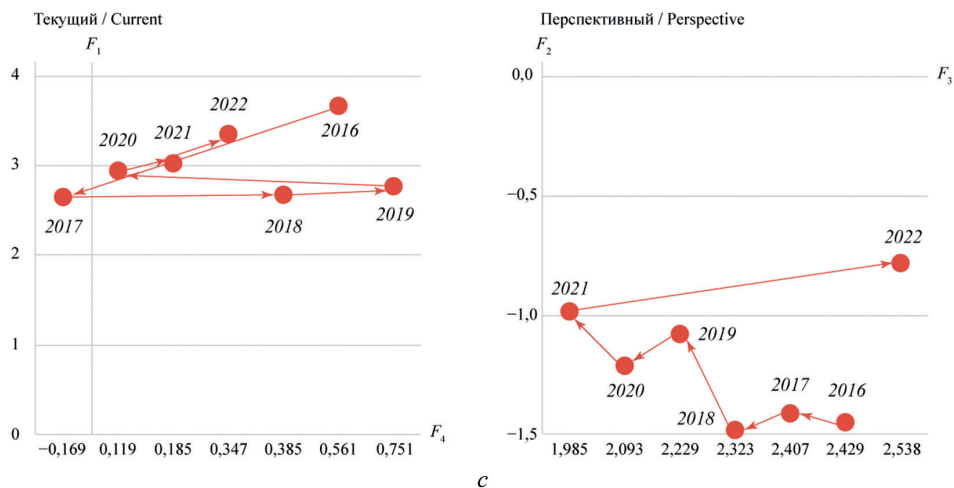

Фазовые траектории развития потенциалов. Траектории текущего и перспективного потенциалов у представленных на рисунке 3 региональных АТС СКФО различаются как по направленности, так и по динамике. В случае со Ставропольским краем это говорит, с одной стороны, об активном использовании возможностей для наращивания ресурсов и резервов, с другой, – о необходимости привлечения дополнительных источников для укрепления перспективных позиций АТС в будущем. Это важно для целенаправленного развития потенциала и обеспечения стабильного функционирования АТС. Ярко выражена отрицательная динамика в части фактора F_3 (молодежь, охрана окружающей среды). Динамика движения и текущего и перспективного потенциалов региона плавная.

Р и с. 3. Динамика текущего и перспективного потенциалов Ставропольского края (а), Республики Чечня (б), 2016–2022 гг.

F i g. 3. Dynamics of the current and perspective potential of the Stavropol Territory (а), the Chechen Republic (б), 2016–2022

Р и с. 3. Динамика текущего и перспективного потенциалов Республики Ингушетия (с), 2016–2022 гг.

F i g. 3. Dynamics of the current and perspective potential of the Republic of Ingushetia (c), 2016–2022

Чеченская Республика осваивает текущий потенциал АТС большими рывками, о чем свидетельствует скачкообразная динамика. Наиболее он востребован в 2017, 2019 и 2021 гг. Перспективный потенциал АТС резко снизился в 2016 г., что обусловлено в первую очередь сокращением инвестиций в аграрный сектор при одновременном использовании этих возможностей в том же году для повышения уровня жизни сельского населения. В течение анализируемого периода региону больше не удалось выйти на такой уровень инвестирования. При этом динамика по перспективному компоненту воспроизводственного потенциала АТС (F_3) положительная, хотя и незначительная; уровень обновления основных производственных фондов для аграрного производства высокий.

Республика Ингушетия не показывает высокий уровень общего потенциала АТС при наличии благоприятных условий для развития аграрного производства. Текущий потенциал региона менялся только по уровню благосостояния сельского населения, в 2017 г. уходя в отрицательные значения. Перспективный потенциал слабый, несмотря на незначительный рост по инвестиционному компоненту F_2 . Точек его целенаправленного использования не наблюдается, т. е. им не управляют, что подтверждает слабое обновление основных сельскохозяйственных фондов.

В целом траектории текущего и перспективного потенциалов явно демонстрируют региональные особенности развития АТС. Каждая траектория имеет отличительные черты как сама по себе, так и в соотношении текущего и перспективного потенциалов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Представлен новый подход к диагностике потенциала аграрно-территориальных систем, опирающийся на системную методологию и многомерный анализ данных. Его преимуществом является объективная комплексная динамическая оценка

основных компонентов потенциала АТС. Такой подход к диагностике потенциала АТС позволяет не только выявить позицию и динамику, но и определить вектор дальнейшего целенаправленного развития системы и потенциала для обеспечения ее результативного устойчивого функционирования, прежде всего применительно к сельскому хозяйству территории.

Выявлены слабые места и точки роста по основным компонентам потенциала АТС регионов СКФО. Апробация методики подтвердила гипотезу исследования.

Указанные регионы обладают богатым природно-ресурсным потенциалом для становления АТС, что обуславливает более высокий уровень развития текущего потенциала. По инвестиционному компоненту перспективного потенциала везде отмечается превышение значений в сравнении со среднероссийским уровнем. Воспроизводственный компонент у многих регионов округа ниже.

К концу анализируемого периода дифференциация развития АТС по регионам усиливается. Траектории изменения текущего и перспективного потенциалов демонстрируют разную направленность и динамику. Если Ставропольский край и Чеченская Республика наращивали текущий потенциал, теряя позиции по перспективному, то Республика Ингушетия, напротив, использовала текущий потенциал и увеличила перспективный.

Методика диагностики потенциала АТС имеет ряд преимуществ перед индексным (балльным) методом оценки.

Во-первых, она не предполагает интеграцию исходных данных в некий агрегированный показатель, что часто вызывает сомнения с точки зрения учета значимости каждого фактора [23; 24]. Интегративная редукция данных осуществляется на основе применения многомерного факторного анализа, что представляется при исследовании сложных природно-социально-экономических систем более приемлемым, чем опора на взвешенное агрегирование показателей.

Во-вторых, нет необходимости определять эталонное значение полученного индекса [2], что исключает субъективизм в построении гипотез и повышает степень доверия к полученным результатам.

Известные и широко используемые подходы к типологизации территорий, как правило, основываются либо на расчете интегрального показателя, имеющего сходные с индексным методом недостатки [26], либо учитывают отдельные аспекты функционирования территории [5; 12], что не позволяет в полной мере оценить ее потенциал.

Предлагаемая методика диагностики потенциала АТС формирует системное представление о наличии, состоянии и использовании потенциала, в том числе с учетом его динамики; дает возможность делать обоснованные выводы о возможных перспективах развития АТС.

Ограничением использования инструментария многомерного факторного анализа является наличие достаточно большого массива данных о развитии объекта исследования¹¹. Данное обстоятельство необходимо учитывать для обеспечения корректности применения методики.

¹¹ Сошникова Л.А., Тамашевич В.Н., Уебе Г. и др. Многомерный статистический анализ в экономике...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило содержательно раскрыть сущность потенциала АТС, представить его многогранную системную природу. Теоретико-методологический результат состоит в формировании стратифицированного образа потенциала АТС – по основным подсистемам и его предназначению.

На основе данного подхода представлено инструментарное воплощение потенциала АТС в качестве ее ключевой подсистемы. Повысить эффективность управления развитием подобных систем возможно за счет обеспечения адресности процессов формирования и использования потенциала АТС. С этой целью была разработана методика диагностики потенциала посредством проведения факторного анализа и построения соответствующих карт и траекторий изменения текущего и перспективного компонентов потенциала АТС.

Результатом апробации предложенной методики на примере субъектов Северо-Кавказского федерального округа стала разноплановая сопоставимая оценка потенциалов региональных АТС, в ходе которой обнаружено следующее:

- рассредоточение субъектов округа по состоянию текущего и перспективного потенциалов в 2022 г. менее дифференцировано по сравнению с 2016 и 2019 гг., что говорит о сближении подобных позиций регионов;

- у всех регионов СКФО достаточно высокий уровень текущего потенциала: относительно российской медианы они располагаются в I и II квадрантах в основном за счет превышения среднего значения фактора F_1 (см. рис. 2, 3);

- по уровню перспективного потенциала субъекты размещены в I и III квадрантах в связи с высокими значениями данного компонента (F_3) относительно российской медианы;

- распределение относительно окружной медианы разнообразно: по текущему потенциалу в 2016 и 2019 гг. регионы попали в основном в I и IV квадранты; в 2022 г. – в I, III и IV; по перспективному – в II и IV квадранты;

- по уровню трансформационного потенциала аграрного производства (F_5) серьезных изменений за анализируемый период не обнаружено;

- можно отметить положительную тенденцию в уровне экономического компонента потенциала благосостояния сельских домохозяйств (F_4), а также незначительное снижение позиций по перспективному потенциалу к концу периода;

- в 2022 году большинство регионов округа располагалось на уровне окружных медиан: текущий потенциал $M_e = 0,254$ для F_1 ; $M_e = -0,349$ для F_3 .

Динамика текущего и перспективного потенциалов исследуемых регионов достаточно разнопланова, поэтому дальнейшая работа по определению направлений его развития имеет специфику:

- 1) для Ставропольского края – необходимо наращивать перспективный потенциал и поддерживать баланс между текущим и перспективными потенциалами АТС;

- 2) для Чеченской Республики – важно повышать уровень перспективного потенциала, в первую очередь за счет инвестиционного компонента, с дальнейшей синхронизацией его с текущим потенциалом;

- 3) для Республики Ингушетия – главный паттерн связывается с синхронизацией текущего и перспективного потенциалов ввиду их разнонаправленной и неоднородной динамики.

Применение представленной методики позволит выявить явные и скрытые проблемы в использовании текущего и наращивании перспективного потенциала, а также принять решения по их нивелированию. Методика может выступать действенным инструментарием при формировании, реализации и актуализации стратегий и программ сельскохозяйственного и территориального развития; разработке отдельных положений и направлений политики развития АПК и сельских территорий; создании ГИС-порталов в качестве информационно-аналитической базы, что позволит визуализировать результаты оценки потенциала АТС с привязкой к конкретной местности.

Последнее направление можно считать перспективным с точки зрения воплощения теоретико-методологического знания в продукте информационных технологий, который готов к использованию при принятии решений в области развития АТС и их сельского хозяйства. Также перспективным представляется привлекать диагностику в качестве критериев для определения траектории развития АТС и своевременной актуализации ее дорожной карты.

Внедрение системного подхода к определению показателей (с точки зрения подсистем АТС и компонентов потенциала) и возможности отслеживать структурную динамику потенциала способно повысить качество принимаемых решений на разных уровнях управления. Открытость системы показателей позволяет адаптировать методику под конкретные цели и задачи государственной политики.

Полученные результаты имеют методологическую и практическую ценность как для дальнейших исследований в области развития АТС и АПК, так и для информационно-аналитического сопровождения принятия управленческих решений на региональном, муниципальном и местном уровнях. Достоверные данные о развитии АПК и сельских территорий будут востребованы бизнес-сообществом в части определения направлений инвестирования, а также для населения при выборе места настоящего или будущего проживания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Torre A., Wallet F., Huang J. A Collaborative and Multidisciplinary Approach to Knowledge-Based Rural Development: 25 Years of the PSDR Program in France. *Journal of Rural Studies*. 2023;(97):428–437. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.12.034>
2. Ворошилов Н.В. К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021;14(1):91–109. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.7>
3. Медведева Л.Н., Рогачев А.Ф., Федоров А.Л., Пахомова А.А. Использование когнитивного и экономико-математического моделирования для оценки пространственно-экономического потенциала сельских территорий и малых городов. *Дружковский вестник*. 2022;(4):190–205. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2022-4-190-205>
4. Щербакowa А.С. Рейтинговая оценка социально-экономического потенциала сельских территорий Севера. *АПК: экономика, управление*. 2020;(1):56–64. <https://doi.org/10.33305/201-56>
5. Molestina R.C., Orozco M.V., Sili M., Meiller A. A Methodology for Creating Typologies of Rural Territories in Ecuador. *Social Sciences and Humanities Open*. 2020;2(1):100032. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100032>
6. Bobryshev A.N., Baydakov A.N., Zvyagintseva O.S., Lugovskoy S.I. Rural Development in Stavropol Krai: Assessment Based on Statistics and Local Perception. *Russian Journal of Economics*. 2023;9(4):386–406. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.9.112910>

7. Mulrooney T., Liang C.-L., Kurkalova L.A., McGinn C., Okoli C. Quantitatively Defining and Mapping Rural: A Case Study of North Carolina. *Journal of Rural Studies*. 2023;(97):47–56. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.11.011>
8. Шик О.В., Янбых Р.Г. Оценка уровня государственной поддержки АПК и предложения по повышению ее эффективности. *АПК: экономика, управление*. 2023;(4):3–16. <https://doi.org/10.33305/234-3>
9. Байдаков А.Н., Звягинцева О.С. Многоуровневое позиционирование аграрно-территориальных систем. *Регион: экономика и социология*. 2024;(2):47–80. <https://doi.org/10.15372/REG20240203>
10. Kusakina O.N., Kazarova A.Ya., Aydinova A.T., Rybasova Yu.V., Blinova Yu.Yu. Changes in the Support System of the Russian Agro-Industrial Complex. In: International Conference on Innovations in Sustainable Agricultural Systems. Cham: Springer Nature Switzerland. P. 79–88. https://doi.org/10.1007/978-3-031-72556-2_9
11. Serova E.V., Naumov A.S., Yanbykh R.G. New Approaches to Rural Development in Russia. *Village and Agriculture*. 2021;(4):27–45. <https://doi.org/10.53098/wir042020/02>
12. Шестаков Р.Б., Ловчикова Е.И. Кластеризация регионов на основе базовых аграрно-экономических критериев. *Экономика региона*. 2023;19(1):178–191. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-14>
13. Смыслова О.Ю., Иванова А.А., Филоненко Н.Ю. Стратегическое развитие ресурсного потенциала аграрного сектора АПК и сельских территорий. *Управленческий учет*. 2021;(8):210–218. <https://elibrary.ru/kjkawf>
14. Yang Z., Li Y., Wu C. Population Aging, Fintech, and Agricultural Economic Resilience. *International Review of Economics and Finance*. 2025;(97):103756. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2024.103756>
15. Петухова М.С., Кокорин А.В. Оценка потенциала формирования цифровых экосистем в АПК Новосибирской области. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2023;12(3):122–132. <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2023-3-122-132>
16. Балянец К.М., Джамбулатова А.З., Дохолян С.В., Умавов Ю.Д. Основные факторы эффективного использования ресурсного потенциала сельских территорий Республики Дагестан. *Экономика устойчивого развития*. 2019;(1):92–96. URL: <http://www.economdevelopment.ru/wp-content/uploads/2019-1-37.pdf> (дата обращения: 08.05.2026).
17. Матвеева Н.И., Зволинский В.П. Обоснование показателей и критериев комплексной оценки развития потенциала экономических ресурсов сельских территорий Астраханской области. *АПК: экономика, управление*. 2021;(5):83–88. <https://doi.org/10.33305/215-83>
18. Aguilar-Rivera N. A Framework for the Analysis of Socioeconomic and Geographic Sugar-cane Agro Industry Sustainability. *Socio-Economic Planning Sciences*. 2019;(66):149–160. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2018.07.006>
19. Владимиров Н.А. Оценка влияния развития сельских территорий на агропромышленный комплекс Российской Федерации. *Статистика и Экономика*. 2023;20(3):35–45. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2023-3-35-45>
20. Плахутина Ю.В., Зюкин Д.В., Репринцева Е.В., Сергеева Н.М. О проблеме развития сельских территорий в России на основе повышения их аграрного потенциала. *Вестник НГИЭИ*. 2023;(7):112–123. <https://elibrary.ru/lumomd>
21. Маханьков Ф.В., Тронина М.В., Сбитнев Н.А. Перспективные направления развития экономики сельских территорий в системе государственного управления. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2024;(9):31–38. <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2024-0-9-31-38>
22. Смирнова С.Н. К вопросу об оценке потенциала сельских территорий. *Актуальные проблемы экономики и управления*. 2020;(2):73–82. <https://guap.ru/content/emtp/archive/2020-2.pdf>
23. Бородин С.Н. Модель оценки устойчивого развития региона на основе индексного метода. *Экономика региона*. 2023;19(1):45–59. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-4>
24. Abreu I., Mesías F.J., Ramajo J. Design and Validation of an Index to Measure Development in Rural Areas Through Stakeholder Participation. *Journal of Rural Studies*. 2022;(95):232–240. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.09.022>
25. López-Penabad M.C., Iglesias-Casal A., Rey-Ares L. Proposal for a Sustainable Development Index for Rural Municipalities. *Journal of Cleaner Production*. 2022;(357):131876. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.131876>
26. Забелина Н.В. Формирование стратегии управления сельскими территориями на основе дифференцированного подхода. *Аграрный вестник Верхневолжья*. 2017;(1):75–81. <https://elibrary.ru/yinbkd>

27. Наумов И.В., Никулина Н.Л. Оценка пространственной неоднородности экономической деятельности хозяйствующих субъектов в муниципальных образованиях Свердловской области. *Экономика региона*. 2022;18(3):820–836. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-14>
28. Casini L., Boncinelli F., Gerini F., Romano C., Scozzafava G., Contini C. Evaluating Rural Viability and Well-Being: Evidence from Marginal Areas in Tuscany. *Journal of Rural Studies*. 2021;(82):64–75. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.01.002>
29. del Olmo-García F., Domínguez-Fabián I., Crecente-Romero F.J., Val-Núñez M.T. Determinant Factors for the Development of Rural Entrepreneurship. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023;(191):122487. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122487>

REFERENCES

1. Torre A., Wallet F., Huang J. A Collaborative and Multidisciplinary Approach to Knowledge-Based Rural Development: 25 Years of the PSDR Program in France. *Journal of Rural Studies*. 2023;(97):428–437. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.12.034>
2. Voroshilov N.V. Assessing the Socio-Economic Potential of Rural Territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(1):91–109. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.7>
3. Medvedeva L.N., Rogachev A.F., Fedorov A.L., Pahomova A.A. The Use of Cognitive Modeling and Methods of Mathematical Economics to Assess the Spatial and Economic Potential of Rural Territories and Small Towns. *Drukerovskij vestnik*. 2022;4(48):190–205. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2022-4-190-205>
4. Shcherbakova A.S. Rating Assessment of Socio and Economic Potential of Rural Areas of the North. *AIC: Economics, Management*. 2020;(1):56–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33305/201-56>
5. Molestina R.C., Orozco M.V., Sili M., Meiller A. A Methodology for Creating Typologies of Rural Territories in Ecuador. *Social Sciences and Humanities Open*. 2020;2(1):100032. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100032>
6. Bobryshev A.N., Baydakov A.N., Zvyagintseva O.S., Lugovskoy S.I. Rural Development in Stavropol Krai: Assessment Based on Statistics and Local Perception. *Russian Journal of Economics*. 2023;9(4):386–406. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.9.112910>
7. Mulrooney T., Liang C.-L., Kurkalova L.A., McGinn C., Okoli C. Quantitatively Defining and Mapping Rural: A Case Study of North Carolina. *Journal of Rural Studies*. 2023;(97):47–56. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.11.011>
8. Shik O.V., Ianbykh R.G. Assessment of the Level of State Support for the Agro-Industrial Complex and Proposals to Increase its Efficiency. *AIC: Economics, Management*. 2023;(4):3–16. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33305/234-3>
9. Baidakov A.N., Zvyagintseva O.S. Multilevel Positioning of Agrarian-Territorial Systems. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*. 2024;(2):47–80. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15372/REG20240203>
10. Kusakina O.N., Kazarova A.Ya., Aydinova A.T., Rybasova Yu.V., Blinova Yu.Yu. Changes in the Support System of the Russian Agro-Industrial Complex. In: International Conference on Innovations in Sustainable Agricultural Systems. Cham: Springer Nature Switzerland. P. 79–88. https://doi.org/10.1007/978-3-031-72556-2_9
11. Serova E.V., Naumov A.S., Yanbykh R.G. New Approaches to Rural Development in Russia. *Village and Agriculture*. 2021;(4):27–45. (In Polish). <https://doi.org/10.53098/wir042020/02>
12. Shestakov R.B., Lovchikova E.I. Clustering of Regions Using Basic Agricultural and Economic Criteria. *Economy of Regions*. 2023;19(1):178–191. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-14>
13. Smyslova O.U., Ivanova A.A., Filonenko N.U. Strategic Development of the Resource Potential of the Agricultural Sector of the Agro-Industrial Complex and Rural Areas. *Management Accounting*. 2021;(8):210–218. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/kjkawf>
14. Yang Z., Li Y., Wu C. Population Aging, Fintech, and Agricultural Economic Resilience. *International Review of Economics and Finance*. 2025;(97):103756. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2024.103756>

15. Petukhova M.S., Kokorin A.V. Assessment of the Potential for the Formation of Digital Eco-systems in the Agro-Industrial Complex of the Novosibirsk Region. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2023;12(3):122–132. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2023-3-122-132>
16. Baliyants K.M., Dzhambulatova A.Z., Dokholyan S.V., Umavov Y.D. Key Factors for Effective Use of Resource Potential of Rural Territories of the Republic of Dagestan Economics of Stable Development. *Economics of Sustainable Development*. 2019;(1):92–96. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.economdevelopment.ru/wp-content/uploads/2019-1-37.pdf> (accessed 08.05.2026).
17. Matveeva N.I., Zvolinskii V.P. Substantiation of Indicators and Criteria for a Comprehensive Assessment of the Development of the Potential of Economic Resources of Rural Territories of the Astrakhan Region. *AIC: Economics, Management*. 2021;(5):83–88. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33305/215-83>
18. Aguilar-Rivera N. A Framework for the Analysis of Socioeconomic and Geographic Sugar-cane Agro Industry Sustainability. *Socio-Economic Planning Sciences*. 2019;(66):149–160. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2018.07.006>
19. Vladimirov N.A. Assessing the Impact of Rural Development for the Agro-Industrial Complex of the Russian Federation. *Statistics and Economics*. 2023;20(3):35–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2023-3-35-45>
20. Plakhutina Yu.V., Zyukin D.V., Reprintseva E.V., Sergeeva N.M. On the Problem of Rural Development in Russia Based on Increasing Their Agricultural Potential. *Bulletin NGIEI*. 2023;(7):112–123. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/lumomd>
21. Makhankov F.V., Tronina M.V., Sbitnev N.A. Prospective Directions of Rural Economy Development in The System of State Administration. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises*. 2024;(9):31–38. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2024-0-9-31-38>
22. Smirnova S.N. On the Issue of Assessing the Potential of Rural Territories. *Aktualnye problemy ekonomiki i upravleniya*. 2020;(2):73–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://guap.ru/content/emtp/archive/2020-2.pdf>
23. Borodin S.N. A Model for Assessing Regional Sustainable Development Based on the Index Method. *Economy of Regions*. 2023;19(1):45–59. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-4>
24. Abreu I., Mesías F.J., Ramajo J. Design and Validation of an Index to Measure Development in Rural Areas through Stakeholder Participation. *Journal of Rural Studies*. 2022;(95):232–240. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.09.022>
25. López-Penabad M.C., Iglesias-Casal A., Rey-Ares L. Proposal for a Sustainable Development Index for Rural Municipalities. *Journal of Cleaner Production*. 2022;(357):131876. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.131876>
26. Zabelina N.V. Formation of a Rural Management Strategy Based on a Differentiated Approach. *Agrarnyi vestnik Verkhnevolzhya*. 2017;(1):75–81. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/yinbkd>
27. Naumov I.V., Nikulina N.L. Assessment of Spatial Heterogeneity of Economic Activity of Business Entities in Municipalities of the Sverdlovsk Region. *Economy of Region*. 2022;18(3):820–836. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-14>
28. Casini L., Boncinelli F., Gerini F., Romano C., Scozzafava G., Contini C. Evaluating Rural Viability and Well-Being: Evidence from Marginal Areas in Tuscany. *Journal of Rural Studies*. 2021;(82):64–75. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.01.002>
29. del Olmo-García F., Domínguez-Fabián I., Crecente-Romero F.J., Val-Núñez M.T. Determinant Factors for the Development of Rural Entrepreneurship. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023;(191):122487. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122487>

Об авторе:

Звягинцева Ольга Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и устойчивого развития территорий Ставропольского государственного аграрного

университета (355000, Российская Федерация, г. Ставрополь, пер. Зоотехнический, д. 12),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3872-0161>, Researcher ID: N-7457-2016, Scopus ID: 57188928723,
SPIN-код: 4180-2356, o-zvyagintseva@yandex.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 07.08.2025; одобрена после рецензирования 22.08.2025; принята к публикации 04.09.2025.

About the author:

Olga S. Zviagintseva, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Chair of Management and Sustainable Development of Territories, Stavropol State Agrarian University (12 Zootechnical Lane, Stavropol 355000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3872-0161>, Researcher ID: N-7457-2016, Scopus ID: 57188928723, SPIN-code: 4180-2356, o-zvyagintseva@yandex.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 07.08.2025; revised 22.08.2025; accepted 04.09.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.354-373>EDN: <https://elibrary.ru/ovryqp>

УДК / UDC 332.1

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Социально-экономическое обоснование
выбора форматов преобразования
территорий производственной застройки

В. Э. Гордин

А. В. Средина ✉

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
✉ a.sredina@yandex.ru

Аннотация

Введение. Понимание сути процессов преобразования застроенных территорий позволяет принимать обоснованные градостроительные решения для создания комфортной городской среды, способствующей высокому качеству жизни населения. Цель исследования – изучение форматов преобразования территорий недействующей производственной застройки (на примере общественно-деловых пространств, созданных на месте бывших производственных предприятий в Санкт-Петербурге) для выявления наиболее целесообразных подходов к развитию городской среды.

Материалы и методы. В качестве объектов исследования выбраны четыре общественно-деловых пространства Санкт-Петербурга, созданные в 2016–2023 гг. с применением разных форматов редевелопмента. Источниками данных послужили сведения онлайн-агрегаторов («Яндекс.Недвижимость», «Домклик», ЦИАН), портала ПД «НСПД» Росреестра, а также результаты четырех экспертных интервью с представителями девелопмента, риелторского бизнеса, градостроительства и сферы инвестирования. Осуществлялись статистический анализ рыночных цен на недвижимость (2014–2024 гг.) и кадастровой стоимости земельных участков (2018, 2023 гг.); сравнительный анализ удельной кадастровой стоимости земельных участков в прилегающих кварталах; геоинформационный анализ в радиусе 1,5 км от общественно-деловых пространств; тематический анализ данных экспертных интервью (очная полуструктурированная форма).

Результаты исследования. Выявлены следующие закономерности: наибольшие темпы роста рыночной и кадастровой стоимости недвижимости наблюдаются в зонах влияния объектов, созданных методом реновации с полной рефункционализацией («Новая Голландия», «Левашовский хлебозавод»); реновация с частичной рефункционализацией («Ленполиграфмаш») и ревитализация («Севкабель Порт») демонстрируют умеренный рост цен; наличие свободных территорий для застройки усиливает эффект от преобразования; коэффициенты изменения стоимости (рыночной и кадастровой)

© Гордин В. Э., Средина А. В., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

различаются в зависимости от формата redevelopment и типа рынка недвижимости (первичный/вторичный).

Заключение. Выбор формата преобразования производственных территорий прямо влияет на динамику стоимости недвижимости и развитие городской среды. Разработанная методика оценки на основе рыночных и кадастровых показателей может использоваться для прогнозирования эффектов redevelopment. Результаты могут быть полезны градостроителям, девелоперам и органам власти, связанным с планированием преобразования производственных зон в общественно-деловые пространства.

Ключевые слова: формат преобразования территории, территория нежилой застройки, redevelopment, реновация, ревитализация, рефункционализация, джентрификация, качество городской среды

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 25-00-065 «Импакт-инвестирование в индустриальные объекты культурного наследия: мотивы, стимулы, результаты» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”».

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам и редакции журнала «Регионоведение».

Для цитирования: Гордин В.Э., Средина А.В. Социально-экономическое обоснование выбора форматов преобразования территорий производственной застройки. *Регионоведение*. 2026;34(2):354–373. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.354-373>

Socioeconomic Justification for the Choice of Formats for the Transformation of Industrial Development Areas

V. E. Gordin, A. V. Sredina ✉

National Research University Higher School of Economics
(St. Petersburg, Russian Federation)

✉ a.sredina@yandex.ru

Abstract

Introduction. Understanding the nature of the transformation of built-up areas enables informed urban planning decisions to create a comfortable urban environment that promotes a high quality of life. The aim of this study is to examine the transformation formats of abandoned industrial buildings (using the example of public and business spaces created on the sites of former industrial enterprises in St. Petersburg) to identify the most appropriate approaches to urban development.

Materials and Methods. The objects of the study were four public and business spaces of St. Petersburg, created in 2016–2023 using different redevelopment formats. The data sources were information from online aggregators (Yandex.Real Estate, Domclick, CIAN), the PD “NSPD” portal of Rosreestr, as well as the results of four expert interviews with representatives of the development, real estate business, urban planning, and investment sectors. The following were conducted: statistical analysis of market prices for real estate (2014–2024) and cadastral value of land plots (2018, 2023); comparative analysis of specific cadastral value in adjacent neighborhoods; geoinformation analysis within a radius of 1.5 km from the public and business spaces; thematic analysis of expert interview data (in-person, semi-structured form).

Results. The following patterns were identified: the highest growth rates of market and cadastral values of real estate are observed in the zones of influence of facilities created by the renovation method with full refunctionalization (Novaya Gollandiya, Levashovsky Khlebozavod); renovation with partial refunctionalization (Lenpoligrafmash) and revitalization (Sevkabel Port) demonstrate moderate price growth; the availability of vacant territories for development enhances the effect of transformation; the coefficients of value change (market and cadastral) vary depending on the redevelopment format and the type of real estate market (primary/secondary).

Conclusion. The choice of industrial site conversion format directly impacts real estate value dynamics and urban development. The developed valuation methodology, based on market and cadastral indicators, can be used to predict the effects of redevelopment. The results are useful for urban planners, developers, and government agencies when planning the conversion of industrial zones into public and business spaces.

Keywords: territory transformation format, non-residential development area, redevelopment, renovation, revitalization, refunctionalization, gentrification, quality of the urban environment

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The publication was prepared during the course of research No. 25-00-065 “Impact Investing in Industrial Cultural Heritage Sites: Motives, Incentives, Results” of the Scientific Foundation Program of the National Research University Higher School of Economics.

Acknowledgments. The authors express their gratitude to the reviewers and the Editorial Board of the Russian Journal of Regional Studies.

For citation: Gordin V.E., Sredina A.V. Socioeconomic Justification for the Choice of Formats for the Transformation of Industrial Development Areas. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(2):354–373. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.354-373>

ВВЕДЕНИЕ

Город – это сложная, динамично развивающаяся система, включающая территориальную, экологическую, экономическую, демографическую и социальную составляющие. Целью градостроительной политики является обеспечение гармоничного и устойчивого развития городских территорий, а главной задачей – создание комфортной среды, способствующей высокому качеству жизни населения.

Санкт-Петербург – второй по численности населения и площади город Российской Федерации¹. При этом многие индустриальные объекты мегаполиса представляют собой памятники истории и культуры федерального и регионального значения. Поэтому вопрос рационального использования городского пространства имеет для него особое значение.

В настоящее время на территории Санкт-Петербурга существует большое количество нефункционирующих производственных зон, сконцентрированных в основном по периметру центральной части города и препятствующих его гармоничному развитию. В связи с этим актуализируется задача преобразования подобных территорий с сохранением расположенных на них объектов культурного наследия.

Чаще всего на базе подобных объектов создаются современные общественно-деловые пространства (ОДП) посредством различных форматов преобразования территории. Однако в российском законодательстве пока отсутствуют четкие определения большинства градостроительных процессов, в том числе понятие формата преобразования застроенных территорий.

В настоящей работе на основании анализа существующих подходов к преобразованию территорий нежилой застройки на примере создания общественно-деловых пространств на месте недействующих производственных объектов рассматриваются следующие форматы преобразования территории:

1) реновация с частичной рефункционализацией, а именно частичное сохранение производственной функции территории и совмещение ее с общественно-деловой, а также полный или частичный снос имеющихся объектов капитального строительства;

2) реновация с полной рефункционализацией, которая подразумевает полную смену изначальной функции территории и снос существующих объектов капитального строительства (полный или частичный);

¹ Население [Электронный ресурс]. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области : сайт. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/27595> (дата обращения: 10.06.2025).

3) ревитализация, т. е. сохранение всех имеющихся объектов капитального строительства со сменой их функции.

Цель исследования – определить форматы преобразования территорий нежилой застройки, которые целесообразны для развития городской среды (на примере ОДП, созданных на базе недействующей производственной застройки в Санкт-Петербурге).

Гипотезой исследования послужило предположение, что в зависимости от выбранного формата преобразования бывших производственных территорий в ОДП его результат будет иметь различное влияние на градостроительную и социальную составляющие городской среды.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблеме преобразования застроенных территорий (редевелопмента) недействующих производственных предприятий посвящен ряд публикаций отечественных и зарубежных авторов [1–4]. При этом существует значительный дефицит научно обоснованного понимания реальных последствий редевелопмента промышленных территорий для развития городской среды.

Основная сложность при разработке темы преобразования производственных зон заключается в трудности количественной оценки воздействия таких проектов на развитие городской среды и повышение качества жизни населения. Исследований, использующих количественные методы в контексте экспертизы влияния редевелопмента на экологическую ситуацию, социально-экономическое развитие и психологическое состояние жителей, в международной практике единицы [5; 6].

Выделяются несколько основных направлений исследований. Прежде всего, экономические результаты. Анализируются потенциальная выгода от возвращения промышленных территорий в оборот, повышение стоимости недвижимости и появление новых рабочих мест [7; 8; 9]. Однако в данных работах отсутствуют расчет реальной экономической выгоды и анализ рентабельности инвестиционных проектов.

Второе направление – социальные последствия. Изучаются возможные изменения в структуре городского населения, процессы джентрификации и миграции населения [10–13]. При этом количественные показатели, свидетельствующие о повышении уровня жизни местного населения, отсутствуют.

Третье направление связано с градостроительными изменениями. Рассматриваются перемены в функциональном составе городской застройки и соответствие проектов редевелопмента целям устойчивого развития территории² [14; 15]. Преобладает качественный подход без точных измерений степени воздействия мероприятий на городскую среду.

В работах зарубежных исследователей большое внимание уделяется механизму принятия решений и участию в нем заинтересованных сторон. Однако, как отмечают авторы, нехватка надежных эмпирических данных препятствует формированию эффективных стратегий редевелопмента [7; 15; 16].

Коллективом авторов проведен критический обзор систем поддержки принятия решений при реконструкции заброшенных территорий [17]. Признано наличие

² Ragheb G., El-Shimy H., Ragheb A. Land for Poor: Towards Sustainable Master Plan for Sensitive Redevelopment of Slums. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2016;(216):417–427. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.12.056>

многочисленных систем поддержки, однако большинство их недостаточно внедряет социальные и экономические критерии устойчивого развития, что ослабляет надежность полученных результатов.

Еще одно направление зарубежных исследований фокусируется на влиянии джентрификации на социальную структуру и психологическое состояние населения [11]. Так, Т. М. Шусслер, А. Крингс и Р. Т. Мельстром осуществили качественное исследование положительной связи между редевелопментом производственных зон и улучшением экологической и социальной обстановки в городе. Это воздействие неравномерно и зависит от специфики конкретного сообщества [12]. Подобные работы фиксируют значительные последствия преобразования заброшенных производственных объектов для городской среды, но не предоставляют убедительного подтверждения положительного вклада редевелопмента в повышение качества жизни населения.

Многие исследователи отмечают важность обновления, преобразования и включения действующих промышленных объектов в городскую среду в новом качестве³ [18]. Создание ОДП в контексте развития пришедших в упадок производственных территорий рассматривается как один из мощных факторов, позволяющих одновременно сохранять объекты культурного наследия, стимулировать экономику города и улучшать качество городской среды с учетом общественных интересов⁴ [19].

Большинство последних публикаций касается общих положений теории редевелопмента, его преимуществ и недостатков, а также роли государственного регулирования и частных инициатив [9; 16; 20; 21]. Однако отсутствуют детализированные исследования, подтверждающие непосредственный положительный эффект для развития городских территорий от преобразования производственных зон.

Анализ литературы выявил ряд существенных пробелов в имеющихся исследованиях в области преобразования производственных территорий. В частности, фокус на общих положениях; недостаток исследований с применением количественных методов для оценки влияния редевелопмента на формирование комфортной городской среды, что затрудняет выявление форматов преобразования, целесообразных для развития городских территорий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве **объектов исследования** выбраны общественно-деловые пространства, возникшие в результате разных форматов преобразования территорий бывших промышленных предприятий и складских комплексов, а именно технопарк «Ленполиграфмаш» (2018 г., реновация с частичной рефункционализацией); комплекс «Новая Голландия» (2016 г.) и культурный центр «Левашовский хлебозавод» (2023 г., реновация с полной рефункционализацией); комплекс «Севкабель Порт» (2018 г., ревитализация).

³ Loures L.C., Burley J.B. Post-Industrial Land Transformation – an Approach to Sociocultural Aspects as Catalysts for Urban Redevelopment. In: *Advances in Spatial Planning*. Ed. by J. Burian. 2012. <https://doi.org/10.5772/36380>

⁴ Иванов К.Э., Цветков А.В. Методы преобразования бывших промышленных территорий. *Научный лидер*. 2024;(29):14. URL: <https://scilead.ru/article/6945-metodi-preobrazovaniya-bivshikh-promishlennik> (дата обращения: 12.06.2025).

Каждый из представленных объектов является характерным примером ОДП, созданного при помощи одного из рассматриваемых форматов редевелопмента. Все исследуемые ОДП открыты для посещения в период с 2016 по 2023 гг., что позволяет оценить состояние окружающей их городской среды до создания и после открытия.

Источниками данных исследования выступили:

- научные статьи по проблемам преобразования территорий производственной застройки;
- сведения онлайн-агрегаторов «Яндекс.Недвижимость»⁵, «Домклик»⁶, ЦИАН⁷;
- сведения портала пространственных данных Росреестра⁸;
- результаты четырех экспертных интервью со специалистами в различных областях деятельности, непосредственно связанных с преобразованием территорий производственной застройки в ОДП.

Выбор экспертов обусловлен необходимостью оценить с разных точек зрения влияние различных форматов преобразования территорий действующей производственной застройки в ОДП на городскую среду.

Привлекались следующие эксперты:

- 1) предприниматель, основатель девелоперской компании, специализирующейся на преобразовании производственных зданий в ОДП в Санкт-Петербурге;
- 2) риелтор, занимающийся сопровождением сделок с недвижимостью в жилых и коммерческих комплексах, создаваемых на месте бывших заводов и других производственных объектов;
- 3) специалист в области градостроительства и государственного управления, сотрудник Комитета по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга;
- 4) юрист и инвестор, занимающийся инвестициями в недвижимость, связанными с реновацией старых заводов и строительством жилья.

Экспертные интервью проводились в очной полуструктурированной форме, с последующей дословной расшифровкой и тематическим анализом полученных данных. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Изучались два **значимых показателя**: а) средняя цена одного квадратного метра общей площади квартир (раздельно для первичного и вторичного рынков жилья), рассчитанная на основе данных о фактических ценах сделок за год (руб.)⁹; б) удельная кадастровая стоимость земельных участков (руб./м²), определяемая как отношение кадастровой стоимости участка к его площади.

Дополнительно проанализирована динамика средней рыночной цены за один квадратный метр жилья совокупно на первичном и вторичном рынках.

⁵ Яндекс.Недвижимость : сайт [Электронный ресурс URL: <https://realty.yandex.ru/otsenka-kvartiry-po-adresu-onlayn>] (дата обращения: 10.06.2025).

⁶ Домклик : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.domclick.ru/search/on-map?from=blog> (дата обращения: 10.06.2025).

⁷ Циан : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.cian.ru/map/> (дата обращения: 10.06.2025).

⁸ Портал пространственных данных «Национальная система пространственных данных» : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://nspd.gov.ru/map> (дата обращения: 10.06.2025).

⁹ Об утверждении Официальной статистической методологии наблюдения за ценами на рынке жилья: Приказ Росстата от 12.08.22 № 572 [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=429915> (дата обращения: 12.06.2025).

В наблюдение включены квартиры в существующих многоквартирных домах на первичном и вторичном рынке, объекты незавершенного жилищного строительства¹⁰.

Методы анализа. Применялись следующие методы: анализ научных статей (для систематизации существующих методов оценки влияния реновелопмента на городскую среду); статистический анализ (для обработки данных о рыночных ценах на недвижимость за 10 лет и кадастровой стоимости земельных участков в радиусе пешеходно-транспортной доступности (1,5 км) от выбранных объектов); сравнительный анализ (для сопоставления средних значений удельной кадастровой стоимости земельных участков по территориям (в прилегающих к рассматриваемым ОДП кварталах) в динамике (2018 и 2023 гг.)); геоинформационный анализ (для оценки стоимостных показателей в зонах влияния ОДП с учетом пространственных характеристик); экспертные интервью (для получения профессиональных оценок и уточнений).

Методика расчета показателей. Средняя цена 1 м² общей площади квартир для конкретного года рассчитывалась отдельно для первичного и вторичного рынков на основе данных онлайн-агрегаторов о фактических сделках, совершенных в течение года. В анализ включались как квартиры в существующих многоквартирных домах (первичный и вторичный рынок), так и объекты незавершенного жилищного строительства.

Значение удельного показателя кадастровой стоимости определялось путем деления кадастровой стоимости земельного участка на его площадь. Средний удельный показатель кадастровой стоимости на рассматриваемой территории $Y_{\text{ср}}$ рассчитан по формуле:

$$Y_{\text{ср}} = \frac{\left(\frac{X_1}{S_1} + \frac{X_2}{S_2} + \dots + \frac{X_n}{S_n} \right)}{n}, \quad (1)$$

где Y – удельный показатель кадастровой стоимости, руб./м²; X – кадастровая стоимость земельного участка, руб., $X_1, X_2, X_3, \dots, X_n$ – кадастровая стоимость земельных участков (от 1 до n); S – площадь земельного участка, м², $S_1, S_2, S_3, \dots, S_n$ – площадь земельных участков (от 1 до n); n – общее количество земельных участков.

Временные рамки и пространственные границы исследования. Анализ рыночных цен на жилую недвижимость проводился за 10 лет (2014–2024 гг.); сравнение кадастровой стоимости – по состоянию на 2018 и 2023 гг.

Пространственные границы: проведен анализ цен на жилую недвижимость и кадастровой стоимости земельных участков в радиусе пешеходно-транспортной доступности от ОДП – 1,5 км, которая обозначена как «зона влияния» ОДП.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Среди **основных стоимостных показателей** выделены 1) отражающие влияние ОДП на развитие окружающей городской среды (на основе динамики рыночной сто-

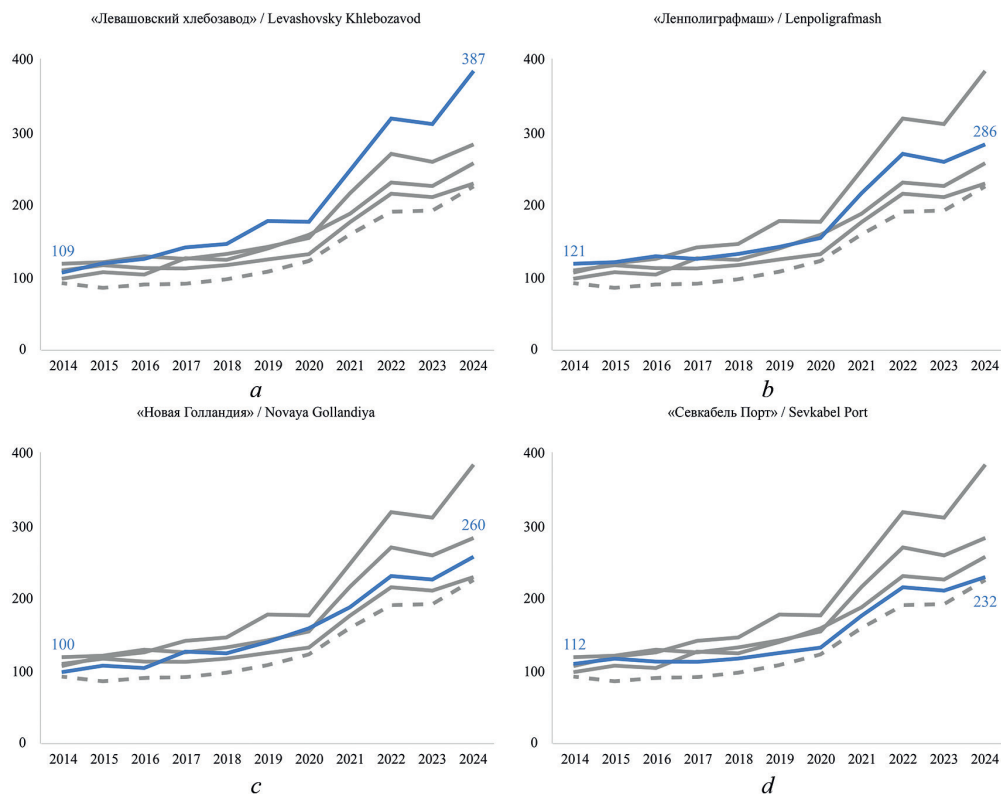
¹⁰ Об утверждении Официальной статистической методологии наблюдения за ценами на рынке жилья...

имости жилой недвижимости) и 2) характеризующие тенденции развития городской среды вокруг ОДП (на базе изменения кадастровой стоимости земельных участков).

Динамика рыночных цен на жилую недвижимость. Проведенный анализ выявил зависимость рыночной стоимости жилой недвижимости вокруг ОДП от формата преобразования территории при создании данного пространства.

На рисунке представлена динамика рыночных цен 1 м² общей площади квартир в зонах влияния выбранных объектов (совокупно на первичном и вторичном рынках) в 2014–2024 гг., а также средняя стоимость 1 м² жилья по Санкт-Петербургу (по данным ЕМИСС)¹¹.

Р и с у н о к . Динамика рыночных цен на жилую недвижимость, 2014–2024 гг., тыс. руб./м², в зоне влияния: а) «Левашовский хлебозавод», б) «Ленполиграфмаш», в) «Новая Голландия», д) «Севкабель Порт»

Figure. Dynamics of market prices for residential real estate, 2014–2024, thousand rubles/m², the zone of influence of: a) Levashovsky Khlebozavod; b) Lenpoligrafmash; c) Novaya Gollandiya; d) Sevkabel Port

Примечание: пунктирная линия – среднее значение по городу (по данным ЕМИСС).

Note: dotted line is the average value for the city (according to EMISS data).

Источник: составлено авторами по данным сайтов «Яндекс.Недвижимость», «Домклик», ЦиАН, ЕМИСС.

Source: compiled by the authors based on data from websites Yandex.Real Estate, Domclick, CIAN, EMISS.

¹¹ ЕМИСС. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 12.06.2025).

Как видно из рисунка, по всем рассматриваемым территориям присутствует увеличение стоимости жилой недвижимости с момента открытия ОДП. Наибольший рост цен наблюдается в зонах влияния общественно-делового комплекса «Новая Голландия» (2016 г.) и культурного центра «Левашовский хлебозавод» (2023 г.), созданных в формате реновации с полной рефункционализацией. Это указывает на то, что редевелопмент недействующих производственных объектов с полным изменением их функционального назначения может существенно повысить стоимость окружающей жилой недвижимости.

Культурный центр «Левашовский хлебозавод» расположен в районе, имеющем значительные территориальные ресурсы для градостроительных преобразований, тогда как общественно-деловой комплекс «Новая Голландия» – в районе плотной исторической застройки, где возможности для нового строительства отсутствуют. Другими словами, отсутствие свободных территорий под застройку не препятствует росту цен на жилую недвижимость.

С момента открытия технопарка «Ленполиграфмаш» (формат реновации с частичной рефункционализацией) и общественно-делового комплекса «Севкабель Порт» (формат ревитализации) уровень рыночных цен на существующую жилую недвижимость в зонах влияния этих объектов вырос незначительно. При этом активный процесс освоения бывших производственных территорий вокруг комплекса «Севкабель Порт» начался именно с 2018 г., а в зоне влияния технопарка «Ленполиграфмаш» свободные территории отсутствуют. Это может свидетельствовать о том, что трансформация бывших производственных территорий с полной сменой их функционального назначения оказывает большее влияние на рынок жилой недвижимости, чем реновация с частичной рефункционализацией или ревитализация.

Таким образом, рост цен на жилую недвижимость вокруг ОДП зависит от формата преобразования территорий производственной застройки, использованного при их создании, а не от возможностей развития окружающей застройки.

По мнению всех опрошенных экспертов, рыночная стоимость жилой недвижимости вокруг ОДП может расти даже при отсутствии территориальных ресурсов для новой застройки. Следовательно, данный показатель характеризует влияние ОДП на качество окружающей городской среды.

Анализ кадастровой стоимости земельных участков. Оценка кадастровой стоимости земельных участков служит важным инструментом анализа эффективности градостроительных решений и их влияния на рыночную привлекательность территорий. Особое внимание уделяется изучению динамики удельных показателей кадастровой стоимости в зонах влияния общественно-деловых пространств, поскольку эти объекты формируют новые точки притяжения, меняют транспортную доступность и социально-экономическую активность районов.

Результаты сравнительного анализа средних значений удельного показателя кадастровой стоимости земельных участков, расположенных в непосредственной близости от ОДП, наглядно демонстрируют тенденции изменения стоимости в зависимости от формата преобразования территории и потенциала ее дальнейшего развития. Основные результаты этого сравнения представлены в таблице 1.

Зависимость между форматом преобразования территории при создании ОДП и изменением кадастровой стоимости земельных участков вокруг него

не выявлена. При этом на кадастровую стоимость земельных участков сильно влияет возможность дальнейшего развития территории. Если имеются свободные участки под застройку или редевелопмент, то при создании общественно-деловых пространств кадастровая стоимость соседних земельных участков со временем увеличивается. Таким образом, данный показатель характеризует тенденции развития городской среды после создания ОДП.

Т а б л и ц а 1. Сопоставление удельных показателей кадастровой стоимости земельных участков
Table 1. Comparison of specific indicators of the cadastral value of land plots

Территория / Territory	Формат преобразования / Conversion format	Возможность развития* / Opportunity for develop- ment	Y_{cp} , руб./м ² / Y_{cp} , ruble/m ²		Изменение Y_{cp} , % / Change Y_{cp} , %
			2018	2023	
«Новая Голландия» / Novaya Gollandiya	Реновация с полной рефункционализаци- ей / Renovation with complete refunctional- ization	–	26 902	29 264	109
«Левашовский хлебо- завод» / Levashovsky Khlebozavod	Реновация с полной рефункционализаци- ей / Renovation with complete refunctional- ization	+	27 458	61 558	224
«Ленполиграфмаш» / Lenpoligrafmash	Реновация с частич- ной рефункционали- зацией / Renovation with partial refunction- alization	–	25 298	31 645	125
«Севкабель Порт» / Sevkabel Port	Ревитализация / Revitalization	+	15 917	29 090	182

Примечания: 1) * наличие участков под застройку и/или редевелопмент (по мнению экспертов); 2) Y_{cp} – средний удельный показатель кадастровой стоимости.

Notes: 1) * availability of plots for construction and/or redevelopment (according to experts); 2) Y_{cp} – average specific indicator of cadastral value.

Источник: рассчитано авторами по данным Портала пространственных данных «Национальная система пространственных данных».

Source: calculated by the authors based on the following data: NSPD Spatial Data Portal.

Анализ взаимного влияния ОДП, созданных на основе различных форматов преобразования территории, и окружающей их городской среды. В качестве количественной характеристики такого влияния предложены два следующих коэффициента.

1. K_p – коэффициент изменения рыночной стоимости жилой недвижимости. Он используется для оценки влияния общественно-делового пространства, созданного в определенном формате преобразования территории, на качество окружающей городской среды.

Коэффициент рассчитывается на основании рыночной стоимости жилой недвижимости по формуле:

$$K_p = \frac{I_{p_тер}}{I_{p_гор}}, \quad (2)$$

где $I_{p_тер}$ – индекс цен на рынке жилья на рассматриваемой территории; $I_{p_гор}$ – индекс цен на рынке жилья в городе (регионе).

Индекс цен на рынке жилья (I_p) определяется как:

$$I_p = \frac{P_{\text{ср}t}}{P_{\text{ср}(t-1)}} \times 100, \quad (3)$$

где $P_{\text{ср}t}$ – средняя цена одного квадратного метра общей площади жилой недвижимости в текущем году, руб./м²; $P_{\text{ср}(t-1)}$ – средняя цена одного квадратного метра общей площади жилой недвижимости в базовом году, руб./м².

2. K_y – коэффициент изменения удельного показателя кадастровой стоимости земельных участков. Используется для оценки влияния городской среды на выбор формата преобразования территории при создании ОДП.

Он рассчитывается на основании удельного показателя кадастровой стоимости земельных участков:

$$K_y = \frac{I_{y_тер}}{I_{y_гор}}, \quad (4)$$

где $I_{y_тер}$ – индекс удельной кадастровой стоимости земельных участков на рассматриваемой территории; $I_{y_гор}$ – индекс удельной кадастровой стоимости земельных участков в городе (регионе).

Индекс удельной кадастровой стоимости земельных участков исчисляется по аналогии с индексом цен на рынке жилья:

$$I_y = \frac{Y_{\text{ср}t}}{Y_{\text{ср}(t-1)}} \times 100, \quad (5)$$

где $Y_{\text{ср}t}$ – средний удельный показатель кадастровой стоимости на рассматриваемой территории в расчетном году, руб./м²; $Y_{\text{ср}(t-1)}$ – средний удельный показатель кадастровой стоимости на рассматриваемой территории в базовом году, руб./м².

На рассматриваемых примерах ОДП рассчитывались значения данных коэффициентов. В качестве базового выбран год открытия для посещения каждого ОДП (табл. 2).

Таблица 2. Расчет коэффициентов взаимного влияния общественно-деловых пространств и городской среды

Table 2. Calculation of the coefficients of mutual influence of public and business spaces on the urban environment

Формат преобразования / Redevelopment format	Общественно-деловое пространство / Public and business space	K_p , первичный/вторичный рынок недвижимости / K_p , primary/secondary real estate market	K_y
1	2	3	4
Реновация с частичной рефункционализацией / Renovation with partial refunctionalization	«Ленполиграфмаш» / Lenpoligrafmash	0,99 / 0,98	0,73
Ревитализация / Revitalization	«Севкабель Порт» / Sevkabel Port	0,64 / 0,93	1,07

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4
Реновация с полной рефункционализацией / Renovation with complete refunctionalization	«Новая Голландия» / Novaya Gollandiya «Левашовский хлебозавод» / Levashovsky Khlebozavod	1,21 / 1,15 1,07 / 1,06	0,64 1,32

Примечания: 1) K_p – коэффициент изменения рыночной стоимости жилой недвижимости; 2) K_y – коэффициент изменения удельного показателя кадастровой стоимости земельных участков.

Notes: 1) K_p is the coefficient of change in the market value of residential real estate; 2) K_y is the coefficient of change in the specific indicator of the cadastral value of land plots.

Источник: рассчитано авторами по данным сайтов «Яндекс.Недвижимость», «Домклик», ЦИАН, ЕМИСС, Портала пространственных данных «Национальная система пространственных данных».

Source: calculated by the authors based on data from the websites Yandex.Real Estate, Domclick, CIAN, EMISS, and the Spatial Data Portal “National Spatial Data System”.

На основе полученных коэффициентов определялись характерные интервалы их значений для каждого формата преобразования застроенной территории.

С опорой на интервалы значений коэффициентов разработаны три **модели развития территории**:

1) «Стабильность» – характеризуется сохранением существующих тенденций развития территории даже после создания на ее части ОДП;

2) «Контролируемая джентрификация» – подразумевает значительные изменения в процессе развития территории вокруг нового ОДП с ярко выраженной динамикой как долгосрочного, так и кратковременного характера;

3) «Спонтанная джентрификация» – создание ОДП рассматривается как часть возможных процессов (параллельных или последовательных) преобразования территории, где качество ОДП соответствует уровню развития окружающей городской среды.

Определение модели развития конкретной территории проводилось на основании расчета коэффициентов взаимного влияния ОДП и городской среды. В зависимости от их сочетания форматы преобразования территорий нежилкой застройки соотнесены с предложенными моделями развития территории (табл. 3).

Использование формата реновации с частичной рефункционализацией при редевелопменте действующих производственных объектов целесообразно в случае сохранения существующего уровня развития окружающей территории, например в районах сложившейся застройки. Реновация с полной рефункционализацией и ревитализация могут быть актуальны для контролируемого градостроительного развития локации при наличии отдельных мест под новую застройку или оживления рынка недвижимости в условиях плотной исторической застройки. Преобразование объектов в формате реновации с полной рефункционализацией может быть не драйвером развития городской среды, а частью масштабных градостроительных преобразований, включая комплексное развитие территории.

Таблица 3. Модели развития территории

Table 3. Territory development models

Формат преобразования / Redevelopment format	Диапазон K_p / Range K_p	Диапазон K_y / Range K_y	Модель / Model
Реновация с частичной рефункционализацией / Renovation with partial refunctionalization	$0 < K_p \leq 1$	$0 < K_y \leq 1$	Стабильность / Stability
Ревитализация / Revitalization	$0 < K_p \leq 1$	$K_y \geq 1$	Контролируемая джен- трификация / Con- trolled gentrification
Реновация с полной рефункционализацией / Renovation with complete refunctionalization	$K_p > 1$ $K_p \geq 1$	$0 < K_y \leq 1$ $K_y > 1$	Спонтанная джен- трификация / Sponta- neous gentrification

Примечания: 1) K_p – коэффициент изменения рыночной стоимости жилой недвижимости; 2) K_y – коэффициент изменения удельного показателя кадастровой стоимости земельных участков.

Notes: 1) K_p is the coefficient of change in the market value of residential real estate; 2) K_y is the coefficient of change in the specific indicator of the cadastral value of land plots.

Источник: таблицы 3, 4 составлены авторами по результатам исследования.

Source: tables 3, 4 were compiled by the authors based on the results of the study.

ОБСУЖДЕНИЕ

На примере ОДП, созданных в различных форматах преобразования территорий действующей производственной застройки, изучалось влияние таких объектов на окружающую городскую среду для выявления наиболее целесообразных подходов к развитию городской территории.

Получена количественная характеристика влияния ОДП на развитие окружающей городской среды, а также тенденций формирования территории вокруг ОДП.

Для любой территории города возможно рассчитать коэффициенты взаимного влияния ОДП и городской среды (как до, так и после открытия ОДП). Благодаря сочетанию предложенных коэффициентов можно определить модель развития территории до создания ОДП, чтобы понять тенденции ее становления и выбрать подходящий формат преобразования, а также вокруг уже существующего ОДП – для экспертизы его влияния на качество городской среды.

Большинство современных исследований, посвященных редевелопменту застроенных территорий, ограничиваются качественными оценками влияния этого процесса на развитие городской среды, даже при наличии конкретных показателей. Например, Д. Хэ, Р. Зайнол и Н. Ш. Азали определяют такие индикаторы, как улучшение качества окружающей среды, вовлеченность населения, вклад в экономику и создание рабочих мест, сохранение объектов культурного наследия и другие, основываясь исключительно на опросах населения [6]. При этом количественные показатели, свидетельствующие о повышении уровня жизни местных жителей и развития городской территории, остаются неопределенными.

Для эффективного управления городским развитием за счет редевелопмента деградировавшей застройки необходимо создать количественные методы определения тенденций развития территории и изменения уровня жизни населения в районах преобразования действующих производственных объектов.

Предложенная в данном исследовании методика может быть использована для подтверждения положительного вклада редевелопмента производственной застройки в повышение качества городской среды и уровня жизни населения. За счет измерения конкретных количественных показателей (рыночной стоимости квартир и кадастровой стоимости земельных участков) вокруг преобразуемых объектов возможно выявить предпочтения населения в выборе жилой недвижимости, уровень жизни населения, а также оценить градостроительный потенциал территории. Последнее может служить основой для принятия градостроительных решений органами государственной власти и девелоперами.

Ограничения исследования связаны с небольшим объемом выборки и опорой на узкий набор показателей, поскольку основные выводы сделаны на основе двух параметров: стоимости недвижимости и кадастровой стоимости земельных участков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преобразование бывших производственных территорий в ОДП приводит к повышению качества городской среды, ее оздоровлению и развитию. Однако городская среда сама по себе влияет на выбор формата преобразования территории, а значит, появление ОДП прямо зависит от характеристик территории, на которой оно будет реализовано (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Цели в зависимости от формата преобразования территории

Table 4. Goals depending on the format of territorial transformation

Формат преобразования территории / Territory transformation format	Цель / Target
1	2
Реновация с частичной рефункционализацией / Renovation with partial refunctionalization	<p>Оптимизация использования территории с сохранением производства / Optimizing the use of the territory to preserve production;</p> <p>повышение рыночной стоимости и доходности недвижимости / increasing the market value and profitability of real estate;</p> <p>сохранение планировочной структуры территории / preservation of the planning structure of the territory;</p> <p>сохранение объектов культурного наследия на основе их адаптации под новые функции / preservation of cultural heritage sites through their adaptation to new functions;</p> <p>совершенствование архитектурно-пространственной среды / improvement of the architectural and spatial environment</p>
Ревитализация / Revitalization	<p>Восстановление заброшенных территорий и объектов капитального строительства / Restoring the ecology of former industrial territories;</p> <p>повышение рыночной стоимости и доходности недвижимости / increasing the market value and profitability of real estate;</p> <p>сохранение объектов культурного наследия на основе их адаптации под новые функции / preservation of cultural heritage sites through their adaptation to new functions;</p> <p>улучшение качества городской среды / improving the quality of the urban environment;</p> <p>создание условий для экономического развития территории / creating conditions for the economic development of the territory</p>

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2
Реновация с полной рефункционализацией / Renovation with complete refunctionalization	<p>Кардинальное изменение назначения и планировочной структуры территории / A fundamental change in the purpose and planning structure of the territory;</p> <p>повышение рыночной стоимости и доходности недвижимости / increasing the market value and profitability of real estate;</p> <p>восстановление экологии бывших производственных территорий / restoring the ecology of former industrial territories;</p> <p>сохранение объектов культурного наследия на основе их адаптации под новые функции / preservation of cultural heritage sites through their adaptation to new functions;</p> <p>улучшение качества городской среды / improving the quality of the urban environment;</p> <p>создание условий для экономического развития территории / creating conditions for economic development of the territory;</p> <p>оптимизация использования городских пространств / optimizing the use of urban spaces;</p> <p>обеспечение комфортных условий жизни населения / ensuring comfortable living conditions for the population</p>

Выдвинутая в работе гипотеза была частично подтверждена, так как выявлена область влияния ОДП на окружающую городскую среду в зависимости от выбранного при его создании формата преобразования застроенной территории. Вместе с тем обнаружены факторы взаимного влияния городской среды и ОДП.

В результате анализа разработанных моделей развития городской территории предложен механизм определения мер государственной поддержки застройщиков при создании ОДП в зависимости от выбранного формата преобразования территории бывшей производственной застройки (табл. 5).

Таблица 5. Меры поддержки в зависимости от формата преобразования территории

Table 5. Support measures depending on the format of territorial transformation

мера поддержки / Support measure	Формат преобразования территории / Territory transformation format measures		
	реновация с частичной рефункционализацией / renovation with partial refunctionalization	ревитализация / revitalization	реновация с полной рефункционализацией / renovation with complete refunctionalization
1	2	3	4
Имущественная: передача имущества на льготных условиях / Property: transfer of state property on preferential terms	+	+	–
Административная: упрощение процедур согласования / Administrative: simplification of approval procedures	+	+	+
Правовая: внесение изменений в законодательство / Legislative: amendments to the legislation	+	+	+

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3	4
Финансовая: получение госсубсидий и грантов / Financial: receiving government subsidies and grants	+	–	+
Информационная: разработка цифровой платформы, автоматизация госуслуг / Information: development of a digital platform, automation of government services	+	+	+
Консультационная: разработка методических рекомендаций, консультации / Consulting: creation of methodological guidelines, consultations	+	+	+
Государственно-частное партнерство: внедрение различных схем софинансирования / Public-private partnership: implementation of various co-financing schemes	+	–	–
Импакт-инвестирование: стимулирование частного инвестирования с социальными целями / Impact investing: stimulating private investment with social purposes	–	+	+

Предложенные направления поддержки ориентированы на всестороннюю помощь инвесторам и застройщикам при создании ОДП на базе недействующих промышленных объектов.

В целях регулирования и оптимизации градостроительных процессов применение мер государственной поддержки должно быть направлено на реализацию определенных форматов преобразования территории нежилкой застройки, благодаря чему будет оказываться точечное воздействие на городскую среду в зависимости от конкретной градостроительной ситуации в районе преобразуемого объекта.

Практическая значимость исследования заключается в создании алгоритма для определения органами городского управления обоснованных мер поддержки застройщиков, осуществляющих преобразование территорий производственной застройки в ОДП, на основании анализа тенденций развития городской среды в районе рассматриваемой территории.

Перспективными видятся построение многофакторной модели рассматриваемых процессов преобразования городских территорий и более подробное изучение различных экономических, социальных, экологических, административных и других показателей городской среды вокруг ОДП.

Статья может быть полезна специалистам в области территориального управления, градостроительства, инвестирования, архитектуры, строительства, а также преподавателям вузов, аспирантам и студентам, интересующимся проблемами городского развития. На основе предложенных моделей инвесторы смогут точнее определить алгоритм и сроки возврата вкладываемых средств, перспективы импакт-инвестирования, эффективность сопряженных инвестиций. Предложенные модели развития территории могут быть использованы застройщиками при принятии решений о необходимости создания ОДП и оценке последствий реализации таких проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова М.Ф., Леонова Л.Б. Редевелопмент индустриальных зон крупных городов для создания комфортной городской среды в России. *Экономика строительства*. 2021;(5):15–26. URL: <https://econom-journal.ru/archive/32206/> (дата обращения: 12.06.2025).
2. Грахов В.П., Мохначев С.А., Манохин П.Е., Виноградов Д.С. Основные тенденции современных проектов реновации промышленных зон. *Фундаментальные исследования*. 2016;(12,ч.2):400–404. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41105> (дата обращения: 12.06.2025).
3. Ермакова К.М. Редевелопмент в качестве средства развития промышленных территорий города. *Шаг в науку*. 2025;(1):18–23. <https://www.elibrary.ru/bfvipg>
4. Loures L.C. Post-Industrial Landscapes as Drivers for Urban Redevelopment: Public Versus Expert Perspectives Towards the Benefits and Barriers of the Reuse of Post-Industrial Sites in Urban Areas. *Habitat International*. 2015;45(2):72–81. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2014.06.028>
5. Hammond E.B., Coulon F., Hallett S.H., Thomas R., Dick A., et al. From Data to Decisions: Empowering Brownfield Redevelopment with a Novel Decision Support System. *Journal of Environmental Management*. 2023;(347):119145. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.119145>
6. He D., Zainol R., Azali N.S. Navigating Challenges in the Sustainable Development of Urban Brownfields: APLS Path Modeling Perspective. *Ain Shams Engineering Journal*. 2024;15(11):103002. <https://doi.org/10.1016/j.asej.2024.103002>
7. Canelas P., Noring L. Governmentalities of Land Value Capture in Urban Redevelopment. *Land Use Policy*. 2022;(122):106396. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106396>
8. Rigolon A., Stewart W.P., Gobster P.H. What Predicts the Demand and Sale of Vacant Public Properties? Urban Greening and Gentrification in Chicago. *Cities*. 2020;(107):102948. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102948>
9. Sun Y., Li H., Lei S., Semple K.T., Coulon F., Hu Q., et al. Redevelopment of Urban Brownfield Sites in China: Motivation, History, Policies and Improved Management. *Eco-Environment and Health*. 2022;1(2):63–72. <https://doi.org/10.1016/j.eehl.2022.04.005>
10. Antunes B., March H., Connolly J.J.T. Spatializing Gentrification in Situ: A Critical Cartography of Resident Perceptions of Neighbourhood Change in Vallcarca, Barcelona. *Cities*. 2020;(97):102521. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.102521>
11. Sax D.L., Nesbitt L., Quinton J. Improvement, not Displacement: A Framework for Urban Green Gentrification Research and Practice. *Environmental Science and Policy*. 2022;(137):373–383. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2022.09.013>
12. Schusler T.M., Krings A., Melstrom R.T. Experiences with Environmental Gentrification: Evidence from Chicago. *Landscape and Urban Planning*. 2023;(236):104765. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2023.104765>
13. Villar-Abeijón P., Miralles-Guasch C., Marquet O. Can Pedestrianization Trigger Gentrification? Analysis of Barcelona's Sociodemographic Changes Following Pedestrianization Schemes. *Transportation Research. Part D: Transport and Environment*. 2025;(142):104718. <https://doi.org/10.1016/j.trd.2025.104718>
14. Fukui S., Luong D.A. Impact of Diseconomy of Mixed Land-Use on Factory Land Redevelopment in Large Urban Area: Evidence from Japan. *Japan and the World Economy*. 2024;(71):101256. <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2024.101256>
15. Jain M., Rohrer H. Assessing Transformative Change of Infrastructures in Urban Area Redevelopments. *Cities*. 2022;(124):103573. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103573>
16. Ravaz B., Bombenger P.-H., Capezzali M., Meyer T. Reviewing 20 Years of Redevelopment Trajectories of Industrial Sites Literature and Highlighting New Research Perspectives. *Land Use Policy*. 2024;(146):107326. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2024.107326>
17. Hammond E.B., Coulon F., Hallett S.H., Thomas R., Hardy D., Kingdon A., et al. A Critical Review of Decision Support Systems for Brownfield Redevelopment. *Science of the Total Environment*. 2021;(785):147132. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2021.147132>

18. Храмов А.Б., Порошин О.С. Зарубежные и отечественные практики ревитализации заброшенных промышленных зон города: направления и перспективы. *Строительство и архитектура*. 2023;11(4):14. <https://doi.org/10.29039/2308-0191-2023-11-4-14-14>
19. Šijaković M., Perić A. Recycling Industrial Heritage: Promoting Local Diversity And Cohesion in Globalising Cities. In: M. Juvara, S. Ledwon (Eds.) *Beyond the Metropolis* (Proceedings of the 55th ISOCaRP World Planning Congress). Hague: ISOCaRP; 2019. P. 2089–2103. <https://doi.org/10.47472/TFGE1393>
20. Banti N. Existing Industrial Buildings – A Review on Multidisciplinary Research Trends and Retrofit Solutions. *Journal of Building Engineering*. 2024;(84):108615. <https://doi.org/10.1016/j.jobe.2024.108615>
21. O'Neill E., Cole H.V.S., Garcia-Lamarca M., Anguelovski I., Gullón P., Triguero-Mas M. The Right to the Unhealthy Deprived City: An Exploration into the Impacts of State-Led Redevelopment Projects on the Determinants of Mental Health. *Social Science and Medicine*. 2023;(318):115634. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.115634>

REFERENCES

1. Vlasova M.F., Leonova L.B. Redevelopment of Industrial Zones in Large Cities to Create a Comfortable Urban Environment in Russia. *Construction Economics*. 2021;(5):15–26. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://econom-journal.ru/archive/32206/> (accessed 12.06.2025).
2. Grakhov V.P., Mokhnachev S.A., Manokhin P.E., Vinogradov D.S. The Main Trends of Modern Projects the Renovation of Industrial Zones. *Fundamentalnye issledovaniya*. 2016;(12,p.2):400–404. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41105> (accessed 12.06.2025).
3. Ermekova K.M. Redevelopment as a Means of Developing Industrial Areas of the City. *Step to Science*. 2025;(1):18–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/bfvipg>
4. Loures L.C. Post-Industrial Landscapes as Drivers for Urban Redevelopment: Public Versus Expert Perspectives Towards the Benefits and Barriers of the Reuse of Post-Industrial Sites in Urban Areas. *Habitat International*. 2015;45(2):72–81. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2014.06.028>
5. Hammond E.B., Coulon F., Hallett S.H., Thomas R., Dick A., et al. From Data to Decisions: Empowering Brownfield Redevelopment with a Novel Decision Support System. *Journal of Environmental Management*. 2023;(347):119145. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.119145>
6. He D., Zainol R., Azali N.S. Navigating Challenges in the Sustainable Development of Urban Brownfields: APLS Path Modeling Perspective. *Ain Shams Engineering Journal*. 2024;15(11):103002. <https://doi.org/10.1016/j.asej.2024.103002>
7. Canelas P., Noring L. Governmentalities of Land Value Capture in Urban Redevelopment. *Land Use Policy*. 2022;(122):106396. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106396>
8. Rigolon A., Stewart W.P., Gobster P.H. What Predicts the Demand and Sale of Vacant Public Properties? Urban Greening and Gentrification in Chicago. *Cities*. 2020;(107):102948. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102948>
9. Sun Y., Li H., Lei S., Semple K.T., Coulon F., Hu Q., et al. Redevelopment of Urban Brownfield Sites in China: Motivation, History, Policies and Improved Management. *Eco-Environment and Health*. 2022;1(2):63–72. <https://doi.org/10.1016/j.eehl.2022.04.005>
10. Antunes B., March H., Connolly J.J.T. Spatializing Gentrification in Situ: A Critical Cartography of Resident Perceptions of Neighbourhood Change in Vallcarca, Barcelona. *Cities*. 2020;(97):102521. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.102521>
11. Sax D.L., Nesbitt L., Quinton J. Improvement, not Displacement: A Framework for Urban Green Gentrification Research and Practice. *Environmental Science and Policy*. 2022;(137):373–383. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2022.09.013>
12. Schusler T.M., Krings A., Melstrom R.T. Experiences with Environmental Gentrification: Evidence from Chicago. *Landscape and Urban Planning*. 2023;(236):104765. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2023.104765>

13. Villar-Abeijón P., Miralles-Guasch C., Marquet O. Can Pedestrianization Trigger Gentrification? Analysis of Barcelona's Sociodemographic Changes Following Pedestrianization Schemes. *Transportation Research. Part D: Transport and Environment*. 2025;(142):104718. <https://doi.org/10.1016/j.trd.2025.104718>
14. Fukui S., Luong D.A. Impact of Diseconomy of Mixed Land-Use on Factory Land Redevelopment in Large Urban Area: Evidence from Japan. *Japan and the World Economy*. 2024;(71):101256. <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2024.101256>
15. Jain M., Rohrer H. Assessing Transformative Change of Infrastructures in Urban Area Redevelopments. *Cities*. 2022;(124):103573. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103573>
16. Ravaz B., Bombenger P.-H., Capezzali M., Meyer T. Reviewing 20 Years of Redevelopment Trajectories of Industrial Sites Literature and Highlighting New Research Perspectives. *Land Use Policy*. 2024;(146):107326. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2024.107326>
17. Hammond E.B., Coulon F., Hallett S.H., Thomas R., Hardy D., Kingdon A., et al. A Critical Review of Decision Support Systems for Brownfield Redevelopment. *Science of the Total Environment*. 2021;(785):147132. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2021.147132>
18. Khramtsov A.B., Poroshin O.S. Foreign and Domestic Practices of Revitalization of Abandoned Industrial Zones of the City: Directions and Prospects. *Construction and Architecture*. 2023;11(4):14. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29039/2308-0191-2023-11-4-14-14>
19. Šijaković M., Perić A. Recycling Industrial Heritage: Promoting Local Diversity and Cohesion in Globalising Cities. In: M. Juvara, S. Ledwon (Eds.) *Beyond the Metropolis* (Proceedings of the 55th ISoCaRP World Planning Congress). Hague: ISoCaRP; 2019. P. 2089–2103. <https://doi.org/10.47472/TFGE1393>
20. Banti N. Existing Industrial Buildings – A Review on Multidisciplinary Research Trends and Retrofit Solutions. *Journal of Building Engineering*. 2024;(84):108615. <https://doi.org/10.1016/j.jobbe.2024.108615>
21. O'Neill E., Cole H.V.S., García-Lamarca M., Anguelovski I., Gullón P., Triguero-Mas M. The Right to the Unhealthy Deprived City: An Exploration into the Impacts of State-Led Redevelopment Projects on the Determinants of Mental Health. *Social Science and Medicine*. 2023;(318):115634. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.115634>

Об авторах:

Гордин Валерий Эрнстович, доктор экономических наук, профессор департамента государственного администрирования Санкт-Петербургской школы социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (190008, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16), заведующий Лабораторией управления культурой и туризмом (192171, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Кантемировская ул., д. 3А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6079-4960>, Researcher ID: U-9492-2019, Scopus ID: 55903521700, SPIN-код: 8514-5440, gordin@hse.ru

Средина Анна Владимировна, студент магистерской программы «Городское развитие и управление» Санкт-Петербургской школы социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (190008, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3192-2448>, a.sredina@yandex.ru

Вклад авторов:

В. Э. Гордин – разработка концепции; разработка методологии; научное руководство; получение финансирования; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

А. В. Средина – проведение исследования; написание черновика рукописи; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 17.07.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

About the authors:

Valerii E. Gordin, Dr.Sci. (Econ.), Professor at the Department of Public Administration of the St. Petersburg School of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (16 Soyuz Pechatnikov St., St. Petersburg 190008, Russian Federation), Head of Laboratory for Culture and Tourism Management (3A Kantemirovskaya St., St. Petersburg 192171, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6079-4960>, Researcher ID: U-9492-2019, Scopus ID: 55903521700, SPIN-code: 8514-5440, gordin@hse.ru

Anna V. Sredina, Master's Student in the Program "Urban Development and Governance", St. Petersburg School of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (16 Soyuz Pechatnikov St., St. Petersburg 190008, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3192-2448>, a.sredina@yandex.ru

Contribution of the authors:

V. E. Gordin – conceptualization; methodology; supervision; funding acquisition; writing – review and editing.

A. V. Sredina – investigation; writing – original draft preparation; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 17.07.2025; revised 25.02.2026; accepted 10.03.2026.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.374-392>

EDN: <https://elibrary.ru/oxffcq>

УДК / UDC 316.35(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Элитогенез в России: сетевой анализ географической мобильности

И. А. Лавров ✉ О. В. Крыштановская

*Российский государственный гуманитарный университет
(г. Москва, Российская Федерация)*

✉ lavrov.sociology@gmail.com

Аннотация

Введение. Геомобильность исследуется как канал элитогенеза – пространственные перемещения представителей правящего класса между субъектами Российской Федерации. Актуальность обусловлена переходом социальных наук к парадигме «мобильного поворота», где мобильность рассматривается не как простое перемещение, а в качестве системообразующего принципа социальной организации. Цель исследования – количественная оценка роли геомобильности в поддержании интеграции политического пространства и легитимности власти через сетевой анализ иерархической роли регионов как «кадровых резервуаров» федерального уровня.

Материалы и методы. Применены методы биографического анализа и сетевого моделирования. На основе базы данных «Вся элита РФ» (885 человек, занимавших руководящие посты по состоянию на 01 января 2023 года) реконструированы индивидуальные траектории геомобильности. Для количественной оценки роли регионов рассчитаны метрики центральности: степень центральности, центральность близости и центральность посредничества.

Результаты исследования. Выявлено, что происхождение высших кадров государства неравномерно: большинство карьерных ресурсов генерируется в Московском регионе и Санкт-Петербурге. При этом Москва выполняет двойственную функцию: является стартовой точкой обучения и карьеры, а также крупнейшим центром транзита и циркуляции кадров. Анализ сетевых метрик подтверждает абсолютную доминанцию Москвы, которая монополизировала роль центрального узла и межрегионального посредника, сформировав гиперцентрализованную модель элитогенеза. Определена высокая степень структурной асимметрии, где региональные центры выступают в роли либо транзитных узлов, либо периферийных кадровых доноров.

Заключение. Полученные данные подтверждают структурную асимметрию системы элитообразования в России. Москва функционирует как универсальный коммуникационный узел, формирующий вокруг себя единый мегакластер. Это влияет на устойчивость политической системы и интеграцию политического пространства. Результаты углубляют понимание механизмов элитообразования и роли геомобильности в воспроизводстве властных элит.

© Лавров И. А., Крыштановская О. В., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: политическая элита, элитогенез, геомобильность, карьерные траектории, гиперцентрализация, Россия, социальная мобильность, сетевой анализ, центральность

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лавров И.А., Крыштановская О.В. Элитогенез в России: сетевой анализ географической мобильности. *Регионоведение*. 2026;34(2):374–392. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.374-392>

Elite Genesis in Russia: A Network Analysis of Geographical Mobility

I. A. Lavrov ✉, O. V. Kryshchanovskaya
Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russian Federation)
✉ lavrov.sociology@gmail.com

Abstract

Introduction. Geographic mobility is studied as a channel for elite genesis, i.e., the spatial movement of members of the ruling class between the constituent entities of the Russian Federation. This research is relevant given the social sciences' shift to the “mobility turn” paradigm, where mobility is viewed not as simple movement but as a system-forming principle of social organization. The goal of the study is to quantitatively assess the role of geographic mobility in maintaining the integration of political space and the legitimacy of power through a network analysis of the hierarchical role of regions as “personnel reservoirs” at the federal level.

Materials and Methods. Biographical analysis and network modeling methods were applied. Individual geographic mobility trajectories were reconstructed using the “All Elite of the Russian Federation” database, which contains information on 885 individuals holding leadership positions as of 1 January 2023. To quantitatively assess the role of regions, centrality metrics were calculated: degree centrality, closeness centrality, and betweenness centrality.

Results. It was revealed that the origins of the country's top personnel are uneven: the majority of career resources are generated in the Moscow region and St. Petersburg. Moreover, Moscow serves a dual function: it is both a starting point for training and career advancement and a major hub for the transit and circulation of personnel. An analysis of network metrics confirms Moscow's absolute dominance, monopolizing the role of central hub and interregional intermediary, creating a hyper-centralized model of elite generation. A high degree of structural asymmetry is identified, with regional centers acting as either transit hubs or peripheral sources of personnel.

Conclusion. The findings confirm the structural asymmetry of the elite formation system in Russia. Moscow functions as a universal communications hub, forming a unified mega cluster around itself. This influences the stability of the political system and the integration of political space. The results deepen our understanding of the mechanisms of elite formation and the role of geographic mobility in the reproduction of ruling elites.

Keywords: political elite, elite genesis, geographic mobility, career trajectories, hypercentralization, Russia, social mobility, network analysis, centrality

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Lavrov I.A., Kryshchanovskaya O.V. Elite Genesis in Russia: A Network Analysis of Geographical Mobility. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(2):374–392. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.374-392>

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблематики мобильности в социальных науках обусловлена усложнением структуры общества, которая сегодня характеризуется беспрецедентной

динамикой и взаимосвязанностью элементов. Традиционное понимание мобильности как простого физического перемещения (из точки А в точку Б) становится недостаточным. Современная теория расширяет это понятие, включая в него социальные лифты, транзакцию ценностей и коллективные паттерны перемещения¹. Это позволяет рассматривать мобильность не просто как атрибут, а в качестве системообразующего принципа социальной организации. В этой логике мобильность выполняет функцию «социального сита», детерминируя траектории социальной циркуляции и порождая новые страты, в частности «мобилитет»². Таким образом, мобильность сама по себе становится значимым ресурсом и ценностью³. Ответом научного сообщества на эту трансформацию стала концепция «мобильного поворота» (*mobility turn*), где мобильность является не объектом, а основной оптикой для анализа социального мира⁴.

Проблема социальной мобильности, в особенности ее вертикального измерения, которое связано с циркуляцией индивидов между высшими и низшими стратами, относится к числу классических тем в социологии. Центральное место в исследовательской традиции занимает теория В. Парето, рассматривавшего обозначенные процессы в роли фундаментального механизма поддержания социального равновесия и стабильности. Согласно его концепции, элита сохраняет власть и жизнеспособность благодаря двустороннему движению: инкорпорации наиболее способных представителей низших классов, что привносит в правящую группу новую энергию, и одновременной элиминации ее членов, утративших компетенции или доверие. Автор постулирует, что прекращение этой циркуляции ведет к вырождению элиты и, как следствие, системному кризису всего общества⁵.

Настоящее исследование сфокусировано на анализе специфического канала элитогенеза – геомобильности, под которой понимаются пространственные перемещения, сопровождающие траекторию карьеры представителей правящего класса между субъектами Российской Федерации. В контексте формирования элит такие перемещения отражают не просто административную передислокацию, а сложный социально-политический процесс. Анализ географии мобильных потоков и их интенсивности служит инструментом для реконструкции двух важных аспектов политической системы: иерархической роли регионов как «кадровых резервуаров» федерального уровня, а также специфики и равномерности региональных каналов вертикальной мобильности. Таким образом, исследование геомобильности позволяет оценить, насколько сбалансированная циркуляция элит между центром и регионами способствует поддержанию интеграции политического пространства и легитимности власти.

Цель исследования – выявить пространственную конфигурацию воспроизводства российской политической элиты, проанализировав влияние географических перемещений представителей элиты на формирование отношений между федеральным

¹ Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia: LVS; 2005. 588 с. <https://elibrary.ru/qoegut>

² Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. N.J.: Wiley; 1997. 256 p.

³ Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер; 2008. 240 с. <https://elibrary.ru/qaobej>

⁴ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. Пер. с нем. К. Левинсон. М.: Strelka Press; 2018. 112 с.; Гоффман И. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. Пер. с англ. А. Корбута. М.: Элементарные формы; 2017. 382 с.; Урри Д. Мобильности. Пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Практик; 2012. 576 с.

⁵ Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: ГУ ВШЭ; 2007. 511 с.

центром и регионами в процессе элитогенеза, а также определив место субъектов РФ в единой сети кадровой циркуляции.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что геомобильность российского истеблишмента имеет выражено асимметричный и гиперцентрализованный характер: Москва выполняет функции главного узла рекрутирования, перераспределения и институциональной легитимации кадров; большинство регионов включены в эту систему преимущественно в роли периферийных доноров или ограниченных по своему влиянию промежуточных хабов.

В настоящем исследовании предполагается, проанализировав всю совокупность географических перемещений элитариев, осмыслить систему формирования российского истеблишмента с точки зрения места и роли субъектов РФ в элитогенезе, оценить циркуляцию элит между регионами и центром, развитость и «пропускную способность» существующих каналов мобильности.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Для исследования геомобильности предлагается воспользоваться методом сетевого анализа (*Social Network Analysis, SNA*). Это позволит выявить и структурировать закономерности пространственных перемещений представителей политической элиты, обосновать их системный характер и оценить роль различных регионов в российском элитогенезе.

Методология и методические подходы к применению сетевого анализа в исследовании политических систем начали складываться за рубежом еще в конце XX века. В основном внимание было направлено на моделирование взаимодействия между акторами для анализа и прогнозирования политических процессов [1; 2].

В российской науке исследования методом сетевого анализа в политической сфере также активно развиваются, складывается набор подходов к изучению сетей политических акторов с учетом национальной специфики.

Однако, несмотря на растущий интерес, преобладают теоретические работы, эмпирических исследований по-прежнему недостаточно [3, с. 64], что создает дисбаланс между теоретической концептуализацией и практической архитектурой политического пространства.

Наибольшее развитие у отечественных авторов в контексте сетевого подхода нашло изучение неформальных связей между представителями российского истеблишмента, формирующих особые модели взаимодействия и механизмы принятия политических решений.

Так, группой исследователей проанализированы родственные связи, общие бизнес-интересы, участие в негосударственных организациях и хобби наиболее влиятельных представителей политического класса. Ученые пришли к выводу, что неформальная элитная сеть обладает высокой плотностью и связностью, обоснованными повторяющимся и комплексным характером отношений между акторами [4, с. 86].

Внимание уделяется исследованию патрональных сетей, особенно в регионах. В частности, проанализирована сетевая конфигурация региональных элит в Свердловской области [5], Челябинской области и Пермском крае [6], а также

в новых исторических регионах РФ [7]. Отмечается тенденция к росту сложности патрональных сетей. Она обусловлена активным участием федеральных акторов в процессе рекрутирования региональных руководителей, что приводит к формированию нового формата внутриэлитных связей [8].

В то же время на федеральном уровне рекрутирование политико-административной элиты усложняется за счет фактора землячества [9]. Развиваются исследования неформальных коалиций в legislatures и их влияния на разработку и принятие законотворческих решений [10].

Что касается вопросов мобильности российского истеблишмента, то наиболее разработанной научно является тематика карьерных перемещений представителей элиты разного уровня. Авторы подробно исследуют особенности воспроизводства карьерных характеристик, выявляя социально-профессиональные источники рекрутирования как для федеральной [11], так и для региональной российской элиты [12; 13].

Проблематика географических перемещений российского истеблишмента рассматривается с разных точек зрения. Изучаются вопросы эндогенности, соотношения «местных» и «варягов» в региональной элите.

В частности, А. В. Дука отмечает усиление укорененности «местной» элиты в большинстве регионов, что выражается в росте или стабилизации показателей совпадения предыдущей работы, мест рождения и «элитного служения» [14, с. 89–90]. При этом, по результатам исследования первых лиц регионов, наблюдается рост зависимости субъектов РФ от федерального центра, что проявляется в увеличении числа «варягов», приходящих из федеральных органов власти [15, с. 37].

Подобные выводы, до некоторой степени противоречивые, могут объясняться слабо развитыми межрегиональными каналами мобильности, в условиях которых рекрутинг элиты происходит или из «местных», или из федерального центра, с исключением из системы кадровых бассейнов других субъектов РФ.

Кроме того, к вопросам географии в контексте российского истеблишмента ученые обращаются для осмысления влияния социализации на разработку и принятие политических решений. Например, И. С. Палитай анализирует соотношение выходцев из города и села в федеральной элите РФ, отмечая разницу в способах мышления и восприятии действительности. «Городские» чаще демонстрируют свободолобивые установки и широкий кругозор, отличаются выраженным индивидуализмом и более слабой реактивностью на социальные стимулы [16, с. 113].

Анализ существующей литературы показывает, что, несмотря на заметное развитие исследований политических элит, карьерного рекрутирования и сетевых взаимодействий в российском истеблишменте, географическое измерение элитогенеза до настоящего времени остается изученным фрагментарно. Имеющиеся работы, как правило, сосредоточены либо на неформальных связях и патрональных сетях, либо на отдельных аспектах карьерной мобильности и не реконструируют целостную межрегиональную архитектуру перемещений представителей правящего класса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирические данные. Материалом исследования послужили данные многолетнего мониторинга биографий 885 человек, занимавших руководящие посты

в ключевых органах государственной власти Российской Федерации по состоянию на 01 января 2023 года.

Совокупность объектов исследования (сплошное обследование) составили следующие группы представителей политической элиты:

- 1) руководящий состав Администрации Президента РФ (37 чел.);
- 2) члены Правительства РФ, включая руководителей федеральных агентств, служб и надзоров (79 чел.);
- 3) депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ 8-го созыва (449 чел.);
- 4) члены Совета Федерации Федерального Собрания РФ (170 чел.);
- 5) высшие должностные лица субъектов РФ (губернаторы) (85 чел.);
- 6) руководство аппаратов ключевых государственных органов (Правительства, Госдумы, Совета Федерации, Совета Безопасности) (44 чел.);
- 7) руководство Конституционного и Верховного судов РФ (18 чел.);
- 8) генеральный прокурор РФ, председатель Следственного комитета РФ и председатель Центрального банка РФ.

Подобный подход позволил реконструировать типичные паттерны и основные лифты восходящей мобильности, выявляя, через какие институциональные фильтры и этапы проходят будущие представители политического истеблишмента.

Источники данных. Основными источниками для сбора биографических данных послужили официальный интернет-портал государственных органов «Официальная Россия»⁶, а также открытые ресурсы министерств, ведомств и политических партий. Все полученные сведения были систематизированы и внесены в специально разработанную базу данных «Вся элита РФ»⁷, что позволило провести структурированный сравнительный анализ.

Методология исследования. В работе применены два взаимодополняющих метода. Основным выступил биографический анализ, сфокусированный на ретроспективном изучении карьерных траекторий лиц, достигших высших эшелонов власти. Метод позволил реконструировать типичные паттерны восходящей мобильности; выявить основные лифты социальной мобильности; определить институциональные фильтры и этапы, через которые проходят будущие представители политического истеблишмента.

Для анализа структуры и направлений геомобильности российской политической элиты применялся метод сетевого анализа. Его имплементация потребовала предварительно воссоздать индивидуальные траектории географических перемещений для каждого представителя исследуемой совокупности.

Центральным объектом анализа выступила последовательность субъектов РФ, в которых индивид проживал, получал образование или осуществлял профессиональную деятельность, с фиксацией их хронологического порядка. Формально такая последовательность репрезентируется как направленный граф: $A \rightarrow B \rightarrow C \dots \rightarrow Z$, где A – место рождения, Z – финальная позиция в карьерной траектории, B, C, \dots – промежуточные узлы, соответствующие регионам мобильности.

⁶ Официальная Россия : сервер органов государственной власти Российской Федерации. URL: <http://www.gov.ru/> (дата обращения: 08.09.2025).

⁷ Доступна у авторов по запросу.

В рамках модели пространство российской элитной мобильности интерпретируется как сеть, в которой регионы служат узлами (вершинами), подтвержденные перемещения из региона в регион – направленными связями (ребрами).

Для каждого субъекта РФ были рассчитаны различные виды центральностей, позволившие объективировать его позицию в сетевой структуре.

Степень центральности (*degree centrality*) в контексте направленного графа дифференцировалась на входящую (*in degree*) (количество ребер, входящих в узел, что соответствует числу переездов в регион с целью учебы или работы) и исходящую (*out degree*) (количество ребер, исходящих из узла, что интерпретируется как число выездов из региона).

Суммарное значение степени центральности (*in degree + out degree*) является главным индикатором, количественно характеризующим интенсивность «социального трафика», или транзитной активности, проходящей через данный регион в процессе воспроизводства правящего класса. Данный показатель позволяет идентифицировать не просто географические точки, а узлы-хабы, играющие критическую роль в циркуляции элитных кадров.

Центральность близости (*closeness centrality*) – нормативный параметр, измеряющий интегральную доступность узла для всех прочих элементов сети. Оценивает стратегическое положение вершины в графе, определяемое средней длиной кратчайших путей до всех других узлов.

Показатель варьируется в диапазоне от нуля до единицы:

- значение, приближающееся к единице, указывает на вершину, имеющую прямые связи практически со всеми остальными, т. е. занимающую глобально центральную позицию;

- значение, приближающееся к нулю, характеризует изолированный узел, путь до которого от других элементов сети затруднен или невозможен.

Промежуточные значения свидетельствуют о том, что связь с другими узлами осуществляется через вершины-посредники и что влияние реализуется не прямо, а опосредовано.

Метрика центральности близости служит индикатором структурной интеграции региона в общегосударственную систему элитного образования, отражая его потенциал для установления прямых кадровых обменов с максимально широким кругом субъектов. В отличие от степени центральности, фиксирующей фактический объем транзитных потоков, данный показатель раскрывает стратегическую позицию региона в сети, его способность функционировать в качестве хаба, который минимизирует транзитные издержки при перемещении элитных кадров.

Центральность посредничества (*betweenness centrality*) – нормированный показатель, количественно определяющий степень контроля узла над потоками в сети. Вычисляется как доля кратчайших путей между всеми парами вершин в графе, которые проходят через данный узел. Идентифицирует не просто активные или доступные узлы, а стратегических «привратников», чье положение позволяет опосредовать и потенциально контролировать взаимодействие других элементов системы.

Величина показателя варьируется от нуля до единицы:

а) значение, приближающееся к единице, означает, что узел является критически важным посредником практически для всех коммуникаций в сети;

б) значение, равное нулю, указывает на полное отсутствие у вершины посреднической функции.

Чтобы сосредоточить анализ на внутренних траекториях движения элит в пределах страны, из рассмотрения были исключены транснациональные потоки. Это позволило сфокусироваться на роли именно российских регионов как элементов единой системы элитообразования.

Этапы исследования. Исследование осуществлялось в несколько последовательных этапов. На первом был сформирован корпус эмпирических данных: собраны, проверены и унифицированы биографические сведения о представителях российской политической элиты.

На втором этапе на основе собранных биографий проводилась реконструкция индивидуальных траекторий географической мобильности. Полученные последовательности позволили выделить направленные переходы между регионами и тем самым подготовить данные для сетевого моделирования.

На третьем этапе строилась агрегированная сеть геомобильности российской политической элиты, в которой узлами выступили субъекты Российской Федерации, а связями – зафиксированные межрегиональные перемещения. Для данной сети были рассчитаны показатели центральности, что позволило определить сравнительную роль регионов в процессах рекрутирования, транзита и перераспределения элитных кадров.

На четвертом этапе проводилась содержательная интерпретация полученных результатов. Сопоставление рассчитанных сетевых показателей дало возможность выявить пространственную конфигурацию элитогенеза в современной России, определить уровень его централизации и установить позиции регионов (доминирующую, промежуточную или периферийную) в системе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Территориальное происхождение российской политической элиты. Структурное неравенство, определяющее траектории мобильности элит, проявляется уже на этапе первичной социализации в месте рождения, что эмпирически подтверждает статистика территориального происхождения элиты. Абсолютное лидерство Москвы (11,5 %), показатель которой в 2,5 раза превышает данные по Санкт-Петербургу (4,0), в совокупности с вкладом Московской области (3,3 %) свидетельствует о выраженной централизации системы элитообразования в столичной агломерации (табл. 1).

Анализ данных таблицы 1 указывает на наличие значительного веса «столичного ценза» уже на этапе рождения: каждый 7-й представитель правящего класса (14,8 %) является выходцем из Московской агломерации. Другими словами, несмотря на широкую географию периферийного происхождения большинства элитариев (66,4 %), именно столичный регион обладает мощным механизмом воспроизводства элиты «по праву рождения», создавая стартовые преимущества для локальных уроженцев.

Таблица 1. Рейтинг регионов – поставщиков кадров в российскую элиту по происхождению элитариев

Table 1. Ranking of regions supplying personnel to the Russian elite by origin of the elite

Регион происхождения / Region of origin	Кол-во, чел. / Number, people	Доля, % / Share, %
Москва и Московская область / Moscow and Moscow Region	131	14,8
Санкт-Петербург и Ленинградская область / St. Petersburg and Leningrad Region	42	4,7
Свердловская область / Sverdlovsk Region	27	3,0
Ростовская область / Rostov Region	24	2,7
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	23	2,6
Краснодарский край / Krasnodar Territory	19	2,1
Челябинская область / Chelyabinsk Region	17	1,9
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	16	1,8
Другие регионы / Other regions	586	66,4
Всего / Total	885	100,0

Примечание: в таблице приведены данные только по регионам с наибольшим значением показателя (другие регионы упоминались менее 16 раз).

Note: the table shows data only for regions with the highest indicator values.

Источник: здесь и далее таблицы и рисунок подготовлены авторами на основе базы многолетнего мониторинга «Вся элита РФ».

Source: hereinafter in the article the drawings were prepared by the authors based on the long-term monitoring database “The Entire Elite of the Russian Federation”.

Однако подлинный масштаб монополизации Москвой каналов элитогенеза раскрывается на следующем этапе карьеры – при получении высшего образования. Здесь концентрация будущих управленцев возрастает кратно: 29,3 % элитариев получили первый диплом в московских вузах. Этот дисбаланс позволяет утверждать, что доминирование столицы обусловлено не только размещением в ней институтов федеральной власти, но и ее ролью как уникального образовательного и кадрового плацдарма, формирующего необходимые компетенции и социальные связи для последующей карьерной траектории.

Анализ метрик центральности в сетевой модели геомобильности демонстрирует еще более впечатляющую картину. Суммарный транзитный поток через столичный узел более чем в шесть раз превышает показатель Санкт-Петербурга, занимающего вторую позицию (табл. 2).

Данные таблицы выявляют уникальную двухвекторную роль Москвы в процессах элитогенеза. С одной стороны, город функционирует как «центр аттракции» (1 188 въездов), аккумулируя наиболее ресурсные кадры из провинции и предоставляя им доступ к главным институтам принятия решений. С другой, – является крупнейшим «центром экспансии»: число выездов (502) также кратно превышает показатели остальных регионов. Это позволяет квалифицировать столичный узел не только как конечный пункт восходящей мобильности, но и как основной дистрибьютор управленческого капитала, обеспечивающий циркуляцию кадров между регионами.

Москва выступает в качестве универсального кадрового хаба, который одновременно поглощает региональные элиты для их ротации на федеральном уровне и делегирует собственных агентов в субъекты РФ для обеспечения управленческой связности политического пространства. Такая двойная функция усиливает ее стратегическое значение в национальной системе управления.

Таблица 2. Рейтинг регионов – поставщиков кадров в российскую элиту по степени центральности

Table 2. Ranking of regions supplying personnel to the Russian elite by degree of centrality

Субъект РФ / Subject of the Russian Federation	Кол-во выездов / Number of exits	Кол-во въездов / Number of entries	Суммарный вес / Sum degree
Москва / Moscow	502	1 188	1 690
Санкт-Петербург / St. Petersburg	157	124	281
Московская область / Moscow Region	91	63	154
Краснодарский край / Krasnodar Territory	63	45	108
Свердловская область / Sverdlovsk Region	63	38	101
Ростовская область / Rostov Region	55	33	88

Показатель центральности близости математически фиксирует дистанцию между субъектами в сетевом пространстве (табл. 3). Высокий коэффициент Москвы (0,849) на фоне усредненных значений остальных лидеров (0,51–0,56) говорит о том, что столичный узел является «коротким плечом» для любого регионального игрока. В контексте социального анализа это означает отсутствие промежуточных ступеней в карьере: для эффективного вхождения в элиту региональному деятелю не требуется последовательное освоение межрегиональных площадок, поскольку коммуникация и карьерный прыжок осуществляются сразу в столичный центр, где сосредоточены основные ресурсы и возможности.

Таблица 3. Рейтинг регионов – поставщиков кадров в российскую элиту по центральности близости

Table 3. Ranking of regions supplying personnel to the Russian elite by centrality of proximity

Субъект РФ / Subject of the Russian Federation	Центральность близости / Centrality of proximity
Москва / Moscow	0,849
Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,557
Ростовская область / Rostov Region	0,516
Свердловская область / Sverdlovsk Region	0,512
Московская область / Moscow Region	0,510
Новосибирская область / Novosibirsk Region	0,509

Результаты анализа показателей центральности посредничества показывают роль Москвы в системе геомобильности элит (табл. 4). Материал демонстрирует практически полную монополию столицы на посредническую функцию в элитогенезе

(0,767). В то время как значения Санкт-Петербурга и других крупных субъектов стремятся к статистической погрешности, Москва оказывается единственным мостом, соединяющим различные сегменты политической системы. Иначе говоря, в России фактически не существует автономных горизонтальных маршрутов перемещения элит, которые бы не модерировались столичным узлом – это создает единую централизованную систему кадровой циркуляции.

Таблица 4. Рейтинг регионов – поставщиков кадров в российскую элиту по центральности посредничества

Table 4. Ranking of regions supplying personnel to the Russian elite by the centrality of intermediation

Субъект РФ / Subject of the Russian Federation	Центральность посредничества / Centrality of intermediation
Москва / Moscow	0,767
Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,069
Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,019
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,016
Ростовская область / Rostov Region	0,015
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	0,015

Визуализация сетевой модели геомобильности, представленная в виде графа, позволяет верифицировать топологические свойства системы российского элитогенеза (рисунок).

Граф иллюстрирует ярко выраженную центрическую (радиальную) архитектуру, характерную для систем с высокой степенью иерархичности и низкой автономностью периферийных звеньев.

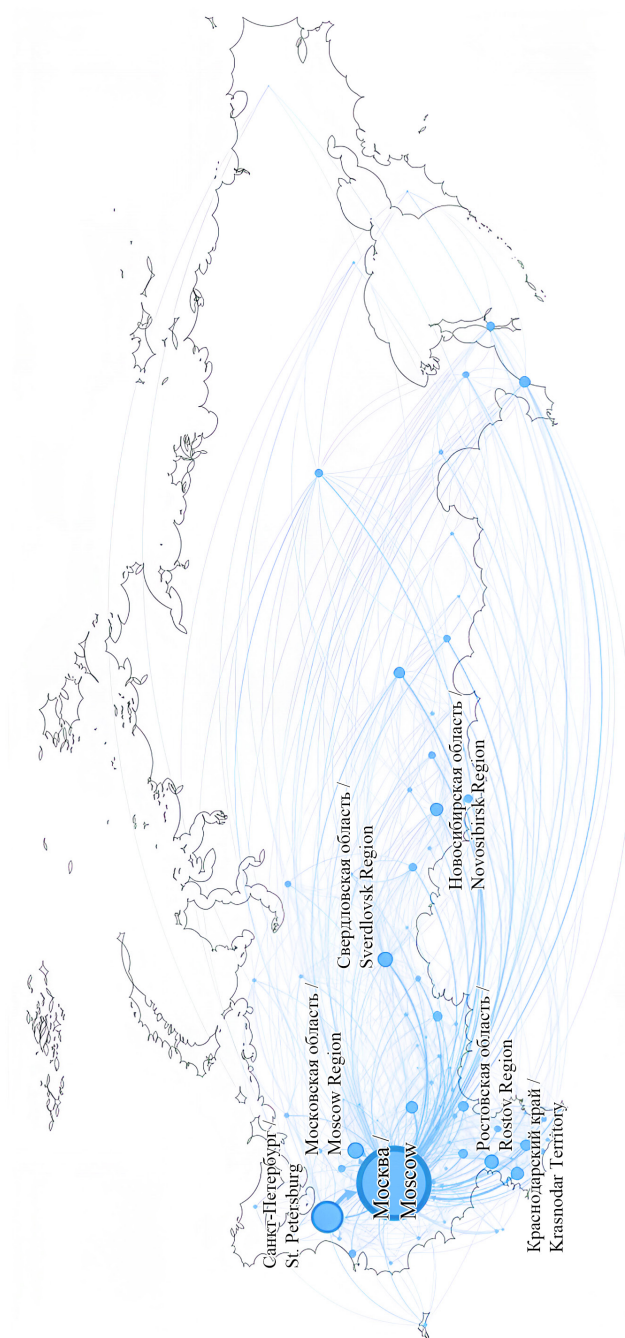
Анализ топологии его связей позволяет выделить следующие академически значимые закономерности:

1) моноцентризм и сверхцентрализацию. Плотность связей в центральном ядре (Москва) подтверждает его статус безальтернативного аттрактора. Масштабирование ключевого узла указывает на то, что столичная площадка является не только географическим центром, но и обязательным институциональным фильтром, через который верифицируется статус любого представителя элиты. Это создает единую точку контроля над кадровыми потоками;

2) атрофия горизонтальных взаимодействий. Граф фиксирует критический дефицит ребер (связей) между периферийными узлами. Это подтверждает отсутствие прямых горизонтальных каналов кадровой циркуляции между субъектами РФ в обход центра. Межрегиональная мобильность элит носит не сетевой, а транзитно-столичный характер, что ограничивает развитие региональных центров влияния;

3) иерархическая фильтрация. Направленность и концентрация векторов подчеркивают существование жесткой вертикальной зависимости. Региональный управленческий опыт приобретает значение исключительно в результате интеграции в центральный узел, что закрепляет иерархию в системе элитообразования.

Таким образом, граф транслирует модель «контролируемой мобильности», где Москва выступает монопольным оператором по перераспределению политического капитала в масштабах всей страны, определяя траектории карьерного роста и обеспечивая единство управленческого пространства.

Р и с у н о к. Географическая мобильность представителей
русской политической элиты ($n = 885$ чел.)⁸
F i g u r e. Geographic mobility of representatives
of the Russian political elite ($n = 885$ people)

⁸ Для построения графа использовалось открытое программное обеспечение Gephi.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ структуры геомобильности российского истеблишмента выявил уникальный с точки зрения сетевой топологии результат: вся страна формирует единый мегакластер, центрированный вокруг Москвы. Другими словами, речь идет не о доминировании столицы, а о ее роли универсального и обязательного элемента в любой успешной карьерной траектории. С математической точки зрения сила притяжения Москвы велика настолько, что нивелирует возможность формирования самостоятельных периферийных кластеров, делая все регионы структурно однородными по отношению к центральному узлу.

Таким образом, Москва функционирует как мощный центр притяжения, вынуждающий амбициозных выходцев из регионов совершать географическое перемещение для конвертации накопленного социального капитала в карьерные достижения. В этом контексте геомобильность предстает не добровольным выбором, а практически императивом успешного вхождения в политическую элиту.

Важным является двукратное превышение объема транзитных потоков Москвы над количеством представителей истеблишмента в целом. Это несоответствие указывает на два взаимодополняющих механизма элитообразования, выходящих за рамки простой миграции в столицу.

Во-первых, идентифицируется модель «челночной мобильности» – стратегической траектории, при которой индивид целенаправленно перемещается в Москву для получения образования, затем возвращается в регион для накопления практического опыта и управленческого капитала и лишь после этого реинтегрируется в федеральные властные структуры. Данная траектория предполагает не односторонний отток, а циклическое движение между центром и периферией.

Во-вторых, статистика подтверждает значимую роль Москвы как «кадрового донора» для регионов через институт федеральных «назначенцев». Речь идет о кадрах, уже прошедших социализацию в федеральных органах власти или специализированных столичных учебных центрах, которые затем направляются на руководящие посты в субъекты РФ. Это позволяет сделать вывод о феномене сверхцентрализации, который стал значимой приметой времени.

Столица в системе элитогенеза выполняет двойную функцию: выступает конечной целью карьерных траекторий и мощным трансферным хабом, перераспределяющим управленческие кадры по всей стране. Это объясняет исключительное значение коэффициента центральности в сетевой модели элитогенеза.

Проведенный сетевой анализ позволил также дифференцировать функции российских регионов в системе элитообразования, выходя за рамки дихотомии «Москва – остальная Россия». Так, Санкт-Петербург, сохраняя статус второй столицы, подтверждает свою роль значимого, но вторичного образовательно-карьерного хаба. При этом его относительное влияние демонстрирует тенденцию к снижению. Московская область, напротив, укрепляет позиции в качестве «предэлитной» буферной зоны, чье стратегическое положение в столичной агломерации делает ее плацдармом для последующей инкорпорации в федеральную элиту.

Значимым трендом выступает консолидация двух новых центров кадрового притяжения в Южном федеральном округе. Ростовская область и Краснодарский край не только демонстрируют высокие суммарные показатели по степени центральности,

но и выполняют функцию межрегиональных хабов. Ростовская область, занимая 5-е место по доле «земляков» в элитной группе, аккумулирует потоки мобильности не только из Южного федерального округа, но и из сопредельных субъектов Северо-Кавказского федерального округа, южных территорий Центрального и Приволжского федеральных округов (Белгородской, Курской, Пензенской областей). Аналогичную роль играет Краснодарский край, выступая реципиентом для выходцев из Республик Адыгея и Чечня, а также Волгоградской области.

Данная модель региональной централизации воспроизводится и в других федеральных округах: Свердловская область – хаб Уральского; Новосибирская – Сибирского; Нижегородская область – Приволжского федерального округа.

Напротив, Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа, регионы которых отсутствуют среди лидеров по суммарной степени центральности, выполняют функцию донора. Их периферийный статус в системе элитогенеза проявляется в экспорте кадрового потенциала без формирования внутренних центров притяжения, что указывает на асимметрию в территориальной организации циркуляции элит.

Зафиксировано региональное неравенство, связанное с тем, что одни субъекты Федерации заняли место важных территориальных хабов, нахождение в которых увеличивает шансы на успешную карьеру на госслужбе, в то время как другие остались глубокой периферией, место в которой скромно, а возможность построить успешную карьеру – скорее исключение, чем правило. Например, Ростовская область (3-е место по показателю центральности близости) демонстрирует качества макрорегионального интегратора, обладая широким разнообразием прямых связей. При этом Краснодарский край (11-е место), несмотря на высокую интенсивность трафика, имеет ограниченный радиус прямого взаимодействия, фокусируясь в основном на связях с соседними регионами (Республикой Адыгея, Волгоградской областью). Эта диспропорция указывает на различную природу влияния: если Ростовская область выполняет роль трансферного узла межрегионального значения, то Краснодарский край – скорее «локального магнита».

Позиции Свердловской и Новосибирской областей по этой метрике высоки, что подтверждает их статус стратегического центра, обеспечивающего прямую интеграцию в общефедеральные потоки мобильности для элит из Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Полученные результаты являются эмпирическим свидетельством сверхцентрализованной модели элитообразования, в которой Москва обладает исключительной монополией как на интеграцию региональных элит в общефедеральное пространство, так и на наполнение региональных структур людьми, прошедшими профессионализацию в Москве. Такая структура сети, где один узел концентрирует всю посредническую функцию, указывает на крайне высокий уровень структурной асимметрии и зависимость периферийных траекторий мобильности от решений, принимаемых в едином центре.

Москва функционирует как системообразующее солнце планетарной системы, в то время как все прочие регионы, независимо от их собственного веса и статуса, оказываются на периферии этой конструкции, будучи связаны прежде всего с центром, а не друг с другом (см. рисунок). Таким образом, «московский кластер» – это

отражение фундаментального принципа организации политического пространства России, где столица выступает единственным шлюзом для вертикальной мобильности и интеграции в федеральную элиту.

Ограничение исследования связано с тем обстоятельством, что его эмпирическая база отражает состав элиты на 01 января 2023 года и не учитывает кадровые изменения, обусловленные расширением субъектного состава Российской Федерации после 2022 года. Сеть воспроизводит статический срез, исключены транснациональные траектории, что может занижать роль зарубежных образовательных/карьерных узлов. Однако это не влияет на представленную институциональную модель гео-мобильности, поскольку основные каналы и механизмы пространственного перемещения элит остаются стабильными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методологически полученные результаты подтверждают высокую информативность сетевого подхода к изучению элитарных траекторий: метрики степени, близости и посредничества позволили количественно охарактеризовать роль каждого региона в системе элитогенеза.

Исследование представляет собой попытку пролить свет на одну из значимых особенностей российской политической системы – ее гиперцентрализацию через призму географической мобильности правящего класса. Анализ биографий 885 высокопоставленных чиновников и политиков, подкрепленный сетевым анализом, подтверждает рабочую гипотезу. Москва по совокупности всех показателей выступает не столько крупнейшим хабом притяжения, сколько безальтернативным «шлюзом» вертикальной мобильности.

Уже при рождении и получении высшего образования представители элиты оказываются вовлеченными в московские траектории. Дальнейший анализ степени, близости и посреднической центральности неизменно ставит Москву на первое место – ее суммарный транзитный поток более чем в шесть раз превосходит аналогичный показатель Санкт-Петербурга, а в роли посредника она монопольно контролирует большинство кадровых перемещений между регионами.

Вместе с тем Россия не сводится к дихотомии «Москва – остальной мир». Санкт-Петербург сохраняет статус вторичного образовательного и кадрового центра, однако его относительное влияние постепенно снижается. В столичном макрорегионе Московская область выступает в роли «предэлитного буфера», аккумулировав значительную часть транзитных перемещений до окончательной инкорпорации специалистов в федеральные структуры.

На юге страны в последние годы консолидируются два новых межрегиональных аттрактора: Краснодарский край и Ростовская область. Они выступают важными интеграторами движения кадров из субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Свердловская и Новосибирская области являются регионами-хабами для мобильности элит из Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Географическая периферия – Дальневосточный и Северо-Кавказский округа – в структуре элитогенеза остается донорской зоной. Она поставляет кадры для центров, но не формирует собственных узлов притяжения, что свидетельствует об ограниченном доступе местных управленцев к прямым федеральным каналам продвижения.

С практической точки зрения описанная сверхцентрализация одновременно повышает эффективность отбора кадров и усиливает зависимость региональных элит от федерального центра. Механизм федерального «назначения» столичных выпускников укрепляет лояльность регионов, но рискует породить дефицит местных управленческих компетенций и снизить их автономность. Кроме того, обязательный «московский» этап карьеры создает высокие барьеры входа и превращает мобильность в фактор неравенства: жители периферии вынуждены мобилизовать значительные ресурсы времени, денег и социальных связей, чтобы включиться в элитные сети. В долгосрочной перспективе подобная модель может подрывать легитимность власти и усиливать центробежные настроения в отдаленных регионах.

Таким образом, геомобильность в современной России выступает ведущим политическим ресурсом, определяющим воспроизводство правящего класса. Любые усилия регионального развития и кадровой политики должны сознательно учитывать доминирование московских траекторий и одновременно работать над созданием альтернативных – локальных или межрегиональных – социальных лифтов. Только в этом случае можно будет смягчить эффект сверхцентрализации, расширить доступ к власти выходцам из периферии и повысить устойчивость политической системы в целом.

Представленные результаты обладают мультидисциплинарным потенциалом и могут быть востребованы широким кругом субъектов научно-исследовательской и управленческой деятельности:

- для академического сообщества работа вносит вклад в развитие сетевого анализа социальных структур и уточняет теоретические модели циркуляции элит в условиях сверхцентрализованных политических систем;

- органам государственной власти и кадровым службам федерального уровня эмпирические данные о «кадровых резервуарах» и транзитных хабах позволяют оптимизировать механизмы формирования кадрового резерва, а также выявить дефицитные зоны в системе межрегиональной ротации управленцев;

- субъектам регионального управления анализ структурных ограничений горизонтальной мобильности дает основание для разработки стратегий повышения аттрактивности региональных площадок и формирования локальных центров притяжения талантов, способных конкурировать со столичным узлом;

- экспертным группам и аналитическим центрам верифицированные паттерны геомобильности послужат инструментом прогнозирования долгосрочной устойчивости политической системы, а также оценки рисков, связанных с институциональным разрывом между федеральным центром принятия решений и региональной управленческой периферией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Börzel T.A. Organizing Babylon – on the Different Conceptions of Policy Networks. *Public Administration*. 1998;76(2):253–273. <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00100>
2. Thatcher M. The Development of Policy Network Analyses: From Modest Origins to Overarching Frameworks. *Journal of Theoretical Politics*. 1998;10(4):389–416. <https://doi.org/10.1177/0951692898010004002>

3. Шерстобитов А.С., Осипов А.В., Зарипов Н.А. Проблемы и перспективы сетевого подхода к анализу политики: развитие теории и методов или тщетные поиски «золотого тельца»? *Политическая наука*. 2021;(4):60–91. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.03>
4. Иванов Е.А., Мельников К.В., Петров Н.В.⁹ Неформальная структура элитного пространства России (Опыт сетевого анализа). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2022;(1):72–91. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-72-91>
5. Мельников К.В. Клиентелизм и неформальные сети региональных элит в России: опыт сетевого анализа на примере Свердловской области. *Полис. Политические исследования*. 2021;(6):171–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>
6. Мельников К.В. Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России: опыт сравнительного сетевого анализа. *Политическая наука*. 2021;(4):210–238. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.09>
7. Федосейкин Д.И. Особенности сетевой конфигурации региональной политической элиты в процессе интеграции новых субъектов Российской Федерации (на примере ДНР и Херсонской области). *Политическая наука*. 2025;(3):299–320. <https://doi.org/10.31249/poln/2025.03.13>
8. Гайворонский Ю.О., Баландин Ю.А. Рекрутирование губернаторского корпуса в современной России: эволюция патрональных сетей (2017–2021 гг.). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2022;(4):146–167. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-146-167>
9. Шерстобитов А.С., Бегарь Е.В., Горохов Н.М., Дмитриева В.Д., Дыбкина А.Н., Еремин Д.Н. и др. Роль землячества в рекрутировании политико-административных элит: эвристический потенциал сетевого анализа для исследования элит в России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2020;7(2):99–108. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-2-99-108>
10. Помигуев И.А., Фомин И.В., Мальцев А.М. Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности. *Политическая наука*. 2021;(4):31–59. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>
11. Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: особенности воспроизводства карьерных характеристик. *Социологическая наука и социальная практика*. 2025;13(2):67–89. <https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.4>
12. Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер. *Власть и элиты*. 2022;9(2):122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>
13. Тев Д.Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера. *Власть и элиты*. 2022;9(2):146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>
14. Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит. *Власть и элиты*. 2021;8(1):66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>
15. Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019 гг. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020;14(1):29–39. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>
16. Палитай И.С. Современная российская политическая элита: статусно-ролевой анализ поколений. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2020;(5):105–116. <https://elibrary.ru/duqlgu>

REFERENCES

1. Borzel T.A. Organizing Babylon – on the Different Conceptions of Policy Networks. *Public Administration*. 1998;76(2):253–273. <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00100>
2. Thatcher M. The Development of Policy Network Analyses: From Modest Origins to Overarching Frameworks. *Journal of Theoretical Politics*. 1998;10(4):389–416. <https://doi.org/10.1177/0951692898010004002>
3. Sherstobitov A.S., Osipov A.V., Zaripov N.A. The Issues and Outlook of the Network Approach to Policy Analysis: Development of the Theory and Methods or the Frustrated Search

⁹ Признан иностранным агентом (включен в Реестр иностранных агентов Минюстом России 03.06.2022).

- for the “Golden Calf”? *Political Science*. 2021;(4):60–91. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.03>
4. Ivanov Ye.A., Melnikov K.V., Petrov N.V. Informal Structure of the Elite Space in Russia. Evidence from Network Analysis. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2022;(1):72–91. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-72-91>
 5. Melnikov K.V. Clientelism and Informal Networks of Regional Elites in Russia: Network Analysis of the Case of Sverdlovsk Oblast. *Polis. Political Studies*. 2021;(6):171–188. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>
 6. Melnikov K.V. Bureaucratic Patronage and Patterns of Administrative Recruitment of Regional Elites in Russia: Comparative Network Analysis. *Political Science*. 2021;(4):210–238. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.09>
 7. Fedoseikin D.I. Network Configuration of the Political Elite in the Integration of Russia’s New Regions: The Cases of Donetsk People’s Republic and Kherson Oblast. *Political Science*. 2025;(3):299–320. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2025.03.13>
 8. Gaivoronsky Yu.O., Balandin Yu.A. Recruitment of the Governor’s Corps in Contemporary Russia: Evolution of Patronal Networks (2017–2021). *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2022;(4):146–167. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-146-167>
 9. Sherstobitov A.S., Begar E.V., Gorohov N.M., Dmitrieva V.D., Dybkina A.N., Eremin D.N., et al. The Role of Regional Compatriotship in Recruitment of Administrative Elites: The Potential of Network Analysis for Study of Elites in Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020;7(2):99–108. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-2-99-108>
 10. Pomiguyev I.A., Fomin I.V., Maltsev A.M. Network Approach in Legislative Studies: Methodological Prospects for Qualitative and Quantitative Analysis of Parliamentary Activity. *Political Science*. 2021;(4):31–59. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>
 11. Tev D.B. Federal Administrative Elite of Russia: Features of Reproduction of Career Characteristics. *Sociological Science and Social Practice*. 2025;13(2):67–89. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.4>
 12. Bystrova A.S. Regional Officials and Politicians of the Russian Federation: A Comparative Analysis of Careers. *Power and Elites*. 2022;9(2):122–145. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>
 13. Tev D.B. Regional Administrative Elite: Socio-Professional Sources of Recruitment and Careers. *Power and Elites*. 2022;9(2):146–171. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>
 14. Duka A.V. Mobility and Endogeneity of Regional Political and Administrative Elites. *Power and Elites*. 2021;8(1):66–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>
 15. Flyagin A.M. How the Portrait of the Russian Governors Has Changed: Analyzing Biographies of the Heads of Russian Regions. 1991–2019. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2020;14(1):29–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>
 16. Palitay I.S. Modern Russian Political Elite: Status-Role Analysis of Generations. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2020;(5):105–116. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/duqlgu>

Об авторах:

Лавров Иван Андреевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета (25047, Российская Федерация, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6), ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-3567-4502>, ResearcherID:ACU-0617-2022, ScopusID:57554381900, SPIN-код: 7078-1189, lavrov.sociology@gmail.com

Крыштановская Ольга Викторовна, доктор социологических наук, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета (25047, Российская Федерация, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6), ORCID:<https://orcid.org/0000-0001-5278-0940>, ResearcherID:GLQ-7604-2022, ScopusID:7801579339, SPIN-код: 5881-9789, olgakryshyt@yandex.ru

Вклад авторов:

И. А. Лавров – проведение исследования; написание черновика рукописи.

О. В. Крыштановская – административное руководство исследовательским проектом; редактирование рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 16.11.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 10.02.2026.

About the authors:

Ivan A. Lavrov, Cand.Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Research Center for Digital Sociology “Yadov Center”, Russian State University for the Humanities (6 Miuskaya Square, Bldg. 6, Moscow 25047, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3567-4502>, ResearcherID: ACU-0617-2022, ScopusID: 57554381900, SPIN: 7078-1189, lavrov.sociology@gmail.com

Olga V. Kryshchanovskaya, Dr.Sci. (Sociol.), Director of Research Center for Digital Sociology “Yadov Center”, Russian State University for the Humanities (6 Miuskaya Square, Bldg. 6, Moscow 25047, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-0940>, Researcher ID: GLQ-7604-2022, Scopus ID: 7801579339, SPIN-code: 5881-9789, olgakryshcht@yandex.ru

Contribution of the authors:

I. A. Lavrov – investigation; writing – original draft preparation.

O. V. Kryshchanovskaya – project administration; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 16.11.2025; revised 23.01.2026; accepted 10.02.2026.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.393-414>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/sridgd>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 316.4:331.5(470.1/2)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Динамика половозрастной структуры работников Арктической зоны России: региональные особенности

И. С. Степуть

В. А. Гуртов

Е. А. Питухин

И. В. Родион

Центр бюджетного мониторинга ПетрГУ, <https://ror.org/0176aa147>
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

stepus@petrsu.ru

Аннотация

Введение. Современные демографические сдвиги, характеризующиеся снижением рождаемости и старением населения, трансформируют структуру занятости на стратегически важных территориях. Арктическая зона Российской Федерации сталкивается с острым дефицитом кадров, усугубляемым суровыми климатическими условиями и спецификой организации труда. Цель исследования – выявить изменения численности и половозрастного состава работников в десяти арктических регионах на основе альтернативного источника данных.

Материалы и методы. Информационной базой послужили деперсонифицированные данные Социального фонда России о лицах, за которых работодатели уплачивают страховые взносы, а также сведения Федеральной службы государственной статистики о численности постоянного населения. Показатели сгруппированы по полу и однолетним возрастным категориям за период 2018–2023 гг. Для обработки данных применялись методы динамического и структурного анализа, в том числе построение половозрастных пирамид, оценка региональных соотношений численности работников и постоянного населения.

Результаты исследования. За исследуемый период во всех арктических регионах зафиксированы устойчивое сокращение когорты молодых работников в возрасте 25–35 лет, достигшее совокупно 25 %; снижение численности населения 14–35 лет при увеличении доли лиц старше 65 лет, что свидетельствует о переходе территорий в категорию со старым населением. Подтверждено незначительное влияние пенсионной реформы на сохранение на рынке труда старших возрастных групп из-за льготных северных условий. Выявлена устойчивая региональная дифференциация: в четырех автономных округах (Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Ненецком, Чукотском) численность работников-мужчин в активных трудоспособных возрастах превышает численность постоянного мужского населения, что количественно подтверждает масштаб вахтовой замещающей миграции; в регионах Европейского Севера (Мурманской, Архангельской области, Республиках Коми и Карелия) доля работников не превышает соответствующей доли постоянного населения.

© Степуть И. С., Гуртов В. А., Питухин Е. А., Родион И. В., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Результаты исследования демонстрируют критическую зависимость арктического рынка труда от внешних трудовых потоков и выявляют пробелы в стратегическом планировании. Материалы могут быть использованы для корректировки кадровой политики и повышения устойчивости экономической безопасности макрорегиона.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, рынок труда, возрастная структура занятости, молодые работники, пенсионная реформа, демографическое старение, трудовая миграция, вахтовый метод

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

Для цитирования: Степуть И.С., Гуртов В.А., Питухин Е.А., Родион И.В. Динамика половозрастной структуры работников Арктической зоны России: региональные особенности. *Регионоведение*. 2026;34(2):393–414. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.393-414>

Dynamics of the Age and Gender Structure of Workers in the Russian Arctic Zone: Regional Characteristics

I. S. Stepus ✉, V. A. Gurtov, E. A. Pitukhin, I. V. Rodion

Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, <https://ror.org/0176aa147>
(Petrozavodsk, Russian Federation)

✉ stepus@petsu.ru

Abstract

Introduction. Current demographic shifts, characterized by declining birth rates and an aging population, are transforming the employment structure in strategically important territories. The Russian Arctic zone faces an acute labor shortage, exacerbated by harsh climate conditions and the specific nature of labor practices. The aim of this study is to identify changes in the number and age and gender composition of workers in ten Arctic regions using an alternative data source.

Materials and Methods. The data base consisted of anonymized data from the Social Fund of Russia on individuals for whom employers pay insurance contributions, as well as data from the Federal State Statistics Service on the resident population. The indicators are grouped by gender and annual age categories for the period 2018–2023. Dynamic and structural analysis methods were used to process the data, including the construction of age and gender pyramids and the assessment of regional ratios of the number of workers to the resident population.

Results. Over the study period, a steady decline in the cohort of young workers aged 25–35, reaching a combined 25 %, was recorded across all Arctic regions. A decrease in the population aged 14–35 was accompanied by an increase in the proportion of individuals over 65, indicating that these regions are transitioning to the category of older populations. The pension reform's insignificant impact on retaining older age groups was confirmed due to the favorable northern conditions. Stable regional differentiation was identified: in four autonomous okrugs (Yamal-Nenets, Khanty-Mansi, Nenets, and Chukotka), the number of male workers of active working age exceeds the permanent male population, quantitatively confirming the scale of rotational replacement migration. In regions of the European North (Murmansk and Arkhangelsk Region, and the Komi and Karelia Republics), the proportion of workers does not exceed the corresponding demographic indicators.

Conclusion. The study's findings demonstrate the Arctic labor market's critical dependence on external labor flows and identify gaps in strategic planning. These findings can be used to adjust human resources policies and improve the macroregion's economic security.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, labor market, age structure of employment, young workers, pension reform, demographic aging, labor migration, shift work

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10148 “Motivational Drivers in the Dynamics of Human Resource Flows in the Russian Arctic: Trends, Challenges, Prospects”.

For citation: Stepus I.S., Gurtov V.A., Pitukhin E.A., Rodion I.V. Dynamics of the Age and Gender Structure of Workers in the Russian Arctic Zone: Regional Characteristics. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(2):393–414. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.393-414>

ВВЕДЕНИЕ

Дисбаланс спроса и предложения на рынке труда, вызванный им дефицит трудовых ресурсов, является актуальной темой исследований последних десятилетий¹. В настоящее время проблема трудодефицита в российской экономике перешла из фоновой в фактор, тормозящий рост экономики [1]. Эксперты полагают, что «точкой бифуркации» трудодефицита стала пандемия коронавируса, усугубили ситуацию проведение специальной военной операции, санкционные ограничения, наращивание импортозамещения и эмиграционные процессы [2].

Главными факторами дефицита трудовых ресурсов выступают демографические процессы. Именно они формируют количественные показатели ресурсов труда на длительный срок [3]. Так, снижение рождаемости в 1990–2000-е гг. обусловило зафиксированное в 2022 г. сокращение доли молодых работников на рынке труда. К концу года общее количество работников в возрасте до 35 лет снизилось на 1,3 млн чел. и достигло минимальных значений в новейшей истории России². Однако именно эта категория – наиболее активная, креативная, производительная часть населения, создающая валовой внутренний продукт и инновации.

Итогом снижения рождаемости в предшествующие десятилетия является и актуальная для многих стран проблема старения населения. Применительно к рынку труда очевидное следствие старения населения – сокращение предложения труда, усугубляющее дефицит кадров в экономике. Это стимулировало многие страны к проведению в системе пенсионного обеспечения реформ, направленных на повышение пенсионного возраста [4]. Реализация подобной реформы в России должна была поддержать оптимальную численность населения в трудоспособном возрасте и увеличить когорту работников старших возрастов на рынке труда.

В настоящем исследовании для анализа показателей динамики возрастной структуры работающего населения в российских регионах предлагается использовать информацию Социального фонда России о численности застрахованных лиц, в отношении которых работодателями уплачиваются страховые взносы, на примере регионов Арктической зоны (АЗ) РФ³. Их отличает высокий уровень нехватки рабочей силы, трудовой миграции, льготных пенсионных режимов, имеющих стратегическую значимость.

Масштабность стратегических задач, стоящих перед АЗ РФ, требует присутствия постоянного населения, что обеспечивает соответствующие экономические отношения и способствует укреплению национального суверенитета России в Арктике.

¹ Кашепов А.В. Россия в 2010 году: дефицит или избыток рабочей силы? *Уровень жизни населения регионов России*. 2011;(8):49–53. <https://www.elibrary.ru/ofyapl>

² В России доля молодых работников достигла минимума с начала 1990-х годов [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17494487> (дата обращения: 11.03.2025).

³ Состав сухопутных территорий Арктической зоны России регламентирован ст. 2 ч. 3 ФЗ от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» и охватывает 10 регионов, из них полностью – Мурманскую область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, частично – Республики Карелия, Саха (Якутия) и Коми, Архангельскую область, Красноярский край, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа.

Существующие исследования, как правило, оперируют укрупненными возрастными группами или выборочными данными, что не позволяет увидеть реальную динамику выхода и ухода работников по каждому году жизни отдельно для мужчин и женщин. Для Арктической зоны этот пробел критичен: в связи с льготными пенсионными режимами, высокой долей вахты и миграции здесь стандартные методы оценки трудового потенциала дают искаженную картину. В результате управленческие решения по привлечению кадров принимаются без точного понимания, какие именно возрастные когорты «вымываются», а какие накапливаются.

Цель статьи – анализ выявленных изменений в численном и половозрастном составе работников на рынке труда арктических регионов на основе введения в научное обращение данных о численности работников по однолетним возрастным категориям.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Анализ рынка труда в контексте демографических изменений широко представлен в научной литературе, как отечественной, так и зарубежной. Центральным направлением исследований является влияние фактора старения на занятость населения. Признано, что демографическое старение глобально и необратимо [5], формирует мир с увеличивающимся числом пожилых людей [6] и повсеместно распространенной концепцией активного старения⁴.

В современных исследованиях акцентируется внимание на вовлечении в занятость старшего поколения⁵ [7; 8]. Эти вопросы рассматриваются как с экономической точки зрения [9; 10], так и с позиции вторичной социализации пожилых людей [11; 12].

Другим направлением исследований рынка труда сквозь призму демографии выступает анализ изменений в квалификационной и образовательной структуре рабочей силы. Устойчивый рост численности лиц с высшим образованием, имеющих более высокие показатели занятости, приводит к росту доли высокообразованных работников [13]. Зарубежные авторы выделяют образование как главный фактор: среди трех демографических сил (старения, образования, миграции) наибольшее влияние на заработную плату оказывает именно изменение образовательной структуры рабочей силы [14].

Много внимания, особенно в российских публикациях, уделяется анализу влияния демографических волн на снижение численности трудовых ресурсов и дефицит кадров [15]. Отмечается, что после 2000–2015 гг., когда демографические тенденции способствовали экономическому росту, Россия вступила в период неблагоприятных демографических изменений [16]. Ожидается, что сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, его старение и увеличение демографической нагрузки окажут прямое влияние на рынок труда [17]. Результатом может быть долговременный тренд на снижение численности рабочей силы и занятости [8] со сдвигом возрастной структуры занятости в пользу старших возрастов и масштабным «размолаживанием» рабочей силы [18].

⁴ Fernández-Ballesteros R., Robine J.M., Walker A., Kalache A. Active Aging: A Global Goal. *Current Gerontology and Geriatrics Research*. 2013;2013(1):298012. <https://doi.org/10.1155/2013/298012>

⁵ Gustafsson B., Nivorozhkina L., Wan H. Working beyond the Normal Retirement Age in Urban China and Urban Russia. *IZA-Institute of Labor Economics*. 2021;(12):14294. Available at: <https://clck.ru/3TmXdE> (accessed 22.04.2025).

Региональные и пространственные аспекты развития рынков труда с учетом демографических различий между регионами также широко освещаются: выявляются географические особенности возрастной структуры населения [19; 20], разрабатываются типологии регионов по скорости старения населения [21], рассматриваются региональная дифференциация перспектив демографического развития и прогнозируемые возрастные сдвиги в формировании рабочей силы [22].

Изучение динамики и характеристик народонаселения арктических (северных) регионов также представлено в научной литературе [23; 24]. В настоящее время север, некогда считавшийся молодым, подвержен процессам старения населения⁶. Последние исследования по данной тематике затрагивают особенности демографического старения и рынка труда северных регионов России с учетом нового пенсионного возраста [25; 26]; с применением многомерной демографии анализируют динамику и структуру человеческих ресурсов по показателям пола, возраста, образования, уровня участия в рабочей силе [27].

Ученые констатируют обострение проблем рынка труда по причине нисходящей демографической динамики [25–27]. Однако исследования динамики половозрастной структуры работающего населения в арктических регионах России в научном поле отсутствуют.

В трудах зарубежных ученых арктический рынок труда рассматривается в контексте демографии, фиксируется тенденция к росту уровня занятости среди пожилых работников [28]. С одной стороны, данная проблема вызвана демографическими факторами, обусловившими сокращение рождаемости одновременно с увеличением продолжительности жизни местного населения [29], с другой, – названных, политическими реформами в странах зарубежной Арктики, обеспечивающими поздний выход работников из трудовой деятельности [30; 31].

Тем не менее в научном поле остаются белые пятна: не изучена половозрастная структура работников в разрезе однолетних когорт, не выявлены демографические факторы ее формирования в каждом арктическом регионе. Без этого невозможно понять, кто будет развивать экономику территорий, и оценить угрозы кадровому суверенитету. Настоящее исследование восполняет указанные пробелы, впервые используя данные возрастного профиля работников по ежегодным половозрастным группам в связке их с демографической основой.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Формирование исходных данных. В Российской Федерации существуют несколько источников информации о половозрастной структуре занятости в регионах. Прежде всего, ежегодное выборочное обследование рабочей силы⁷, в ходе которого формируются данные о занятых в возрасте от 15 лет по возрастным группам: 15–19 лет, 20–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60–69, 70 лет и старше. Оно проводится в регионах путем опроса граждан на основе выборочного метода с последующим

⁶ Население Арктики: старикам здесь не место? [Электронный ресурс]. URL: <https://goarctic.ru/news/naselenie-arktiki-starikam-zdes-ne-mesto/> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷ Итоги выборочного обследования рабочей силы, 2024 год [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 10.04.2025).

распространением итогов на всю численность населения обследуемого возраста. Однако охват респондентов крайне низок – всего 0,73 % населения России, что приводит к погрешностям в показателях, которые обусловлены используемой выборкой и правдивостью ответов.

Аналогичные показатели формируются в ходе Всероссийской переписи населения, которая проводится один раз в 10 лет. Численность опрошенных в ходе последней переписи (2021 г.) составила 147,6 млн чел. Ограничением данного источника является эпизодический характер показателей. Кроме того, в ряде публикаций признается, что результаты такого исследования не безупречны⁸. Недоверие данным, полученным в ходе последней переписи, выразили и ученые, исследующие северные регионы [32].

В названных источниках показатели формируются по занятым из числа местного населения, что не позволяет представить возрастную структуру занятого населения с учетом трудовых мигрантов. Это значимо и для арктических регионов страны, где распространено привлечение работников из других регионов вахтовым методом организации труда.

В качестве альтернативного источника данных о возрастной структуре занятости предлагается использовать деперсонифицированные данные Социального фонда России⁹ о численности лиц, работающих по найму, в отношении которых работодатель уплачивает страховые взносы (далее – работников).

Показатели возрастной структуры численности постоянного населения в динамике сформированы на основе сведений Федеральной службы государственной статистики¹⁰.

Все используемые данные приведены в разрезе субъектов РФ в целом, без выделения муниципальных образований, частично входящих в состав АЗ РФ.

Методы исследования. Исследование проведено с использованием динамического и структурного анализа. Визуализация данных осуществлялась через односторонний, перевернутый вариант половозрастной пирамиды, что позволило продемонстрировать изменения в возрастной структуре работающего населения арктических регионов для мужчин и женщин.

Алгоритм анализа данных включает в себя следующие шаги: 1) представление динамики численности работников и населения в разрезе региона, пола и возраста; 2) расчет доли работников в численности постоянного населения; 3) анализ динамики изменения доли работников в численности населения с выявлением региональных различий.

Объектом исследования являются регионы РФ, территория которых полностью или частично входит в Арктическую зону России.

Ежегодная потребность АЗ РФ в кадрах наполовину обеспечивается за счет внутренних ресурсов, остальная часть покрывается внешними источниками, преимущественно вахтовыми трудовыми мигрантами [33]. С учетом этого арктические

⁸ Андреев Е.М. О точности результатов переписей населения России и степени доверия к различным источникам информации. *Вопросы статистики*. 2012;(11):21–35. <https://www.elibrary.ru/pfbbmp>

⁹ Открытые данные [Электронный ресурс]. Социальный фонд России : сайт. URL: <https://sfr.gov.ru/opendata/> (дата обращения: 10.04.2025).

¹⁰ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 10.04.2025).

регионы делятся на две категории. Первую образуют те, на малоосвоенной территории которых распространен вахтовый метод организации труда и доля вахтовых работников составляет от 10 до 30 % (Республика Саха (Якутия), Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа (АО)). В регионах второй категории вахтовая трудовая миграция не получила широкого распространения (Мурманской и Архангельской областях, Республиках Коми и Карелия, Красноярском крае).

В качестве иллюстративного примера выбраны Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Архангельская область как типичные регионы с различным уровнем вахтовой трудовой миграции, а также представляющие Восточную и Европейскую части Российской Арктики. Для учета гендерных различий в половозрастной структуре работников мужчины и женщины будут рассматриваться по отдельности.

Отнесение населения к молодежной возрастной когорте опирается на установленный российским законодательством диапазон (14–35 лет¹¹). При определении возрастных границ стареющего населения использовался критерий ООН, согласно которому население считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и более превышает 7 % [21].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Половозрастной состав работников на рынке труда арктических регионов.

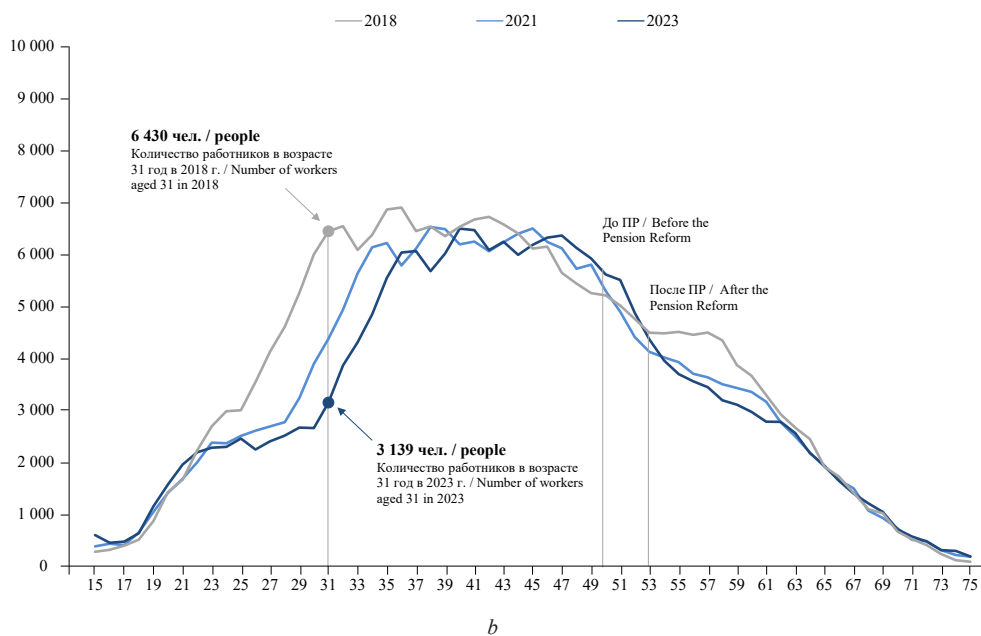
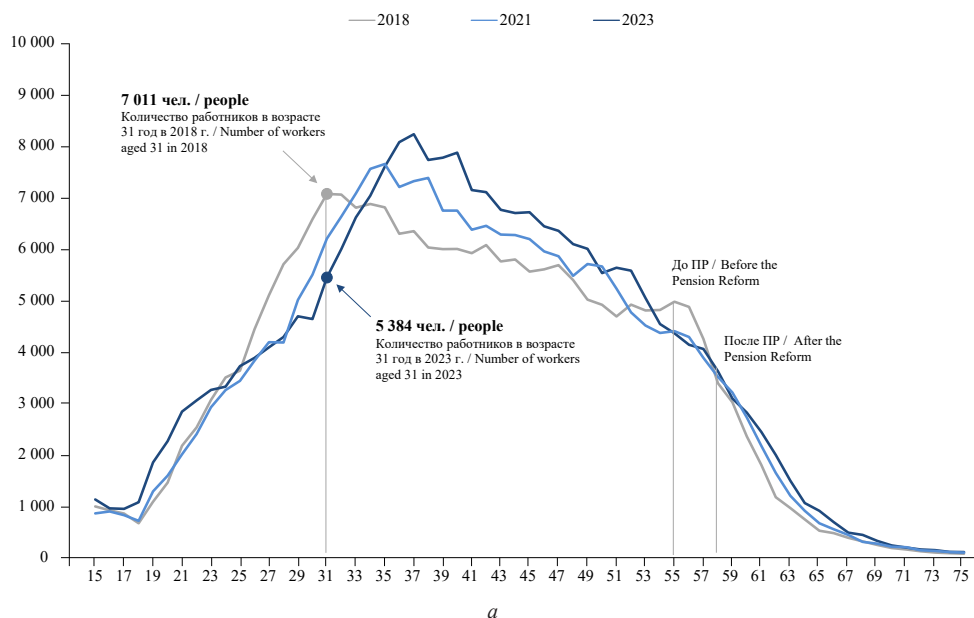
На примере одного региона из каждой группы – ЯНАО (рис. 1а) и Архангельской области (рис. 1б) – представлена динамика половозрастной структуры работников по однолетним возрастным категориям за 2018–2023 гг. с учетом влияния пенсионной реформы (ПР).

Анализ показателей половозрастной численности работников позволяет выделить две особенности. Во-первых, устойчивое сокращение числа работников в наиболее активном трудоспособном возрасте (25–35 лет). Например, в ЯНАО численность работников-мужчин в возрасте 31 год снизилась с 7 011 в 2018 г. до 5 384 в 2023 (на 23 %). В Архангельской области число работников-женщин аналогичного возраста уменьшилось больше, чем в два раза.

Наиболее значительное сокращение числа работников в возрасте 25–35 лет наблюдается в регионах группы с низкими объемами вахтовой миграции. Тенденция к уменьшению численности работников в активном трудоспособном возрасте характерна для всех арктических регионов и не зависит от пола. В количественном выражении суммарно по десяти регионам для всех работников данного возраста подобное сокращение составило 25 % за 2018–2023 гг.

Во-вторых, – последствия реформы для работников старших возрастов в 2019–2028 гг. Для районов Крайнего Севера установлен пенсионный возраст на пять лет ниже, чем в большинстве регионов России. На рисунке 1 отмечены возрастные границы пенсионного возраста в 2018 (до ПР) и 2023 гг. (на «экваторе» ПР, где возраст выхода на пенсию для женщин составляет 53 года, а для мужчин – 58 лет).

¹¹ О молодежной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 11.03.2025).

Р и с. 1. Возрастная структура численности работников, 2023 г.: а) мужчин в Ямало-Ненецком автономном округе; б) женщин в Архангельской области

F i g. 1. Age structure of the number, 2023: а) male workers in the Yamal-Nenets Autonomous Area; б) female workers in the Arkhangelsk Region

Источник: подготовлено авторами на основе материалов Открытые данные...

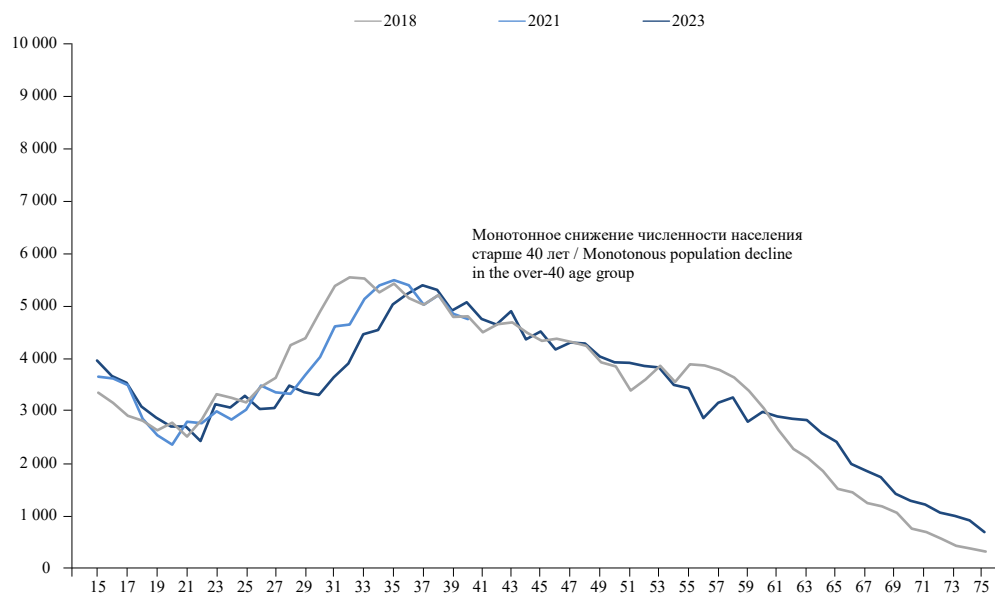
Source: prepared by the authors based on materials from Open Data...

По мере реализации пенсионной реформы численность работников в указанных возрастах изменилась: женщин незначительно подросла, мужчин – сократилась. В частности, число работников-мужчин в ЯНАО в возрасте 55 лет в 2018 г. составляло 4 912 чел., в 2023 г. – 4 297; число работников-женщин в Архангельской области в возрасте 50 лет увеличилось с 5 197 (2018 г.) до 5 599 чел. (2023 г.).

Аналогичная ситуация характерна и для других арктических регионов. Суммарно за 2018–2023 гг. зафиксированы рост численности работников 50–53 лет у женщин на 7 % (с 354 до 378 тыс. чел.), снижение численности работников 55–58 лет у мужчин на 16 % (с 88 до 74 тыс. чел.). Таким образом, значительного увеличения численности работников в старших возрастных группах не произошло.

Региональные особенности половозрастных характеристик населения арктических регионов. Анализ численности населения по возрастным категориям для ЯНАО и Архангельской области показывает неоднородную структуру (рис. 2, 3).

Р и с. 2. Возрастная структура численности постоянного населения, 2018–2023 гг., ЯНАО, мужчины

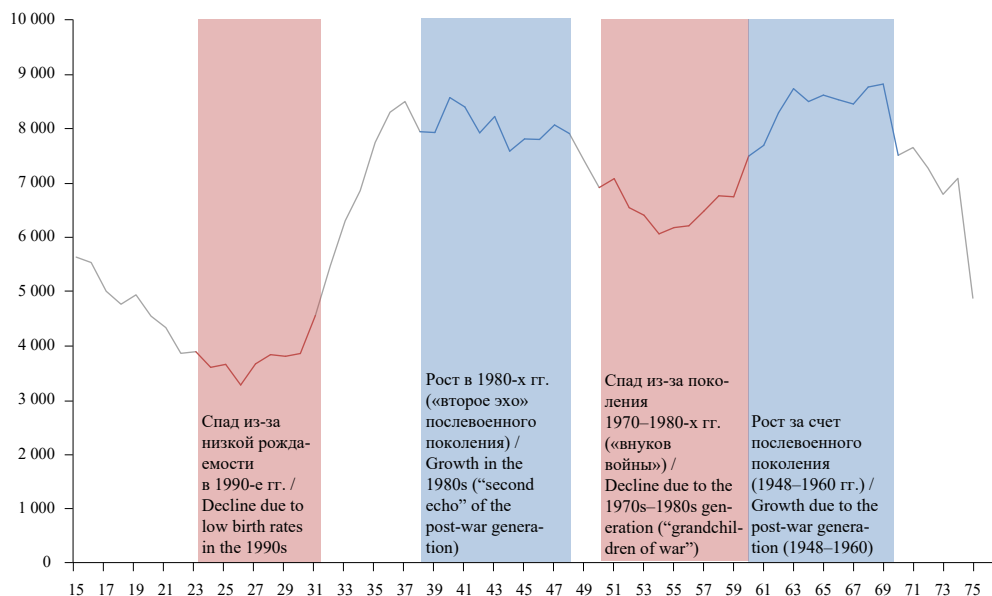
F i g. 2. The age structure of the permanent population, 2018–2023, Yamal-Nenets Autonomous Area, men

Источник: рисунки 2–4 подготовлены авторами на основе материалов Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики...

Source: figures 2–4 were prepared by the authors based on the materials Population of the Russian Federation by gender and age [Online]. Federal State Statistics Service...

В 2023 году показатели возрастной численности женского населения Архангельской области (см. рис. 3) демонстрировали спад в возрасте 23–31 год из-за низкой рождаемости в 1990-е гг. Рост категории 38–48 лет связан со «вторым

эхом» послевоенного роста рождаемости (1970-е–1987-й гг.); второй спад в возрасте 50–60 лет обусловлен малочисленностью «внуков войны» (1970–1980-е гг.). Расширение возрастной группы 60–70 лет определяется количеством родившихся в послевоенные годы (1948-й–1960-е гг.).

Р и с. 3. Возрастная структура численности постоянного населения в Архангельской области, женщины, 2018–2023 гг.

F i g. 3. The age structure of the permanent population of Arkhangelsk Region, women, 2018–2023

Аналогичные тенденции наблюдаются у мужчин арктических регионов, кроме Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, где в возрастной группе старше 40 лет зафиксировано монотонное снижение численности. Последнее во многом обусловлено ротационной моделью развития округов.

Сложившаяся возрастная структура населения подтверждает, что сокращение численности работников в наиболее молодых активных трудоспособных возрастах имеет демографическую основу. Коэффициент корреляции между временными рядами показателей численности населения и работников категории 25–35 лет в зависимости от региона находится в диапазоне 0,95–0,99, что говорит о сильной взаимосвязи показателей.

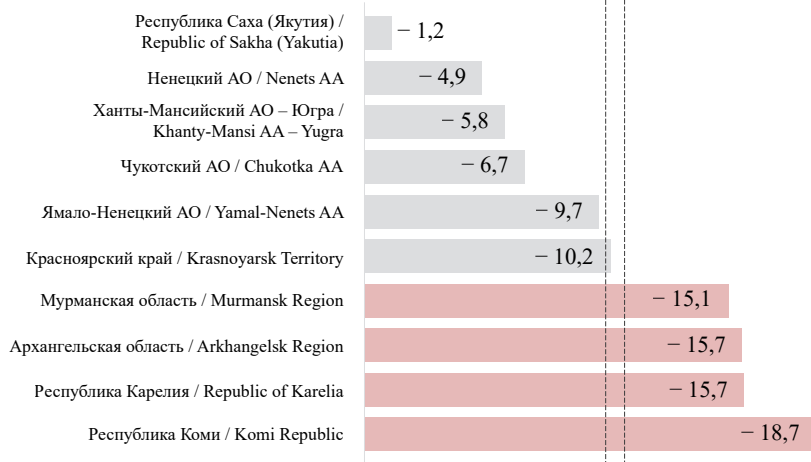
Для всех арктических регионов выражено количественное сокращение укрупненной возрастной категории «молодежь», границы которой нормативно установлены в диапазоне 14–35 лет¹² (рис. 4). Наиболее интенсивно оно осуществляется в регионах Европейского Севера (в Республиках Коми и Карелия, Архангельской и Мурманской областях), где за 2023 г. по отношению к 2018 г. прирост численности молодежи отрицательный и превышает 15 %.

¹² О молодежной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ...

В сумме по 10-ти регионам АЗ РФ / In total, across the 10 regions of the Arctic Zone of the Russian Federation (–10,1)

В целом по РФ / Total for the Russian Federation (–10,9)

Р и с. 4. Изменение численности населения арктических регионов в возрасте 14–35 лет, 2023 г. по отношению к 2018 г.

F i g. 4. Change in population size in Arctic regions aged 14–35 years, 2023 relative to 2018

Примечание: здесь и далее АО – автономный округ.

Note: hereinafter AA – autonomos area.

При анализе динамики численности населения в старших возрастных группах можно отметить, что по состоянию на 2023 год доля населения арктических регионов в возрасте 65 лет и старше в общей его численности варьируется в диапазоне от 7,5 (Ямало-Ненецкий автономный округ) до 20 % (Республика Карелия, Архангельская область). Быстрее других стареют молодые нефтегазодобывающие регионы (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа), где прирост численности населения старше 65 лет составил 71,5 и 57,4 % соответственно. Только для трех арктических регионов (Архангельской, Мурманской областей и Республики Карелия) темпы старения населения не превышают среднероссийские показатели.

Сравнительный анализ численности работников в численности постоянного населения отражает половозрастную специфику формирования трудового потенциала арктических регионов. Так, в ЯНАО численность работников-мужчин в возрасте 21–59 лет превышает численность постоянного мужского населения. В Архангельской области, наоборот, численность работников в каждой возрастной категории является подмножеством постоянного населения.

Показатели численности работников (см. рис. 1) и постоянного населения (см. рис. 2, 3) позволяют рассчитать долю первых по однолетним возрастным группам в численности постоянного населения (далее – уровень занятости). В таблице указана доля работников в численности постоянного населения по однолетним возрастным группам для ЯНАО (мужчины) и Архангельской области (женщины) за 2018, 2021 и 2023 гг. В обоих случаях зависимость уровня занятости от возраста имеет трапециевидную форму: рост в 16–26 лет, плато в 26–56, спад в 56 лет–74 года.

Т а б л и ц а. Доля работников в численности постоянного населения, 2018, 2021 и 2023 гг.
Table. Share of workers in the permanent population, 2018, 2021 and 2023

Возраст, лет / Age, years	Мужчины, ЯНАО / Men, Yamal-Nenets Autonomous Area			Женщины, Архангельская область / Women, Arkhangelsk Region		
	2018	2021	2023	2018	2021	2023
16	0,287	0,241	0,255	0,063	0,084	0,081
18	0,228	0,243	0,348	0,132	0,141	0,132
20	0,536	0,705	0,872	0,388	0,378	0,345
22	0,930	0,905	1,337	0,566	0,562	0,568
24	1,120	1,204	1,130	0,697	0,700	0,637
26	1,333	1,138	1,338	0,740	0,666	0,686
30	1,377	1,410	1,464	0,747	0,703	0,690
34	1,335	1,432	1,593	0,774	0,736	0,707
38	1,181	1,450	1,489	0,766	0,753	0,714
42	1,339	1,466	1,571	0,792	0,790	0,768
46	1,317	1,384	1,594	0,822	0,779	0,810
50	1,320	1,453	1,457	0,791	0,798	0,812
54	1,408	1,513	1,349	0,608	0,633	0,653
58	0,961	1,132	1,156	0,458	0,456	0,472
60	0,800	0,920	0,984	0,392	0,393	0,396
62	0,531	0,610	0,724	0,314	0,317	0,335
64	0,407	0,438	0,416	0,247	0,248	0,255
66	0,327	0,297	0,346	0,198	0,182	0,192
68	0,254	0,209	0,242	0,139	0,136	0,137
70	0,219	0,159	0,156	0,114	0,095	0,094
72	0,157	0,102	0,106	0,073	0,063	0,065
74	0,108	0,095	0,059	0,049	0,040	0,040

Источник: здесь и далее материал подготовлен по результатам исследования.

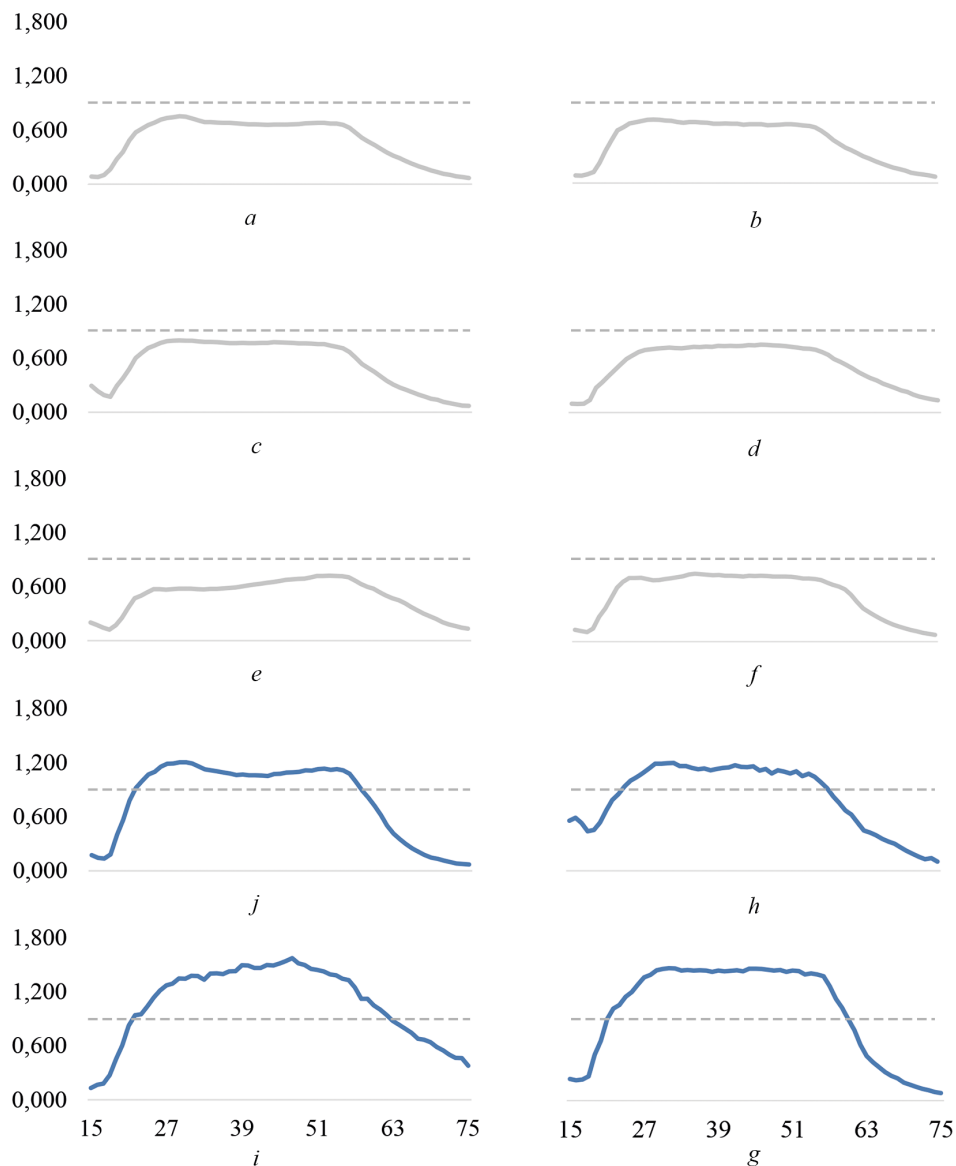
Source: hereinafter in the article is prepared based on the research results.

Как видно из таблицы, в ЯНАО уровень занятости в возрасте 24–54 года больше единицы, что связано с высокой численностью работников из категории трудовых мигрантов. Доля работников-женщин в численности постоянного населения Архангельской области монотонно подрастает с 0,7 в возрасте 24 года до 0,8 в возрасте 50 лет в 2021 году и несущественно отличается в остальные годы наблюдения. Это характерно для всех арктических регионов.

Значений доли выше единицы не наблюдается, что обусловлено отсутствием или низким количеством женщин среди вахтовых работников. В возрастной группе от 50 до 74 лет доля работающих женщин в постоянном населении монотонно снижается.

На протяжении шести лет мониторинга названные параметры для всех арктических регионов в отношении работников-женщин практически неизменны. Региональные различия касаются только мужчин.

На рисунке 5 показана доля работников-мужчин в численности постоянного населения, среднее за 2018–2023 гг., для всех регионов АЗ РФ.

Р и с. 5. Доля работников-мужчин от 15 до 75 лет в численности постоянного населения, среднее за 2018–2023 гг., все регионы АЗ РФ: а) Архангельская область, б) Республика Карелия, в) Республика Коми, д) Республика Саха (Якутия), е) Мурманская область, ф) Красноярский край, ж) Ханты-Мансийский АО – Югра, з) Ненецкий АО, и) Чукотский АО, г) Ямало-Ненецкий АО

F i g. 5. The share of male workers from 15 to 75 years old in the permanent population, average for 2018–2023, all regions of the Arctic Zone of the Russian Federation: а) Arkhangelsk Region, б) Republic of Karelia, в) Komi Republic, д) Republic of Sakha (Yakutia), е) Murmansk Region, ж) Khanty-Mansi AA – Yugra, з) Nenets AA, и) Chukotka AA, г) Yamal-Nenets AA

Примечание: пунктирная линия соответствует значению 1,0.

Note: the dotted line corresponds to the value 1.0.

Из рисунка 5 следует, что доля работников-мужчин в возрасте 24–50 лет в шести регионах АЗ РФ колеблется между 0,7 и 0,8. В четырех случаях (в Чукотском, Ямало-Ненецком, Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах) этот показатель выше 1,0.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сложившаяся возрастная структура работников АЗ РФ во многом определяется возрастной структурой населения регионов, которая является основой для формирования трудового потенциала экономики и оказывает значимое влияние на экономический рост.

Как показали результаты исследования, для всех арктических регионов России в период 2018–2023 гг. характерно сокращение когорты молодых работников в возрасте 25–35 лет. Проблема «размолаживания» рабочей силы детерминирована долгосрочными демографическими трендами, а именно резким падением рождаемости в связи с демографическим «эхом» Второй мировой войны и реформами 1990-х гг. Это имеет исключительно российский характер и не затронуло большинство развитых стран, которые сохранили высокие показатели рождаемости в 1990-е гг.¹³

Выявленная неэффективность повышения пенсионного возраста объясняется институциональными особенностями северного законодательства: льготные условия выхода на пенсию для лиц, проработавших в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, нивелируют экономические стимулы к продолжению трудовой деятельности в пенсионном возрасте. В отличие от центральных субъектов Федерации, где реформа обеспечила умеренный прирост занятости старших возрастных групп, арктические территории демонстрируют стагнацию или снижение соответствующих показателей.

По мнению экспертов, тенденция к сокращению числа молодых работников не может быть остановлена ни политическими решениями, ни любыми технически возможными вариантами пенсионной реформы [19]. Действительно, реформа в арктических регионах не привела к ожидаемому увеличению численности работников в старших возрастных группах. Аналогично на примере Мурманской области было показано, что пенсионная реформа лишь позволила сдержать спад численности трудоспособного населения [34].

Ныне все северные регионы, традиционно считавшиеся молодыми, входят в категорию территорий со старым населением. Кроме того, они подвержены тенденциям к снижению численности молодежи (в возрасте 14–35 лет) и ускорению темпов старения населения (в возрасте 65 лет и старше). Данные демографические процессы имеют не только общероссийский, но и глобальный характер. При этом трансформация возрастной структуры населения регионов страны имеет разную динамику, но АЗ РФ свойствен тренд именно на усиленное старение населения [21].

Анализ рынка труда арктических территорий Российской Федерации выявляет существенную особенность, связанную с широким использованием труда приезжих вахтовых работников. Как правило, в их состав входят мужчины молодых возрастов, что оказывает прямое влияние на общую структуру занятости в регионе и приводит к ее омоложению. Более того, наблюдается выраженный количественный

¹³ Рождаемость в России [Электронный ресурс]. URL: <https://refru.ru/birth55.html> (дата обращения: 25.03.2025).

дисбаланс: численность занятых мужчин-вахтовиков в возрасте от 20 до 60 лет превышает численность постоянного мужского населения соответствующего возраста на этих территориях.

Привлечение вахтовых работников решает проблему дефицита кадров, но несет ряд негативных последствий для развития принимающих территорий, таких как замещение местных работников вахтовым персоналом, рост численности временного населения, снижение качества человеческого капитала и уровня культурной идентичности населения [35].

Количественный индикатор, превышающий единицу для работников-мужчин в четырех автономных округах, отражает не демографический избыток, а глубокую зависимость региональной экономики от вахтовой замещающей миграции. Зависимость доли работников в постоянном населении по однолетним половозрастным группам сходна для всех арктических регионов, хотя они имеют различия в структуре экономики.

Впервые примененный методологический подход, основанный на использовании деперсонифицированных данных Социального фонда России в сочетании с анализом однолетних возрастных когорт, позволил преодолеть ограничения традиционных выборочных обследований и получить точную картину ротации трудовых ресурсов.

Ограничением проведенного анализа выступает агрегированный характер данных на уровне субъектов Федерации, что сужает возможности детальной интерпретации для территорий, входящих в Арктическую зону лишь частично. Тем не менее выявленные закономерности расширяют эмпирическую базу исследований макрорегиональных рынков труда и демонстрируют необходимость перехода от укрупненных возрастных интервалов к непрерывному когортному мониторингу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье с использованием дополняющих друг друга данных Социального фонда России и Федеральной службы государственной статистики впервые получена комплексная характеристика возрастного профиля работников арктических регионов. Выполнен анализ динамики численности работников и постоянного населения арктических регионов по полу и однолетним возрастным категориям за период с 2018 по 2023 г.; проведена количественная оценка доли работников в численности постоянного населения арктических регионов.

Несмотря на высокую дифференциацию арктических регионов по темпам развития, структуре экономики (от лидеров по экономическому росту и качеству жизни до регионов с депрессивной экономикой) и по возрасту освоения (от молодых автономных округов до староосвоенных регионов Европейского Севера), все они столкнулись с рядом проблем, а именно: сокращением численности молодых работников и молодежи вообще; отсутствием роста работников старших возрастов вследствие пенсионной реформы; старения населения в целом.

Выявленные особенности возрастной структуры занятости населения российской арктической территории представляют серьезную проблему для развития данных регионов, которые имеют статус безусловного стратегического приоритета в системе национальных интересов страны. При этом анализ стратегий социально-

экономического освоения арктических регионов¹⁴ показал, что проблематика сокращения численности молодых работников и в целом снижения численности молодежи находится вне зоны внимания органов управления. Так, только в стратегии Республики Карелия отмечается, что «...снижение доли молодого поколения и рост числа лиц старшего возраста в составе рабочей силы ухудшают структуру рынка труда»¹⁵, хотя конкретные количественные показатели не приведены. В макрорегиональной стратегии развития АЗ РФ¹⁶ вопросы трансформации возрастной структуры населения и работников также не нашли отражения.

Обнаруженные угрозы необходимо учесть при подготовке документов стратегического планирования и разработке комплекса мер по сохранению (принцип «живи, учись, работай») и привлечению (принцип «приезжай, живи, работай») молодежи на постоянное место жительства в арктические регионы. В связи с непреодолимостью последствий демографических волн требуется разработка сценариев приоритетного обеспечения кадровой потребности за счет работников из числа местного населения рассматриваемых регионов.

Альтернативные сценарии решения проблемы кадрового дефицита в АЗ РФ связаны с повышением производительности труда и внедрением безлюдных технологий, средств автоматизации и роботизации, основанных на искусственном интеллекте. В условиях неизбежного старения населения актуализируется исследование мотивации работников старших возрастов к продолжению трудовой деятельности на рынке труда арктических регионов.

¹⁴ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Республики Карелия от 29.12.2018 № 899р-П [Электронный ресурс]. Консорциум «Кодекс» : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465420565> (дата обращения: 11.03.2025) ; О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года: Постановление Правительства Мурманской области от 25.12.2013 № 768-ПП/20. Там же. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465602093> ; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2035 года: Распоряжение Правительства Чукотского автономного округа от 26.12.2025 № 619-рп. Там же. URL: <https://docs.cntd.ru/document/408295610> ; О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года: Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2021 № 478. Там же. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574785875> ; О проекте Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года: Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 26.12.2016 № 455. Там же. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444958940> ; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года: областной закон Архангельской области от 18.02.2019 № 57-5-ОЗ. Там же. URL: <https://docs.cntd.ru/document/462642024> ; О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года: Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 03.11.2022 № 679-рп. Там же. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406285990> ; О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года: Постановление Правительства Республики Коми от 11.04.2019 № 185. Там же. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553237768> ; Об утверждении стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года: Постановление Правительства Красноярского края от 30.10.2018 № 647-п. Там же. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550243058> ; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года: Постановление Собрания депутатов Ненецкого автономного округа от 07.11.2019 № 256-сд. Там же. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561620008>

¹⁵ Об Утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года...

¹⁶ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 [Электронный ресурс]. Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения: 06.04.2024).

В условиях дефицита кадров и негативных демографических тенденций предложенный методологический подход может быть масштабирован на иные макрорегионы с вахтовой организацией труда и специфическими пенсионными условиями.

В практическом плане результаты проведенного исследования могут быть полезны представителям научного сообщества и органов власти, занимающимся демографическим развитием, рынком труда и стратегическим планированием.

Исследование имеет ретроспективный характер и основано на мониторинговых данных, что позволило зафиксировать сдвиги в половозрастной структуре работников арктических регионов в 2018–2023 гг. Перспективы дальнейших исследований соотносятся с переходом к прогнозированию рассмотренных показателей – построением сценарных прогнозов динамики численности работников по однолетним половозрастным группам с учетом демографических волн, миграционных потоков и параметров пенсионной системы. Разработка прогнозного инструментария позволит не только оценить будущую обеспеченность экономики арктических территорий кадрами, но и заблаговременно формировать меры по регулированию рынка труда в стратегически значимом макрорегионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахапкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2023;(6):7–25. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_7_25
2. Былков В.Г. Дефицит на рынке труда: сущность и методология формирования. *Экономика труда*. 2024;11(6):835–856. <https://doi.org/10.18334/et.11.6.121203>
3. Ахапкин Н.Ю. Формирование ресурсов труда и перспективы экономического роста. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022;(6):79–95. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_79_95
4. Кашепов А.В. Повышение пенсионного возраста в странах мира и России: причины и последствия. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2023;(5/1):82–91. <https://doi.org/10.17513/vaael.2810>
5. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017;10(6):89–103. <https://elibrary.ru/ymwxgq>
6. Leksin V.N. Russian Old Age. *Regional Research of Russia*. 2024;(14):252–261. <https://doi.org/10.1134/S2079970524600161>
7. Ляшок В.Ю. Изменение трудового поведения населения старшего возраста в 2018–2023 гг. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024;(4):276–283. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_4_276-283
8. Cylus J., Tayara L.A. Health, an Ageing Labour Force, and the Economy: Does Health Moderate the Relationship between Population Age-Structure and Economic Growth? *Social Science and Medicine*. 2021;(287):114353. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114353>
9. Лукьянова А.Л., Капельюшников Р.И. Работники предпенсионного и пенсионного возраста на российском рынке труда: тенденции в реаллокации занятости. *Вопросы экономики*. 2019;(11):5–34. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-5-34>
10. Feng Y., Chin Y.W., Boo H.S. Active Aging in China: Reemployment Occupational Options of Older Workers. *Journal of Adult Development*. 2025;(32):319–332. <https://doi.org/10.1007/s10804-024-09497-4>
11. Янцен М.А. Социализация пожилых людей: социологический аспект. *Народонаселение*. 2020;23(3):71–82. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.7>

12. Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт. *Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз*. 2016;(4):88–107. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.5>
13. Варшавская Е.Я. Оценка влияния изменений возрастной и образовательной структуры населения на российский рынок труда. *Вопросы статистики*. 2020;27(3):45–52. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-45-52>
14. Docquier F., Kone Z.L., Mattoo A., Özden Ç. Labor Market Effects of Demographic Shifts and Migration in OECD Countries. *European Economic Review*. 2019;(113):297–324. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2018.11.007>
15. Баскакова М.Е. Потенциальная рабочая сила современной России: социально-демографический портрет и уровень образования. *Социально-трудовые исследования*. 2022;(3):105–117. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-105-117>
16. Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демографические тормоза экономики. *Вопросы экономики*. 2018;(6):48–70. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-48-70>
17. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. *Вопросы экономики*. 2023;(8):5–37. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37>
18. Российский рынок труда через призму демографии. Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2020. 436 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2167-0>
19. Петросян А.Н., Шевчук Е.И., Кириллов П.Л., Мозгунов Н.А. Географические особенности старения населения России. *Демографическое обозрение*. 2019;6(2):55–83. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i2.9872>
20. Черешнев В.А., Чистова Е.В. Выявление региональных особенностей старения населения России. *Экономический анализ: теория и практика*. 2017;16(12):2206–2223. <https://www.elibrary.ru/zxquol>
21. Секички-Павленко О.О. Типология трансформации возрастной структуры населения регионов России. *Экономика региона*. 2023;19(3):813–827. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-15>
22. Топилин А.В., Воробьева О.Д. Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов России. *Вестник Российской академии наук*. 2021;91(9):856–864. <https://doi.org/10.31857/S0869587321090097>
23. Смирнов А.В. Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения. *Арктика и Север*. 2020;(40):270–290. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.270>
24. Mkrtchyan N.V. Population Dynamics of the Far North and the Arctic: Analysis Based on Data from the 2010 and 2020 All-Russian Censuses. *Studies on Russian Economic Development*. 2024;(35):226–236. <https://doi.org/10.1134/S1075700724020102>
25. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Уровень и темпы старения населения северных регионов России по новому пенсионному возрасту. *Арктика и Север*. 2024;(57):168–180. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.168>
26. Гуртов В.А., Питухин Е.А., Степуть И.С. Влияние пенсионной реформы на динамику численности лиц пенсионного возраста в арктических регионах России. *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2025;28(2):22–37. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2025.88.002>
27. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Многомерная демография: новый подход к оценке человеческих ресурсов российского Севера. *Экономика региона*. 2024;20(2):395–411. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-4>
28. Halvorsen B. High and Rising Senior Employment in the Nordic Countries. *European Journal of Workplace Innovation*. 2021;6(2):130–146. <https://doi.org/10.46364/ejwi.v6i2.817>
29. Aaskoven M., Lauridsen J., Kjær T. Live Longer, Work Longer? An Investigation of the Health Capacity to Work at Older Ages in Denmark Using Combined Register and Survey Data. *Journal for Labour Market Research*. 2024;58(2):1–13. <https://doi.org/10.1186/s12651-024-00360-3>
30. König S., Lindquist G.S. Sweden: Steeply Rising Older Workers' Employment Rates in a Late-Exit Country. In: Hofäcker D., Hess M., König S. (eds) *Delaying Retirement*. Palgrave Macmillan, London: Springer Nature; 2016. P. 315–335. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56697-3_14
31. Qvist J.Y., Jensen P.H. The Retention of Older Employees and Core Work Activities: Evidence from Denmark. *The Gerontologist*. 2022;62(7):1071–1081. <https://doi.org/10.1093/geront/gnac006>

32. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года. *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2023;(1):64–79. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.004>
33. Ефимов И.П., Гуртов В.А., Степуть И.С. Кадровая потребность экономики Российской Арктики: взгляд в будущее. *Вопросы экономики*. 2022;(8):118–132. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-118-132>
34. Экономическое пространство российской Арктики и пенсионная реформа: оценки, риски, последствия. Под науч. ред. Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак, О.В. Губиной. Апатиты: Изд-во Колского науч. центра РАН; 2022. 242 с. <https://doi.org/10.37614/978.5.91137.473.0>
35. Степуть И.С., Гуртов В.А. Вахтовая занятость в экономике Арктической зоны России: динамика, масштабы, профессионально-квалификационные характеристики. *Общество и экономика*. 2023;(6):90–108. <https://doi.org/10.31857/S020736760025036-8>

REFERENCES

1. Akhapi N.Yu. Russian Economy under Sanctions: Dynamics and Structural Changes. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 2023;(6):7–25. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_7_25
2. Bylkov V.G. Shortage in the Labor Market: Nature and Methodology. *Russian Journal of Labour Economics*. 2024;11(6):835–856. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.11.6.121203>
3. Akhapi N.Yu. Formation of Labor Resources and Prospects for Economic Growth. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 2022;(6):79–95. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_79_95
4. Kashapov A.V. Raising the Retirement Age in the Countries of the World and Russia: Causes and Consequences. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*. 2023;(5/1):82–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/vaael.2810>
5. Dobrokhleb V.G., Barsukov V.N. Demographic Theories and the Regional Aspect of Population Ageing. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017;10(6):89–103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ymwxgq>
6. Leksin V.N. Russian Old Age. *Regional Research of Russia*. 2024;(14):252–261. <https://doi.org/10.1134/S2079970524600161>
7. Lyashok V.Yu. Changes in the Working Behavior of the Older Population in 2018–2023. *Journal of the New Economic Association*. 2024;(4):276–283. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.31737/22212264_2024_4_276-283
8. Cylus J., Tayara L.A. Health, an Ageing Labour Force, and the Economy: Does Health Moderate the Relationship between Population Age-Structure and Economic Growth? *Social Science and Medicine*. 2021;(287):114353. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114353>
9. Lukyanova A.L., Kapeliushnikov R.I. Older Workers in the Russian Labor Market: Trends in Employment Reallocation. *Voprosy Ekonomiki*. 2019;(11):5–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-5-34>
10. Feng Y., Chin Y.W., Boo H.S. Active Aging in China: Reemployment Occupational Options of Older Workers. *Journal of Adult Development*. 2025;(32):319–332. <https://doi.org/10.1007/s10804-024-09497-4>
11. Yantsen M.A. Socialization of the Elderly: Sociological Aspect. *Population*. 2020;23(3):71–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.7>
12. Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Study of the Quality of Life of the Older Generation: A Regional Experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016;(4):88–107. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.5>
13. Varshavskaya E.Ya. Impact Assessment of Changes in the Age and Educational Structure of the Population in the Russian Labor Market. *Voprosy Statistiki*. 2020;27(3):45–52. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-45-52>
14. Docquier F., Kone Z.L., Mattoo A., Özden Ç. Labor Market Effects of Demographic Shifts and Migration in OECD Countries. *European Economic Review*. 2019;(113):297–324. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2018.11.007>

15. Baskakova M.E. The Potential Labor Force of Modern Russia: The Socio-Demographic Profile and Level of Education. *Social and Labour Research*. 2022;(3):105–117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-105-117>
16. Vishnevsky A.G., Scherbakova E.M. Demographic Brakes of the Economy. *Voprosy Ekonomiki*. 2018;(6):48–70. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-48-70>
17. Kapeliushnikov R.I. The Russian Labor Market: A Statistical Portrait on the Crises Background. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(8):5–37. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37>
18. The Russian Labour Market through the Prizm of Demography. Eds. V. Gimpelson, R. Kapeliushnikov. Moscow: HSE Publishing House; 2020. 436 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2167-0>
19. Petrosian A.N., Shevchuk E.I., Kirillov P.L., Mozgunov N.A. Geographical Features of Russia's Population Ageing. *Demographic Review*. 2019;6(2):55–83. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i2.9872>
20. Chereshev V.A., Chistova E.V. Determination of Regional Aspects of Population Aging in Russia. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2017;16(12):2206–2223. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/rzxquol>
21. Sekicki-Pavlenko O.O. Typology of the Transformation of the Age Structure in Russian Regions. *Ekonomika regiona*. 2023;19(3):813–827. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-15>
22. Topilin A., Vorobieva O.D. [Demographic Situation and Peculiarities of the Formation of Labor Resources in Russia.] *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021;91(9):856–864. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0869587321090097>
23. Smirnov A.V. The Arctic Population: Dynamics and Centers of the Settlement System. *Arctic and North*. 2020;(40):270–290. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.270>
24. Mkrtchyan N.V. Population Dynamics of the Far North and the Arctic: Analysis Based on Data from the 2010 and 2020 All-Russian Censuses. *Studies on Russian Economic Development*. 2024;(35):226–236. <https://doi.org/10.1134/S1075700724020102>
25. Popova L.A., Zorina E.N. Level and Rate of Population Ageing in the Northern Regions of Russia According to the New Retirement Age. *Arctic and North*. 2024;(57):168–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.168>
26. Gurtov V.A., Pitukhin E.A., Stepus I.S. The Impact of Pension Reform on the Number of Pensioners in the Russian Arctic. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*. 2025;28(2):22–37. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2025.88.002>
27. Fauzer V.V., Smirnov A.V. Multidimensional Demography: A New Approach to Assessing the Human Resources of the Russian North. *Ekonomika regiona*. 2024;20(2):395–411. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-4>
28. Halvorsen B. High and Rising Senior Employment in the Nordic Countries. *European Journal of Workplace Innovation*. 2021;6(2):130–146. <https://doi.org/10.46364/ejwi.v6i2.817>
29. Aaskoven M., Lauridsen J., Kjør T. Live Longer, Work Longer? An Investigation of the Health Capacity to Work at Older Ages in Denmark Using Combined Register and Survey Data. *Journal for Labour Market Research*. 2024;58(2):1–13. <https://doi.org/10.1186/s12651-024-00360-3>
30. König S., Lindquist G.S. Sweden: Steeply Rising Older Workers' Employment Rates in a Late-Exit Country. In: Hofäcker D., Hess M., König S. (eds) *Delaying Retirement*. Palgrave Macmillan, London: Springer Nature; 2016. P. 315–335. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56697-3_14
31. Qvist J.Y., Jensen P.H. The Retention of Older Employees and Core Work Activities: Evidence from Denmark. *The Gerontologist*. 2022;62(7):1071–1081. <https://doi.org/10.1093/geront/gnac006>
32. Fauzer V.V., Smirnov A.V., Fauzer G.N. Demographic Trends and Transformation of Population Distribution in the North of Russia: Insights from the 2021 Census. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*. 2023;(1):64–79. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.004>

33. Efimov I.P., Gurtov V.A., Stepus I.S. Recruitment Needs of the Russian Arctic Economy: Future Outlook. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;(8):118–132. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-118-132>
34. The Economic Space of the Russian Arctic and the Pension Reform: Estimates, Risks, Consequences: Monograph. Ed. by T.P. Skufina, E.A. Korchak, O.V. Gubina. Apatity: Publishing House of Kola Scientific Center; 2022. 242 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.37614/978.5.91137.473.0>
35. Stepus I.S., Gurtov V.A. Shift Work in the Economy of the Russian Arctic Zone: Dynamics, Scale, Professional and Qualification Characteristics. *Society and Economics*. 2023;6:90–108. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S020736760025036-8>

Об авторах:

Степуть Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, начальник отдела прогнозирования Центра бюджетного мониторинга ПетрГУ (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр-кт Ленина, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5070-0273>, Researcher ID: H-1098-2016, Scopus ID: 57197761821, SPIN-код: 4827-1957, stepus@petrsu.ru

Гуртов Валерий Алексеевич, доктор физико-математических наук, профессор, директор Центра бюджетного мониторинга ПетрГУ (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр-кт Ленина, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2442-7389>, Researcher ID: D-5286-2015, Scopus ID: 7003923431, SPIN-код: 4180-0970, vgurt@petrsu.ru

Питухин Евгений Александрович, доктор технических наук, профессор, начальник аналитического отдела Центра бюджетного мониторинга ПетрГУ (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр-кт Ленина, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7021-2995>, Researcher ID: H-4562-2016, Scopus ID: 6504519166, SPIN-код: 2318-8378, eugene@petrsu.ru

Родион Инна Владимировна, специалист отдела прогнозирования Центра бюджетного мониторинга ПетрГУ (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр-кт Ленина, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-4010>, SPIN-код: 6461-9993, irodion@petrsu.ru

Вклад авторов:

И. С. Степуть – получение финансирования; административное руководство исследовательским проектом; проведение исследования; написание черновика рукописи.

В. А. Гуртов – научное руководство; разработка концепции; проведение исследования; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Е. А. Питухин – разработка методологии исследования; проведение исследования; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

И. В. Родион – проведение исследования; формальный анализ; визуализация.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 12.03.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 01.07.2025.

About the authors:

Irina S. Stepus, Cand.Sci. (Econ.), Head of Forecasting Department, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University (33 Prospekt Lenina, Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5070-0273>, Researcher ID: H-1098-2016, Scopus ID: 57197761821, SPIN-code: 4827-1957, stepus@petrsu.ru

Valery A. Gurtov, Dr.Sci. (Phys. and Math.), Professor, Director, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University (33 Prospekt Lenina, Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2442-7389>, Researcher ID: D-5286-2015, Scopus ID: 7003923431, SPIN-code: 4180-0970, vgurt@petsu.ru

Evgene A. Pitukhin, Dr.Sci. (Engrg.) Head of Analitical Department, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University (33 Prospekt Lenina, Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7021-2995>, Researcher ID: H-4562-2016, Scopus ID: 65045119166, SPIN-код: 2318-8378, eugene@petsu.ru

Inna V. Rodion, Specialist of Forecasting Department, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University (33 Prospekt Lenina, Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-4010>, SPIN-code 6461-9993, irodion@petsu.ru

Contribution of the authors:

I. S. Stepus – funding acquisition; project administration; investigation; writing – original draft preparation.

V. A. Gurtov – supervision; conceptualization; investigation; writing – review and editing.

E. A. Pitukhin – methodology; investigation; writing – review and editing.

I. V. Rodion – investigation; formal analysis; visualization.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 12.03.2025; revised 16.06.2025; accepted 01.07.2025.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ / ECONOMIC SOCIOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.415-437>

EDN: <https://elibrary.ru/xgityv>

УДК / UDC 316.334.2:336.01(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Финансовая грамотность как фактор экономического развития российских регионов

В. В. Бондаренко

Е. В. Кузнецова

М. А. Танина ✉

В. А. Юдина

*Пензенский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
(г. Пенза, Российская Федерация)
✉ margo10@inbox.ru*

Аннотация

Введение. Уровень финансовой грамотности населения – значимый фактор социально-экономического развития регионов России, особенно в условиях глобализации и цифровизации. Цель исследования – установить взаимосвязь уровня финансовой грамотности населения и степени социально-экономического развития региона с последующим обоснованием дифференцированных стратегий повышения финансовой грамотности на основе региональных особенностей.

Материалы и методы. Объект исследования – регионы России с разным уровнем социально-экономического развития и финансовой грамотности населения. Использованы данные онлайн-опроса (2025 г., стандартизированное онлайн-интервью, $n = 2273$) с квотным отбором по полу, возрасту, округу проживания и роду занятий. Анкета включала четыре тематических блока и шкалу Лайкерта. Применялись описательная статистика и корреляционно-регрессионный анализ (коэффициент Пирсона, линейная регрессия).

Результаты исследования. Выявлено, что 89 % опрошенных оценивают свой уровень финансовой грамотности как достаточный, однако реальные навыки ниже самооценки: например, с расчетом капитализации процентов справились лишь 47 % респондентов. Наиболее слабые зоны – инвестирование (3,04 балла), планирование пенсионных накоплений (3,14) и знание о страховании (3,19); лучше всего оценены понимание основ бюджета (3,81) и использование интернет-ресурсов (3,78); среднее значение по всем параметрам – 3,48 балла. Обнаружена сильная прямая корреляция ($r = 0,92$) между уровнем финансовой грамотности населения и Итоговым рейтингом регионов РФ. Прогноз показывает: рост финансовой грамотности будет способствовать улучшению социально-экономических показателей субъектов РФ.

© Бондаренко В. В., Кузнецова Е. В., Танина М. А., Юдина В. А., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Исследование подтвердило взаимосвязь уровня финансовой грамотности населения и социально-экономического развития регионов России. Выявлена неравномерность финансовых знаний по федеральным округам: наиболее высокий уровень – в Центральном и Уральском, низкий – в Северо-Кавказском, Сибирском и Дальневосточном. Предложены дифференцированные стратегии повышения финансовой грамотности, нацеленные на ключевые проблемные зоны и приоритетные направления развития.

Ключевые слова: финансовая грамотность, рейтинг регионов, инвестиционная активность, развитие бизнеса, финансовые знания, методика оценки финансовой грамотности, корреляционно-регрессионный анализ, финансовая устойчивость населения

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам и редакции журнала «Регионология» за ценные рекомендации, замечания и советы, которые помогли улучшить качество текста.

Для цитирования: Бондаренко В.В., Кузнецова Е.В., Танина М.А., Юдина В.А. Финансовая грамотность как фактор экономического развития российских регионов. *Регионология*. 2026;34(2):415–437. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.415-437>

Financial Literacy as a Factor in the Economic Development of Russian Regions

V. V. Bondarenko, E. V. Kuznetsova, M. A. Tanina ✉, V. A. Yudina
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
(Penza, Russian Federation)
✉ margo10@inbox.ru

Abstract

Introduction. The level of financial literacy of the population is a significant factor in the socioeconomic development of the Russian Federation's regions, especially in the context of globalization and digitalization. The purpose of this study was to establish a relationship between the level of financial literacy of the population and the level of regional socioeconomic development, as well as to justify differentiated strategies for improving financial literacy based on regional characteristics.

Materials and Methods. The study focused on regions of the Russian Federation with varying levels of socioeconomic development and financial literacy. Data from an online survey (2025, standardized online interview, $n = 2,273$) with quota selection based on gender, age, district of residence, and occupation were used. The questionnaire included four thematic sections and a Likert scale. Descriptive statistics and correlation regression analysis (Pearson's coefficient and linear regression) were used.

Results. It was found that 89 % of respondents assessed their level of financial literacy as sufficient, but their actual skills were lower than their self-assessment: for example, only 47 % of respondents were able to calculate interest capitalization. The weakest areas were investing (3.04 points), pension planning (3.14), and knowledge of insurance (3.19). The highest-rated areas were understanding budgeting principles (3.81) and using internet resources (3.78); the average value for all parameters was 3.48 points. A strong direct correlation ($r = 0.92$) was found between the level of financial literacy of the population and the Final Rating of Russian Regions. The forecast shows that increased financial literacy will contribute to the improvement of the socioeconomic indicators of Russian Federation constituent entities.

Conclusion. The study confirmed a correlation between the level of financial literacy and the socioeconomic development of Russian regions. Uneven financial knowledge was identified across federal districts: the highest level was found in the Central and Urals Federal Districts, while the lowest was found in the North Caucasus, Siberia, and Far Eastern Federal Districts. Differentiated strategies for improving financial literacy were proposed, targeting key problem areas and priority development areas.

Keywords: financial literacy, rating of regions, investment activity, business development, financial knowledge, financial literacy assessment methodology, correlation and regression analysis, financial stability of the population

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers and editors of the Russian Journal of Regional Studies for valuable recommendations, comments and advice that helped improve the quality of the text.

For citation: Bondarenko V.V., Yudina V.A., Kuznetsova E.V., Tanina M.A. Financial Literacy as a Factor in the Economic Development of Russian Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(2):415–437. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.415-437>

ВВЕДЕНИЕ

Уровень финансовой грамотности населения является фактором устойчивого экономического роста для отдельных граждан, регионов и страны в целом. Финансовая грамотность стимулирует экономику региона, что увеличивает инвестиционный потенциал и предпринимательскую активность населения. Граждане, будучи грамотными, принимают осознанные финансовые решения, что проявляется прежде всего в росте инвестиций (так как есть понимание механизмов и рисков инвестирования) и улучшении качества потребления.

Важная составляющая финансового благополучия граждан – способность противостоять мошенникам, атакам которых подверглись 77 % жителей страны¹. Ежегодные хищения со счетов физических лиц составляют миллиарды рублей². Финансовое просвещение для бизнеса и предпринимателей становится обязательным в рамках региональных программ повышения финансовой грамотности³.

В России почти 7 млн субъектов малого и среднего предпринимательства и более 5 млн самозанятых⁴. Понимание механизмов финансовой устойчивости бизнеса способно повысить экономические результаты отдельных хозяйствующих субъектов, объем валового регионального продукта, налоговые показатели и эффективность предпринимательской деятельности.

Серьезную проблему представляет уровень закредитованности населения: общая сумма кредитов россиян в 2025 г. составила 36 трлн руб.⁵ Например, каждый житель Республики Тыва, одного из самых закредитованных регионов, в среднем должен банкам больше 1 млн руб.⁶ При сложившемся уровне долговой нагрузки любой прирост реальных доходов населения, в том числе индексация фиксированных доходов (пенсий, заработной платы госслужащих и работников бюджетной сферы), нивелируется и воспринимается гражданами как недостаточный.

¹ Как финансовое просвещение влияет на экономику регионов [Электронный ресурс]. Минфин России : сайт. URL: <https://clck.ru/3TrKaR> (дата обращения: 29.03.2024).

² ЦБ сообщил о росте объема хищений мошенников в 2025 году до 29,3 млрд руб. [Электронный ресурс]. Интерфакс: сайт. URL: <https://www.interfax.ru/business/1072685?ysclid=mpwpng3j8z768145728> (дата обращения: 29.09.2025).

³ Актуализированная редакция Плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года: утв. Председателем Центрального банка Российской Федерации Э. С. Набиуллиной и министром финансов Российской Федерации А. Г. Силуановым от 26.03.2026 № ПМ-01-59/42 / 12-12-11/ВН-10583 [Электронный ресурс]. Минфин России : сайт. URL: <https://clck.ru/3TybGd> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴ Число субъектов малого бизнеса в России достигло рекордных 7 млн [Электронный ресурс]. Коммерсант : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8689213?ysclid=mpwpvgjc36416281175> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵ Как финансовое просвещение влияет на экономику регионов...

⁶ Названы регионы с самым высоким уровнем закредитованности [Электронный ресурс]. РИА новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20260302/uroven-2077752066.html> (дата обращения: 29.03.2024).

Современные тренды и вызовы – глобализация, цифровизация, нестабильность финансовых рынков в условиях санкционной политики – подчеркивают необходимость повышения уровня финансовой грамотности населения всех возрастных групп. Результаты исследований показывают, что уровень финансовой грамотности непосредственно оказывает влияние на принятие финансовых решений, объем сбережений, кредитную активность, инвестиции и финансовое поведение граждан⁷.

В России изучение данного аспекта актуализируется на фоне неоднородных социально-экономических условий в регионах. Различие в уровне финансовой грамотности может привести к заметным отклонениям в финансовом благополучии домохозяйств, что в свою очередь отразится на общем рейтинге благосостояния и экономической стабильности субъектов Федерации.

Цель статьи – установить характер влияния уровня финансовой грамотности населения на социально-экономическое развитие регионов РФ с обоснованием дифференцированных подходов к его повышению на основе выявленных региональных различий.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В зарубежных исследованиях изучение трендов финансовой грамотности населения разделилось на несколько направлений. Первое посвящено общим вопросам финансовой грамотности, ее структурным компонентам, видам. Финансовая грамотность рассматривается как осведомленность, т. е. понимание гражданами финансовых концепций, продуктов, услуг, что необходимо для принятия результативных финансовых решений⁸ [1; 2]. Уровень финансовой грамотности значим для эффективного финансового поведения, выбора действенных стратегий сбережения, инвестирования и самостоятельного планирования, а также для формирования экономически устойчивого положения в будущем в разрезе как отдельного человека, так и домохозяйств, субъектов малого предпринимательства.

В рамках выявления детерминант, формирующих результативный тип финансовой грамотности, ученые говорят о значительном влиянии на развитие финансовой грамотности гендерных различий и поведенческих установок [3–7].

Уровень финансовой грамотности определяет ряд факторов, в частности:

- пол (поведенческие установки мужчин и женщин в отношении рисков, принятия инвестиционных решений нетождественны);
- возраст (люди среднего и старшего возраста выбирают более консервативный тип инвестиционного поведения, что снижает финансовый риск и импульсивность решений);
- образование (чем оно лучше, тем больше и качественнее объем знаний по банковскому делу, ценообразованию, финансовому планированию, управлению рисками, налогообложению, юриспруденции и т. п.);
- принадлежность к определенной социальной группе и др.

Напротив, финансовая безграмотность приводит к низким результатам в сфере инвестиционной деятельности, страховых накоплений, финансовой безопасности, а также к снижению благосостояния общества в целом.

⁷ Исследование уровня финансовой грамотности: пятый этап [Электронный ресурс]. Банк России: сайт. URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/research/fin_ed_5/ (дата обращения: 29.03.2024).

⁸ Russo P.F., Galotto L., Rampazzi C. The Financial Literacy of Micro-Entrepreneurs: Evidence from Italy. Bank of Italy Occasional Paper No 727. 2023. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4463023>

Крупный пул исследований посвящен изучению цифровой финансовой грамотности, обладание которой выступает обязательным условием для получения доступа к цифровым финансовым продуктам и услугам, формирования способности принимать адаптивные финансовые решения. Рассуждая о трансверсальности компетенций цифровой финансовой грамотности, исследователи обосновывают необходимость специфичной структуры показателей последней, поскольку традиционные определения и параметры недостаточны для отражения особенностей финансовых услуг в цифровом контексте: эффективные финансовые операции возможны благодаря иным навыкам, осведомленности, отношению к использованию цифровых инструментов и механизмов цифровых транзакций⁹ [8–11].

В ряде государств для сбора сопоставимых на межстрановом уровне сведений при определении цифровой финансовой грамотности используется набор методологических инструментов и опросников, разработанных Международной сетью по финансовому образованию (*International Network on Financial Education, INFE*) Организации экономического сотрудничества и развития (*Organisation for Economic Cooperation and Development, OECD*). При этом цифровая финансовая грамотность понимается как совокупность знаний, навыков, установок и поведения, необходимых людям для того, чтобы знать и безопасно использовать цифровые финансовые услуги и технологии с целью содействия своему финансовому благополучию¹⁰.

Национальные стратегии развития финансовой грамотности приняты на Кипре, в Греции, Индии, Великобритании, Японии, США, России¹¹ и др.

Отечественные исследователи, анализируя аспекты финансовой культуры разных категорий населения, акцентируют внимание на том, что финансовая грамотность – главный фактор благосостояния и экономической стабильности как регионов, так и государства в целом. Подчеркивается, что недостаток знаний в данной сфере ведет к неэффективному управлению личными финансами и, как следствие, к ухудшению жизни; напротив, высокий уровень грамотности улучшает финансовое состояние домохозяйств и способствует стабильности финансовой системы [12–14].

В рамках анализа финансовой грамотности в разрезе социальных групп выявлено, что молодежь и пожилые люди демонстрируют более низкий ее уровень, чем работающее население¹². Это обстоятельство создает необходимость разработки целевых образовательных программ.

⁹ Morgan P., Trinh L.Q. Fintech and Financial Literacy in the Lao PDR. ADBI Working Paper 933. 2019. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3398235> ; Marin V.I., Castaneda L. Development of Digital Literacy for Teaching and Learning. In: Zawacki-Richter O., Jung I. (ed.) Handbook of Open, Distance, and Digital Education. Berlin/Heidelberg, Germany: Springer; 2023. P. 1089–1108. Available at: <https://link.springer.com/referencework/10.1007/978-981-19-2080-6> (accessed 18.03.2025).

¹⁰ OECD/INFE Survey Instrument to Measure Digital Financial Literacy [Online]. OECD : website. <https://doi.org/10.1787/548de821-en>

¹¹ Financial Literacy in Cyprus [Online]. OECD : website. <https://doi.org/10.1787/345ca38a-en> ; National Financial Literacy Strategy for Greece [Online]. OECD : website. <https://doi.org/10.1787/f30914d7-en> ; Международный опыт [Электронный ресурс]. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL: <https://fmc.hse.ru/world> (дата обращения: 29.03.2024) ; Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1303546217> (дата обращения: 29.03.2024).

¹² Попова Т.А., Ломоносов А.В. Взаимосвязь образования и финансового поведения. *Идеи и идеалы*. 2023;15(3/2):252–274. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-252-274>

В контексте влияния социальных и культурных факторов на уровень финансовой грамотности предлагается использовать междисциплинарный подход для более глубокого анализа данного феномена [15–17].

Акцентируется внимание на важности государственной политики в области повышения финансовой грамотности населения. Сформулированы рекомендации по внедрению образовательных программ и мероприятий, направленных на улучшение понимания финансовых вопросов населением России [18–20].

Анализируются результаты эмпирических исследований финансового поведения и финансовой грамотности населения регионов России. Разрабатываются концептуальные подходы к проведению комплексной оценки количественных и качественных характеристик финансовой грамотности на макро-, микро- и мезоуровнях для корректировки программ повышения финансовой культуры, совершенствования нормативной базы финансовой грамотности, содержательного уточнения индикаторов реализации мероприятий Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года¹³ [21–25].

Обзор теоретических источников показывает, что многие вопросы, связанные с масштабированием положительного опыта повышения уровня финансовой грамотности на уровне отдельных стран, регионов, недостаточно изучены в связи с ограниченным инструментарием оценки, недостаточной проработкой социокультурных и институциональных факторов, отставанием от технологических изменений, геополитическими событиями и др. Требуется уточнение параметров моделей финансово грамотного поведения населения, а также выявление значимых элементов финансовой культуры, которые позволяют наиболее эффективно реализовывать задачи социально-экономического развития регионов России.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступили регионы России, для которых характерны различные уровни социально-экономического развития и финансовой грамотности населения. Предметом исследования являлись финансовая грамотность населения (как фактор влияния на экономическое развитие регионов) и методы ее повышения с учетом региональной специфики.

Выборка и процедура отбора. Основу работы составили данные массового онлайн-опроса населения РФ, проведенного авторами в сентябре – ноябре 2025 года. Сбор данных осуществлялся методом стандартизированного онлайн-интервью (*Computer-Assisted Web Interviewing, CAWI*).

Для обеспечения соответствия выборочной и генеральной совокупности по главным социально-демографическим характеристикам применялся метод квотного отбора. Квоты устанавливались на основании официальных статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ о структуре населения в возрасте от 16 до 72 лет по состоянию на 2024 г.¹⁴ В качестве контролируемых параметров определены: пол (мужской/женский); возраст (с выделением когорт: 16–24 года, 25–34, 35–44, 45–54, 55–64 и 65–72 года); федеральный округ проживания

¹³ Белехова Г.В. Финансовое поведение и финансовая грамотность населения. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук; 2023. 250 с. <https://elibrary.ru/jvfhl>

¹⁴ Федеральная служба государственной статистики РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 15.03.2025).

(все восемь округов); род занятий (учащиеся, работающие по найму, бизнесмены, пенсионеры, занимающиеся домашним хозяйством, безработные, иное).

Ссылка на анкету распространялась через социальные сети, тематические интернет-сообщества и электронные рассылки. Применялись процедуры скрининга, позволяющие отбирать респондентов по заданным квотным параметрам. По мере заполнения квотных ячеек доступ к опросу для соответствующих групп закрывался.

Структура выборки ($n = 2\,273$) представлена в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Структура выборки исследования

Table 1. Characteristics of the study sample

Характеристики выборочной совокупности / Characteristics of the sample population	Значение показателя / Value of the indicator	
	абсолютное, чел. / absolute, person	относительное, % / relative, %
<i>Возраст / Age</i>		
16–24	512	23
25–34	520	23
35–44	572	25
45–54	503	22
55–64	121	5
65–72	45	2
<i>Пол / Gender</i>		
Женский / Female	1 211	53
Мужской / Male	1 062	47
<i>Место проживания – федеральный округ / Place of residence – federal district</i>		
Южный / South	286	13
Центральный / Central	289	13
Приволжский / Volga	309	14
Уральский / Urals	308	14
Дальневосточный / Far Eastern	279	12
Сибирский / Siberian	267	12
Северо-Западный / North-West	294	13
Северо-Кавказский / North Caucasian	241	11
<i>Распределение по роду занятий / Distribution by occupation</i>		
Учащийся / Student	522	23
Работаю по найму / I work for hire	994	44
Занимаюсь собственным бизнесом / I'm running my own business	429	19
Безработный (нахожусь в поиске работы) / Unemployed (I am looking for a job)	84	4
Пенсионер / Retired	136	6
Занимаюсь домашним хозяйством / I do household chores	104	4
Другое / Other	4	0,2
Итого / Total	2 273	100

Источник: здесь и далее материал подготовлен авторами по результатам исследования.

Source: hereinafter in the article was prepared by the authors based on the results of the research.

Наибольшую долю экономически активного населения в трудоспособном возрасте составили работающие по найму (44 %), а также предприниматели (19 %), другими словами, та категория населения, величина дохода которой коррелирует с общей макроэкономической ситуацией и уровнем экономического развития региона.

Инструментарий исследования. Анкета включала четыре тематических блока, направленных на оценку:

- 1) самооценки общего уровня финансовой грамотности;
- 2) объективных финансовых знаний (расчета процентов, понимания инфляции, капитализации и др.);
- 3) финансовых установок и поведенческих паттернов (наличия финансовых целей, практики планирования, отношения к риску);
- 4) восприятия респондентами влияния финансовой грамотности на социально-экономическое развитие регионов.

При разработке анкеты учитывались концептуальные подходы к оценке финансовой грамотности, сформулированные Организацией экономического сотрудничества и развития¹⁵, которые были адаптированы к российским условиям. Анкета предварительно прошла пилотаж на группе из 50 респондентов. По его итогам формулировки отдельных вопросов уточнялись в целях повышения их однозначности и корректности восприятия. Для измерения субъективных оценок применялась пятибалльная шкала Лайкерта.

Обработка первичных данных проводилась с использованием методов описательной статистики (частотного анализа, расчета средних значений, построения таблиц сопряженности); с привлечением пакета SPSS Statistics.

Для выявления связи между уровнем самооценки финансовой грамотности населения федеральных округов и Итоговым рейтингом регионов РФ¹⁶ применялся корреляционно-регрессионный анализ (коэффициент корреляции Пирсона, линейная регрессия). Ввиду неслучайного (квотного) характера выборки полученные коэффициенты корреляции интерпретировались как мера наблюдаемой взаимосвязи в обследованной совокупности, без вероятностного распространения выводов на всю генеральную совокупность.

Репрезентативность выборочной совокупности населения РФ обеспечена необходимым численным составом, соотносением выборочной и генеральной совокупности по половозрастному составу, роду занятий, географическим охватом мест проживания респондентов.

Все респонденты были проинформированы о целях исследования и выразили добровольное информированное согласие на участие в опросе. Анкетирование проводилось анонимно, полученные данные использовались исключительно в агрегированном виде.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты **самооценки уровня финансовой грамотности** следующие: охарактеризовали свой уровень как средний 57 % участников исследования, выше

¹⁵ OECD/INFE Survey Instrument to Measure Digital Financial Literacy...

¹⁶ РИА Рейтинг : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20251222/630290560.html?ysclid=mpwrs05b3j607078095> (дата обращения: 16.03.2025).

среднего – 24, как высокий – 9 %. Суммарно достаточный уровень финансовой грамотности отметили 89 % опрошенных. Однако такая высокая самооценка может быть связана с когнитивным искажением – излишней самоуверенностью, что приводит к неадекватной оценке и собственных способностей, и финансовых рисков.

Оценка компонентов финансовой грамотности (по методологии Организации экономического сотрудничества и развития). Итоговый индекс основан на значениях трех субиндексов: финансовых знаний, финансовых установок, финансового поведения.

Опрос включал блок вопросов для оценки финансовых знаний респондентов. Определение процентов по депозиту не вызвал затруднений у 69 % из них; неверный ответ дал 31 % опрошенных. Это может свидетельствовать о сложностях в оценке финансовых результатов банковских операций и выборе эффективного решения.

Отвечая на вопрос, связанный с пониманием капитализации процентов («Какую сумму процентов Вы получите через два года, оформив вклад на сумму 150 000 руб. под ставку 20 % годовых с капитализацией процентов?»), 47 % респондентов правильно рассчитали итоговую сумму средств, доступных к получению по окончании срока вклада, 53 % – ошиблись.

Влияние инфляции на покупательную способность («Снизится ли покупательная способность в стране, если инфляция возрастет?») 41 % участников опроса оценил адекватно. В сознании большинства существуют логическая связь и обратная зависимость между макроэкономическими показателями: чем выше инфляция, тем ниже покупательная способность.

На вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что высокая ключевая ставка позволяет больше накопить и стать богаче?» 65 % респондентов ответили отрицательно. Для многих из них данный макроэкономический показатель является своеобразным триггером, свидетельствующим об усилении инфляции, удорожании кредитных ресурсов и повышении общего уровня цен. Третья часть опрошенных согласилась с данным утверждением, учитывая, что рост ключевой ставки обуславливает увеличение процентов по вкладам, депозитам и накопительным счетам, а также рост курса национальной валюты и купонной доходности по облигациям.

Для формирования устойчивого финансового положения на случай форс-мажорных обстоятельств необходимо создать страховой резерв, или подушку безопасности, что позволит физическому лицу или домохозяйству чувствовать себя защищенно некоторый промежуток времени. Только 42 % участников опроса знакомы с подобной рекомендацией и планируют такой фонд в размере не меньше полугодового среднемесячного дохода; 11 – предполагают иметь финансовый запас в расчете на один месяц; 47 % респондентов готовы формировать подушку безопасности на 2–3 месяца. Таким образом, 58 % опрошенных рискуют потерять личную и/или семейную финансовую устойчивость в отсутствие резервного финансового фонда, что грозит возникновением предпосылок для банкротства физического лица.

В рамках финансовых установок, которые способны повысить или понизить уровень финансового благополучия человека, рассматривались наличие финансовой цели, финансовое планирование, контроль доходов и расходов.

Навык финансового планирования свойствен 72 % опрошенных граждан, которые на вопрос о необходимости вести контроль доходов и расходов ответили положительно, поскольку, по их мнению, это помогает достичь финансовой цели. Последняя имеется у 72 % населения, что является положительным фактором в стратегии грамотного финансового поведения.

В качестве инструмента планирования 48 % респондентов используют специальное приложение/программу либо просто записывают доходы и расходы. Еще 39 % опрошенных ведут учет «в уме». Таким образом, применяют инструменты финансового планирования в повседневной жизни 87 % участников опроса.

Следующий вопрос предлагался для выяснения отношения к рациональному потреблению и риску потери финансовой устойчивости. «Если не хватает денег на дорогую покупку, то...» готовы ее отложить на некоторое время 49 % опрошенных, больше зарабатывать и больше откладывать на нее – 39 %. Величина показателя свидетельствует об осознанном подходе к принятию решения о покупке, сравнению альтернативных вариантов и выбору оптимального для бюджета решения.

При этом предполагают использовать заемные средства и прибегнуть к услугам микрофинансовой организации, оформить кредитную карту или занять деньги у родственников/друзей 12 % опрошенных. Данная позиция указывает на импульсивность и сиюминутность в удовлетворении материальной потребности, нежелание ответственно подходить к долговой нагрузке и сбалансированному бюджету.

Выявление склонности к риску осуществлялось на основе выбора наиболее близкого утверждения из предложенного перечня. Сначала выбирают образец для сравнения и изучают результаты инвестирования окружающих 34 % опрошенных. Подобная осторожность имеет преимущества, однако получить значительный финансовый результат не позволит.

Не рассматривают для себя путь инвестора (не желают планировать на долгосрочный период, в том числе формировать инвестиционный портфель) 29 % респондентов. Логично предположить, что эта группа не станет активными пользователями программы долгосрочных сбережений для населения, которая рассчитана на 10 и более лет.

Считают, что без риска невозможно достичь финансового благополучия (т. е. поддерживают позицию «кто не рискует, тот не пьет шампанское»), 37 % участников опроса. Подобный подход характеризует инвестора агрессивного типа, который всегда выбирает высокорисковые проекты в ожидании соответствующего дохода.

Самооценка параметров финансовой грамотности (по шкале Лайкерта).

С целью самооценки уровня финансовой грамотности респондентам предлагалось оценить 20 параметров, характеризующих различные аспекты финансовой грамотности среднестатистического представителя населения РФ (табл. 2), по пятибалльной шкале Лайкерта.

Таблица 2. Результаты самооценки параметров финансовой грамотности населения РФ по пятибалльной шкале Лайкерта

Table 2. The results of self-assessment of financial literacy parameters of the Russian population on a five-point Likert scale

Параметр финансовой грамотности / Financial literacy parameter	Среднее значение самооценки параметра / The average self- assessment value of the parameter
1	2
1. Инвестирование: насколько хорошо Вы ориентируетесь в различных видах инвестиционных продуктов (акциях, облигациях, фондах)? / Investing: How well do you know about different types of investment products (stocks, bonds, funds)?	3,04
2. Планирование пенсионных накоплений: как Вы оцениваете уровень своих знаний о формировании накопительной части пенсии и программах государственного софинансирования накоплений? / Planning your retirement savings: How do you assess the level of your knowledge about the formation of the funded part of a pension and state co-financing programs for savings?	3,14
3. Знание о страховании: как Вы оцениваете свою осведомленность о различных видах страхования и их особенностях? / Knowledge about insurance: How would you rate your awareness of different types of insurance and their features?	3,19
4. Понимание кредитования: насколько хорошо Вы знаете и разбираетесь в работе кредитных механизмов и процентных ставок? / Understanding lending: How well do you know and understand how credit mechanisms and interest rates work?	3,39
5. Изучение финансовой информации: как Вы оцениваете свои навыки в анализе финансовой аналитической информации? / Study of financial information: How do you rate your skills in analyzing financial analytical information?	3,39
6. Психология денег: насколько Ваши эмоции и поведение влияют на принятие финансовых решений? / Psychology of money: To what extent do your emotions and behavior influence financial decision-making?	3,43
7. Сравнение финансовых продуктов: как Вы оцениваете свои способности к сравнению различных финансовых продуктов (кредитов, вкладов, страховок)? / Comparing financial products: How do you assess your ability to compare different financial products (loans, deposits, insurance)?	3,44
8. Знание прав потребителя финансовых услуг: насколько Вы осведомлены о своих правах как потребителя финансовых услуг? / Knowledge of the rights of a consumer of financial services: How aware are you of your rights as a consumer of financial services?	3,45
9. Управление долговыми обязательствами: как Вы оцениваете свои навыки в управлении долговыми обязательствами (кредитами, займами)? / Debt Management: How do you rate your skills in debt management (loans)?	3,47
10. Финансовое планирование: насколько хорошо Вы умеете разрабатывать долгосрочные финансовые планы? / Financial planning: How well do you know how to develop long-term financial plans?	3,49
11. Знание финансовых терминов: как Вы оцениваете свое знание основных финансовых терминов (например, «активы», «пассивы», «ликвидность»)? / Knowledge of financial terms: How would you rate your knowledge of basic financial terms (for example “assets”, “liabilities”, “liquidity”)?	3,51

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2
12. Использование финансовых приложений: насколько эффективно Вы используете компьютерные технологии для управления своими финансами? / Using financial applications: How effectively do you use computer technology to manage your finances?	3,51
13. Знание о налогах: как Вы оцениваете свои знания о налогах и налоговой системе? / Knowledge about taxes: How do you assess your knowledge of taxes and the tax system?	3,52
14. Финансовый анализ: как Вы оцениваете свои способности к анализу финансовых вопросов (сравнению ставок, условий)? / Financial analysis: How do you assess your ability to analyze your financial issues (comparing rates, conditions)?	3,53
15. Способность откладывать деньги: насколько успешно Вы откладываете деньги на сбережения или инвестиции? / Ability to save money: How successfully do you save money for savings or investments?	3,58
16. Понимание инфляции: насколько Вам понятно влияние инфляции на сбережения и кредиты? / Understanding inflation: How well do you understand the impact of inflation on savings and loans?	3,59
17. Самообучение в области финансовой грамотности: как Вы оцениваете свои способности и желание учиться актуальным финансовым концепциям и стратегиям? / Self-study in financial literacy: How do you assess your abilities and desire to learn relevant financial concepts and strategies?	3,60
18. Финансовые цели: насколько четко Вы ставите и планируете достижение своих финансовых целей? / Financial goals: How clearly do you set and plan to achieve your financial goals?	3,69
19. Интернет-ресурсы: насколько уверенно Вы используете интернет-технологии для поиска информации о финансах? / Online resources: How confident are you in using Internet technologies to search for financial information?	3,78
20. Понимание основ бюджета: насколько хорошо Вы понимаете, как составлять и придерживаться бюджета, в том числе семейного? / Understanding the basics of budgeting: How well do you understand how to make and stick to a budget, including a family one?	3,81
21. Среднее значение по всем 20 параметрам финансовой грамотности / The average score for all 20 financial literacy parameters	3,48

Из таблицы 2 видно, что все параметры, характеризующие знание и навыки в области финансовой грамотности, оценены ниже четырех баллов, что свидетельствует о невысокой самооценке. При этом наименьшие оценки получили инвестирование, планирование пенсионных накоплений, знание о страховании, понимание кредитования, изучение финансовой информации (ниже 3,4 баллов). Наиболее высоко (выше 3,6 баллов) респонденты оценили постановку финансовых целей, применение интернет-ресурсов для поиска финансовой информации, понимание основ семейного и личного бюджета.

Влияние финансовой грамотности на социально-экономическое развитие регионов. При формировании показателя развития региональной экономики важно учитывать установки и мотивацию населения в отношении бизнеса и предпринимательской деятельности. Значительная доля респондентов (68 %) предпочла

активные способы получения дохода (самозанятость, открытие бизнеса, подработка), что служит индикатором позитивной динамики в данной сфере. К получению пассивного дохода в виде финансовых инвестиций и процентного дохода по вкладам склоняются 32 % опрошенных. Другими словами, две трети информантов готовы включаться в активную деятельность, которая влияет на социально-экономическое развитие региона, и одна треть ждет начисления банком процентов по вкладу.

Большинство участников опроса (91 %) полагают, что уровень финансовой грамотности населения региона сказывается на социально-экономическом положении субъекта РФ. Распределение ответов на вопрос «На какие показатели социально-экономического развития региона влияет уровень финансовой грамотности?» представлено в таблице 3.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «На какие показатели социально-экономического развития региона влияет уровень финансовой грамотности?»

Table 3. Distribution of respondents' answers to the question: "What indicators of socioeconomic development of the region are affected by the level of financial literacy?"

Вариант ответа, баллов / Answer option, points	Показатель социально-экономического развития региона, кол-во выборов / Indicator of socioeconomic development of the region, number of selections						
	инвестиционной привлекательности / investment attractiveness	развитости инфраструктуры / development of infrastructure	экономической активности населения / economic activity of the population	потребления отдельных благ / consumption of individual goods	дифференциации доходов населения / income differentiation of the population	удовлетворенности населения жизнью / population satisfaction with life	обеспеченности жильем / housing provision
5	524	587	744	568	549	686	708
4	815	806	763	900	815	773	739
3	671	651	595	636	722	600	581
2	178	155	126	116	128	137	151
1	85	74	45	53	59	77	94

Примечание: оценка в 1 балл трактовалась как очень низкий уровень влияния, 2 – низкий; 3 – ниже среднего, 4 – средний, в 5 баллов – как высокий уровень влияния.

Note: a score of 1 point was interpreted as a very low level of influence, 2 – low, 3 – below average, 4 – average, 5 points – as a high level.

Как видно из таблицы 3, самые высокие баллы получили экономическая активность населения и обеспеченность жильем. К первому показателю можно отнести не только долю вовлеченных работников в процесс производства общественного продукта, но и склонность к ведению бизнеса, регистрации в качестве самозанятых. Высокие связь и степень влияния названных показателей акцентировали 67 % респондентов.

Финансовая культура необходима молодым, начинающим бизнесменам и самозанятым. Как показывает статистика¹⁷, ежегодно создается почти 1 млн субъектов малого и среднего предпринимательства, однако в первые два года больше половины из них закрываются. Одна из причин закрытия – невысокая финансовая грамотность предпринимателей.

¹⁷ Как финансовое просвещение влияет на экономику регионов...

Показатель обеспеченности жильем и уровень финансовой грамотности тесно взаимосвязаны для 64 % опрошенных. Актуальные финансовые знания и рациональные установки финансового поведения помогают правильно пользоваться ипотекой, рассчитывать долговое обременение бюджета и уберечься от мошеннических действий в сфере недвижимости.

Уровень влияния финансовой грамотности на инвестиционную привлекательность региона, его инфраструктуру и уровень потребления отдельных благ как средний оценили 36, 35 и 40 % опрошенных соответственно.

Инвестиционная привлекательность региона и его инфраструктура определяются прежде всего степенью специализации субъекта РФ и текущим развитием, а не уровнем финансовой грамотности. Почти 40 % респондентов считают, что непосредственное влияние финансовая грамотность оказывает именно на индивидуальное (личное) потребление.

Ниже среднего уровень финансовой грамотности, по оценкам населения, воздействует на степень дифференциации доходов и удовлетворенности качеством жизни. Так, соответственно 32 и 26 % опрошенных полагают, что данные показатели социально-экономического развития региона и финансовые знания не коррелируют друг с другом.

Источники информации для повышения уровня финансовой грамотности представлены на рисунке. Предпочтение отдано электронным средствам массовой информации (СМИ) и официальным аккаунтам в соцсетях (63 %).

Р и с у н о к. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие информационные ресурсы в области повышения финансовой грамотности Вы используете?» (допускалось больше одного ответа), %

F i g u r e. Distribution of respondents' responses to the question "What information resources in the field of improving financial literacy do you use?" (more than one answer allowed), %

Лекции специалистов по финансовой грамотности выбрали 38 % респондентов, следят за подобными тематическими блогами – 35, читают печатные издания и полиграфическую продукцию 18 % респондентов. При этом почти 14 % опрошенных

принимают участие во всероссийском экономическом диктante, 13 % – в онлайн-зачете по финансовой грамотности. Другими словами, аудитория предпочитает пассивное потребление контента в области финансовой грамотности в цифровом формате активному участию или традиционным носителям.

Данные для корреляционно-регрессионного анализа влияния финансовой грамотности на рейтинг регионов¹⁸ представлены в таблице 4.

Таблица 4. Данные для корреляционно-регрессионного анализа влияния уровня финансовой грамотности населения РФ на Итоговый рейтинг регионов РФ

Table 4. The data for the correlation and regression analysis of the impact of the level of financial literacy of the Russian population on the Final rating of the regions of the Russian Federation

Федеральный округ / Federal districts	Уровень самооценки финансовой грамотности (фактор влияния), x / The level of self-assessment of financial literacy (influence factor), x	Итоговый рейтинг регионов РФ (зависимый фактор), y , баллы / The final rating of the regions of the Russian Federation (dependent factor), y , points
Северо-Кавказский / North Caucasian	3,1	37,0
Дальневосточный / Far Eastern	3,2	46,5
Сибирский / Siberian	3,3	47,3
Южный / South	3,3	50,8
Северо-Западный / North-West	3,7	53,7
Приволжский / Volga	3,7	57,2
Центральный / Central	3,9	57,7
Уральский / Urals	3,8	59,7

Примечание: анализ основан на самооценке, что может искажать силу наблюдаемой связи.

Note: the analysis is based on self-report, which may bias the strength of the observed association.

Источник: подготовлено с учетом уровня Итогового рейтинга регионов РФ по данным РИА Рейтинг...

Source: based taking into account the level of the Final Rating of Russian Regions according to RIA Rating...

Значение коэффициента корреляции равно 0,92 ($r = 0,92$), что свидетельствует о сильной прямой корреляционной зависимости. Уравнение регрессии имеет вид: $y_x = -0,38 + 14,81x$. Значимость коэффициента корреляции подтверждена, поскольку значение t -критерия Стьюдента $t_{\text{расч}} = 8,2 > t_{\text{табл}}^{19}$.

Из уравнения регрессии видно, что при росте самооценки на 1 балл (по пятибалльной шкале) Итоговый рейтинг региона может возрасти на 14,8 балла (по столбалльной шкале). Подобный рост может быть обусловлен поведенческим эффектом: люди, считающие себя финансово грамотными, активнее пользуются банковскими услугами, инвестируют, реже берут «плохие» кредиты, откладывают

¹⁸ Итоговый ежегодный рейтинг регионов РФ рассчитывается экспертами Центра экономических исследований «РИА Рейтинг». За 2024 год рейтинг вычислялся как агрегированная величина по четырем группам социально-экономических показателей регионального развития (масштаба экономики, эффективности экономики, бюджетной и социальной сферы; максимальная оценка – 100 баллов) [25].

¹⁹ Результаты носят предварительный характер ввиду агрегации данных по федеральным округам.

сбережения, что способствует снижению долговой нагрузки, росту доходов населения и повышает финансовую устойчивость региона в целом.

Кроме того, высокая самооценка финансовой грамотности может коррелировать с реальным использованием финансовых инструментов. Иначе говоря, регионы, где население уверено в своих финансовых знаниях, чаще показывают более высокую долю сбережений и безналичных платежей, что положительно влияет на уровень Итогового рейтинга данных территорий.

Рассчитанный коэффициент корреляции указывает на умеренную или выраженную прямую связь между самооценкой финансовой грамотности и Итоговым рейтингом региона, следовательно, данное влияние может оцениваться как положительное. При условии повышения уровня финансовой грамотности граждан можно ожидать улучшения ряда региональных показателей: качества жизни населения, социально-экономического положения субъекта РФ, сбалансированности рынка труда, материального благополучия населения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты позволяют предположить наличие положительной связи между уровнем финансовой грамотности населения (в том числе показателями самооценки уровня финансовой грамотности) и индикаторами экономического развития российских регионов. Применяемая методика способствовала выявлению различий в развитии регионов и формированию с учетом данной специфики дифференцированных стратегий повышения финансовой грамотности населения.

Выводы исследования достоверны, так как используемый аналитический подход к оценке уровня финансовой грамотности (включающий оценку знаний, поведенческих практик и финансовых установок населения) согласуется с пулом отечественных исследований в данной области²⁰ [26]. Представленные материалы дополняют и развивают ранние работы с учетом современного уровня реализации Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры населения на период до 2030 г.²¹

В целом респонденты достаточно низко оценивают свои знания и навыки в области финансовой грамотности, что свидетельствует об актуальности просветительских, обучающих мероприятий, специализированных программ, реализуемых во всех субъектах РФ.

Обнаруженная корреляция между уровнем финансовой грамотности и такими показателями, как качество жизни населения, сбалансированность рынка труда или материальное благополучие, может иметь двойственный характер. С одной стороны, более высокая финансовая грамотность способствует рациональному принятию решений в сфере сбережения, кредитования и инвестирования, что на агрегированном уровне потенциально улучшает региональную экономическую динамику. С другой, – в более развитых регионах объективно имеется больше

²⁰ Федотов А.Р. Современные подходы к повышению финансовой грамотности населения и их связь с региональными социально-экономическими показателями. *Финансовые рынки и банки*. 2025;(9):504–510. <https://elibrary.ru/xsiatp> ; Сушко Е.Ю. Влияние финансовой грамотности населения на развитие экономики региона: дисс. ... канд. экон. наук. 2018. 225 с. <https://elibrary.ru/xsiatp>

²¹ Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года...

ресурсов для повышения финансовой грамотности (качественное школьное и профессиональное образование, широкая доступность финансовых организаций, просветительские программы).

Наибольшие значения уровня самооценки финансовой грамотности населения выявлены в Уральском, Центральном, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах. В целом образование местного населения, в том числе в финансовой сфере, а также доходы и возможности, которые в связи с этим предоставляются, позволяют формировать достаточно высокий уровень экономических отношений в регионе. Последнее в конечном счете определяет степень развития бизнеса, промышленности, рынка труда и недвижимости.

Наименьшее значение уровня самооценки финансовой грамотности населения выявлено в Северо-Кавказском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Сказываются специфика социально-экономического и географического ландшафта, влияющего на технические возможности распространения финансовой информации и использования финансовых технологий, а также ментальные, социокультурные особенности местного населения [18]. Необходимо учитывать как специфику регионов, так и запросы их жителей.

Самые низкие оценки получили параметры: инвестирование, планирование пенсионных накоплений, знание о страховании, понимание кредитования, изучение финансовой информации (менее 3,4 баллов). Названные параметры важны для понимания и принятия грамотных финансовых решений, поскольку вложение денежных средств в целях сбережения и приумножения, формирование пенсионных накоплений, грамотное распоряжение кредитными ресурсами и их своевременное погашение служат залогом финансового благополучия граждан.

Таким образом, целенаправленное развитие инвестиционной культуры, пенсионного планирования, страховой грамотности, ответственного кредитования и навыков регулярного изучения финансовой информации представляет собой точки роста финансовой грамотности и, как следствие, экономической устойчивости населения в Северо-Кавказском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах.

Исследование опирается на данные, представленные по всем федеральным округам РФ. Методологические ограничения, связанные с выборочной совокупностью, заключаются в том, что полнота и качество первичной информации могут варьироваться в зависимости от округа. Возможна неполная представленность отдаленных, малонаселенных или труднодоступных территорий (особенно в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах), что может влиять на достоверность статистических выводов для данных регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования изучены основные элементы финансовой грамотности, а также проанализированы данные, позволяющие установить связь между финансовыми знаниями населения и социально-экономическими характеристиками регионов. Обнаружены неравномерность финансовых знаний и навыков населения; значимость финансовой грамотности для социально-экономического развития регионов; необходимость просветительских и обучающих программ для повышения уровня финансовой грамотности граждан РФ.

Корреляционно-регрессионный анализ выявил, что уровень финансовой грамотности населения также оказывает значимое влияние на Итоговый рейтинг регионов России. В частности, более высокий уровень финансовой грамотности дает возможность населению лучше разбираться в соответствующих инструментах, повышать размер сбережений, выстраивать грамотное финансовое поведение, проявлять инвестиционную активность. В совокупности это способствует улучшению региональных социально-экономических показателей: уровня жизни, занятости и предпринимательской активности.

Региональные программы по повышению финансовой грамотности выступают действенным инструментом устойчивого развития и улучшения конкурентоспособности территорий. Инвестиции в образовательные инициативы в рассматриваемой сфере следует воспринимать как стратегический приоритет в контексте достижения общего благосостояния и устойчивого развития страны.

Полученные результаты углубляют теоретические представления о роли финансовой грамотности, а также позволяют разработать практические рекомендации для государственных органов и образовательных учреждений, которые нацелены на разработку эффективных программ повышения финансовой грамотности населения.

Для повышения рейтинга предлагается уделить внимание увеличению общего уровня финансовой грамотности и финансовой культуры населения в Северо-Кавказском (минимальное значение рейтинга региона и уровня финансовой грамотности), Дальневосточном и Сибирском федеральных округах, в первую очередь – вопросам инвестирования, формирования пенсионных накоплений, основам кредитования и страхования. Рекомендуются включить подобную тематику в региональные программы повышения финансовой грамотности населения субъектов РФ, а также адаптировать имеющиеся методические материалы под потребности местных жителей.

Обозначенная задача решается в рамках реализации упомянутых региональных программ путем целенаправленной работы, сфокусированной на отдельных тематических областях. Последние должны быть выбраны с учетом актуальных для жителей конкретного субъекта РФ тем, выявленных в процессе анализа регионального уровня финансовой грамотности. Данная тематика, как и целевые группы (с описанием специфики когнитивного восприятия и мышления), отражается в третьем разделе дополнительной формы отчета о результатах реализации государственных программ субъектов РФ, направленных на повышение финансовой грамотности и формирование финансовой культуры граждан²². Это, например, могут быть темы: «задолженность по кредитам физических лиц, в том числе просроченная», «ипотека, в том числе с государственной поддержкой», «банковские услуги, в том числе вклады, кредиты и банковские карты».

Для федеральных округов – лидеров в сфере финансовой грамотности целесообразно развивать такие направления финансовой культуры, как ответственное

²² Методические рекомендации по содержательному наполнению государственных программ субъектов Российской Федерации (структурных элементов государственных программ субъектов Российской Федерации) / региональных программ, направленных на повышение финансовой грамотности населения: письмо Минфина РФ от 05.07.2023 № 12-12-06/62296 [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=459825> (дата обращения: 16.03.2025).

поведение, предпринимательская культура, пенсионные накопления граждан и программа долгосрочных сбережений в контексте социальной ответственности бизнеса. Уместно сконцентрировать усилия на разъяснении вопросов инвестиций и ценных бумаг, защиты прав потребителей (в том числе противодействия недобросовестным практикам, включая недобросовестные продажи), финансов для малого бизнеса (как начать бизнес, льготы и меры поддержки, самозанятость), налогов, цифрового рубля.

Внимание к названным аспектам финансовой грамотности поможет вывести на новый качественный уровень региональные процессы в сфере социально-экономического развития.

Перспективными направлениями дальнейших изысканий являются 1) построение динамических моделей влияния уровня финансовой грамотности на показатели регионального развития за период 6 – 10 лет, что позволит оценить временные лаги между ростом финансовой грамотности и изменениями региональных экономических показателей; 2) детализация исследования по отдельным компонентам финансовой грамотности (страхованию, кредитованию, инвестированию, пенсионному планированию) и социально-демографическим группам населения, что даст возможность сформулировать узкие и конкретные рекомендации по развитию финансовой грамотности для разных категорий граждан.

Практическая значимость результатов исследования определяется тем, что сформулированные выводы позволяют скорректировать программы финансового просвещения с акцентом на развитии проблемных компетенций населения (страхования, кредитования, инвестирования, пенсионного планирования) с опорой на региональные особенности. Органам государственного и регионального управления результаты исследования предоставляют количественное обоснование в контексте разработки мер поддержки федеральных округов (Северо-Кавказского, Сибирского и Дальневосточного) в области повышения уровня финансовой грамотности, качества жизни и материального благополучия населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anshika A., Singla A., Mallik G. Determinants of Financial Literacy: Empirical Evidence from Micro and Small Enterprises in India. *Asia Pacific Management Review*. 2021;26(4):248–255. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2021.03.001>
2. Molina-Garcia A., Dieguez-Soto J., Galache-Laza M.T., Campos-Valenzuela M. Financial Literacy in SMEs: A Bibliometric Analysis and a Systematic Literature Review of an Emerging Research Field. *Review of Managerial Science*. 2023;17(3):787–826. <https://doi.org/10.1007/s11846-022-00556-2>
3. Pitthan F., De Witte K. How Learning about Behavioural Biases Can Improve Financial Literacy? *International Review of Economics and Finance*. 2025;(99):103989. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2025.103989>
4. Bottazzi L., Lusardi A. Stereotypes in Financial Literacy: Evidence from PISA. *Journal of Corporate Finance*. 2021;(71):101831. <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2020.101831>
5. Kumar P., Islam M.A., Pillai R., Sharif T. Analysing the Behavioural, Psychological, and Demographic Determinants of Financial Decision Making of Household Investors. *Heliyon*. 2023;(9):1308. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e13085>
6. Wagner J., Walstad W.B. Gender Differences in Financial Decision-Making and Behaviors in Single and Joint Households. *The American Economist*. 2022;68(1):5–23. <https://doi.org/10.1177/05694345221076004>

7. Hsu Y.L., Chen H.L., Huang P.K., Lin W.Y. Does Financial Literacy Mitigate Gender Differences in Investment Behavioral Bias? *Finance Research Letters*. 2021;(41):101789. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101789>
8. Lyons A.C., Kass-Hanna J. A Methodological Overview to Defining and Measuring “Digital” Financial Literacy. *Financial Planning Review*. 2021;4(2):e1113. <https://doi.org/10.1002/CFP2.1113>
9. Shen Y., Hueng C.J., Hu W. Using Digital Technology to Improve Financial Inclusion in China. *Applied Economics Letters*. 2020;27(1):30–34. <https://doi.org/10.1080/13504851.2019.1606401>
10. Azeez N.P.A., Akhtar S.M.J. Digital Financial Literacy and Its Determinants: An Empirical Evidences from Rural India. *South Asian Journal of Social Studies and Economics*. 2021;11(2):8–22. <https://doi.org/10.9734/sajsse/2021/v11i230279>
11. Setiawan B., Nugraha D.P., Irawan A., Nathan R.J., Zoltan Z. User Innovativeness and Fintech Adoption in Indonesia. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2021;7(3):188. <https://doi.org/10.3390/joitmc7030188>
12. Егоров Е.Ю. Анализ текущего уровня финансовой грамотности населения России: вызовы и перспективы. *Экономические науки*. 2023;(6):465–470. <https://doi.org/10.14451/1.223.465>
13. Кузнецов Н.Г., Самыгин С.И., Бохан К.А. Финансовая грамотность населения: вектор развития. *Гуманитарий Юга России*. 2024;13(5):77–91. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.5.6>
14. Дончевская Л.В., Фролова О.В. Повышение финансовой грамотности и формирование финансовой культуры в России: научно-технический аспект. *Экономические и социальные проблемы России*. 2024;(2):143–157. <https://doi.org/10.31249/espr/2024/02.08>
15. Левина Е.В. Направления расширения программ финансовой грамотности молодежи в контексте формирования доверия негосударственным пенсионным фондам. *Креативная экономика*. 2025;19(2):445–458. <https://doi.org/10.18334/ce.19.2.122624>
16. Бадмаева А.О., Пюрбеев С.В., Сангаджиев Б.В. и др. Исторические аспекты внедрения финансовой грамотности у студентов: педагогические стратегии и их влияние на личную экономику: изучение и внедрение финансового образования в университетские программы. *Экономика и предпринимательство*. 2025;(3):1341–1344. <https://doi.org/10.34925/EIP.2025.176.3.240>
17. Паатова М.Э., Меденцева А.А., Агошкова О.В., Ожева С.Б. Технология формирования финансовой грамотности пожилых граждан. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 2024;(4):40–44. <https://elibrary.ru/oefdcz>
18. Дмитриева О.Ю., Кадышев Е.Н., Горбунова П.Г., Патьянова А.О. Финансовое просвещение как инструмент повышения уровня финансовой грамотности и формирования финансовой культуры российских граждан. *Финансы и кредит*. 2025;31(2):24–42. <https://doi.org/10.24891/fc.31.2.24>
19. Кузнецова Е.Ю. Финансовая и трудовая грамотность населения как актуальная экономическая проблема: ракурс преподавателя. *Экономика и предпринимательство*. 2025;(1):51–56. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.174.1.006>
20. Лазутина Д.В., Портняга Е.М. Концепции финансовой грамотности в современном мире. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2023;9(3):43–67. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-43-67>
21. Антонова М.В. Оценка уровня финансовой грамотности населения: разработка и апробация авторской методики. *Экономика. Информатика*. 2025;52(4):825–836. <https://doi.org/10.52575/2687-0932-2025-52-4-825-836>
22. Милошенко О.А., Шульженко А.М. Тенденции развития финансовой грамотности молодежи Российской Федерации. *Фундаментальные исследования*. 2024;(1):33–38. <https://doi.org/10.17513/fr.43553>
23. Высочина М.В., Фокина Н.А. Методические подходы к оценке финансовой грамотности населения. *Научный вестник. Финансы, банки, инвестиции*. 2025;(1):56–71. <https://doi.org/10.29039/2312-5330-2025-1-56-71>
24. Тюриков А.Г., Круглова Е.Л., Кунижева Д.А. Финансовое поведение россиян: практики, модели, эффективные инструменты. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(6):107–120. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-6-107-120>
25. Кузнецов О.В., Иванов А.В., Воровский Н.В., Шевалкин И.С. Институционализация финансовой грамотности взрослого населения России. *Финансы: теория и практика*. 2020;24(1):34–45. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-1-34-45>

26. Бибикова Е.А., Самвелян Г.А. Влияние финансовой грамотности населения на развитие экономики региона. *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. 2023;(4):6–14. <https://www.elibrary.ru/ovadto>

REFERENCES

1. Anshika A., Singla A., Mallik G. Determinants of Financial Literacy: Empirical Evidence from Micro and Small Enterprises in India. *Asia Pacific Management Review*. 2021;26(4):248–255. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2021.03.001>
2. Molina-Garcia A., Dieguez-Soto J., Galache-Laza M.T., Campos-Valenzuela M. Financial Literacy in SMEs: A Bibliometric Analysis and a Systematic Literature Review of an Emerging Research Field. *Review of Managerial Science*. 2023;17(3):787–826. <https://doi.org/10.1007/s11846-022-00556-2>
3. Pitthan F., De Witte K. How Learning about Behavioural Biases Can Improve Financial Literacy? *International Review of Economics and Finance*. 2025;(99):103989. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2025.103989>
4. Bottazzi L., Lusardi A. Stereotypes in Financial Literacy: Evidence from PISA. *Journal of Corporate Finance*. 2021;(71):101831. <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2020.101831>
5. Kumar P., Islam M.A., Pillai R., Sharif T. Analysing the Behavioural, Psychological, and Demographic Determinants of Financial Decision Making of Household Investors. *Heliyon*. 2023;(9):1308. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e13085>
6. Wagner J., Walstad W.B. Gender Differences in Financial Decision-Making and Behaviors in Single and Joint Households. *The American Economist*. 2022;68(1):5–23. <https://doi.org/10.1177/05694345221076004>
7. Hsu Y.L., Chen H.L., Huang P.K., Lin W.Y. Does Financial Literacy Mitigate Gender Differences in Investment Behavioral Bias? *Finance Research Letters*. 2021;(41):101789. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101789>
8. Lyons A.C., Kass-Hanna J. A Methodological Overview to Defining and Measuring “Digital” Financial Literacy. *Financial Planning Review*. 2021;4(2):e1113. <https://doi.org/10.1002/CFP2.1113>
9. Shen Y., Hueng C.J., Hu W. Using Digital Technology to Improve Financial Inclusion in China. *Applied Economics Letters*. 2020;27(1):30–34. <https://doi.org/10.1080/13504851.2019.1606401>
10. Azeez N.P.A., Akhtar S.M.J. Digital Financial Literacy and Its Determinants: An Empirical Evidences from Rural India. *South Asian Journal of Social Studies and Economics*. 2021;11(2):8–22. <https://doi.org/10.9734/sajsse/2021/v11i230279>
11. Setiawan B., Nugraha D.P., Irawan A., Nathan R.J., Zoltan Z. User Innovativeness and Fintech Adoption in Indonesia. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2021;7(3):188. <https://doi.org/10.3390/joitmc7030188>
12. Egorov E.Yu. Analysis of the Current Level of Financial Literacy of the Russian Population: Challenges and Prospects. *Ekonomicheskiye nauki*. 2023;(6):465–470. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14451/1.223.465>
13. Kuznetsov N.G., Samygin S.I., Bokhan K.A. Financial Literacy of the Population: A Vector of Development. *Humanities of the South of Russia*. 2024;13(5):77–91. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.5.6>
14. Donchevskaya L.V., Frolova O.V. Improving Financial Literacy and the Formation of Financial Culture in Russia: Scientific and Technical Aspect. *Economic and Social Problems of Russia*. 2024;(2):143–157. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/espr/2024/02.08>
15. Levina E.V. Directions for Expanding Financial Literacy Programs for Young People in the Context of Building Trust in Non-Governmental Pension Funds. *Creative Economy*. 2025;19(2):445–458. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/ce.19.2.122624>
16. Badmaeva A.O., Pyurbeev S.V., Sangadzhiev B.V., et al. Historical Aspects of Financial Literacy Implementation among Students: Pedagogical Strategies and Their Impact on Personal Economy: Study and Implementation of Financial Education in University Programs. *Ekonomika i predprinimatelstvo*. 2025;(3):1341–1344. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2025.176.3.240>
17. Paatova M.E., Medentseva A.A., Agoshkova O.V., Ozheva S.B. Technology of Formation of Financial Literacy of Senior Citizens. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 2024;(4):40–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/oefdcz>

18. Dmitrieva O.Yu., Kadyshev E.N., Gorbunova P.G., Patyanova A.O. Financial Education as a Tool for Improving the Financial Literacy and Forming the Financial Culture of Russian Citizens. *Finance and Credit*. 2025;31(2):24–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24891/fc.31.2.24>
19. Kuznetsova E.Y. Financial and Labor Literacy of the Population as an Urgent Economic Problem: A Teacher's Perspective. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2025;(1):51–56. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.174.1.006>
20. Lazutina D.V., Portnyaga E.M. Financial Literacy Analysis: A Comprehensive Study. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2023;9(3):43–67. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-43-67>
21. Antonova M.V. Assessing the Financial Literacy of the Population: Development and Testing of the Author's Methodology. *Economics. Information Technologies*. 2025;52(4):825–836. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.52575/2687-0932-2025-52-4-825-836>
22. Milyushenko O.A., Shulzhenko A.M. Trends in the Development of Financial Literacy of Youth in the Russian Federation. *Fundamental Research*. 2024;(1):33–38. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17513/fr.43553>
23. Vysochina M.V., Fokina N.A. Methodological Approaches to Financial Assessment Literacy of the Population. *Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*. 2025;(1):56–71. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29039/2312-5330-2025-1-56-71>
24. Tyurikov A.G., Kruglova E.L., Kunizheva D.A. Financial Behavior of Russians: Practices, Models, Effective Tools. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(6):107–120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-6-107-120>
25. Kuznetsov O.V., Ivanov A.V., Vorovskii N.V., Shevalkin I.S. Institutionalization of Financial Literacy of the Adult Population of Russia. *Finance: Theory and Practice*. 2020;24(1):34–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-1-34-45>
26. Bibikova E.A., Samvelyan G.A. Impact of Financial Literacy of the Population on the Development of the Regions Economy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya: Ekonomika, finansy i upravleniye proizvodstvom*. 2023;(4):6–14. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ovadto>

Об авторах:

Бондаренко Владимир Викторович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (440052, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33Б), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>, Researcher ID: E-5624-2018, Scopus ID: 57211802151, SPIN-код: 8606-0184, bond40@bk.ru

Кузнецова Елена Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (440052, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33Б), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6863-1066>, SPIN-код: 5509-1140, elena_myskina@mail.ru

Танина Мария Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (440052, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33Б), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>, Researcher ID: E-7224-2018, Scopus ID: 57211810144, SPIN-код: 8764-6330, margo10@inbox.ru

Юдина Вера Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (440052, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33Б), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>, Researcher ID: E-4558-2018, Scopus ID: 57211803103, SPIN-код: 2887-6549, vayudina@fa.ru

Вклад авторов:

В. В. Бондаренко – научное руководство; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Е. В. Кузнецова – разработка методологии; валидация результатов.

М. А. Танина – формальный анализ; проведение исследования.

В. А. Юдина – разработка концепции; визуализация.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 02.05.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

About the authors:

Vladimir V. Bondarenko, Dr.Sci. (Econ.), Professor of the Chair of Management, Computer Science and Humanities, Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33B Kalinin St., Penza 440052, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>, Researcher ID: E-5624-2018, Scopus ID: 57211802151, SPIN-code: 8606-0184, bond40@bk.ru

Elena V. Kuznetsova, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor of the Chair of Management, Computer Science and Humanities, Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33B Kalinin St., Penza 440052, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6863-1066>, SPIN-code: 5509-1140, elena_myskina@mail.ru

Mariya A. Tanina, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor of the Chair of Management, Computer Science and Humanities, Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33B Kalinin St., Penza 440052, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>, Researcher ID: E-7224-2018, Scopus ID: 57211810144, SPIN-code: 8764-6330, margo10@inbox.ru

Vera A. Yudina, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor of the Chair of Management, Computer Science and Humanities, Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33B Kalinin St., Penza 440052, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>, Researcher ID: E-4558-2018, Scopus ID: 57211803103, SPIN-code: 2887-6549, vayudina@fa.ru

Contribution of the authors:

V. V. Bondarenko – supervision; writing – review and editing.

E. V. Kuznetsova – methodology; validation.

M. A. Tanina – formal analysis; investigation.

V. A. Yudina – conceptualization; visualization.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 02.05.2025; revised 22.10.2025; accepted 06.11.2025.

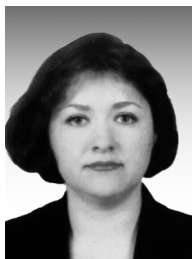
**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ /
ECONOMIC SOCIOLOGY**<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.438-462><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/szlsep>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 316.334.22:339.175

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Противоречия рынка труда в условиях гиг-экономики:
особенности российской модели****Е. А. Колесник**

*Тюменский индустриальный университет
(г. Тюмень, Российская Федерация)
kolesnikea@tyuiu.ru*

Аннотация

Введение. Активное развитие гиг-экономики в России сопровождается возникновением противоречий (институциональных, экономических, социальных и организационных) на рынке труда, что обуславливает их комплексный анализ с учетом глобальных вызовов и национальной специфики. Цель исследования – выявить главные противоречия рынка труда в условиях гиг-экономики и проанализировать особенности их проявления в российской модели.

Материалы и методы. Методология исследования основана на системном подходе, объединяющем теорию трансформации труда, институциональную теорию и региональный анализ. Применены методы сравнительного анализа (фриланса и платформенной занятости в России и за рубежом, правового регулирования), статистического анализа (данных Росстата, фриланс-платформ и аналитических отчетов), контент-анализа научных публикаций, анализа поисковых запросов (Google Trends), а также качественный метод (типологизация противоречий). Это позволило выявить ведущие тенденции и предложить системное понимание трансформации рынка труда под влиянием гиг-экономики.

Результаты исследования. Разработана типология противоречий гиг-экономики, включающая универсальные и специфические аспекты фриланса и платформенной занятости. Обнаружены различия в проявлении противоречий в зависимости от формы занятости. Показано, что в России гиг-экономика развивается динамично, но неравномерно: фриланс демонстрирует рост, тогда как платформенная занятость сокращается, сохраняя значимость для отдельных демографических групп. Выявлены рост интереса к фрилансу и самозанятости, а также региональные диспропорции в развитии платформенной занятости.

Заключение. Результаты имеют практическую значимость для выявления системных проблем гиг-экономики; могут быть полезны государственным органам, бизнес-структурам и научному сообществу в контексте формирования политики в сфере труда. Перспективы исследований связаны с углубленным изучением влияния цифровизации на рынок труда, а также с поиском баланса между гибкостью занятости и устойчивостью трудовых отношений.

© Колесник Е. А., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: фриланс, платформенная занятость, трансформация трудовых отношений, правовая неопределенность, регуляторные вызовы, региональная дифференциация, региональные диспропорции

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Колесник Е.А. Противоречия рынка труда в условиях гиг-экономики: особенности российской модели. *Регионология*. 2026;34(2):438–462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.438-462>

Contradictions of the Labor Market in the Gig Economy: Features of the Russian Model

E. A. Kolesnik

*Industrial University of Tyumen
(Tyumen, Russian Federation)
kolesnikea@tyuiu.ru*

Abstract

Introduction. Russia's active economic development presupposes the interaction of contradictory factors (institutional, economic, social, and organizational) in the labor market, necessitating a comprehensive analysis that takes into account challenges and national specifics. The purpose of this study is to identify the main contradictions in the labor market in the gig economy and examine how they manifest themselves in the Russian model.

Materials and Methods. The research methodology is based on a systems approach, combining labor transformation theory, institutional theory, and regional analysis. Methods employed include comparative analysis (of freelancing and platform employment in Russia and abroad, and legal regulation), statistical analysis (Rosstat data, freelancing platforms, and analytical reports), content analysis of scientific publications, search query analysis (Google Trends), and a qualitative method (typification of contradictions). This allowed us to identify key trends and offer a systemic understanding of the transformation of the labor market under the influence of the gig economy.

Results. A typology of gig economy contradictions has been developed, encompassing universal and specific aspects of freelancing and platform employment. Differences in the manifestation of these contradictions are identified depending on the form of employment. It is shown that the gig economy in Russia is developing dynamically but unevenly: freelancing is growing, while platform employment is declining, although it remains significant for certain demographic groups. A growing interest in freelancing and self-employment, as well as regional disparities in the development of platform employment, are identified.

Conclusion. The results have practical significance for identifying systemic problems in the gig economy and may be useful for government agencies, businesses, and the scientific community in developing labor policy. Future research opportunities lie in an in-depth study of the impact of digitalization on the labor market, as well as in finding a balance between employment flexibility and the sustainability of labor relations.

Keywords: freelancing, platform employment, transformation of labor relations, legal uncertainty, regulatory challenges, regional differentiation, regional disparities

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Kolesnik E.A. Contradictions of the Labor Market in the Gig Economy: Features of the Russian Model. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(2):438–462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.438-462>

ВВЕДЕНИЕ

Форма труда, выступающего фундаментальной основой хозяйственных отношений, непрерывно видоизменяется: от примитивного собирательства и феодального ремесла до индустриального конвейера и цифровых платформ. Гиг-экономика, базирующаяся на временных и гибких моделях занятости, представляет собой новый этап трансформации, бросая вызов традиционным

представлениям о работе. Ее возникновение предопределено стремительной диффузией цифровых технологий, интернет-платформ и онлайн-сервисов, предложивших альтернативу стандартной занятости в виде фрагментированного труда без долгосрочных обязательств. По сути, гиг-экономика переопределила содержание труда: с одной стороны, редуцировала его до набора микрозадач, с другой, – обеспечила мобильное и дистанционное включение работников в бизнес-процессы.

В научном дискурсе до сих пор отсутствует унифицированный понятийный аппарат. Такие дефиниции, как «экономика краткосрочных контрактов», «экономика свободного заработка», «платформенная экономика с нестандартными трудовыми отношениями», нередко используются как взаимозаменяемые, что свидетельствует о незавершенности концептуального осмысления. Так, авторы в Европейском союзе чаще оперируют термином *platform work*¹, в США – *gig-economy*², в развивающихся странах – *digital labour platforms*³; в России – «гиг-экономика»⁴, «платформенная занятость»⁵, или «гигономика» [1].

Ввиду новизны трактовки разнятся. За рубежом под гиг-экономикой подразумевается ряд рабочих механизмов, которые ранее обозначались как ненадежные, гибкие и условные [2]; система, представляющая значительную трансформацию в обмене рабочей силой и услугами, доступными через цифровые платформы⁶; различные побочные действия, выполняемые на контрактной основе [3]. В отечественных исследованиях – «гибкий формат включения в рынок труда, предполагающий использование онлайн-платформы в качестве посредника»⁷ и «нестандартная форма занятости, когда организации (лица) применяют онлайн-платформу для доступа к другим организациям (лицам) в обмен на оплату» [4, с. 23].

Неоднородность подходов обусловлена новизной концепции, а также различиями в социально-экономических контекстах. Сложившаяся дискуссия формирует двойственность: с одной стороны, акцент на угрозах, с другой – на возможностях.

При этом результаты, связанные с гиг-экономикой, впечатляют. Согласно Business Research Insights, ее мировой объем составил 355 млрд долл. США в 2021 г.; к 2028 г. прогнозируется рост до 873 млрд долл. США при среднегодовом

¹ Knowledge Sharing Platform [Online]. Available at: <https://iskm.issa.int/node/14614> (accessed 24.05.2025).

² Gig Economy: A Research Guide [Online]. Available at: <https://guides.loc.gov/gig-economy/gig-types> (accessed 24.05.2025).

³ ILO Report: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work [Online]. Available at: <http://onlinelabourobservatory.org/paper/ilo-weso-report-2021/> (accessed 24.05.2025).

⁴ В гиг-экономике вовлечен каждый [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4474605> (дата обращения: 24.05.2025).

⁵ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=500750> (дата обращения: 24.05.2025).

⁶ Yunita F.T. Embracing the Gig Economy. *Indonesian Journal of Law and Society*. 2023;4(2):1–4. <https://elibrary.ru/qtqlts>

⁷ Синяевская О.В., Бирюкова С.С., Аптекарь А.П. и др. Платформенная занятость: определение и регулирование. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2021. URL: <https://clck.ru/3TqWzQ> (дата обращения: 24.05.2025).

темпе около 16,18 %⁸. World Bank Group фиксирует, что положительная динамика формируется повышенным спросом на платформенную занятость: с 2016 по 2023 г. потребность выросла на 41 %, а в долгосрочной перспективе может превзойти ожидания, поскольку данный вид занятости растет в три раза быстрее, чем традиционные формы.

По разным оценкам, платформенной занятостью охвачены от 154 до 435 млн чел.⁹ и на нее приходится около 12 % мировой рабочей силы. Cognitive Market Research указывает, что в 2024 г. объем рынка цифровых платформ составил 12 518,5 млн долл. США; в 2024–2031 гг. среднегодовой темп прироста достигнет 14,00 %¹⁰, а к 2035 г. в мире будет насчитываться 1 млрд гиг-работников¹¹.

Таким образом, стремительное развитие гиг-экономики трансформирует сферу труда, перестраивая традиционные трудовые отношения. Несмотря на неоднозначные последствия (социальную незащищенность, нестабильность доходов, ухудшение условий труда), данная модель демонстрирует выгоды, способствующие ее дальнейшему распространению. Прогнозируется, что гиг-экономика сохранит актуальность и усилит роль в формировании рынка труда.

Однако ее становление как инновационной и гибкой формы занятости сопряжено с глубокими системными противоречиями. Их изучение позволяет не только уяснить текущие вызовы, но и подчеркивает: когда гиг-экономика становится неотъемлемым элементом глобальной занятости, ее научное осмысление превращается в императив устойчивого развития трудовых отношений в XXI веке.

Цель исследования – выявление специфики российской модели гиг-экономики сквозь призму системных противоречий рынка труда.

Гипотеза исследования: развитие гиг-экономики в России порождает противоречия между потребностями гибкого рынка труда и сохраняющимися институциональными ограничениями, специфичными для российской социально-экономической модели.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В оценках характера гиг-занятости российские и зарубежные исследователи демонстрируют конвергенцию, однако расставляемые ими акценты различаются. Если первые чаще выводят на передний план институциональные лакуны и несоответствие сложившихся трудовых норм реалиям, то вторые фокусируются на конфликте между глобальной архитектурой цифровых платформ и локальными регуляторными системами. Общим становится признание того, что гиг-экономика является катализатором глубинных противоречий, выступая своеобразным стимулятором следующего спектра дисбалансов.

⁸ Gig Economy Market Report Overview [Online]. Available at: <https://www.businessresearchinsights.com/market-reports/gig-economy-market-102503> (accessed 24.05.2025).

⁹ World Development Report 2019. The Changing Nature of work [Online]. World Bank Group : website. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019> (accessed 24.05.2025).

¹⁰ Digital Platforms Market Report 2025 (Global Edition) [Online]. Cognitive Market Research and Consulting : website. Available at: <https://www.cognitivemarketresearch.com/digital-platforms-market-report> (accessed 25.05.2025).

¹¹ Модные и бездомные: как цифровая экономика изменила стиль жизни и географию деловых людей [Электронный ресурс]. Forbes : сайт. URL: <https://clc.li/COYMA> (дата обращения: 27.05.2025).

Противоречия глобального и локального порождают эффекты синергии, а также устойчивые дисбалансы. Основное противоречие заложено в природе цифровых платформ. Будучи глобальными по охвату, они трансформируют локальные рынки труда, открывая работникам доступ к международным заказам и одновременно усиливая конкуренцию, что на локальном уровне оборачивается снижением заработной платы и ухудшением условий занятости [5].

Данный тезис развивают зарубежные авторы [6], подчеркивая разрыв между глобальными возможностями и локальными системами социальной защиты. Гиг-работники оказываются включенными в глобальную экономику, но при этом несут локализованные риски, не компенсируемые традиционными механизмами – гарантиями занятости, пенсионными отчислениями, медицинским страхованием. Исследователи, М. Спенджер и М. Андерсен, указывают на фундаментальное несоответствие между безграничностью цифровых рынков труда и ограниченностью локальных регуляторных систем, что порождает «правовые вакуумы» и ставит под вопрос устойчивость самой модели гиг-экономики [3].

Институциональные и правовые разрывы. Наиболее острым представляется несоответствие трудового законодательства стремительно меняющейся структуре занятости. Зарубежные ученые выделяют нарастающий конфликт с традиционными институтами на правовом уровне, основа которого – правовая неопределенность статуса гиг-работника в отсутствие единого понимания в разных юрисдикциях [7].

А. Рюйтер и М. Браун концентрируются на конфликте между гибкостью гиг-работы и бинарной моделью «работник – работодатель». Отмечается, что платформы, выступая лишь посредниками, снижают уровень ответственности за условия труда и социальные риски, и это позволяет обходить трудовое законодательство и провоцирует «регуляторный арбитраж» (т. е. выбор компаниями юрисдикций с наиболее мягким законодательством) [2].

Российские исследователи, в свою очередь, обращают внимание на специфические для национального контекста пробелы. Так, А. Е. Пономарченко констатирует отсутствие единого статуса занятости при формальном нежелании многих гиг-работников переходить в традиционные трудовые отношения и одновременной потребности в защите прав [8]. Возникает парадокс: независимость оборачивается невозможностью отстаивать права при их нарушении. Подчеркивается, что новые формы занятости развиваются вразрез институционализации и институциональному регулированию организации труда [9]; наличие лакун в трудовых отношениях порождает правовую неопределенность для обеих сторон [10].

Таким образом, гиг-экономика разрушает традиционные механизмы коллективной защиты. Профсоюзы и социальное партнерство замещаются индивидуальными контрактами, атомизация труда лишает работников возможности совместно отстаивать интересы [11]. Индивидуальная гибкость оборачивается социальной незащищенностью, что требует переосмысления моделей трудовых отношений.

Экономические и социальные дисбалансы. Выделяется также устойчивый «парадокс финансов и безопасности» [12; 13] – несоответствие между потенциальными экономическими выгодами и реальными социальными рисками

гиг-занятости. В частности, К. Эйприл ослабление трудовых гарантий видит системной проблемой [14]. Этот парадокс определяется как противоречие между декларируемой свободой и фактическим ухудшением экономического положения, особенно в периоды нестабильности [9; 10; 15]. Следствием становится фактическая «приватизация рынка труда», т. е. формирование нового, улучшенного, рынка ««нетто-труда», очищенного от социальных выплат» [16, с. 64].

Одновременно в гиг-секторе усиливается риск прекаризации занятости. В зарубежных исследованиях отмечается, что это прямая угроза экономическому благосостоянию работников, переводящая их в разряд прекариата с высокими рисками бедности и профессиональной деградации [17; 18]. В долгосрочной перспективе данный процесс может привести к снижению квалификации рабочей силы и росту социального неравенства. По мнению К. Эйприла, гиг-экономика подрывает базовые принципы достойного труда, закрепленные в международных нормах, что способствует формированию «цифрового прекариата» [14] – слоя работников с повышенной уязвимостью (низкой оплатой труда, нестабильным графиком работы, краткосрочными контрактами, ограничением доступа к соцзащите).

Подобные модели не согласуются с традиционными принципами, на которых выстроены трудовые отношения в России, усиливают социально-трудовую и экономическую нестабильность [9; 10]. И зарубежные, и отечественные ученые указывают на углубление социального неравенства, рост разрыва между высоко- и низкооплачиваемыми работниками [18; 19], причем поляризация усугубляется различиями по полу и стране рождения, создавая «пересекающееся неравенство» [20].

Организационные и коммуникативные противоречия, касающиеся автономии работника и алгоритмического управления. Указывается, что гиг-работа создает лишь иллюзию свободы. Формальная самостоятельность в выборе заданий и графика сопровождается тотальным цифровым контролем, алгоритмическим диктатом, распределением заказов и определением оплаты без возможности влиять на условия занятости¹² [21; 22]. Это способствует «произволу» платформ-агрегаторов¹³ и разрушению традиционных социально-трудовых гарантий.

Кроме того, в смешанных командах возникают организационно-управленческие противоречия. Гиг-работники редко проникаются ценностями компании, воспринимаются штатными сотрудниками как дополнительная нагрузка, их сложнее координировать, что замедляет процессы и удлиняет производственный цикл¹⁴.

Таким образом, хотя российские и зарубежные исследователи едины в признании гиг-экономики глобальным вызовом, масштаб ее трансформационного воздействия остается предметом научной дискуссии. В имеющейся литературе преобладает общая констатация противоречий между глобальным и локальным либо фрагментарное описание отдельных дисбалансов – правовых,

¹² Кубишин Е.С. Условия труда и новые формы нестандартной занятости в контексте развития человеческого потенциала России: Препринт научного доклада. М.: Институт экономики РАН; 2023. С. 47–48. URL: https://inecon.org/docs/2023/Kubishin_paper_2023.pdf (дата обращения: 24.05.2025).

¹³ Емельянова О.Я., Кравец М.А., Самсонов В.С., Шершень И.В. Адаптация работников в условиях gig-экономики: монография. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т; 2021. 176 с. <https://elibrary.ru/fwrnmd>

¹⁴ Легчилина Е.Ю. Инновации в системе социально-трудовых отношений в условиях развития gig-экономики. В кн.: Инновационные проекты и технологии в образовании, промышленности и на транспорте: материалы научной конференции, посвященной Дню Российской науки. Омск, 07 февраля 2014 года. Омск; 2021. С. 382–387. <https://elibrary.ru/fvidpl>

экономических, организационных. Системный анализ взаимосвязи указанных противоречий применительно к российскому рынку труда отсутствует. Выявленный пробел обосновывает необходимость разработки авторского подхода к типологизации противоречий гиг-экономики и их эмпирической верификации на российских данных.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн и теоретико-методологическая основа исследования. Работа выполнена в рамках системного подхода. Гиг-экономика рассматривалась как сложная динамичная система, включающая институциональные, экономические, социальные и организационные аспекты.

В основу методологии легли теория трансформации труда (анализ изменений в организации и содержании трудовой деятельности), институциональная теория (изучение формальных и неформальных правил, регулирующих занятость) и региональный анализ (оценка пространственной дифференциации показателей).

Эмпирическую базу исследования составили:

1) сведения Росстата (итоги выборочного обследования рабочей силы за 2022–2024 гг.¹⁵) по численности платформенных занятых в разрезе возрастных групп, уровня образования, пола и федеральных округов;

2) данные фриланс-платформ и аналитических агентств (FL.ru, KWork, Solar Staff)¹⁶, совместного мониторинга Data Insight и Avito¹⁷, а также исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), PwC, Statista, Национальной гильдии фрилансеров;

3) агрегированные показатели Google Trends по России за 2020–2025 гг. по запросам «фриланс», «самозанятость», «дистанционная работа» (с региональной детализацией)¹⁸;

¹⁵ Итоги выборочного обследования рабочей силы [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁶ FL.ru Анализ сайта [Электронный ресурс]. Similarweb : сайт. URL: <https://www.similarweb.com/ru/website/fl.ru/#overview> (дата обращения: 24.05.2025) ; Статистика и аналитика [Электронный ресурс]. KWork : сайт. URL: <https://kwork.ru/categories/analytics> (дата обращения: 24.05.2025) ; Фриланс [Электронный ресурс]. TAdviser : сайт. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Фриланс> (дата обращения: 24.05.2025).

¹⁷ Тема «фрилансеры» [Электронный ресурс]. НИУ ВШЭ : сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/keywords/5022072/> (дата обращения: 24.05.2025) ; Фрилансерам обещают больше работы. Мониторинг рынка труда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4692772> (дата обращения: 24.05.2025) ; Number of Freelancers in Russia from 2014 to 2023 [Online]. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1206709/number-of-freelancers-russia/> (accessed 29.06.2025) ; Итоги года: Российский рынок фриланса в 2024 году [Электронный ресурс]. URL: <https://гильдия-фрилансеров.рф/post/itogi-goda-rossiyskiy-rynok-frilansa-v-2024-godu-122> (дата обращения: 04.05.2025) ; Маркетинговое исследование Российский рынок услуг. Самозанятые исполнители и микробизнес 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://datainsight.ru/DI_Avito_Services (дата обращения: 14.04.2025).

¹⁸ Именно они наиболее полно отражают поведенческие стратегии населения в сегменте гиг-занятости: «фриланс» фиксирует интерес к занятости вне трудового договора; «самозанятость» связана с легализацией доходов через соответствующий налог; «дистанционная работа» отражает спрос на удаленный формат (который может реализовываться как в гиг-формате, так и в рамках традиционной занятости, однако в контексте гиг-экономики интерпретируется с учетом платформенных и фриланс-моделей). Запрос «платформенная занятость» не был включен в анализ из-за отсутствия значимого количества поисковых запросов, что также является диагностическим признаком низкой информированности населения либо слабой укорененности данной терминологии в массовом сознании.

4) российские и зарубежные публикации по проблематике гиг-экономики за 2015–2025 гг. (категории контент-анализа: институциональные, экономические, социальные, организационные противоречия).

Итоговая информационная база представляет собой комбинацию количественных панельных (по регионам и годам) и качественных (тексты публикаций, результаты поисковых запросов) данных. Поскольку официальная статистика не ведет системный учет фрилансеров, а методологии учета платформенной занятости различаются, применялось сопоставление данных из разных источников.

Этапы эмпирического анализа. На первом проведен сравнительный анализ двух основных форм гиг-занятости (фриланса и платформенной занятости), а также их проявлений в России и зарубежных странах. Сравнение осуществлялось по единым критериям: форме организации труда, порядку выбора заказов, способу оплаты, типу правового регулирования, механизмам контроля качества, наличию социальных гарантий, уровню доходов и региональному распределению. На этой основе выделены общие тенденции и национальные особенности.

Термин «фриланс» применяется для описания формы вольнонаемного труда, характеризующейся автономностью и отсутствием жесткой привязки к конкретному рабочему месту [23, с. 162].

Второй этап включал статистический анализ. Обработаны количественные данные по динамике численности гиг-работников (в абсолютных и относительных показателях), их доходам (интервальным распределениям, структурным сдвигам, процентным изменениям), а также региональному распределению (доле по федеральным округам). Расчеты выполнены с использованием описательной статистики.

На третьем этапе проводился контент-анализ научных публикаций. Были отобраны источники: российские и зарубежные статьи, отчеты. Категории операционализированы через конкретные индикаторы, например «правовая неопределенность» фиксировалась как отсутствие четкого статуса, пробелы в законодательстве, коллизии с налогообложением. Проведено кодирование: количественный подсчет упоминаний и качественная интерпретация контекста (в рамках институциональной теории и теории трансформации труда).

На последнем, четвертом, этапе анализировались поисковые запросы (Google Trends)¹⁹. Оценивалась динамика интереса к запросам «фриланс», «самозанятость», «дистанционная работа» по России в целом и в региональном разрезе за 2020–2025 гг.

Регионы для анализа отбирались по следующим критериям: наличие статистически значимого объема поисковых запросов (не менее 100 баллов по шкале Google Trends за отдельные периоды); географическое покрытие (все федеральные округа РФ); контрастность паттернов (по каждому типу запросов включены регионы-лидеры, а также со средними и низкими показателями для сопоставительного анализа). Дополнительно учитывалась возможность интерпретации полученных данных в контексте социально-экономических

¹⁹ Данные по платформенной занятости не вошли в анализ из-за отсутствия значимых запросов (например, «платформенная занятость», «работа на платформах»), связанных с этим видом деятельности; учтена возможная погрешность из-за нерепрезентативности выборки.

характеристик (уровня безработицы, долговой нагрузки, развития цифровой инфраструктуры).

Использование эмпирических и теоретических методов исследования позволило зафиксировать и описать выявленные особенности функционирования рынка труда в условиях гиг-экономики, а также теоретически осмыслить факторы, влияющие на его развитие. Применялись метод систематизации, системный анализ, синтез, индуктивный и дедуктивный методы, обобщение, анализ документов.

Конкретизация абстрактных понятий подразумевала аспекты: формы занятости (традиционного фриланса (самостоятельный поиск проектов) и платформенной занятости (выполнение задач через цифровые сервисы)); правовое регулирование (анализ законодательных норм, регулирующих гиг-экономику, а также статуса работников (самозанятые, индивидуальные предприниматели (ИП), наемные сотрудники)); социальные гарантии (оценка доступа к социальным гарантиям и механизмам защиты трудовых прав).

На основе эмпирических данных проведена кластеризация противоречий по тематическим блокам; интерпретированы расхождения между прогнозами аналитических агентств и официальной статистикой Росстата.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Институционализация гиг-занятости в России: этапы и правовые коллизии. Активная фаза институционального оформления гиг-занятости в России приходится на 2020–2021 гг. Ее предпосылки сформировались в ходе предшествовавших экономических и технологических сдвигов.

Катализатором расширения фриланс-сектора выступил мировой финансовый кризис 2008 г., когда численность занятых в секторе достигла 8,6 тыс. чел., причем 22 % из них относились к категории «чистых фрилансеров»²⁰, преимущественно сконцентрированных в сфере информационных технологий, дизайна, мультимедиа и инжиниринга.

Уже на этом этапе проявилась первая коллизия: фактическое присутствие гибких форм занятости не сопровождалось ни их правовой идентификацией, ни включением в систему трудовых отношений.

Следующий этап институционализации связан с попыткой легализации самозанятости. В 2017 году официальный статус «самозанятый» был введен для отдельных категорий (репетиторов, нянь, сиделок, уборщиков), однако данное решение имело ограниченный и, по сути, экспериментальный характер.

Принципиальным сдвигом стало внедрение в 2019 г. налога на профессиональный доход. Это упростило налоговое администрирование и одновременно закрепило правовую амбивалентность, поскольку гиг-занятые оказались в легальном поле без полноценного трудового статуса (в том числе без социальных гарантий и защиты от дискриминации).

Параллельно государство активизировало поддержку цифровой трансформации рынка труда. В 2017 году была утверждена программа

²⁰ Стребков Д., Шевчук А. Итоги «Первой всероссийской переписи фрилансеров» в диаграммах и графиках [Электронный ресурс]. URL: http://st.free-lance.ru/users/admin/upload/f_4a4cba30b88c9.pdf (дата обращения: 29.05.2025).

«Цифровая экономика», а Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ обозначило платформенную занятость как один из основных драйверов экономического роста до 2030 г.²¹ В рамках Российской ассоциации электронных коммуникаций формировались отраслевые кластеры, ориентированные на решение системных проблем цифровизации, что свидетельствовало о консолидации интересов государства и бизнеса.

Однако и здесь возникла коллизия между стратегическими нарративами и фактическим регулированием. Попытка законодательного оформления платформенной занятости в проекте федерального закона²² не увенчалась успехом. Механизмы ее функционирования и контроля продолжают существовать в правовом вакууме.

Самозанятость как специальный налоговый режим получила закрепление в федеральном законе²³, и гиг-занятые были интегрированы в правовое поле, но без распространения на них норм трудового законодательства. Указанная двойственность составляет центральное противоречие на современном этапе.

Эволюция новых форм занятости демонстрирует переход от ситуативных адаптационных механизмов к частичной институционализации, тогда как отсутствие комплексного регулирования (на уровне занятости и в отраслевом разрезе) свидетельствует о незавершенности процесса. Это порождает структурные проблемы на российском рынке труда, особенно в контексте региональной дифференциации и внешнеэкономических ограничений.

Российский фриланс в условиях гиг-экономики: тренды и противоречия.

Хотя в академическом дискурсе термин «фриланс» применяется активно, в российской правовой системе его определение отсутствует. С позиций гражданского и налогового законодательства фрилансер может действовать как индивидуальный предприниматель, самозанятое либо физическое лицо без специального налогового режима. Подобная правовая неоднозначность создает противоречие между теоретическим пониманием фриланса как гибкой формы занятости и его фактическим регулированием. Дополнительным фактором неопределенности выступает отсутствие системного учета фрилансеров в официальной статистике, что ведет к искажению реальных масштабов занятости, несовершенству регулирования и социальным рискам.

Тем не менее аналитические материалы позволяют зафиксировать значимые тенденции в развитии фриланс-сектора. Согласно данным биржи FL.ru, численность зарегистрированных фрилансеров выросла с 500 тыс.

²¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”»: утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 7 от 04.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Tp7DW> (дата обращения: 29.05.2025); План структурных изменений в российской экономике до 2030 года: утв. протоколом заседания Правительства РФ от 27.11.2025 № 41 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413219438/> (дата обращения: 29.05.2025).

²² О занятости населения в Российской Федерации: проект федерального закона № 275599-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/275599-8> (дата обращения: 29.05.2025).

²³ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ [Электронный ресурс]. Рос. газ. URL: <https://pressa.ru/ru/reader/#/magazines/rossijskaya-gazeta/issues/270-2018/pages/11/> (дата обращения: 29.05.2025).

в 2011 г. до 4,9 млн в 2021 г., т. е. в 9,8 раза²⁴. Этому способствовали цифровизация экономики, а также регуляторные меры. Пандемийный период 2020–2022 гг., по оценкам PwC, привел к увеличению числа фрилансеров почти втрое (с 5 до 14 млн), что соответствовало около 20 % занятого населения²⁵. Платформа KWork зафиксировала рост спроса на услуги на 93 % и увеличение числа исполнителей на 128 %²⁶.

В 2023–2024 годах наблюдались структурные сдвиги. Statista оценила численность фрилансеров в России в 2023 г. в 19 млн²⁷. В 2024 году 81 % услуг в сфере электронной коммерции (Wildberries, Ozon и др.) оказывался фрилансерами, причем спрос на их поддержку вырос на 50 %²⁸. Число российских компаний, привлекающих фрилансеров, в 2024 г. по сравнению с 2023 увеличилось на 1,26 %²⁹.

Одновременно происходила технологическая трансформация. Количество услуг, связанных с искусственным интеллектом, на фриланс-платформах удвоилось, а заказы на них выросли на 37 %³⁰. Лидерство по востребованности сохраняют информационные технологии (36 % от общего объема заказов³¹), что коррелирует с глобальным трендом на гибридизацию цифровых навыков.

Кроме того, обозначилась специализация услуг по отраслевому принципу. Наиболее динамично развивались цифровой маркетинг и электронная коммерция (по данным KWork, за 2024 г. спрос на продвижение на маркетплейсах Wildberries и Ozon вырос на 53 и 45 % соответственно³²), а также сектора комплексных решений. Появились новые бизнес-модели: «гибридные команды» (в крупных компаниях), специализированные платформы-агрегаторы (Toptal Russia и Workspace для IT-фриланса; YouDo, Workzilla и Kwork для e-commerce), увеличение контрактных сроков (свыше 6 месяцев).

Динамика доходов фрилансеров представлена в таблице 1. Данные свидетельствуют о тенденции к росту доходов фрилансеров, причем их величина варьируется в зависимости от специализации и рынка заказчиков. Средний доход вырос на 40–60 % и более; высококвалифицированные специалисты в области информационных технологий и фрилансеры, работающие с иностранными клиентами, зарабатывают существенно выше среднего по рынку уровня. Гиг-экономика, таким образом, создает парадокс: расширяя возможности для получения дохода

²⁴ Путь в 16 лет. Как развивался фриланс в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fl.ru/freelance-history/> (дата обращения: 29.05.2025).

²⁵ Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60c8e3139a79472ba64fde35?from=copy> (дата обращения: 29.05.2025).

²⁶ Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года [Электронный ресурс]. KWork.Блог : сайт. URL: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/analiz-rynka-frilansa-itogi-2024-goda> (дата обращения: 29.05.2025).

²⁷ Number of Freelancers in Russia from 2014 to 2023...

²⁸ Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года...

²⁹ Спрос на фрилансеров в России в 2024 году стабильно растет [Электронный ресурс]. КО : сайт. URL: <https://ko.ru/news/spros-na-frilanserov-v-rossii-v-2024-godu-stabilno-rastet/> (дата обращения: 29.05.2025).

³⁰ Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года...

³¹ Рынок фриланса 2025: итоги года от Kwork [Электронный ресурс]. KWork.Блог : сайт. URL: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/rynok-frilansa-2025-itogi-goda-ot-kwork> (дата обращения: 30.12.2025).

³² Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года...

(в том числе через статус самозанятого), она одновременно углубляет внутренние противоречия фриланса, превращая его из гибкой формы занятости в модель «устойчивой неустойчивости» с поляризацией доходов и отсутствием трудовых прав у большинства занятых.

Таблица 1. Структура и динамика ежемесячных доходов фрилансеров, по данным аналитических источников

Table 1. Structure and dynamics of freelancers' monthly income based on analytical sources

Источник данных / Data source	Интервал доходов, руб. / доля респондентов, % / Income range, rubles / share of respondents, %	Период, лет / Period, years	Динамика доходов (2023→2024), руб. / доля респондентов, % / Income dy- namics (2023→2024), rubles / share of respon- dents, %
Solar Staff	41 000 – 200 000 / Н/д / n/a	2024	+ 30 000 – 75 000 / Н/д / n/a
Kwork	100 000 – 326 000 / Н/д / n/a	2024/2023	+ / 54; = / 24; – / 22
Национальная гильдия фрилансеров / National Guild of Freelancers	< 30 000 / 46; 30 000 – 60 000 / 22; 60 000 – 100 000 / 13; > 100 000 / 19	2024/2023	+ / 28; = / 45; – / 27
Finder.vc	< 20 000 / 77; 150 000 – 250 000 / 6	2024	Н/д / n/a

Примечания: 1) данные за 2023–2024 гг. представлены в сравнительном формате, однако методологии сбора и обработки данных у источников различаются (разный состав выборки, критерии отбора респондентов, способы агрегации доходов). Прямое сопоставление абсолютных значений не рекомендуется; таблица предназначена для выявления общих трендов; 2) «Н/д» – нет данных; 3) все доходы указаны в рублях, без учета инфляции.

Notes: 1) data for 2023–2024 are presented in comparative format, however, data collection and processing methodologies differ across sources (different sample composition, respondent selection criteria, income aggregation methods). Direct comparison of absolute values is not recommended; the table is intended to identify general trends; 2) “n/a” – no data available; 3) all incomes are in RUB, not adjusted for inflation.

Источник: Solar Staff: среди фрилансеров самый высокий доход получают программисты [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1467750-frilans-dohod-issledovanie> (дата обращения: 29.05.2025) ; Исследование: доходы фрилансеров в 2024 году продолжают расти. URL: <https://digitalbroccoli.com/2024/10/21/report2024/> ; Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года... ; Итоги года: Российский рынок фриланса в 2024 году... ; Разбираем доходы фрилансера: сколько можно заработать и как избежать рисков. URL: <https://kredita.net/spravochnik/skolko-zarabatyvaet-frilanser/>

Source: Solar Staff: among freelancers, programmers receive the highest income [Online]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/news/1467750-frilans-dohod-issledovanie> (accessed 05.29.2025) ; Study: freelancers' incomes continue to grow in 2024. Available at: <https://digitalbroccoli.com/2024/10/21/report2024/> ; Freelance market analysis: results of 2024... ; Results of the year: Russian freelance market in 2024... ; We analyze freelance income: how much you can earn and how to avoid risks. Available at: <https://kredita.net/spravochnik/skolko-zarabatyvaet-frilanser/>

Особенности платформенной занятости в России. Фриланс и платформенная занятость имеют как сходства, так и различия. Последние связаны с системой регулирования, характером взаимодействия сторон и применяемой экономической моделью (табл. 2).

Таблица 2. Основные различия между фрилансом и платформенной занятостью
Table 2. Key differences between freelancing and platform employment

Показатель / Indicator	Фриланс / Freelance	Платформенная занятость / Platform Employment
Организация труда / Organization of work	Исполнитель договаривается непосредственно с заказчиком / The contractor negotiates directly with the customer	Работа через цифровую платформу / Work through a digital platform
Выбор заказов / Selecting orders	Фрилансер сам ищет клиентов / The freelancer searches for clients themselves	Задания распределяют алгоритмы / Tasks are distributed by algorithms
Оплата / Payment	Договорная (может быть фиксированной, почасовой, процентной) / Negotiable (can be fixed, hourly, percentage)	Тарифы устанавливает платформа (часто динамические, с учетом спроса) / Tariffs are set by the platform (often dynamic, based on demand)
Регулирование / Regulation	Договор гражданско-правового характера, самозанятость, индивидуальное предпринимательство / Civil law contract, self-employment, individual entrepreneur	Чаще всего самозанятость или статус независимого подрядчика / Most often self-employment or independent contractor status
Контроль качества / Quality control	Заказчик оценивает результат / The customer evaluates the result	Используются рейтинги, штрафы, система отзывов / Ratings, penalties, and a review system are used

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Source: the table was compiled by the author based on research materials.

Платформенная занятость в России, в отличие от фриланса, постепенно оформляется в значимый сегмент национального рынка труда. Согласно оценкам НИУ ВШЭ, страна входит в число мировых лидеров по уровню платформенной занятости: в 2023 г. данный показатель достиг 4,4 %³³. В то же время, по сведениям Росстата, в 2024 г. насчитывалось 2 994 тыс. платформенно занятых³⁴, что на 14,1 и 17 % ниже значений 2023 и 2022 гг. соответственно³⁵.

Несмотря на общее сокращение, для отдельных групп населения подобная занятость сохраняет критическое значение, выступая в роли социального амортизатора. При этом общая численность платформенно занятых оказалась высокочувствительной к макроэкономической конъюнктуре: в периоды экономической нестабильности работники, для которых эта занятость не является критической, уходят с платформ, тогда как группа зависимых остается, что и создает видимость разнонаправленной динамики.

³³ Платформенная занятость в России: экспресс-информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-10-16_platformennaya_zanyatost (дата обращения: 16.10.2024) ; Синявская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых: экспертный доклад [Электронный ресурс]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2024. 64 с. URL: <https://clck.ru/3Tpquv> (дата обращения: 04.05.2025).

³⁴ Итоги выборочного обследования рабочей силы...

³⁵ Данное расхождение является не статистической погрешностью, а прямым отражением методологических и сущностных противоречий гиг-занятости. Росстат фиксирует зарегистрированные трудовые отношения, которые в условиях правового вакуума нередко отсутствуют. В то же время аналитические исследования ориентированы на практику и охватывают весь спектр гиг-работы, включая неформальную, разовую и совместительскую деятельность, часто невидимую для официального учета. Таким образом, расхождение в данных обнажает главный парадокс: гиг-занятость массово существует в экономической реальности, но в значительной степени остается невидимой для традиционных институтов учета и регулирования.

В 2023–2024 годах наиболее вовлеченными оказались лица в возрасте 20–29, 30–39 и 40–49 лет³⁶. Доля молодежи (20–29 лет) среди платформенных занятых по основной работе увеличилась на 0,6 % при общем снижении их численности. Это позволяет говорить о постепенном замещении более старших возрастных групп молодыми специалистами. Объясняется оно лучшей адаптированностью поколения к цифровой среде и/или большей доступностью и гибкостью платформенной занятости по сравнению с традиционными каналами трудоустройства, что делает ее привлекательной для молодежи даже в условиях общего дефицита кадров в экономике. В группе 40–49 лет фиксируется рост доли занятых по дополнительной работе (0,7 %), тогда как по основной занятости показатели демонстрируют нисходящий тренд.

Для лиц среднего возраста платформы превращаются в инструмент компенсации недостаточности основного заработка либо формирования альтернативных источников дохода. Преобладание молодых и средневозрастных работников косвенно указывает на сужение возможностей для старших поколений, что может быть связано как с цифровым разрывом, так и со спецификой платформенного спроса, ориентированного на гибкость и скорость выполнения задач.

Образовательная структура платформенных занятых также обнаруживает системные противоречия. В 2022–2024 годах в основной занятости на платформах преобладали лица с высшим образованием (33,9 % в 2024 г.), однако с 2022 г. их доля сократилась на 14,3 %. Одновременно растет представительство специалистов со средним профессиональным образованием. На дополнительной работе высшее образование сохраняет лидерство (38,2 %³⁷), но среди мужчин больше тех, кто имеет среднее профессиональное образование. Это формирует двойной эффект: с одной стороны, расширяются возможности трудоустройства для разных образовательных групп, с другой – возникает конкуренция, способная снизить ценность документов об образовании (прежде всего высшем) как сигнала о квалификации для работодателей в гиг-секторе.

Выявляется и устойчивый гендерный дисбаланс. Хотя женщины в платформенной занятости демонстрируют более высокую образовательную планку (17,0 % с высшим образованием против 16,9 % у мужчин в 2024 г.), их общее представительство существенно ниже. Мужчины доминируют, особенно в сегменте среднего профессионального образования (19 против 21,8 % женщин с высшим образованием³⁸).

Эта диспропорция обусловлена скорее отраслевой структурой платформенной занятости, которая воспроизводит горизонтальную профессиональную сегрегацию, характерную для традиционного рынка труда. Согласно данным платформы Profi.ru, мужчины доминируют в категориях «ремонт и строительство», «такси и доставка», «грузоперевозки», тогда как женщины – в сферах репетиторства, бухгалтерских, юридических и бьюти-услуг, фотографии, организации мероприятий [24, с. 211]. Таким образом, гендерный дисбаланс на цифровых платформах является проекцией более глубоких структурных факторов, а не следствием специфических «цифровых» стереотипов.

³⁶ Итоги выборочного обследования рабочей силы...

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

При общероссийской тенденции к сокращению численности платформенных работников в 2022–2024 гг. наблюдается выраженная региональная дифференциация (табл. 3). Большинство федеральных округов демонстрируют отрицательную динамику, тогда как Южный, Северо-Кавказский и Дальневосточный показывают устойчивый рост (1,4, 2,2 и 4,3 % соответственно).

Таблица 3. Динамика платформенной занятости по федеральным округам РФ, тыс. чел.
Table 3. The dynamics of platform employment in the federal districts of the Russian Federation, thousand people

Федеральный округ / Federal District	Год / Year			Отклонение, % / Deviation, %	
	2022	2023	2024	2023 → 2022	2024 → 2023
Центральный / Central	989	891	661	– 9,91	– 25,81
Северо-Западный / North-Western	380	279	210	– 26,58	– 24,73
Южный / Southern	465	442	448	– 4,95	+ 1,36
Северо-Кавказский / North Caucasian	274	461	471	+ 68,25	+ 2,17
Приволжский / Volga	652	581	456	– 10,89	– 21,51
Уральский / Urals	271	224	208	– 17,34	– 7,14
Сибирский / Siberian	324	249	231	– 23,15	– 7,23
Дальневосточный / Far Eastern	146	117	122	– 19,86	+ 4,27

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы...

Source: Results of a sample survey of the workforce...

Примечание: данные федеральные округа РФ являются стандартной единицей макрорегионального статистического наблюдения, проводимого Росстатом; в настоящем исследовании они взяты, поскольку обеспечивают полное покрытие территории страны без пересечений и пробелов.

Note: these federal districts of the Russian Federation are the standard unit of macro-regional statistical observation conducted by Rosstat; in this study, they are used because they provide full coverage of the country's territory without any overlaps or gaps.

Показателен пример Северо-Кавказского федерального округа, где в 2023 г. зафиксирован взрывной рост на 68,2 %, сменившийся в 2024 г. скромными 2,2 %. Такой резкий перепад указывает на хрупкость модели занятости. При этом даже внутри успешных округов рост свойствен отдельным субъектам: Республике Дагестан (63,2 %) и Ставропольскому краю (16,5 %).

В Уральском и Сибирском федеральных округах, где отмечается общее снижение платформенной занятости на 30,3 и 40,3 % соответственно, наблюдается выраженная внутрирегиональная дифференциация: на фоне спада отдельные области демонстрируют рост (Челябинская – на 24,1 %, Иркутская – 26,3 %). Данная ситуация отражает объективную неравномерность социально-экономического развития, когда локальные драйверы (например, наличие кластера информационных технологий или региональных программ поддержки малого бизнеса) могут формировать тренды, противоположные среднеокружным.

При общем сокращении доли платформенных работников с 86,2 в 2022 до 79,7 % в 2024 г.³⁹ подобная занятость остается преимущественно

³⁹ Итоги выборочного обследования рабочей силы...

городским феноменом. Это создает новое измерение социального неравенства: население мегаполисов имеет доступ к современным формам занятости, а жители сельских территорий остаются на периферии цифровой трансформации рынка труда.

Данные Росстата демонстрируют, что платформенная занятость в России утрачивает массовый характер, но сохраняет значение для основных демографических групп. Существенная неоднородность в оценках масштабов платформенной занятости разных аналитических структур обусловлена различиями в объектах измерения, периодах и методологиях. Так, согласно совместному исследованию Avito и Data Insight (2020 г.), численность занятых в сегменте самозанятых и микробизнеса достигла 9,4 млн чел., а объем рынка – 6,2 трлн руб.⁴⁰ Прогноз РwC (до 2025 г.) фиксирует рост рынка гиг-экономики до 102,02 млрд долл. при среднегодовом темпе 20 %⁴¹. Данные Института социальной политики НИУ ВШЭ показывают увеличение доли платформенно занятых в возрасте 18–72 лет с 14,6 % в апреле 2022 года до 16 в апреле 2024⁴². Несмотря на разнородные абсолютные показатели, все приведенные позиции отмечают тенденцию роста платформенной занятости.

Указанное расхождение в данных Росстата и аналитических агентств также связано с институциональной неопределенностью. Хотя платформенные работники обязаны регистрироваться в качестве самозанятых или индивидуальных предпринимателей, их деятельность не подпадает под действие трудового законодательства. Отсутствие статуса наемного работника при фактическом выполнении трудовой функции порождает правовой вакуум: официальная статистика учитывает формальные договорные отношения, тогда как значительная часть занятости остается в зоне неполного учета. Таким образом, разногласия в данных выступают прямым индикатором институциональной неопределенности – разрыва между налоговой легализацией и отсутствием трудовых прав.

Результаты контент-анализа подтверждают, что обозначенная проблема не является единичной или локальной. В проанализированных научных публикациях наиболее распространенными индикаторами противоречий гиг-экономики стали «правовая неопределенность» (82 % источников), «социальная незащищенность» (76), «алгоритмический контроль» (58) и «региональная дифференциация» (44 %). Следовательно, расхождение статистических данных представляет собой закономерное проявление системных проблем.

Тенденции гиг-занятости в России (по данным Google Trends). Анализ запросов в Google Trends за 2020–2024 гг. позволяет зафиксировать устойчивый интерес населения России к формам гиг-занятости, хотя и разной интенсивности (рисунок).

В период 14.06.2020 – 08.06.2025 гг. средний уровень интереса к фрилансу в России составил 41 %, к удаленной (дистанционной) работе – 29,

⁴⁰ Маркетинговое исследование Российский рынок услуг. Самозанятые исполнители и микробизнес 2020...

⁴¹ Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России...

⁴² Работа на платформе: почему россияне выбирают платформенную занятость [Электронный ресурс]. НИУ ВШЭ : сайт. URL: <https://isp.hse.ru/news/929451536.html> (дата обращения: 06.05.2025).

к самозанятости – 38 %⁴³. Нулевые значения по запросу «платформенная занятость» обнажают противоречие между академическим дискурсом и массовым сознанием. Данная дефиниция свойственна преимущественно научному контексту и не укоренилась в повседневных поисковых практиках. Население использует конкретные названия платформ или видов деятельности. Показатель запроса «дистанционная работа» (29 %) не стоит однозначно интерпретировать как интерес именно к гиг-занятости, поскольку дистанционная работа может реализовываться в рамках и гиг-экономики, и традиционной (наемной) занятости.

Р и с у н о к. Динамика популярности запросов в Google Trends по России, 14.06.2020 – 08.06.2025 гг.

F i g u r e. The dynamics of the popularity of queries in Google Trends in Russia, 14.06.2020 – 08.06.2025

Источник: здесь и далее материал подготовлен по данным Google Trends [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3TpwgA> (дата обращения: 14.06.2025).

Source: hereinafter in the article the material is prepared based on Google Trends data [Online]. Available at: <https://clck.ru/3TpwgA> (accessed 14.05.2025).

Примечание: динамика популярности обозначает уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю для определенного региона и периода времени: 100 баллов – наивысший уровень, 50 – уровень вдвое меньший по сравнению с первым случаем, 0 баллов – недостаточность данных.

Note: the popularity dynamics indicate the level of interest in a topic in relation to the highest indicator for a certain region and time period: 100 points is the highest level, 50 is a level half that of the first case, 0 points means insufficient data.

Тем не менее наибольший интерес пользователей сосредоточен на фрилансе и самозанятости – формах, непосредственно ассоциируемых с гиг-экономикой. Этот факт подтверждает устойчивый общественный запрос на нестандартные, гибкие, формы занятости, что составляет основу противоречия между динамикой общественных устремлений и инерцией институциональной среды.

В территориальном разрезе указанные формы занятости присутствуют во всех субъектах РФ, однако по результатам анализа поисковых запросов с ранжированием по федеральным округам и отбором регионов-лидеров выявлены устойчивые региональные предпочтения (табл. 4).

⁴³ Google Trends...

Таблица 4. Регионы – лидеры по запросам в Google Trends в разрезе «фриланс – дистанционная занятость – самозанятость», %

Table 4. Leading regions in terms of queries in Google Trends in the context of “freelance – remote employment – self-employment”, %

Регион / Region	Фриланс / Freelance	Дистанционная работа / Remote work	Самозанятость / Self-employment
<i>Уровень интереса к теме «фриланс» / Interest level in the topic freelance</i>			
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	50	26	24
Магаданская область / Magadan Region	47	19	34
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	46	23	31
Амурская область / Amur Region	46	27	27
Республика Тыва / Republic of Tuva	45	20	35
<i>Уровень интереса к теме «дистанционная занятость» / Interest level in the topic remote work</i>			
Смоленская область / Smolensk Region	38	33	29
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	40	32	28
Московская область / Moscow Region	36	32	32
Тверская область / Tver Region	39	32	29
Орловская область / Orel Region	40	31	29
<i>Уровень интереса к теме «самозанятость» / Interest level in the topic self-employment</i>			
Республика Дагестан / Republic of Daghestan	29	13	58
Чеченская Республика / Chechen Republic	29	13	58
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	30	19	51
Карачаево-Черкесская Республика / Karachayevo-Cherkassian Republic	30	21	49
Астраханская область / Astrakhan Region	33	21	46

Как видно из таблицы 4, для северных и дальневосточных регионов характерно доминирование запросов по фрилансу, что связано с географической удаленностью и меньшим разнообразием формальной занятости в офисных и профессиональных сферах по сравнению с центральными территориями, – фриланс здесь выступает альтернативой или дополнением к официальному трудоустройству.

Центральные области, напротив, демонстрируют повышенный спрос на дистанционную работу, что отражает их интеграцию в цифровую экономику при сохранении корпоративных форм занятости. Запросы распределены более равномерно, что указывает на сбалансированный интерес ко всем видам гибкой занятости.

В южных республиках (например, в Дагестане, Чечне) ярко выражен акцент на самозанятости. Это может объясняться как культурными особенностями (развитием малого предпринимательства), так и ограниченными возможностями традиционного рынка труда.

Анализ содержания запросов обнаруживает специфику: в разделе «фриланс» преобладают поиски бирж и возможностей заработка; в разделе «дистанционная

работа» – отзывы о работе на маркетплейсах (в частности, Wildberries) и запросы об удаленной работе без коммуникаций; в разделе «самозанятость» фигурируют запросы о том, как снять этот статус, а также о связи самозанятости с получением пособий.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты указывают на системные противоречия и парадоксы, возникающие при наложении гиг-экономики на российскую институциональную среду. В отличие от западных исследований, где акцентируется глобально-локальный регуляторный разрыв [2; 3; 7], в российской модели противоречия имеют более глубокий, многоуровневый характер. Согласно представленным эмпирическим данным, гибкость занятости здесь вступает в противоречие и с трудовым законодательством (правовой неопределенностью статуса, отсутствием социальных гарантий), и с фактической структурой региональных рынков (дифференциацией платформенной занятости по федеральным округам, локальными очагами роста на фоне общерегионального спада), и со сложившимися образовательными траекториями (сокращением доли занятых с высшим образованием при росте представительства специалистов со средним профессиональным образованием), и с гендерными стереотипами, которые воспроизводятся на цифровых платформах (доминированием мужчин в одних видах деятельности, женщин – в других).

Неоднородность проявления противоречий характерна как для макрорегионов, так и для территорий внутри них. Отдельные субъекты демонстрируют рост на фоне общего спада по округу, а внутри успешных округов прирост концентрируется в ограниченном числе локаций. Это означает, что эффекты гиг-экономики зависят не столько от федеральной или окружной политики, сколько от локальной конфигурации (наличия кластеров информационных технологий, уровня цифровой грамотности, активности малого бизнеса). Урбанистический разрыв закрепляет новое измерение неравенства – доступ к гибкой занятости остается привилегией крупных агломераций.

Сопоставление официальной статистики и данных аналитических агентств обнаруживает устойчивое расхождение, которое не может быть объяснено только различиями в методах сбора информации. Его природа – институциональная. Росстат отражает лишь зарегистрированные трудовые отношения, тогда как аналитика охватывает сегмент неформальной, разовой и дополнительной занятости, в значительной степени остающийся вне поля зрения государства. Следовательно, само измерение гиг-экономики сталкивается с противоречием: чем выше доля неформальной занятости, тем менее адекватными становятся традиционные инструменты учета и регулирования.

Анализ поисковых запросов Google Trends, при всей его косвенности, позволил получить сведения, которые отсутствуют в официальной статистике и дополняют ее по ряду аспектов, в частности:

– выявлена устойчивая территориальная дифференциация интереса к формам гиг-занятости (доминирование фриланса в северных и дальневосточных регионах, повышенный интерес к самозанятости в республиках Северного Кавказа и Юга России);

– латентные тренды (рост запросов о работе на маркетплейсах (Wildberries, Ozon) как форме дистанционной занятости, а также запросы о снятии статуса самозанятого и о связи самозанятости с получением социальных пособий);

– адаптационные стратегии населения (использование фриланса как альтернативы при географической удаленности, самозанятости – в качестве инструмента доступа к социальным выплатам, дистанционной работы – как способа минимизации коммуникаций).

Без учета этих данных анализ рынка труда в контексте цифровой трансформации остается неполным.

Выводы контент-анализа научных публикаций наряду с данными официальной статистики, аналитических отчетов и поисковых запросов способствовали выявлению устойчивых количественных соотношений встречаемости ключевых индикаторов противоречий. Это учитывалось при разработке предлагаемой типологизации универсальных и специфических противоречий гиг-экономики.

1. Универсальные противоречия, присущие обеим формам гиг-занятости, группируются в четыре блока. Правовая неопределенность порождает коллизии между гибкостью и необходимостью формализации, а также риски двойного налогообложения при фактическом отсутствии социальной защиты. Качественные противоречия рынка труда складываются из образовательного парадокса, гендерной и возрастной асимметрии, стратегической дивергенции между основной и дополнительной занятостью. Территориальные и структурные противоречия включают несовпадение общероссийских и локальных трендов, внутрорегиональные диспропорции, устойчивый урбанистический разрыв и высокую волатильность. Социальные риски выражаются в отсутствии пенсионных отчислений и медицинского страхования, нестабильности доходов, а также в конфликте между декларируемой автономией работника и реальным алгоритмическим контролем.

2. Специфические противоречия различаются. Для фриланса центральной проблемой выступает отсутствие систематического учета, что искажает реальные масштабы занятости и исключает работников из институционального поля. Волатильность доходов здесь зависит от прямых договоренностей с заказчиками, создавая риски неоплаты. Рост числа фрилансеров усиливает конкуренцию в популярных нишах, потенциально снижая доходы новичков.

Для платформенной занятости основным становится демографическое противоречие: общее сокращение численности сочетается с избирательной востребованностью среди молодежи и лиц среднего возраста. Разрыв между основной и дополнительной занятостью указывает на то, что формально декларируемая гибкость оборачивается фактическим сужением возможностей для части работников. Кроме того, платформы диктуют тарифы, распределяют задания и оценивают качество через рейтинги и штрафы; контроль здесь оказывается более жестким, чем в классическом фрилансе.

Почему же при общероссийской тенденции к сокращению платформенной занятости растет ее доля среди молодежи и отмечаются взрывные всплески в отдельных регионах? Причина – в разнонаправленных адаптационных стратегиях занятости. Для молодежи платформы становятся буфером между

формальным образованием и нестабильным первичным рынком труда; для регионов с хронически высокой безработицей – выполняют функцию социального амортизатора, но крайне хрупкого. Резкие подъемы сменяются столь же резкой стагнацией, обнаруживая отсутствие долгосрочных институциональных якорей.

Сопоставление с теорией трансформации труда [9; 21] и выводом М. Ю. Кошмарова [16] о приватизации рынка труда подтверждает, что российская модель демонстрирует наложение этого процесса на незавершенную институционализацию самозанятости и отсутствие легального статуса фрилансера. На глобальном уровне гиг-экономика размывает бинарную модель «работник–работодатель» [2]. В России этот процесс накладывается на незавершенную институционализацию самозанятости и отсутствие легального статуса фрилансера. Результат – сосуществование значительного числа гиг-работников с юридической неопределенностью, когда ни одна из сторон не может полноценно защитить свои права. В отличие от европейских стран, где профсоюзы уже вырабатывают адаптационные модели, российская гиг-экономика функционирует в режиме регуляторного вакуума, что усугубляется атомизацией работников.

Полученные результаты имеют границы применимости. Они валидны для российской институциональной среды и не могут быть механически экстраполированы на страны с иной системой социального обеспечения. Выводы о региональной дифференциации применимы прежде всего на макрорегиональном уровне; для анализа малых городов и сельских поселений требуется отдельное исследование.

Ограничения исследования связаны с несколькими факторами. Официальная статистика не охватывает значительную часть неформальной гиг-занятости. Данные фриланс-платформ отражают только зарегистрированных пользователей и смещены в сторону активных цифровых профессий. Сведения в разрезе регионов доступны в основном на уровне федеральных округов, ограничивая детализацию пространственного анализа. Поисковые запросы показывают интерес, но не всегда коррелируют с реальными поведенческими паттернами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: развитие гиг-экономики в России действительно порождает глубокие противоречия между потребностями гибкого рынка труда и сохраняющимися институциональными ограничениями, специфичными для российской социально-экономической модели. При этом гиг-экономика не снимает, а обнажает фундаментальные противоречия, заложенные в самой модели гибкой занятости.

Разработана типология противоречий гиг-экономики (универсальных и специфических для фриланса и платформенной занятости), а также эмпирически верифицирована на российских данных.

Основных эмпирических выводов три:

а) фриланс демонстрирует устойчивый многолетний рост, который, однако, сопровождается отсутствием специально предназначенного правового статуса (существующие формы – самозанятость, индивидуальное предпринимательство – не в полной мере соответствуют реальным трудовым отношениям), системного учета и социальных гарантий. Доходы высококвалифицированной части специалистов растут, но значительная доля фрилансеров (см. табл. 1) остается в зоне низких и нерегулярных заработков;

б) платформенная занятость в абсолютных цифрах сокращается, но сохраняет значимость для молодежи и лиц среднего возраста, которые используют платформы как источник дополнительного дохода. В регионах с напряженной ситуацией на рынке труда фиксируются нестабильные всплески платформенной занятости, что указывает на ее роль социального амортизатора последней инстанции;

в) региональная дифференциация гиг-занятости имеет системный характер. Урбанистический разрыв, поляризация фриланса и самозанятости в разных частях страны, а также устойчивое расхождение официальной статистики и аналитических данных указывают на глубокий институциональный раскол. Гиг-экономика стала реальностью для миллионов граждан, но остается невидимой для традиционных механизмов учета и регулирования.

Практическая значимость результатов реализуется в следующих направлениях. Во-первых, требуется закрепить четкий статус фрилансера и платформенного работника, адаптировать трудовое законодательство и обеспечить указанным категориям доступ к базовым социальным гарантиям. Во-вторых, в условиях атомизации работников необходимо развивать альтернативные институты поддержки (например, цифровые каналы солидарности, профессиональные сообщества, модель «профсоюз как сервис»). В-третьих, для смягчения региональных и социальных диспропорций следует создавать опорные цифровые площадки в малых городах, вводить адресную поддержку для возрастных гиг-работников и стимулировать платформы к прозрачности в оплате труда.

Перспективы исследований связываются с расширением объекта на муниципальный уровень, где разрыв между официальной статистикой и реальностью, вероятно, еще более значителен. Углубление предмета предполагает изучение долгосрочных эффектов гиг-экономики в контексте профессиональной идентичности, карьерных траекторий и межпоколенческой мобильности. Переход от фиксации противоречий к анализу реализованных траекторий адаптации позволит определить, какие модели социальной защиты и самоорганизации показали эффективность в российских условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лapidус Л.В., Полякова Ю.М. Гигномика: новые возможности для цифровой трансформации бизнеса в условиях высокой турбулентности цифровой среды. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022;(5):23–46. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_5_23_46
2. De Ruyter A., Brown M. The Gig Economy. Agenda Publishing; 2019. 120 p. (The Economy Key Ideas.) <https://doi.org/10.1017/9781788210065>
3. Andersen M., Spanger M. Gig Work in Transnational Spaces: Infrastructures of Migration and the Simultaneous Lives of Migrants in the Gig Economy. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2024;50(15):3751–3767. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2024.2379643>
4. Глотова Н.И., Герауф Ю.В. Платформенная занятость – главный тренд развития рынка труда в современных условиях. *Экономика Профессия Бизнес*. 2021;(4):22–27. <https://doi.org/10.14258/epb202151>
5. Колесник Е.А., Половинко В.С. Влияние процессов глобализации на сферу труда: путь к деглобализации и структурной трансформации. *Дискуссия*. 2023;(121):83–94. URL: <https://clck.ru/3TqN58> (дата обращения: 24.05.2025).

6. Mohideen A.J.H., Khatoon S., Shwetha G.Y., Singh S., Rafee M.B. GIG Economy: Emerging Trends and Challenges after Globalisation. *Journal of Neonatal Surgery*. 2025;14(85):377–383. <https://doi.org/10.52783/jns.v14.2551>
7. Tug M.A., Basar P. Future of the Gig Economy. *Journal of Business, Economics and Finance*. 2023;17(1):230–231. <https://www.elibrary.ru/jhlssy>
8. Пономарченко А. Е. Правовой статус занятости в условиях развития гиг-экономики. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2022;12(6):50–60. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-50-60>
9. Нехода Е.В., Пань Л. Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху. *Экономика труда*. 2021;8(9):897–916. <https://doi.org/10.18334/et.8.9.113408>
10. Чжао А., Воронов А.С. Парадокс реальности в гиг-экономике: возможности, проблемы и пути прорыва. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2023;20(2):27–45. <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-27-45>
11. Шевчук А.В. Теоретизирова цифровые платформы: концептуальная схема для гиг-экономики. *Экономическая социология*. 2023;24(5):11–53. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-11-53>
12. Orr W., Henne K., Lee A., Harb J.I., Alphonso F.C. Necrocapitalism in the Gig Economy: The Case of Platform Food Couriers in Australia. *Antipode*. 2022;55(1):200–221. <https://doi.org/10.1111/anti.12877>
13. Zhang J., Xue J., Deng Y., Li Z., Li Y. To Be (Safe), or Not to Be (Safe)? A Daily Exploration of Why and When Gig Workers Stay Safe under Customer Demands. *Journal of Organizational Behavior*. 2025;46(7):1038–1056. <https://doi.org/10.1002/job.2874>
14. April K. Precarious Work in the Gig Economy: Diversity, Race and Indigeneity Lenses. In: Meliou E., Vassilopoulou J., Ozbilgin M.F. (eds) *Diversity and Precarious Work During Socio-Economic Upheaval: Exploring the Missing Link*. Cambridge University Press; 2024. P. 137–162. <https://doi.org/10.1017/9781108933070.008>
15. Васильев А.С. Особенности и проблемы в сфере охраны труда работников gig-экономики. *Вестник Института экономических исследований*. 2023;(4):53–59. URL: <https://clck.ru/3TqStM> (дата обращения: 24.05.2025).
16. Кошмаров М.Ю. Пропагандистские аспекты культурной либерализации в конфликте западной и коммунистической систем. *Мировая политика*. 2024;(1):58–81. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.1.69853>
17. Endress T. Disruption and the Gig Economy: What's Next? In: Endress T., Badir Y.F. (eds) *Business and Management in Asia: Disruption and Change*. Springer, Singapore; 2024. P. 109–122. https://doi.org/10.1007/978-981-99-9371-0_7
18. Demir İ. Errand Runners of Digital Platform Capitalism: The Errand Economy as a Contribution to the Discussion on the Gig Economy. *tripleC: Communication, Capitalism and Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. 2024;22(1):86–103. <https://doi.org/10.31269/triplec.v22i1.1438>
19. Бобков В.Н. 18 рефлексий о современном обществе и образ будущего России. *Уровень жизни населения регионов России*. 2022;18(3):409–414. <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.3.12>
20. Садовая Е.С. Механизм формирования неравенства на рынке труда в цифровую эпоху. *Социально-трудовые исследования*. 2021;(3):32–44. URL: <https://clck.ru/3U7WFN> (дата обращения: 24.05.2025).
21. Шевчук А.В. Труд и власть в российской модели платформенного капитализма. *Социология власти*. 2022;34(3/4):128–155. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-128-155>
22. James A. Platform Work-Lives in the Gig Economy: Recentering Work-Family Research. *Gender, Work and Organization*. 2024;31(2):513–534. <https://doi.org/10.1111/gwao.13087>
23. Колесник Е.А. Информатизация экономического пространства России: приоритет в выборе форм занятости. *Modern Economy Success*. 2020;(6):160–166. <https://elibrary.ru/fnxgfw>
24. Баймурзина Г.Р., Черных Е.А. Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024;17(2):202–219. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11>

REFERENCES

1. Lapidus L.V., Polyakova Yu.M. Gig Economy: The New Opportunities for Business Digital Transformation under High Turbulent Digital Environment. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 2022;(5):23–46. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_5_23_46
2. De Ruyter A., Brown M. The Gig Economy. Agenda Publishing; 2019. 120 p. (The Economy Key Ideas.) <https://doi.org/10.1017/9781788210065>
3. Andersen M., Spanger M. Gig Work in Transnational Spaces: Infrastructures of Migration and the Simultaneous Lives of Migrants in the Gig Economy. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2024;50(15):3751–3767. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2024.2379643>
4. Glotova N.I., Gerauf Yu.V. Platform Employment is the Main Trend of Labor Market Development in Modern Conditions. *Economics Profession Business*. 2021;(4):22–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14258/epb202151>
5. Kolesnik E.A., Polovinko V.S. The Influence of Globalization Processes on the Sector of Labor: The Path to Deglobalization and Structural Transformation. *Discussion*. 2023;(121):83–94. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3TqN58> (accessed 24.05.2025).
6. Mohideen A.J.H., Khatoon S., Shwetha G.Y., Singh S., Rafee M.B. GIG Economy: Emerging Trends and Challenges after Globalisation. *Journal of Neonatal Surgery*. 2025;14(85):377–383. <https://doi.org/10.52783/jns.v14.2551>
7. Tug M.A., Basar P. Future of the Gig Economy. *Journal of Business, Economics and Finance*. 2023;17(1):230–231. <https://www.elibrary.ru/jhlssy>
8. Ponomarchenko A.E. The Legal Status of Employment in the Context of the Development of the Gig Economy. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022;12(6):50–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-50-60>
9. Nekhoda E.V., Pan L. Transformation of the Labor Market and Employment in the Digital Age. *Russian Journal of Labour Economics*. 2021;8(9):897–916. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.8.9.113408>
10. Zhao A., Voronov A.S. The Paradox of Reality in the Gig Economy: Opportunities, Challenges and Breakthrough Paths. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 2023;20(2):27–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-27-45>
11. Shevchuk A.V. Theorizing Digital Platforms: A Conceptual Framework for the Gig Economy. *Journal of Economic Sociology*. 2023;24(5):11–53. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-11-53>
12. Orr W., Henne K., Lee A., Harb J.I., Alphonso F.C. Necrocapitalism in the Gig Economy: The Case of Platform Food Couriers in Australia. *Antipode*. 2022;55(1):200–221. <https://doi.org/10.1111/anti.12877>
13. Zhang J., Xue J., Deng Y., Li Z., Li Y. To Be (Safe), or Not to Be (Safe)? A Daily Exploration of Why and When Gig Workers Stay Safe under Customer Demands. *Journal of Organizational Behavior*. 2025;46(7):1038–1056. <https://doi.org/10.1002/job.2874>
14. April K. Precarious Work in the Gig Economy: Diversity, Race and Indigeneity Lenses. In: Meliou E., Vassilopoulou J., Ozbilgin M.F. (eds) *Diversity and Precarious Work During Socio-Economic Upheaval: Exploring the Missing Link*. Cambridge University Press; 2024. P. 137–162. <https://doi.org/10.1017/9781108933070.008>
15. Vasiliev A.S. Features and Challenges in Labor Protection of Gig Economy Workers. *Economic Research Institute Journal*. 2023;(4):53–59. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3TqStM> (accessed 24.05.2025).
16. Koshmarov M.Y. Propaganda Aspects of Cultural Liberalization in the Conflict between the Western and Communist Systems. *World Politics*. 2024;(1):58–81. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.1.69853>
17. Endress T. Disruption and the Gig Economy: What's Next? In: Endress T., Badir Y.F. (eds) *Business and Management in Asia: Disruption and Change*. Springer, Singapore; 2024. P. 109–122. https://doi.org/10.1007/978-981-99-9371-0_7

18. Demir İ. Errand Runners of Digital Platform Capitalism: The Errand Economy as a Contribution to the Discussion on the Gig Economy. *tripleC: Communication, Capitalism and Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. 2024;22(1):86–103. <https://doi.org/10.31269/triplec.v22i1.1438>
19. Bobkov V.N. 18 Reflections on Modern Society and the Image of the Future of Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(3):409–414. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3.12>
20. Sadovaya E.S. Formation of the Labor Market Inequality in the Digital Age. *Social and Labor Research*. 2021;(3):32–44. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3U7WFN> (accessed 24.05.2025).
21. Shevchuk A.V. Labor and Power in the Russian Model of Platform Capitalism. *Sociology of Power*. 2022;34(3/4):128–155. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-128-155>
22. James A. Platform Work-Lives in the Gig Economy: Recentering Work-Family Research. *Gender, Work and Organization*. 2024;31(2):513–534. <https://doi.org/10.1111/gwao.13087>
23. Kolesnik E.A. Informatization of the Russian Economic Space: Priority in Choosing Forms of Employment. *Modern Economy Success*. 2020;(6):160–166. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/fnxgfw>
24. Baimurzina G.R., Chernykh E.A. Platform Employment Specifics in Russia: What the Data of Workers' Online Profiles Indicate. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(2):202–219. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11>

Об авторе:

Колесник Елена Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5678-2257>, Researcher ID: [P-2746-2017](https://orcid.org/0000-0001-5678-2257), Scopus ID: [57205248526](https://orcid.org/0000-0001-5678-2257), SPIN-код: [3908-2820](https://orcid.org/0000-0001-5678-2257), kolesnikea@tyuiu.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.06.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 30.10.2025.

About the author:

Elena A. Kolesnik, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen (38 Volodarskogo St., Tyumen 625000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5678-2257>, Researcher ID: [P-2746-2017](https://orcid.org/0000-0001-5678-2257), Scopus ID: [57205248526](https://orcid.org/0000-0001-5678-2257), SPIN-code: [3908-2820](https://orcid.org/0000-0001-5678-2257), kolesnikea@tyuiu.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 27.06.2025; revised 20.10.2025; accepted 30.10.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Анти-плагиат».

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

2. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и по-вествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение;
- 2) Материалы и методы;
- 3) Результаты исследования;
- 4) Заключение.

Приводится на русском и английском языках.

3. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

4. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. От них должно быть представлено в редакцию информированное согласие. *Приводятся на русском и английском языках.*

Финансирование. Указываются организации, оказавшие финансовую поддержку исследованию (в рамках госпрограмм, грантов и т. п.). *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем*

и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

Обсуждение. Включает интерпретацию полученных результатов сквозь призму цели исследования, сопоставление с данными предшествующих работ (с указанием совпадений и расхождений и их возможных причин), а также описание методологических ограничений, связанных с выборкой, инструментарием или дизайном исследования.

Заключение. Формулируются выводы, отвечающие на поставленные исследовательские задачи; обозначаются перспективные направления дальнейших изысканий; раскрывается практическая значимость результатов для профильных сфер – образования, управления и др.

6. Список литературы (оформляется в формате Vancouver версии AMA). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

7. Информация об авторах. Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, SPIN-код, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

8. Вклад соавторов. В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

9. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10×15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Салимова Татьяна Анатольевна – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 32-80-64.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 32-86-14.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* system.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

2. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

3. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

4. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article. Informed consent must be submitted by them to the editorial office. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers. *Acknowledgements should be written in Russian and English.*

Funding. The organizations that provided financial support for the research (through government programs, grants, etc.) are listed. *The names of organizations are given in Russian and English.*

5. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

Literature Review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

Materials and Methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

Discussion. This section includes the interpretation of the findings in light of the research objective, a comparison with previous studies (highlighting agreements, discrepancies, and their potential causes), and a description of the methodological limitations related to the sample, instruments, or research design.

Conclusion. This section formulates conclusions that address the established research objectives; outlines promising directions for further investigation; and discloses the practical significance of the findings for relevant fields, such as education and management.

6. References should be given in accordance with the requirements of the Vancouver Citation Style. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

7. Information about the author(s) includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

8. Contribution of the authors. At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

9. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10 × 15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Tatyana A. Salimova – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 80 64.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Natalya V. Shumkova – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 32 86 14.

Регионология

Редактор *Н. В. Чернышова.*

Компьютерная верстка *О. С. Дроздовой.*

Перевод *С. В. Голованова.*

Аналитик *С. А. Буркова.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС 77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 18.06.2026. Дата выхода в свет 30.06.2026. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 19,18. Тираж 1 000 экз. I завод – 100 экз. Заказ № 423. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *N. V. Chernushova.*

Desktop publishing by *O. S. Drozdova.*

Translation by *S. V. Golovanov.*

Analyst *S. A. Burkova.*

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov.*

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 18.06.2026. Date of publishing 30.06.2026. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 19.18. Number of copies: 1,000. 1st edition – 100 copies. Order No. 423. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

Уважаемые ученые!

Редакция предлагает возможность приобретения
журнала «Регионоведение».

Для оформления покупки необходимо произвести оплату
по прилагаемому платежному документу через любое отделение банка.

Извещение	Форма № ПД-4	
	УФК по Республике Мордовия (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» л/с 20096Х35120) КПП 132601001	
	(наименование получателя платежа)	
	1326043499	03214643000000010900
	(ИНН получателя платежа)	(номер счета получателя платежа)
	40102810345370000076	
	корреспондентский счет	
	Отделение-ОКЦ № 8 Волго-Вятского ГУ Банка России/УФК по Республике Мордовия	
	г. Саранск	БИК 018952501
	Кассир	(наименование банка получателя платежа)
КБК 00000000000000000440 ОКТМО 89701000		
за реализацию журнала "Регионоведение"		
(наименование платежа)		
(номер лицевого счета (код) плательщика)		
Ф.И.О. плательщика:		
Адрес плательщика:		
Сумма платежа: 500 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги: руб. коп		
Итого руб. коп. " " 20 г.		
С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка ознакомлен и согласен. Подпись плательщика		
Квитанция	УФК по Республике Мордовия (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» л/с 20096Х35120) КПП 132601001	
	(наименование получателя платежа)	
	1326043499	03214643000000010900
	(ИНН получателя платежа)	(номер счета получателя платежа)
	40102810345370000076	
	корреспондентский счет	
	Отделение- ОКЦ № 8 Волго-Вятского ГУ Банка России //УФК по Республике Мордовия г. Саранск	
	г. Саранск	БИК 018952501
	(наименование банка получателя платежа)	
	КБК 00000000000000000440 ОКТМО 89701000	
Кассир	за реализацию журнала " Регионоведение"	
	(наименование платежа)	
	(номер лицевого счета (код) плательщика)	
	Ф.И.О. плательщика:	
	Адрес плательщика:	
	Сумма платежа: 500 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги: руб. коп.	
	Итого руб. коп. " " 20 г.	
	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка ознакомлен и согласен. Подпись плательщика	

✂ - линия отреза

